Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года Выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004 ISSN 1812-9226

Учредители:

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Российская социологическая ассоциация

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 3-й учебный корпус Тел.:(495)939-24-05; e-mail: socjournal.msu@gmail.com http:// soziologi.ru

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 00,0. Тираж 300 экз. Заказ №484.

Подписано в печать 30.08.2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: В.И. Добреньков Заместитель главного редактора: А.И. Кравченко Заведующая редакцией: А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

А.И. Антонов, С.А. Барков, В.П. Васильев, Ю.Г. Волков, В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев, Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова, С.О. Елишев, С.Г. Ивченков, В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник, А.К. Мамедов, А.Л. Маршак, А.А. Осеев, В.Н. Петров, Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов, А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов, Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ <i>Аносов С.С.</i> Доверие при формировании социальной консолидации общества	Потапова Л.В. К вопросу об истине в правовой науке и различных форматах научной коммуникации как способах ее постижения
Ардашев Р.Г. Религиозность виртуального пространства в пандемическом обществе: особенности сознания	ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
Кравченко А.И. Теория М. Грановеттера для социологии города27	Арефьева А.Д. Благотворительные организации как субъект социальной поддержки151
Латышева Н.А. Деконструкция национального государства:	Ван Цзяньган. Борьба с бедностью в Китае: опыт и перспективы
от символического до фактического	Потемкин В.К., Вельмисова Д.В. Взаимосвязи терминальных и инструментальных ценностно-мотивационных смыслов в деятельности работников
пространства в новой инфраструктуре столицы	Запьянцев А.А. Анализ социального положения и перспективы развития городов Арктической зоны России
государственной образовательной политики (экспертный анализ)	Игумнов О.А. Управление социальным капиталом российских организаций: социологические аспекты
Заварзина Ю.В. Имидж территории через призму социокультурных коммуникаций 75 Иванов Р.В. Мобилизационная	Комбаев А.В. Региональные проблемы внутренних и международных миграций (на материалах Республики Бурятия) 191
солидарность во время пандемии	Романова А.В. Неформальные ресурсы социальной поддержки многодетных
Социально-политические установки семейного населения в региональном пространстве106	семей
Москвитина Н.В. Цифровая трансформация государственного управления114	Яковлева О.И. Особенности образовательного фактора профессиональной социализации
Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного	курсантов и слушателей Академии ГПС МЧС России214
пространства	СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
Фарахутдинов Ш.Ф., Устинова О.В. Эволюция института брака	<i>Пагутин Ю.В.</i> Сциентизация социальных практик в большом городе: векторы
и общественное мнение136	социальных изменений220

Шеремет А.Н. Социальный театр как способ преодоления социальной эксклюзии	Сизинцев П.В. Представления о личности в творчестве русских мыслителей А.Я. Кожевникова и епископа Августина (Гуляницкого)
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ	СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ <i>Ионов И.С.</i> Философия избрания:
Басманов А.В. Особенности генезиса	онтологический аспект259
латиноамериканской философии освобождения: становление самобытного философского сознания	Филясова Ю.А. Концептуализация перфекционизма личности как социального феномена в период
Васильева О.И. Проблемы междисциплинарной интеграции в проектной деятельности	общественных трансформаций (на материале англоязычных научных исследований)266

Доверие при формировании социальной консолидации общества

Аносов Сергей Сергеевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

E-mail: ssanosov@mail.ru

В статье рассматриваются особенности влияния уровня доверия населения на социально консолидационный потенциал общества. Выявляются разные стратегии изучения и способы исследования возникновения и развития институционального доверия в современной России. Анализируются источники формирования доверия, качественые связи развития уровня доверия и перспективы развития доверия в современном обществе.

Ключевые слова: доверие, консолидация, социальное взаимодействие, социальная динамика, социальные связи, общественное воспроизводство.

Фактором, влияющим на уровень социальной интеграции, выступает феномен социального доверия. Доверие как способность и одновременно характеристика социальной ткани общества всегда уникально и характеризует как внутренние, так и внешние трансформации социальной системы.

Конфуций говорил, что в хорошо управляемом государстве должно быть «достаточно продовольствия, достаточно вооружения и народ должен верить [правительству]» [14]. И даже более того, в момент серьезных испытаний от продовольствия и вооружения можно отказаться, но доверие народа ни в коем случае терять нельзя, поскольку, коль скоро «народ перестанет верить, то государству не устоять.

Отсутствие доверия является, разумеется, признаком отсутствия поддержки институциональных и управленческих структур, именно поэтому данный феномен привлекает все более пристальное исследовательское внимание, как один из ключевых факторов социального партнерства, социального диалога и социальной консолидации. По словам отечественного исследователя Л.Б. Москвина, Доверие и недоверие, так же как согласие и несогласие – не абстрактные, а вполне конкретные и реально осязаемые людьми понятия. По своему содержанию они весьма многогранны. С одной стороны, эти понятия являются составляющими не экономики и социальной сферы, а психологии, с другой – оказывают непосредственное влияние на эффективность процессов социально-экономического развития [16].

Л.Б. Москвин убедительно показывает, что доверие, являясь мировоззренческой позицией, выступает одновременно социально-психологической и политической установкой, что позволяет типологизировать данный феномен по двум основным разделам —

личностное и неличностное доверие. Первое предполагает наличие доверительных отношений между конкретными людьми. Второе реализуется в политическом, социально-экономическом и правовом пространствах социума. По мнению автора, Личностное доверие базируется на жизненном опыте человека и возникает в результате его взаимодействия с государством, федеральными, региональными и местными органами власти, с другими людьми», в то время как неличностное, например, политическое доверие выражается без глубокого погружения в суть проблемы [10]. Иными словами, политическое доверие включает в себя спектр мотиваций политической поддержки, объединенных одним общим свойством в их основе лежит не опыт, а вера. «Доверие» и «недоверие», доказывает Л.Б. Москвин, являются структурными компонентами доминирующего в социуме общественного мнения «и являются производными от соотношения различных позиций граждан по тому или иному конкретному вопросу. Без доверия не могут успешно функционировать никакие партии, правительства, институты – ни экономические, ни политические, ни иные. Точно так же ни одна реформа, никакие серьезные преобразования не могут быть осуществлены без доверия и активного участия масс.

Доверие институтам становится уже отдельной темой и линией исследования в общественных науках. Рассматриваются его основные задачи, анализируется характер их исполнения применительно к российской специфике. Существуют исследования, напрямую связывающие фактор доверия с особенностями экономических процессов в сегодняшнем информационном обществе [4]. В свою очередь, И.Н. Трофимова отмечает: «Институциональное доверие редуцирует растущую неопределенность и сложность современного общества, аккумулирует социальный капитал, способствует вовлечению граждан в общественно значимые практики. Причем институциональное доверие имеет большее значение, чем доверие отдельным политическим лидерам или государственным деятелям в силу большей устойчивости и преимущественно рациональной природы. Особую роль институциональное доверие играет в российском обществе, где не раз происходила резкая смена курса и сегодня отмечается неопределенность ориентиров развития, что обусловило его весьма неравномерную структуру и противоречивую динамику. Эмпирические наблюдения и теоретические выводы показывают, что в каждом обществе существует определенный объем доверия, который неравномерно распределен как между социальными группами, так и в отношении отдельных институтов [22].

И.Н. Трофимова на основе результатов социологического исследования рассматривает проблемы доверия публичным институтам в современной России, анализирует структуру и динамику доверия в контексте происходящих в нашем обществе событий и процессов. Исследователь отмечает низкий уровень доверия большинству институтов, за исключением президента, причем профсоюзы находятся в таком ранжировании на одном из последних мест: им доверяют всего 24% опрошенных россиян, меньше только у судебной системы (22%) и политических партий (15%). Исследователь в этой связи справедливо замечает следующее. Для российского общества характерна внешняя выраженность доверия таким институтам как глава государства, правительство, армия и церковь, что в известной степени компенсирует низкое доверие другим институтам и удерживает его от окончательного распада. Однако большая часть насущных потребностей и интересов граждан связана с институтами, представляющими возможность реализации частных интересов - суд, органы местного самоуправления, политические партии, профсоюзы, общественные организации, доверие к которым в обществе невысоко. Все это опровергает мнение о высокой сплоченности российского общества вокруг общегосударственных ин-

тересов и заставляет обратить внимание на признаки все большей концентрации доверия в рамках неформальных и даже теневых институтов, что является угрозой национальной безопасности и стабильности существующего порядка.

Нельзя, на наш взгляд, не согласиться с выводом автора, что в условиях не кончающегося кризиса и роста социальной тревоги неизбежно происходит снижение доверия не только к государственным институтам, но и к институтам, изначально призванным обеспечивать взаимодействие между государством и обществом. Факт низкого доверия профсоюзам говорит, по мнению И.Н. Трофимовой, о серьезном разочаровании в возможности самоорганизации и согласования интересов даже на уровне собственных трудовых коллективов.

Г.Б. Кошарная на основании результатов масштабного эмпирического исследования отмечает тот факт, что «респонденты связывали отсутствие доверия к институтам всех ветвей власти, в т.ч. и центральной, с проявлениями социального неравенства в обществе. Особенно критично участники фокусгрупп оценивали представителей власти в сельских и районных администрациях, приводя множество примеров их произвола, некомпетентности, коррумпированности [13].

Более половины опрошенных в данном исследовании убеждены, что важными объединяющими общество факторами выступают, во-первых, общее государство (60%¹ респондентов), историческое прошлое во-вторых, (54%) и, в-третьих, разделяемая культура (50%). Г.Б. Кошарная обращает также внимание на то, что «доверие в российском обществе трансформируется вместе с экономическими и социокультурными изменениями, в т.ч. и с формированием личности модернизационного типа. Данные проведенного исследования показали, что более трети респондентов объединяют такие модернистские ценности, как инициатива и предприимчивость, а также свобода реализации своих потребностей (34 и 31%, соответственно). Общие ценности дают нравственные ориентиры регулирования поведения людей и тем самым способствуют консолидации общества на всех уровнях: институциональном, межличностном, групповом. Ценностные установки отдельного человека выражают при этом способ согласования личных интересов с интересами общества.

Впрочем, кроме наличия «модернистских ценностей», есть противоречия и проблемы относительно феномена доверия. Так, полученные результаты показали, в частности, что «уровень доверия власти зависит от степени близости к ней респондента: чем ближе человек находится к власти, тем меньше он ей доверяет. Отметим, что под «близостью к власти» Г.Б. Кошарная понимает не включенность респондента во властную иерархию, а своего рода пространственную близость жителей муниципалитетов к своим представителям местного самоуправления. Именно к ним – региональным и местным властям - респонденты испытывают низкое доверие и объясняют это «несправедливостью и коррупцией в обществе». Федеральным же властям граждане оказывают, согласно автору, значительно большее, нежели местным, доверие, что объясняется Г.Б. Кошарной спецификой менталитета россиян, традиционно возлагающих особые надежды на верховную власть.

Значит можно сделать вывод, что проблемы несправедливости и коррупции к федеральной власти не имеют никакого отношения? И это после всех громких коррупционных арестов высших чиновников? На наш взгляд, данный вывод исследователя, мягко говоря, некорректен. Впрочем, сведения о «высоком доверии» центральной власти (кроме президента) в других прикладных социальных исследованиях практически не встречаются. Обращает внимание на фактор «близости» и Г.В. Еремичева, которая при-

¹ Здесь и далее цифры процентов округлены нами до целых.

ходит в своем исследовании к следующим результатам. Коррупция, кумовство, взяточничество — вот те основные определения, которыми наделяют респонденты то, что сейчас происходит во властных структурах на всех уровнях. При этом, если в группах горожан обсуждалась в основном деятельность федеральных властей и правительства, то жителям села были более близки эти проявления в отношениях с местной властью [5].

По данным некоторых исследований, есть указания на то, что межличностное доверие должно коррелировать с институциональным доверием [19]. Однако Г.Б. Кошарная утверждает, что результаты, полученные в ходе ее опроса, этому противоречат - автор приходит к выводу о низком уровне институционального и высоком уровне межличностного доверия. Согласие и сплоченность, существующие на уровне межличностных взаимодействий, препятствуют становлению и развитию демократических институтов и гражданского общества. Поэтому повышение уровня консолидации в регионе требует повышения, прежде всего, уровня институционального доверия. Полученные результаты свидетельствуют еще об одном противоречии в сфере межличностного доверия. С одной стороны, в обществе существует высокая ценность межличностных отношений, родственных и дружеских связей (уровень доверия 70-90%), а с другой – присутствует стереотип, что большинству людей «скорее» и «точно» нельзя доверять (так считают 50% респондентов) [12].

Заметим, что Г.Б. Кошарная допускает здесь, на наш взгляд, как минимум, определенную логическую ошибку, выводя следствие из неверной посылки. Сплоченность и согласие на уровне межличностных отношений или в горизонтальном векторе социальной консолидации (О.А. Кармадонов) никоим образом не препятствует социальной консолидации относительно институтов, то есть, вертикального потока социальной конъюнкции. Оба эти потока существуют, как показали О.А. Кармадонов и М.К. Зверев [9], достаточно автономно, усиленная или ослабленная конъюнкция в одном из них совершенно не обязательно ведет к ослаблению или усилению конъюнкции в другом. Разумеется, оптимальным вариантом является «полноводность» обоих потоков, как и наиболее худшим вариантом – их одновременное иссякание. Первым при наличии проблем социетального порядка (социальный хаос, деструкция, демонтаж государства, равнодушие политического класса, и пр.) всегда слабеет именно вертикальный поток (от общества к власти или к институциональным структурам), поскольку требует для своего поддержания и больших энергозатрат, проявленной конъюнктивной воли как от общества, так и от институций. Горизонтальный же поток демонстрирует значительно большую устойчивость и размеренность. Связи, формирующие и поддерживающие его на уровне межличностных и межгрупповых коммуникаций, имеют тенденцию к относительно стабильному воспроизводству, по крайней мере на уровне примордиальных сообществ (семья, друзья, профессиональный коллектив и пр.). В этой связи, вывод Г.Б. Кошарной о том, что межличностная солидарность проблематизирует солидарность со структурами макросоциального уровня, не выдерживает критики даже с точки зрения элементарной логики и уж тем более с точки зрения эмпирической реальности, предоставляющей сколько угодно обратных примеров. Консолидация с институтами будет иметь место при наличии проявленной конъюнктивной воли со стороны этих институтов (воплощенных в конкретных структурах) и со стороны общества, а вовсе не при условии ослабления межличностных связей, как следует из вывода данного автора.

В любом случае, выглядит, разумеется, достаточно закономерным, что в условиях ослабления вертикального консолидационного потока не может считаться удовлетворительной и общая консолидация российского общества.

В.А. Иванова и В.Н. Шубкин. в этой связи, утверждают, что анализ страхов россиян «позволяет говорить о глубокой дезинтеграции российского общества. Практически ни одна из проблем не воспринимается большей частью населения как общая, требующая сочувствия и мобилизации усилий всех [7]. То есть, даже если принять в качестве одной из функций тревожности адаптацию, последняя вовсе не содействует социальной интеграции, поскольку исследованные страхи дисперсны. не концентрированы в одном направлении – осознании общей опасности. которое бы консолидировало общество. Добавим, в свою очередь, что распространение в обществе разного рода страхов, естественно, не создает нужных условий для формирования достаточного уровня доверия, которое со страхом, как широко известно, уживается, мягко говоря, плохо.

Наличие доверия говорит о возможности социального партнерства, соответственно, его отсутствие указывает на потенциальный источник социальной конфронтации. Именно так к данной проблеме подходят К.Н. Калашников и В.В. Шаров, которые анализируют проблемы взаимодействия наемных работников и работодателей в РФ на основе социально-экономической статистики, оценок экспертов и результатов социологических опросов. По мнению указанных исследователей, основными причинами проблем трудовых отношений в российском обществе сегодня являются, во-первых, сложная экономическая конъюнктура, и, во-вторых, правовой нигилизм работодателей, которые часто попросту игнорируют положения трудового кодекса РФ и условия коллективных договоров.

В силу того, что трудовой конфликт и забастовка требуют значительных затрат времени и сложных скоординированных действий, работники пытаются защитить свои социально-трудовые права другими способами, в числе которых предупредительные обращения в адрес работодателей, а также петиции в органы исполнительной власти.

По словам социологов, непосредственное обращение в государственные инстанции, правоохранительные органы в современных условиях - значительно более эффективный способ привлечь нанимателей к ответственности, чем "процедурный диалог" с ними. Функции профсоюзов как арбитров в разрешении споров между нанимателями и наемными работниками вряд ли можно оценить однозначно. Сила профсоюзного движения снижается во всем мире, и Россия не исключение. Об этом свидетельствует устойчивый отток членов из профсоюзных рядов, а также сокращение числа первичных организаций [8].

Отток членов профсоюза действительно впечатляет. По приводимым авторами данным, «...если в 1992 г. численность членов профсоюзов в рамках ФНПР² достигала 65 млн человек, то к 2016 г. она сократилась примерно до 21 млн то есть в 3 раза... Эксперты называют различные причины этих колоссальных потерь, включая снижение объемов производства: ликвидация и реорганизация предприятий, сокращение рабочих мест, привлечение иностранной рабочей силы, нежелание платить профвзносы, недостаточная активность профорганизаций по работе с молодежью, по вовлечению работников в профсоюзы и созданию первичных профорганизаций на предприя-

Среди причин утраты влияния профсоюзов и общее недоверие (выделено мною – С.А.) россиян к ним. Так, деятельность профсоюзов одобряют 37% и не одобряют 31% опрошенных. По результатам социальных исследований ИСЭРТ РАН³ в Вологодской области по уровню доверия граждан профсоюзы (29%) уступают судам (44%), прокуратуре (40%) и региональным органам исполнительной власти. Особым недоверием профсоюзы пользуются на селе, где лишь 19% жителей им доверяют,

 $^{^{3}}$ Институт социально-экономического развития территории РАН.

 $^{^{2}}$ Федерация независимых профсоюзов России.

тогда как в крупных городах эта доля достигает 33%. Удельный вес населения, выражающего недоверие к профсоюзам, все же уравновешивается той его частью, которая это доверие сохраняет. Весьма симптоматично и то, что большая часть опрошенных (41%) сформулировать свое отношение к профсоюзам и вовсе затруднилась. Это свидетельствует об отсутствии связи между гражданами и профсоюзными организациями. Жители региона не слишком понимают, чем занимаются эти, казалось бы, близкие к человеку и широко распространенные общественные организации. Доверие к профсоюзам подрывает и распространенное мнение, что они действуют в согласии с органами власти, а не ведут с ними непримиримую борьбу. Профсоюзные лидеры и сами признают свою заинтересованность в решении сложных правовых вопросов мирными путями, достижении компромисса с властью [1,2].

Обратим внимание на очередной пример отмечаемого исследователями низкого доверия «близким к человеку» структурам, в данном случае - профсоюзам, а в случаях, описываемых Г.Б. Кошарной и Г.В. Еремичевой – к органам местного самоуправления. Очевидно, что исследователи независимо друг от друга фиксируют по-своему парадоксальную ситуацию: доверие отсутствует там, где оно, казалось бы, должно было быть наиболее сильным. Местное самоуправление и профсоюзные организации – это структуры, действительно приближенные к человеку, в том числе - в физическом смысле. Они контактируют с обществом, с конкретными людьми непосредственно, в отличие от федерального и даже регионального уровней. К сожалению, ни Г.Б. Кошарная, ни Г.В. Еремичева, ни К.Н. Калашников с В.В. Шаровым не предлагают никаких убедительных объяснительных схем подмеченному ими парадоксу. Вариант, так сказать, «переноса» на профсоюзы негативного отношения к органам власти вообще, предложенный К.Н. Калашниковым и В.В. Шаровым, обладает малой эвристической ценностью, на наш взгляд, в силу того, что по умолчанию предполагает наличие именно такого — негативного — восприятия, что не соответствует действительности, исходя из данных тех же и других социальных опросов, в которых восприятие власти достаточно сложно, иерархически структурировано и включает в себя континуум реакций, градуированных от «теплого» до «холодного» спектра⁴. На наш взгляд, причины такого отношения уходят своими корнями прежде всего в сферу социальноэкономической проблематики, рассмотренной нами в предыдущем параграфе.

Видимое и резкое статусное отличие, социальная дистанция, обусловленная серьезно отличающимся уровнем благосостояния, который всегда доступен в сравнительном восприятии в разделяемой пространственной среде, равно как сопоставление заявляемого и реально осуществляемого местными властями или профсоюзными лидерами, естественным образом обусловливают и неверие в общность целей, и отчуждение от лиц, облеченных даже элементарными административными функциями. Люди не представляют, в каких условиях и где именно живут чиновники и политики федерального уровня, в то время как дом главы местной администрации обычно всем хорошо известен, наблюдаем и доступен, так сказать, для компаративного анализа. По всей видимости, выводы, делаемые в ходе такого анализа, не способствуют росту доверительного отношения к местным лидерам. Так материальные факторы вновь «вторгаются» в сферу сенсуального, так социальноэкономический контекст жизни человека влияет на репертуар и характер его аффективных реакций.

Но в случае профсоюзов есть и еще одна причина низкого уровня таких отношений, и связана она с, так сказать, функциональной специализацией последних. Профсоюзы являются одним

⁴ Достаточно ознакомиться с традиционным периодичным опросом ФОМ «Политические индикаторы» или мониторингом «Политические рейтинги» ВЦИОМ.

из значимых социальных институтов. и вопрос доверия имеет к ним самое прямое отношение. Как известно, всякий социальный институт естественен по своему происхождению, но отчасти искусственен по своему существованию и функционированию. Естественен он потому, что не мог когда-то не возникнуть - сформировавшийся общественный запрос, определенная потребность вызвали его к жизни. Искусственен же он в силу того, что, как правило, не существует в первозданном виде на протяжении веков, а идет вслед за общественными изменениями, раньше или позже реагирует на трансформации общественных требований к его структурам и функциям. Собственно, в этом залог его жизнеспособности и востребованности. Недолжное исполнение институтом изначально приданных ему функций или присвоение функций, ему не свойственных, порождает институциональные структуры-девианты. Последние или корректируются сознательной общественной волей, или в итоге упраздняются. На наш взгляд, приписывание профсоюзам изначально не свойственной им воспитательнообразовательной роли является примером именно такого рода. Когда профсоюзы из медиатора и защитника превращаются в «школу коммунизма», как-то было в советский период нашей страны, они неизбежно сталкиваются с эрозией своих генерических, родовых функций, вслед за чем также неизбежно подвергается эрозии и доверие, являющееся основой и залогом их полноценного существования. Другими словами, относительно такого института в обществе формируется антитеза доверия - сомнение, прежде всего в их необходимости. И, начиная с этой точки, существование такого института может стать искусственным в подавляющей степени, что означает: его жизнеспособность длится ровно столько, сколько будет существовать поддерживающая его политическая воля.

Таким образом, картина предстает достаточно сложная, и усугубляется она еще и тем фактом, что такое по-

ложение вещей, возможно, обусловлекультурно-историческими особенностями нашей страны. Как уже было нами отмечено, связь социальноэкономических и прочих институтов уже достаточно артикулирована в науке. В частности, гарвардские экономисты А. Алесина и П. Джулиано прямо анализируют взаимодействие культуры и формальных институтов. Учеными демонстрируется роль культуры в экономическом развитии, подчеркивается роль индивидуализма, кооперации, доверия, семейных связей и различных форм регулирования общественных отношений, исследуются и сравниваются характеристики рынка труда и социальной политики. Исследователи выявляют эффекты обратной связи между культурой и институтами в разных контекстах и приходят к выводу об обусловленности существующих в данном обществе институтов основными культурными установками [3]. С этой точки зрения, характер, наполненность и особенности функционирования института профсоюзов в различных социокультурных реалиях, в общем, представляются достаточно логично разнообразными. В этом случае, разумеется, возникает и риторический вопрос: сохраняет ли институт профсоюзов в современном российском обществе свои генерические функции, и более того - обладал ли он этими функциями в нашем обществе когда-либо вообще?

Таким образом, вертикаль социальной конъюнкции в российском социуме характеризуется преимущественно низким уровнем доверия между обществом и институтами, включая властные. Необходимо признать, что приводимые и анализируемые замеры этого доверия дают представление исключительно об одной стороне данного вектора - собственно обществе. Исследования, ставившие себе задачу изучения «обратнонаправленного» доверия, то есть, от власти к обществу, нам не известны. Предполагаем, что такого рода исследовательские проекты чрезвычайно трудны для реализации в силу специфики объекта, включая особенно-

сти профессиональной деятельности. всегда связанной с вопросами государственной безопасности, и характер сложившейся в органах государственного управления и местного самоуправления корпоративной этики. Все же рискнем предположить, что уровень этого доверия также невысок. Показательно в этом отношении мнение Л.Е. Бляхера и Т.Л. Огурцовой: «Система демократических институтов стала непреложным фактом. И столь же явным стало деление общества на тех, кто имеет доступ к власти, и тех, кто исключен из переговоров по поводу распределения полномочий и рент. Большинство граждан в подобных играх не участвовало. По отношению к ним действовала презумпция виновности, гарантировавшая их лояльность власти. Если о них и вспоминали, то только тогда, когда «всенародное волеизъявление» и «благо народа» можно было использовать в качестве инструмента давления в переговорах с тем или иным властным лицом» [4]. Большей частью российское общество является объектом политического манипулирования и «социального подкупа» (Э. Геллнер), что само по себе говорит о невысоком уровне доверия по отношению к нему со стороны правящей группы.

Осталось выяснить, как обстоят дела в горизонтали социальной конъюнкции, в тех самых межличностных отношениях, складывающихся в группах первых порядков, наполняющих и поддерживающих собой горизонтальный поток консолидации. Напомним, что Г.Б. Кошарная в результате осуществленного исследования пришла к выводу о высоком уровне доверия (70–90%) и высокой ценности межличностных отношений, родственных и дружеских связей, заявленных ее респондентами. Действительно, первичные группы, включающие семью и друзей, являют наибольшую устойчивость, выступая одним из «последних бастионов» социальной солидарности в нашем обществе. Однако и вторичные социальные группы, такие как производственные коллективы, также демонстрируют достаточно высокий уровень взаимного доверия. Этот вывод, сделан, в частности, в ходе реализации «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения», проводившегося в течение 14 лет под эгидой Института социологии РАН. Авторы раздела мониторинга, посвященного проблеме социального доверия П.М. Козырева и А.И. Смирнов отмечают, что «несмотря на разобщенность, поразившую российское общество на этапе социальных трансформаций, в трудовых коллективах сохранился высокий уровень межличностного доверия. Подавляющее большинство опрошенных работников (82,5%) указывали, что доверяют людям, с которыми вместе работают. В том числе, 24% респондентов доверяют им полностью. Тогда как не доверяют своим коллегам, сослуживцам всего лишь 2,6% опрошенных [13].

Выявляют исследователи и типологическую специфику заявленного уровня доверительных отношений. Так, по их данным, высокая интенсивность такого рода связей обнаруживается чаще на государственных предприятиях, чем на предприятиях, где собственниками являются иностранцы, или российские частные лица. Как подмечено авторами, самый низкий уровень доверия зафиксирован на частных предприятиях, принадлежащих россиянам. Впрочем, отмечаемая разница незначительна. Интересно наблюдение авторов о связи профиля деятельности коллектива с особенностями доверия: повышенный уровень доверия фиксируется в управленческих, научных, медицинских, сельскохозяйственных коллективах, а пониженный – в промышленных и творческих коллективах, но особенно в коллективах, объединяющих торговых работников. Характерно также, что в большей степени склонны доверять коллегам люди старшего поколения (85% лиц старше 60 лет против 78% в других возрастных группах), оформленные на работе официально, и, в целом, удовлетворенные своим материальным положением и жизнью.

Данное исследование показательно и с учетом затронутого нами выше «СКУДНОГО» ПОТОКА ВЕРТИКАЛЬНОЙ КОНсолидации и степени доверия «власть предержащих» по отношению к тем, кем они управляют. Согласно полученным авторами результатам, руководители крупных трудовых коллективов меньше доверяют коллегам или товарищам по работе, чем руководители низового звена», что проявляется, например, в семейственности и повышенной жесткости управленческого стиля. Более того, главы «крупных корпораций зачастую относятся к своим работникам не как к человеческому капиталу, а как к обычному рабочему материалу. Это относится даже к коллективам наиболее продвинутых частных компаний и организаций, основу которых составляют высококвалифицированные специалисты с высшим образованием. Повышенная жесткость руководства выражается, прежде всего, в безграничном и совершенно необоснованном расширении рабочих обязанностей специалистов и использовании командноистерических методов руководства. Логично, что при таком управленческом стиле вертикаль консолидации даже в рамках одной компании или корпорации, не говоря уже об отрасли, обречена оставаться «скудной» и конъюнктивно не эффективной, причем, на фоне горизонтали солидарности, все еще демонстрирующей «достаточно высокий уровень внутригрупповой сплоченности и доверия, что объективно усиливает предпосылки для развития интеграционных процессов как основы стабильного, сбалансированного развития общества.

Итак, уровень социального доверия, сложившийся в нашем обществе, не позволяет сделать заключение о его достаточности для формирования действительно солидарных, доверительных общественных отношений, и прежде всего это относится к доверию в рамках вертикального вектора социальной консолидации, задающего формат и содержательные характеристики конъюнктивного потока от общества

к власти и другим институтам и макросоциальным структурам, и обратно. Характерно также. что наименьшим доверием у населения пользуются административные и корпоративные руководители и профсоюзные лидеры, хоть и наиболее приближенные к ним в пространственном измерении, что связано, на наш взгляд, во-первых, с наиболее зримой и, так сказать, верифицируемой социальной дифференциацией и дистанцией между населением и теми, кто призван обеспечивать их гармоничное существование в муниципалитетах и на производстве, и, во-вторых, специфичным стилем руководства, в котором командные и жесткие элементы абсолютно доминируют над общими конъюнктивными стратегиями и частными тактиками корпоративной солидарно-СТИ

И апатия, и недоверие естественным образом сочетаются и переплетаются с другим фактором, влияющим на конъюнктивные процессы современного общества - отчуждением, и прежде всего – между правящей группой и остальным социумом. Строго говоря, институт государственной власти, включая как исполнительные, так и, особенно, представительные его ветви, уже сам по себе является своего рода «внешним» по отношению к обществу феноменом. По определению О.А. Кармадонова: «Власть – это группа, эмансипированная от общества. Этот вид эмансипации предполагает изменение соотношения кар и поощрений, прав и обязанностей в сторону увеличения поощрений и прав для эмансипированной группы» [20]. То есть, само предоставление другому человеку (или группе) права репрезентировать сообщество и индивида, осуществлять управленческую деятельность от их лица уже представляет собой явление отчуждения человека от принятия управленческих решений, от возможности влиять на управленческую ситуацию, короче говоря, от власти.

П. Бурдье рассуждает о сути такой делегированной власти как раз с точки зрения отчуждения: «Существует сво-

его рода антиномия, внутренне присущая политической сфере, которая обусловлена тем фактом, что индивиды и это тем более верно, чем большую депривацию они испытывают – не могут конституировать себя или быть конституированы в качестве группы, в смысле – силы, которая способна высказаться и быть услышанной, пока они не отказываются от себя в пользу своего представителя. Всегда приходится идти на риск политического отчуждения для того. чтобы избежать политического отчуждения [23]. Возникает своего рода замкнутый круг, и он тем более безнадежен, чем в более лишенном положении находятся люди несмотря на то, что сам процесс делегирования осуществляется в рамках институционализированной демократической системы. По словам П. Бурдье: чем более люди обездолены, особенно – культурно, тем более они ограничены и склонны полагаться на делегатов для того, чтобы обрести политический голос. По сути, изолированные, бессловесные, безголосые индивиды, лишенные как возможности, так и власти заставить себя услышать и понять, стоят перед альтернативой или оставаться безмолвными, или позволить высказываться за себя кому-то другому.

Отметим, что французский исследователь делает свои не самые утешительные выводы, основываясь на анализе развитых демократий западного мира. Если даже в условиях достаточно традиционных, исторически долговременных, подвергающихся постоянной ревизии и доступных общественному контролю демократических институтов ведут речь об отчуждении населения от власти и управленческих решений, что мы можем сказать о российских реалиях?!

В.Д. Соловей высказывает мнение о том, что основную ответственность за сложившуюся в российском обществе ситуацию отчуждения несет, прежде всего, российская политическая элита. В своей работе с характерным названием «Варвары на развалинах Третьего Рима» ученый доказывает,

что «...фундаментальное препятствие для любых перемен в России составляют не так называемые объективные внешние факторы (нехватка денег, квалифицированных управленцев и др.), а социокультурный и психологический профиль отечественной элиты, то есть групп людей, номинально призванных принимать стратегические решения и задавать общенациональные цели. Дело даже не в том, что они зачастую плохо образованны, некомпетентны и неэффективны как руководители. Проблема в антропологическом отчуждении и культурном барьере между элитой и обществом, отношения которых типологически выглядят отношениями колонизаторов и колонизуемых, двух различных человеческих рас и даже биологических видов, а не отношениями соотечественников, сограждан или хотя бы человеческих существ [21].

М.Н. Руткевич также характеризует состояние современного российского социума в терминах дискретности и отчуждения. По его мнению, общественное развитие России отличает сегодня «...противодействие двух тенденций: дальнейшего углубления деградации, которая, обладает значительной инерционностью и продолжает действовать, а в некоторых областях жизни даже усиливаться, и консолидации общества, которая была обозначена в заявлениях власти в качестве основной цели развития общественных отношений. Рассматриваемые тенденции характерны для социальных систем, находящихся не в обычном, «нормальном» процессе функционирования, когда нарушения, дисфункции сравнительно легко преодолеваются ее защитными механизмами, а для систем, переживающих период неустойчивости, когда система качественно изменяется: либо в процессе «затухания», свертывания, прекращения своего существования, либо в процессе становления, нарождения, либо, наконец, испытав резкое ослабление, выходит из угрожающего положения за счет мобилизации всех сил и переходит из неустойчивого состояния в относительно устойчивое. Ко-

ротко говоря, эти две взаимодополняющие тенденции находятся в состоянии «борьбы» в рамках единства, целостности, коей является система, даже тогда, когда она находится в нестационарном состоянии [18].

Согласно Б.И. Зеленко, достижению согласия между властью и обществом препятствует политическая алиенация, т.е. отчуждение власти от своих подданных. Параллелизм существования последних рождает «шахматный» парадокс: верхи время от времени рокируются, низы же всегда получают мат. Причем риторика верховной власти представляется совершенно правильной, справедливой, учитывающей реалии. Так, в частности, «Президент особо подчеркивает, что деятельность всех должностных лиц не должна дискредитировать государство. Их главная задача – улучшать условия жизни людей [6]. Теоретически это справедливо, практически же редко встречается. Достаточно сказать, что квазилегитимная, квазисолидарная договоренность власти и граждан о сосуществовании, в частности, безопасности последних взамен на ограничение их свобод рухнула. Хрупкое согласие власть предержащих и социума так и осталось виртуальным... Тенденции свидетельствуют об усилении отчуждения российской власти, и, как следствие этого, открытым является вопрос о согласии в социуме.

Суть отчуждения состоит в сознательном или несознательном неприятии конвенциональных, общепризнанных, традиционных нормативных ценностей человеческого сообщества, санкционированных как «снизу» (силой общественного мнения), так и сверху (государством и властью). Соответственно, для преодоления такого положения вещей требуется, как считает исследователь, обратный процесс – деалиенация, смысл которой состоит в формировании оптимума социально апробированных нормативов, а вернее регулятивов в сфере сосуществования власти, граждан и социума. Регулятивы и есть так называемые деалиенаторы в преодолении политического отчуждения.

То есть, по мнению Б.И. Зеленко. преодолеть отчуждение между властью и обществом в современной России можно, прежде всего, за счет внедрения эффективного нормативного регулирования, другими словами - инструментами правовой системы. С точки зрения исследователя, есть ряд констант в организации общества, к которым относятся: идеология, демократическое устройство, верховенство закона, и доверие между властью и гражданами. Именно нормативное регулирование должно, по мысли автора, помочь привести эти константы в действенное состояние, проще говоря, заставить их работать. Приведенные константы должны быть оптимальными, социально апробированными нормативами, а, следовательно, регулятивами для преодоления политического отчуждения.

На наш взгляд, в данном подходе, несмотря на его кажущийся доминирующий «формализм», заложен исключительно важный смысл. Добиться верховенства закона - то есть, соблюдения хотя бы действующего законодательства на всех уровнях властной иерархии и всех сферах общественных отношений - уже само по себе послужило бы серьезным условием формирования и укрепления доверия между властью и обществом. Если же уважение к закону будет сопровождаться еще и поддержанием, и развитием системы демократического устройства общества и внятной, приемлемой для большинства народа идеологией, «разотчуждение» может стать реальностью, и вертикаль социальной консолидации наполнится столь же реальными и действенными конъюнктивными практиками. Впрочем, к реальному соблюдению таких нормативов и регулятивов российский политический класс, судя по всему. пока, к сожалению, не готов. И в этой связи нельзя не согласиться со следующей мыслью Б.И. Зеленко. Зачастую власть сетует на трудности, сравнивая себя с рабами на галерах. Но гражданам не нужны рабы на галерах. Они нуждаются в профессиональ-

ных капитанах этих самых галер, паруса которых должны быть наполнены «ветром перемен».

Логично, что отсутствие доверия и присутствие отчуждения в векторах социальной конъюнкции создает серьезные препятствия для консолидации общества. Российское общество наших дней – это специфично индивидуализированный социум, в котором люди привыкли во многом полагаться на государство, а учитывать преимущественно только свои интересы. Как справедливо указал В.В. Петухов, в случае если формальные политические институты не вызывают доверия населения, особую значимость приобретает формирование различных «низовых» форм социальной консолидации, включая коллективную самозащиту и самоорганизацию граждан для решения каких-то насущных вопросов. В настоящее время, говорит исследователь, уровень развития такой интеграции крайне низок. Каждое сообщество «бьется» за себя и свои интересы в одиночку. Не рост протестных выступлений, а еще большее замыкание в частной жизни, поиск ниш, где можно как-то переждать, пережить трудные времена. За последнее десятилетие сформировалось поколение людей, которое уже ничего не ждет от властей и готово действовать, что называется, на свой страх и риск. Имеет место такая индивидуализация массовых установок, в условиях которой говорить о каких бы то ни было солидарных, совместных действиях, а также об осознании общности групповых интересов, не приходится [17].

Э.Л. Паин, в свою очередь, указывает на более драматичные возможные последствия такого дизъюнктивного состояния и подчеркивает, что стремление к преодолению данного кризиса может привести к результатам, способным выступить «предпосылками политического экстремизма, а именно: возрождается интерес людей к консолидации в примордиальных общностях (этнических и конфессиональных); усиливаются проявления ксенофобии; возрастает влияние идеологии традиционализма,

перерастающей зачастую в фундаментализм (идея «очищения от нововведений и возврата к истокам») [15].

Э. Фромм трактовал отчуждение как состояние неудовлетворенности пяти базовых человеческих потребностей, к которым он относил: 1) установление социальных отношений с другими; 2) потребность в творческой активности; 3) потребность в крепких социальных корнях; 4) необходимость собственной идентичности; 5) потребность в ориентации [24].

Первая, третья и четвертая – самым непосредственным образом связаны с состоянием социальной консолидации общества; вторая (творческая деятельность) - это, помимо прочего, деятельностная реализация консолидации; пятая (потребность в ориентации) - задает общую систему смысловых диспозиций общества, в которых социальная солидарность выступает одной из непререкаемых и самоочевидных ценностей. Неудовлетворение этих пяти потребностей формирует и воспроизводит социальное отчуждение - состояние, не только наиболее ухудшающее общественную атмосферу, но и создающее угрозу целостности и воспроизводству самого данного общества. Соответственно, преодоление данного состояния должно являться едва ли не самой приоритетной задачей общественного и государственного развития.

Таким образом, доверие выступает ключевым условием формирования социальной консолидации современного общества, позволяет регулировать социально-психологические особенности и институциональное развитие современного общественного воспроизводства.

Литература

 Аносов С.С. Психологическое состояние общества под воздействием процесса виртуализации / С.С. Аносов // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. – С. 63–70.

- Аносов С.С. Социально-психологическое состояние российского общества / С.С. Аносов // Социология. 2021. – № 3. – С. 5–12.
- Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания / Р.Г. Ардашев // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84
- Бреслер М.Г. Доверие как фактор экономики информационного общества: социально-философский аспект / М.Г. Бреслер // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. № 1 (26). С. 76–78.
- Еремичева Г.В. Социальное неравенство негативный фактор в процессе консолидации / Г.В. Еремичева // Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. тр. СИ РАН / отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 219–249.
- Зеленко Б.И. Деалиенация российской власти как необходимость перехода к согласию / Б.И. Зеленко // Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты). М.: Ин-т социологии РАН, 2011. С. 36–55.
- Иванова В.А. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества / В.А. Иванова, В.Н. Шубкин // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 22–28.
- Калашников К.Н. Трудовые отношения в России: между партнерством и конфронтацией / К.Н. Калашников, В.В. Шаров // Социологические исследования. – 2017. – № 4. – С. 73–81.
- 9. Кармадонов О.А. Консолидация российского общества: потоки и преграды / О.А. Кармадонов, М.К. Зверев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 223 с.
- 10. Кармадонов О.А., Кобжицкий В.В. Трансформация и адаптация: стратегии выживания в кризисном социуме. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2009. – 184 с.

- Козырева П.М. Доверие и его роль в консолидации российского общества/ П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 160–199.
- Кошарная Г.Б. Гражданское общество как фактор реализации консолидационных процессов российского общества / Г.Б. Кошарная, Л.Т. Толубаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 154–162.
- Кошарная Г.Б. Институциональное и межличностное доверие в консолидации российского общества / Г.Б. Кошарная // Власть. – 2015. – № 9. – С. 125–129.
- Москвин Л.Б. Доверие как важнейшая предпосылка согласия в обществе / Л.Б. Москвин // Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты). – М.: Ин-т социологии РАН, 2011. – С. 67–78.
- Паин Э.Л. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э.Л. Паин // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 113–124.
- Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба / Л.С. Переломов. – М.: Наука, 1993. – 440 с.
- Петухов В.В. Кризис и динамика социальных настроений / В.В. Петухов // Мир России: Социология, этнология. – 2010. – № 1. – С. 45–66.
- Руткевич М.Н. Консолидация общества и социальные противоречия / М.Н. Руткевич // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 24–34.
- Сасаки М. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемент социального капитала современной России / М. Сасаки [и др.] // Журнал институциональных исследований. – 2009. – Вып. 1. – Т. 1. – С. 20–35.
- 20. Символ и трансформация: социальные смыслы российского общества

- эпохи перемен (1984–2011 гг.) / О.А. Кармадонов [и др.]. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2012. 345 с.
- 21. Соловей В.Д. Варвары на развалинах Третьего Рима / В.Д. Соловей // Политический класс. 2005. № 2. С. 17–22.
- 22. Трофимова И.Н. Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе / И.Н. Трофимова // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 68–75.
- Bourdieu P. Language and Symbolic Power / P. Bourdieu. Cambridge: Harvard University Press, 1991. – 302 p.
- Israel J. Alienation: From Marx to Modern Sociology. A Macrosociological Analysis / J. Israel. – Boston: Allyn and Bacon, Inc., 1971. – 235 p.

TRUST IN THE FORMATION OF SOCIETY

Anosov S.S.

Irkutsk National Research Technical University

The article examines the features of the influence of the level of public confidence on the socially consolidating potential of society. Various research strategies and methods of researching the emergence and development of institutional trust in modern Russia are identified. The sources of the formation of trust, the qualitative links of the development of the level of trust and the prospects for the development of trust in modern society are analyzed.

Keywords: trust, consolidation, social interaction, social dynamics, social ties, social reproduction.

References

- Anosov S.S. The psychological state of society under the influence of the virtualization process / S.S. Anosov // Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2020. S. 63–70.
- Anosov S.S. Socio-psychological state of the Russian society / S.S. Anosov // Sociology. 2021. – No. 3. – S. 5–12.
- Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness / R.G. Ardashev // Humanitarian vector. 2020. T. 15.No. 2. S. 76–84.

- Bresler M.G. Trust as a factor in the economy of the information society: social and philosophical aspect / M.G. Bresler // Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2015. No. 1 (26). S. 76–78.
- Eremicheva G.V. Social inequality a negative factor in the process of consolidation / G.V. Eremicheva // Conditions and opportunities for the consolidation of Russian society: collection of articles. scientific. tr. SI RAS / otv. ed. A.V. Duka, I.I. Eliseeva. SPb.: Nestor-History, 2010. S. 219–249.
- Zelenko B.I. Dealienation of the Russian Government as the Necessity of Transition to Consent / B.I. Zelenko // Consent in society as a condition for the development of modern Russia (political and social aspects). – M.: Institute of Sociology RAS, 2011. – P. 36–55.
- Ivanova V.A. Mass anxiety of Russians as an obstacle to the integration of society / V.A. Ivanova, V.N. Shubkin // Sociological Research. – 2005. – No. 2. – P. 22–28.
- Kalashnikov K.N. Labor relations in Russia: between partnership and confrontation / K.N. Kalashnikov, V.V. Sharov // Sociological Research. 2017. No. 4. P. 73–81.
- Karmadonov O.A. Consolidation of the Russian society: flows and barriers / O.A. Karmadonov, M.K. Zverev. Irkutsk: Izd-vo ISU, 2012. 223 p.
- Karmadonov O.A., Kobzhitsky V.V. Transformation and adaptation: strategies for survival in a crisis society. Irkutsk: Izd-vo ISU, 2009. – 184 p.
- Kozyreva P.M. Trust and its role in the consolidation of the Russian society / P.M. Kozyrev, A.I. Smirnov // Social factors of consolidation of Russian society: sociological dimension. – M.: New Chronograph, 2010. – S. 160–199.
- Kosharnaya G.B. Civil society as a factor in the implementation of the consolidation processes of the Russian society / G.B. Kosharnaya, L.T. Tolubaeva // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. – 2015. – No. 2 (34). – S. 154–162.
- Kosharnaya G.B. Institutional and interpersonal trust in the consolidation of the Russian society / G.B. Kosharnaya // Power. 2015. No. 9. P. 125–129.
- 14. Moskvin L.B. Trust as the most important prerequisite for harmony in society / L.B. Moskvin // Consent in society as a condition for the development of modern Russia (political and social aspects). M.: Institute of Sociology RAS, 2011. P. 67–78.

- Pain E.L. The social nature of extremism and terrorism / E.L. Pain // Social Sciences and Modernity. – 2002. – No. 4. – P. 113– 124
- Perelomov L.S. Confucius: life, teaching, fate / L.S. Fractures. – M.: Nauka, 1993. – 440 p.
- Petukhov V.V. Crisis and dynamics of social mood / V.V. Petukhov // World of Russia: Sociology, Ethnology. 2010. No. 1. P. 45–66.
- Rutkevich M.N. Consolidation of society and social contradictions / M.N. Rutkevich // Sociological Research. – 2001. – No. 1. – P. 24–34.
- Sasaki M. Problems and paradoxes of the analysis of institutional trust as an element of social capital in modern Russia / M. Sasaki [et al.] // Journal of institutional research. – 2009. – Issue. 1. – T. 1. – P. 20–35.

- Symbol and transformation: social meanings of Russian society in the era of change (1984–2011) / O.A. Karmadonov [and others]. Irkutsk: Izd-vo ISU, 2012.345 p.
- V. D. Nightingale Barbarians on the ruins of the Third Rome / V.D. Nightingale // Political class. – 2005. – No. 2. – P. 17–22.
- Trofimova I.N. Structure and dynamics of institutional trust in modern Russian society / I.N. Trofimova // Sociological Research. 2017. No. 5. P. 68–75.
- 23. Bourdieu P. Language and Symbolic Power / P. Bourdieu. Cambridge: Harvard University Press, 1991. 302 p.
- Israel J. Alienation: From Marx to Modern Sociology. A Macrosociological Analysis / J. Israel. – Boston: Allyn and Bacon, Inc., 1971. – 235 p.

Религиозность виртуального пространства в пандемическом обществе: особенности сознания

Ардашев Роман Георгиевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России E-mail: ardashevrg@bk.ru

В статье рассматриваются особенности изменения религии и религиозности в виртуальном мире. Особое место уделяется особенностям сознания населения в условиях пандемии. В качестве основной идеи служит положение о том, что виртуальная идентичность порождает новый вид религиозности, конструирующийся в виртуальном, цифровом мире. Ситуация пандемии ускоряет все процессы работы сознания, предлагая новым формам религиозной идентичности и как таковой религиозности влиять на качество жизни, выбор и его последствия для всех членов общества.

Ключевые слова: религиозность, виртуальность, пандемия, адаптация, социальное управление, сознание. Современная ситуация в обществе достаточно противоречива. В связи с пандемией, увеличились процессы виртуализации повседневной жизни. Все больше сфер, пространств и реализаций находится не в среде реального, а в среде виртуального мира. Не обошла цифровизация и религиозность.

С одной стороны, виртуализация религиозности - это процесс формального воплощения виртуальных интенций, которые были всегда. И сеть интернет стала инструментом опредмечивания мира религиозности и религиозной идентичности. В пандемический период потребность в религиозности, вере, надежде на лучшую жизнь станет основным ориентиром ценностных и мировоззренческих поисков. И тем самым, виртуальная религиозность зафиксируется как закономерный процесс развития духовности. С другой стороны, виртуальность - меняет смыслы религиозности, предлагая альтернативы в духовном поиске и формах душевного самосовершенствования, формируя новые универсальные духовные учения, псевдорелигиозные течения, новые ритуалы и практики, формы коммуникации. Тем самым формируется новый опыт духовного переживания, принятия себя и мира, высшего духа, Бога или Богов. Издержками этих процессов выступают квазирелигиозные идеи, религиозные симуляции, понижающие уровень доверия к религии у населения и искажение религиозных норм и догм.

Современное общество создает новые условия для формирования идентичности, это вызвано как процессами глобализации, так и виртуализации. Пандемические условия жизни также накладывают свой отпечаток. Это касается и религиозной идентичности. На сегодняшний день не сформировалось единой религии (как прогнозировалось многими учеными и фантастами), но обострились конфликты на по-

чве религии и религиозности, гибридной идентичности и т.д. [4], также появляются исследования религиозных сообществ в виртуальном пространстве [1,7].

Среди отечественных исследований религиозной идентичности доминируют работы, связанные с состоянием и конфессиональной идентичностью различных социально-религиозных групп России [3]. И лишь некоторые ученые задаются вопросом о трансформации религиозной идентичности под влиянием виртуальности [5,6].

Религиозная идентичность предполагает личный выбор принадлежности к той или иной религиозной группе, религиозному сообществу. С появлением виртуальности возможности религиозной идентичности расширяются [4], формирующейся в процессе осознания своей принадлежности к определенной, не всегда фиксируемой в реальном социуме виртуальной общности [1], обрести которую может любой пользователь.

Существует достаточно большой пласт исследований, рассматривающих представленность религиозных организаций, принадлежащих разным конфессиям в сети Интернет, но работ, посвященных непосредственно виртуальной религиозной идентичности, очень мало. Возможно, это связано с тем, что чаще всего под религиозным виртуальным пространством понимается «религияонлайн», где Интернет используется преимущественно как инструмент менеджмента и связи с паствой. Но уже существование обозначенной К. Хелландом «он-лайн-религии» позволяет нам говорить о формировании новой виртуальной религиозной идентичности.

В смежных исследованиях встречаются термины касающиеся проявления идентичности в виртуальном пространстве: «киберидентичность», «сетевая идентичность», «идентичность в виртуальном пространстве», «мобильная идентичность», «электронная идентичность». Они используются как экиваленты анализа связи индивида как

с определенным религиозным сообществом, так и локальных, а порой и индивидуальных ритуалов, норм и правил, формирующих идеи, ценности и мировоззрение различных сообществ, касающихся религии и религиозности и как следствия религиозной идентичности.

Виртуальная религиозная идентичность - изменчивый, синтетический продукт или результат, отражающий личностные мотивы и религиозные ценности конкретного пользователя, представляющего себя в виде различных комбинаторных конфигураций (аватаров). Она может не иметь четкой фиксации, так как аватар (образ человека в Сети) направлен на создание эффекта подобия и вполне может рассматриваться как образ, в некоторых случаях лишенный сходства с реальностью. Появление виртуальной религиозной идентичности является показателем растущей трансгрессивности современного общества.

Эти размышления стали основой для нашего исследования, которое мы провели в 2021 году, через платформу опросов www.google.com, в исследовании приняли участие 1350 человек, в возрасте от 18 до 75 лет, проживающие в разных субъектах РФ и имеющие разнообразный социальнопрофессиональный и демографический статус. 57% женщин и 43% мужчин; 66% имеют высшее образование, 21% средне-специальное, 11% среднее. Отбор респондентов проходил по квотной выборке: пол, возраст, регион проживания, значимость религиозности в жизни респондента (это был вопрос фильтр, который позволял либо дальше отвечать на вопросы (в случае положительного ответа), либо опрос завершался.

На наш взгляд интересным является факт, кто зашел по ссылке опроса, но ответил отрицательно — что религиозность не значима для них — неожиданно невелика. Всего зашло 1565 человек из них 1350 ответили положительно (86%) и только 215 отрицательно (14%). Среди тех, кто ответил отрицательно 82% мужчины и 18% жен-

щины, 65% с высшим и 35% со среднеспециальным образованием (рис. 1).

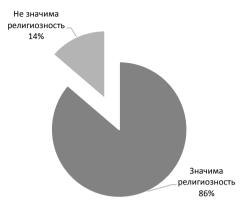

Рис. 1. Значимость или не значимость религиозности в жизни

Иными словами, на сегодняшний день, религиозность как форма организации сознания является действую-

щим механизмом и объяснительной парадигмой мира. Не смотря на научнотехнический прогресс и научную картину мира, роль религии и религиозности как формы сознания остается важной формой организации личности, ее индивидуально-личностных мотивов и стратегий поведения в меняющемся мире. Религиозность вновь становится условием жизни.

Значимость религиозности определяется несколькими факторами: личностный опыт, социально-средовой опыт, социально-стратегический опыт. Данные индикаторы были выявлены в ходе факторного анализа результатов исследования значимости религиозности, при описании 74% общей дисперсии (таблица 1) и особенности формирования виртуальной религиозности, при описании 77,5% общей дисперсии (таблица 2).

Таблица 1. Факторный анализ значимости религиозности

Фактор	Переменные	Коэффициент
Личностный опыт. Вес фактора — 17,8. Объяснительная дисперсия — 27,7%	Преодоление трудностей без Бога невозможно	0,787
	Только Бог нас спасал и спасет в будущем	0,756
	Вера в высшие силы позволяет жить	0,721
Социально-средовой опыт. Вес фактора — 14,6. Объяснительная дисперсия — 24,4%	Бог не дает тех испытаний, что нам не по плечам	0,743
	Так жили наши предки – так живем и мы	0,732
	Опираясь на знания и веру народа – можно жить достойно	0,711
Социально-стратегический опыт. Вес фактора — 12,2. Объяснительная дисперсия — 21,9%	Сегодня религиозность – это путь на верх.	0,725
	Принадлежность к той или иной религии – открывает разные двери.	0,713
	Религиозность — это способ объединения людей в сообщества, которые помогают своим и не мешают чужим.	0,687

Таблица 2. Факторный анализ значимости виртуальной религиозности

Фактор	Переменные	Коэффициент
Личностный опыт. Вес фактора – 18,7. Объяснительная дисперсия – 32,9%	Преодолевая трудности – их легче пережить зная, что ты не один, а в сети – всегда найдется тот, кто тебя понимает.	0,768
	Виртуальная религиозность позволяет всегда быть с теми, кто верит в то, что и ты, а также позволяет мобильно получать поддержку в моменте здесь и сейчас	0,743
	Виртуальная религия — это современный способ понимания того, что мы не одни в мире.	0,729

Окончание

Фактор	Переменные	Коэффициент
Социально-средовой опыт. Вес фактора – 16,3. Объяснительная дисперсия – 14,1%	Как жили наши предки — дает опору, но в новых условиях жизни, нужны новые духовные ориентиры. Их предаёт интернет.	0,122
	Новая религиозность в виртуальном мире – дает не меньше сил, чем посещение церкви.	0,321
	Среда виртуального сообщества зачастую может дать большую опору и поддержку, чем те, кто реально живет с с тобой в одной квартире.	0,234
Социально-стратегический опыт. Вес фактора — 11,4. Объяснительная дисперсия — 30,5%	Виртуальная религиозность дает опоры в том, что на этом можно заработать и получить признание.	0,876
	Виртуальная религиозность дает социальный и финансовый капитал, который более защищен в нашем мире.	0,845
	Виртуальная религиозность является инструментом развития личного бренда и своих индивидуальных ценностей, которые потом могут легко монетизироваться.	0,755

Фактор личностного опыта — индивидуальные переживания, связанные с травмирующими событиями в жизни, которые привели к необходимости обращения к религии и религиозность стала социально-терапевтическим инструментом последующей социальной адаптации.

Фактор социально-средового опыта – конструируется на основе среды социализации индивида, когда родственники и близкое окружение воцерковлены (вне зависимости от вероисповедания), ходят на службы, соблюдают обеты, праздники, посты и т.д. И социально-средовой фактор в результате социализации стал условием воспроизводства мира.

Социально-стратегический опыт — строится на основе понимания социального капитала принадлежности к религиозным кругам или той или иной конфессии, для достижения властных, экономических, социальных благ и ресурсов. Религиозность выступает социальным и человеческим капиталом социального развития.

Появление цифрового мира придает ей лишь новые очертания, дает дополнительные символы и знаки, но лишь по-новому заставляя укреплять иррациональную сторону личности, да и общества в целом. Виртуальная религиозность тем самым актуализирует и возрождает старые смыслы в новом времени и новой форме.

Появление виртуальной религиозности становится точкой переключения внимания, актуализации более значимых личностных, мировоззренческих мотивов для личного и социального развития. Респонденты указывают, что они более осознанно и вдумчиво подходят к тому, во что верят. Информация, которая приходит из сети Интернет, которая касается религии, религиозности - совпадает с их ценностями и убеждениями, поддерживая их веру в себя, понимание правильности собственной жизни, помогает найти главные ценности и осознание того, что они не одни в мире и могут рассчитывать на помощь высших сил при необходимости.

Как видно из таблицы 2, значимость социально-средового фактора существенно падает, когда мы акцентируем внимание на виртуальной религиозности. Это позволяет говорить о личной ответственности, более личном выборе виртуальной религиозности. Отличия только роются в мотивах — как личная стратегия переживания экзистенциональных кризисов и смыслов или как инструмент достижения социального благополучия, статуса и уважения.

При факторе личностного опыта, в определении значимости религиозности соотношение мужчин и женщин примерно равно (53% женщин и 47% мужчин), то при выявлении значимости виртуальной религиозности количество

женщин возрастает на треть, а мужчин сокращается (72% женщин и 28% мужчин).

При социально-стратегическом факторе картина противоположная. Хотя, надо сказать, что при выявлении значимости религиозности как инструмента построения социальной и финансовой карьеры мужчин также больше, чем женщин (женщин 42%, мужчин 58%), но виртуальная религиозность еще больше увеличивает эту разницу (женщин 27%, мужчин 73%).

До появления цифрового мира, смена религиозной идентичности происходила чаще насильственным путем (в результате военных завоеваний, как спасение от гонений). Сегодня религиозная идентичность - это личный выбор человека и группы, не влияющий на его положение в государстве или мире. При этом, религиозная идентичность все также остается частью социальной идентичности, но она перестала рассматриваться как ее основа, хотя до сих пор является одним из узнаваемых маркеров чужести и поводом для крупных социальных конфликтов [3]. Изменчивость современного мира приводит к изменчивости и религиозной идентичности.

Появление виртуальной идентичности является следствием неудовлетворенности индивида реальной идентичностью, что также выступает результатом более глобального кризиса идентификации, самопринятия современного человека. Свойства виртуальной среды создают наиболее оптимальные условия для развития виртуальной религиозности. К ним относится: ее нематериальность (25,5%), относительная анонимность (21,1%), быстрота распространения информации (19,5%), ее «протестность», когда виртуальная среда может подстраиваться под нужды пользователя и меняться в зависимости от решаемых задач (18,3%), «открытость, усложненность и поиск альтернатив дальнейшего развития» (15,6%), что дает увеличение возможностей для самопознания и выбора ролей и смены идентичности (рис. 2).

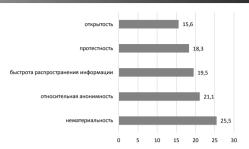

Рис. 2. Влияние свойств виртуальной среды на развитие виртуальной религиозности

Виртуальная идентичность формируется, с одной стороны, когда пользователь начинает отождествлять себя с определенным реальным виртуальным сообществом, с другой стороны фэнтезийным. Этот процесс начинается со входа в цифровую платформу. Каждая игровая платформа имеет свой вид цифрового тела со своими физическими характеристиками. Здесь можно создать персонажа реализации своей виртуальной идентичности: эльфа, человека, орка, демона преисподней, существа из других галактик и т.п. Можно моделировать свою внешность и физические данные. Такие широкие возможности гарантируют, что каждый сможет реализовать свои самые смелые фантазии, осуществить свою «мечту». Важно отметить, что виртуальная идентичность не является стабильной. Трансгрессии подвержена как она сама, так и возможность ее смены.

Религиозность виртуальной идентичности предполагает активизацию телесных и личностных условий, где человек чувствует себя присутствующим скорее в опосредованной виртуальной среде, чем в непосредственной физической реальности. Виртуальная регилигиозность позволяет всегда «быть на связи», стало быть, всегда быть приобщенным к большему и лучшему. В определенных случаях в виртуальном пространстве может создаваться оригинальная виртуальная идентичность, не тождественная реальной. Это связано, прежде всего, со сферой компьютерных игр, практикующих включение фэнтезийных, в том числе и религиозных, сообществ, где может формиро-

ваться, собственно, новая виртуальная религиозная идентичность. Виртуальная идентичность операционально рассматривается как расширение повседневной жизни и инструмент культурных изменений. Соответственно виртуальная религиозная идентичность становится полем расширения возможностей и в религиозной сфере.

Постоянную трансгрессивность виртуальной религиозной идентичности и сложность ее фиксации можно объяснить перманентной сменой мейнстримных мировоззренческих трендов в виртуальном пространстве, оказывающих наибольшее влияние на молодое поколение, являющееся активным пользователем Глобальной сети и основным потребителем продуктов массовой культуры. Среди молодежи (18-35 лет, говорить о виртуальной религиозности можно в 97%, среди представителей среднего возраста (36-55 лет) - 61%, старшего возраста (56 лет и старше) -32.1%.

Особенно остро эти процессы происходят в пандемическом обществе, когда внешние условия пандемии COVID-19 заставили миллионы людей ограничить свое внешнее взаимодействие и выстраивать его через дистанционную работы в сети Интернет. Виртуальная религиозная идентичность именно в это время стала набирать наиболее сильную интенсивность в привлечении новых и новых адептов. Что и требует пристального изучения данного вопроса в новых условиях.

Таким образом, данное исследование является во многом пионерским и требует продолжения и расширения. Но можем предположить, что проведение мониторинга религиозности виртуального пространства и моделировании социального развития под влиянием виртуальной религиозности в ближайшей перспективе станет актуальным трендом развития многих социально-религиозных исследований будущего. В результате данного моделирования возможно создание модели личного и социального развития схем религиозности виртуального пространства, которые позволят регулировать и прогнозировать поведение отдельных социальных групп, подверженных разным виртуально-религиозным процессам общественного воспроизводства и отслеживать процессы ценностномировозренческого и духовноидеологического становления россиян в пандемическом обществе России.

Литература

- 1. Ардашев Р.Г. Иррациональность современных условий религиозной идентичности // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации: материалы Всероссийского научного семинара / отв. ред. и сост.: А.П. Романова, Д.А. Черничкин. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2020. С. 126–132.
- Ардашев Р.Г. Субъективное восприятие свободы воли и религиозного самоопределения в общественном сознании // Социология. 2020. № 6. С. 5–15.
- Иванов Р.В. Новая религиозность и религиозная идентичность среди молодёжи // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации. Материалы Всероссийского научного семинара. Под общей редакцией А.П. Романовой, Д.А. Черничкина. 2020. С. 137–143.
- Летов Е.В. Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества // Вестник МГУ-КИ. 2013. № 4 (54). С. 62–65.
- 5. Романова А.П., Черничкин Д.А. Проблемы виртуальной религиозной идентичности // Политическая наука. 2020. № 4. С. 59–73.
- 6. Романова А.П., Черничкин Д.А., Топчиев М.С. Факторы трансформации современной религиозной идентичности российской молодежи в виртуальном пространстве // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии) 2020. № 3 (13). http://filos.oreluniver.ru/abyss_issue/13/9

7. Трескин П.А. Иррационализация духовности: ресурсы региональных религиозных организаций // В поисках социальной истины. Материалы II Международной научнопрактической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 263—269.

RELIGIOSITY OF VIRTUAL SPACE IN A PANDEMIC SOCIETY: FEATURES OF CONSCIOUSNESS

Ardashev R.G.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the features of changing religion and religiosity in the virtual world. Special attention is paid to the peculiarities of the consciousness of the population in a pandemic. The main idea is the provision that virtual identity generates a new kind of religiosity, which is constructed in the virtual, digital world. The situation of a pandemic accelerates all processes of the work of consciousness, offering new forms of religious identity and, as such, religiosity to influence the quality of life, choice and its consequences for all members of society.

Keywords: religiosity, virtuality, pandemic, adaptation, social management, consciousness.

References

- Ardashev R.G. Irrationality of modern conditions of religious identity // Religious identity and intercultural communication: materials of the All-Russian scientific seminar / otv. ed. and compiled by: A.P. Romanova, D.A. Chernichkin. Astrakhan: Astrakhan State University, Astrakhan University Publishing House, 2020. P. 126–132.
- Ardashev R.G. Subjective perception of free will and religious self-determination in public consciousness // Sociology. 2020. No. 6. S. 5–15.
- Ivanov R.V. New religiosity and religious identity among young people // Religious identity and intercultural communication. Materials of the All-Russian Scientific Seminar. Edited by A.P. Romanova, D.A. Chernichkina. 2020.S. 137–143.
- Letov E.V. Network identity in the culture of the modern information society // Vestnik MGUKI. 2013. No. 4 (54). S. 62–65.
- Romanova A.P., Chernichkin D.A. Problems of virtual religious identity // Political Science. 2020. No. 4. P. 59–73.
- Romanova A.P., Chernichkin D.A., Topchiev M.S. Factors of transformation of the modern religious identity of Russian youth in the virtual space // Abyss (Questions of philosophy, political science and social anthropology) 2020. No.3 (13). http://filos.oreluniver.ru/abyss_issue/13/9
- Treskin P.A. Irrationalization of spirituality: resources of regional religious organizations // In search of social truth. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Edited by O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020.S. 263–269.

Теория М. Грановеттера для социологии города

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологич социологического факультета МГУ E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Идея о сильных и слабых связях профессора Стэнфордского университета Марка Грановеттера — одно из самых замечательных открытий современной науки — еще не получила окончательной прописки в социологии города. Ее числят по ведомству экономической социологии, иногда используя в городских исследованиях, но не включают в обязательный минимум социологии города. И очень зря. В статье предпринята попытка развернуть теорию сильных и слабых связей в сторону городской социологии и общества в целом.

Ключевые слова: сильные и слабые связи, М. Грановеттер, социология города, солидарность, сплоченность, число Данбара, нетворкинг, онлайн, оффлайн.

Сильные и слабые связи

Учение М. Грановеттера состоит из нескольких частей [1-3]. Две из них особенно интересны - это теория встроенности и теория сильных и слабых связей. Все многообразие существующих на земле социальных отношений (социальных связей) делится у него на два типа - сильные и слабые (рис. 1). Грановеттер определил *связь* так: это комбинация какого-то объема времени, эмоциональной интенсивности, близости (взаимно доверительных отношений) и взаимных услуг, которые характеризуют эту связь. У Грановеттера сильные и слабые связи измеряются в терминах количества времени, эмоциональной напряженности. близости (взаимного доверия) и взаимных услуг, способности (потенциала) соединить людей, которые сильно отличаются друг от друга. Чем ниже эти показатели, тем слабее связь. И наоборот. Друзья и родственники постоянно взаимодействуют, затрачивая на это много времени, эмоций и сил, доверяют друг другу и по взглядам на ключевые аспекты жизни близки между собой. Шапочные знакомые, напротив, далеки, малозатратны, различны.

Рис. 1. Сильные и слабые связи М. Грановеттера

Сильные связи состоят из ближайших друзей, родственников и товарищей. Они помогают в трудную минуту жизни и служат надежной опо-

рой. Сильные связи характеризуются эмоциональной близостью, долгой и устойчивой историей частых взаимодействий. В среднем, люди имеют ограниченную сильную связь (или социальную поддержку) в масштабе от 6 до 9 человек [4]. Наши сильные связи состоят из очень близких друзей и семьи, во многом схожих с нами, и представляют собой подмножество наших социальных сетей, в которые инвестируется основная часть наших ресурсов. Грановеттер установил: чем сильнее связь между двумя индивидами, тем больше они становятся похожими друг на друга, а чем сильнее они похожи, тем сильнее они начинают дружить [3]. Друзья могут работать с вами или жить рядом,

учиться в одной школе, отдыхать в одних и тех же местах. Много ли они могут знать из того, чего не знаете вы? Просто знакомые обитают в других пространствах.

В отличие от крепких уз близких людей, слабые связи составляют небольшую долю всех обменных отношений (10%)[5]. Как правило, слабые связи характеризуются кратковременностью взаимодействия со знакомыми и незнакомцами, основанными на более низком уровне доверия, приверженности и связанности, чем более сильные связи. Слабые связи — это отношения между людьми, для которых характерны относительно низкие уровни интенсивности и эмоциональной близости. И наоборот.

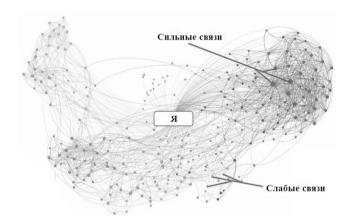

Рис. 2. Я в большом мире большого города

В общем и целом, мы заботимся в основном о наших сильных связях. Проблема с ними заключается в том, что они не так разнообразны, как нам хотелось бы. Общение с ними уже перенасыщено и может вести к творческому застою, мультиплицированию повторяющегося опыта, знаний, привычек и установок. Мы склонны тратить время и внимание на поиск только тех людей, кто близок нам идейно, религиозно, политически и финансово. Поэтому социальная сеть, состоящая только из наших сильных связей, ограничена. На что больше всего обижаются на-

ши близкие? На то, что мы им не пишем и не звоним или не встречаемся. А о чем говорить? Все о том же. Важна не информация, а сам факт эмоциональной близости. Установка деревни работает и в городе.

Нам нужны новые люди — прежде всего в сети, которая перенесет нас за пределы ограниченной ячейки. Нам нужна разнообразная система знаний, мнений, точек зрения и потенциальных связей. Грановеттер [6] назвал их слабыми связями. «Слабые связи — это люди, с которыми мы пока еще не знакомы, но мы знакомы с их друзьями

и друзьями их друзей. Это люди, которых мы плохо знаем, которые, возможно, уже мелькали перед нашими глазами... В нашей жизни слабых связей намного больше, чем сильных, что подтверждает теория шести рукопожатий» [7].

Слабые связи между малознакомыми и незнакомыми людьми снабжают нас новыми знаниями, хотя прибегнуть к ним за помощью мало кто рискнет. Друзья не во всех темах являются хорошими экспертами, например, как лучше трудоустроиться или выбрать наилучшую марку автомобиля. Ведь в друзья мы выбираем не экспертов и не знатоков, а интересных в общении и близких по духу людей. Сильные связи обозначены в вашем мобильном телефоне и электронной почте в графе «Избранные контакты». Но в вашем абонентском списке немало и слабых связей знакомств на всякий случай, например телефон магазина автозапчастей. Большинство людей заблуждаются, считая полезными те связи, что у них уже есть. Якобы старое окружение самое лучшее. Но, согласно исследованиям, уникальные идеи и инсайды возникают как раз через слабые связи [7].

Анализируя книгу Герберта Ганса «Городские сельские жители: группа и класс в жизни итальянских американцев», написанную по следам его изучения в 1950 г. рабочего района Вест-Энд (Бостон), М. Грановеттер пришел к выводу, что жители не смогли организоваться в сплоченное сопротивление планам обновления города, потому что у них не было слабых связей. Поскольку район был разнородным по составу – на две трети белые американские рабочие и на треть эмигранты из Европы, - сильные связи не сплотили, а разобщили горожан. Он предположил, что Вест-Энду не хватало таких связей, которые приводят к сложным ролевым наборам и потребности в когнитивной гибкости, которая помогает успешно взаимодействовать в сложных гетерогенных системах, каковым является городской квартал в многонациональном городе. Однако позже выяснилось, что разрушением сплоченности жителей Вест-Энда поддерживалось и финансированием федеральным правительством, с которым у жителей слабых связей (знакомства) как раз и не было [8].

Однажды в предместье Бостона Грановеттер опросил нескольких сотен промышленных рабочих о том, как они попали на работу. Оказалось, что 56% респондентов нашли ее благодаря личным связям. Трудоустройство по блату – мировой тренд. Парадокс в том, что большинство из этих личных контактов представляли собой «слабые связи»: больше 50% случаев приходились на «шапочные знакомства» с теми, с кем встречались лишь «время от времени». Около 28% опрошенных виделись «редко», и только в 16,7% случаев соискатель встречался с информантом часто, как с «хорошим человеком». Выходит, народ находит себе работу вовсе не через близких друзей.

Итак, слабые связи являются отличным источником информации, а сильные связи — резервом помощи. Сильные и слабые связи одинаково важны в наших социальных взаимодействиях, хотя они выполняют разные функции. Мы можем мультиплицировать как слабые, так и сильные связи через интернет, добавляя просто знакомых в категорию друзей.

Сплоченность и солидарность в групповом диапазоне

Сильные связи, основанные на кровном родстве и многолетней дружбе, формируют то, что можно назвать костной системой общества в целом и города в частности. Напротив, слабые связи между малознакомыми людьми, численно превышающие сильные, больше похожи на плоть, нарастающую на костях, а также кровеносные сосуда, жилы и мышцы.

Слабые связи формируют солидарность — символическую идентификацию незнакомых друг с другом людей с каким-то единым для них обществом или группой, например, солидарность врачей с врачами, питерцев с питерцами, русских с русскими. Сильные связи формируют сплоченность — плотное

межличностное взаимодействие между хорошо знающими друг друга людьми.

На рис. З изображен континуум социальных групп. У него два полюса. На одном расположены малые группы и их самая яркая черта — сплоченность. На другом – большие группы, важнейшим признаком которых служит *солидарность*. Посредине – город как тип социальной организации и социальной общности.

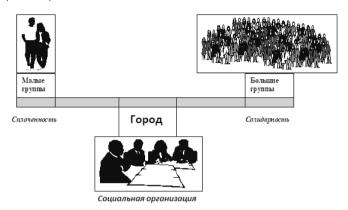

Рис. 3. Сплоченность и солидарность на континууме социальных групп

Сплоченность и солидарность как самостоятельные формы и уровни социального взаимодействия малых и больших групп не следует смешивать. Сплоченность мы проявляем в реальных действиях, зная каждого члена группы, например, когда идем к начальнику отдела защищать своего коллегу, которого тот намеревается уволить. Единство малой группы крепится реальными делами, повседневным общением и взаимодействием. Стоит друзьям разъехаться в разные города, перестать общаться, как через некоторое время они забывают друг друга, перестают быть сплоченной группой.

Солидарность проявляется не между знакомыми людьми, хорошо знающими друг друга, а между представителями одной социальной группы как социальными масками. Московский полицейский защищает тамбовского только потому, что оба они принадлежат к одной профессиональной группе, хотя к разным территориальным общностям.

Как сплоченность, так и солидарность базируются на одном фундаменте – *идентификации* человека со своей группой. Идентификация может быть как позитивной (солидарность, сплоченность группы), так и негативной, которая понимается в социологии как отчуждение, отвержение, дистанцирование.

Город – тип социальной организации, сформированной администрацией на базе территориальной общности и ею управляющей. *Организация* – это большая ассоциация людей действующих на основании неличных связей, созданная для достижения специфических - экономических, политических или религиозных – целей. На всех уровнях внутри организации создаются неформальные сети (связи), их изучение не менее важно, чем изучение формальных характеристик организации. Почти все крупные организации являются бюрократическими по своей природе. Бюрократия включает в себя четкую иерархию власти, установленные определяющие поведение правила, должностных лиц, и разделение между задачами должностных лиц внутри организации и их жизнью вне ее. Часто бюрократия в больших организациях приводит к олигархии (или монополизации власти верхушкой организации Р. Михельс). По словам Т. Парсонса в современном обществе наиболее

важную роль играют не родственные союзы, а государство, церковь, университеты, корпорации и профессиональные ассоциации.

Сплоченность и солидарность, сильные и слабые связи различаются своей природой. Как мне, русскому, ощутить свою принадлежность к такой огромной общности, как русская нация или жители Москвы? Только мысленно. Я незнаком с подавляющим большинством русских и москвичей, знаю об их численности, распределении по территории и образе жизни только из радио и газет. Только мысленно я представляю. как люди живут в Санкт-Петербурге, Орле или Нижнем Волочке. Это целиком и полностью воображаемые сообщества. Целостность таких групп хранится главным образом в головах тех, кто воспринимает такие группы как «мы». Тем не менее это «Мы»-группа, а не «Они»-группа. Когда вы в Европе или Америке вдруг повстречались с русским, вы рады ему чуть ли не как брату. Эмигранты из одной страны живут в чужих странах тесными общинами. Они выпускают свои газеты, создают свои клубы по интересам, общаются и часто женятся на своих.

Сплоченность формируется в *груп-*пах членства (группах участия) – семья, команда, бригада, тусовка. Болельщики Спартака сплочены настолько, что готовы вступить в драку даже с превосходящим противником, скажем, болельщиками Динамо, по малейшему поводу, когда задета честь их фанатского братства. Это пример сильных связей.

Солидарность невозможна без референтной группы. Референтной называется группа, чем-то привлекающая человека, ценностей которой он придерживается или стремится к ним приспособиться, членом которой он охотно бы стал, либо группа, с которой он себя сравнивает, которая служит ему точкой отсчета для оценки самого себя и других. С группой членства или группой участия вы можете себя отождествлять или не отождествлять, но с референтной группой вы себя всегда идентифицируете. Идентификация — от-

личительный признак солидарности, но не обязательно слабых связей. Интеракция (взаимодействие) — отличительный признак малой группы, сплоченности и сильных связей. Малой группой называют небольшое число людей, которые хорошо знают друг друга и постоянно взаимодействуют между собой.

Мы не всегда довольны той группой, к которой принадлежим, т.е. группой членства: кто-то живет в деревне, но хотел бы переехать в город, другой попал в класс, где его не любят (так сложились обстоятельства), и ему хотелось бы перейти в соседний, кто-то мечтает попасть в профессиональную команду, а пока что играет в любительском футболе. «Группа нашей мечты» так еще можно назвать референтную группу.

Мосты дружбы между слабыми и сильными

Сильные связи предоставляют необходимую социальную поддержку («убежище в бессердечном мире»), влияют на принудительное соответствие ожиданиям социального круга, выполняя функцию агента первичной социализации. Но город начинается со слабых связей (знакомые, коллеги), которые служат *мостом* к другим социальным группам и сообществам. Они разрывают закрытое общество, переводя его в статус открытого общества. Грановеттер объясняет, что мост - это «линия в сети, которая обеспечивает единственный путь между двумя точками», что означает, что эти две точки (люди) не имеют других пересекающихся соединений. Все мосты – слабые связи, но не все слабые связи – мосты. Преодоление слабых связей ценно тем, что они могут соединять узлы, сети которых не перекрываются [8]. Чтобы учиться новому, нужны люди, которые отличаются от нас.

Современный город — наглядная модель открытого общества. Здесь они открывают возможности индивидуальной автономии через уникальное структурное местоположение. Индивиды с множеством слабых связей получают преимущества для учебы, занятия биз-

несом, расширения круга клиентов, свободы творчества, продвижения по службе, заключения финансовых сделок, приглашения на конференции и т.д. Например, ежегодные конференции позволяют ученым встречаться и разговаривать с коллегами из других университетов. Благодаря таким обменам информацией они могут получить сведения о профессиональных возможностях (вакансии, публикации, премии, фонды) от своих мало знакомых визави задолго до публикации этой информации в печати. Одним из преимуществ, или сильных сторон слабых связей служит то, что они соединяют прежде разрозненные группы [9]. Общественное пространство города — метро, дороги и улицы, скверы, парки и площади, кафе и рестораны — источник слабых связей.

Сила слабых связей

Контанкты через сильные связи

Контакты через слабые связи

Рис. 4. Кто сильнее – слабые или сильные – в мире слабых связей?

Сила слабых связей пропорциональна количеству разрозненных групп, которые соединяются этими связями как мостиками [6]. Каждый из нас – посредник или мост между изолированными группами людей, по-всякому отличающихся друг от друга. Чем больше разных социальных групп вы объединяете, тем сильнее становитесь. Если ваше окружение давно не менялось, толку от него уже мало. Надо чаще переходить, находить и обретать новых знакомых и информантов.

М. Грановеттер пришел к выводу, что самые важные связи — это те, которые служат мостом для новых связей, образования новых сетей и к новым возможностям. Его исследования показали, что «никакие сильные связи не могут исполнить роль такого моста. Зато слабые связи прекрасно выполняют данную функцию. Встреча с новыми людьми происходит через знакомых ваших знакомых. Слабые связи соединяют людей с новой информацией и ресурсами, которые распространя-

ются через сети с низкой плотностью. Слабые связи имеют решающее значение для связывания групп сильных связей. Они объединяют сети сетей, укрепляют отношения и формируют новые связи между существующими кругами отношений. Яркий пример силы слабых связей — «зеленая революция» в Иране, когда молодежь вышла на улицы в знак протеста против результатов выборов в 2009 г. Все «цветные» революции запускаются ныне через интернетсвязи.

Как показано на рис. 5, в качестве мостов могут выступать только слабые связи. Это сила слабых связей. Слабые связи ценны, поскольку они представляют собой единственную социальную связь между двумя изолированными группами. Из-за триадического (триада) закрытия группы дружбы, как правило, знают одних и тех же людей. Такие группы называются: а) островными и б) кликообразными (cliquish), т.е. кликами, сектами, частными клубами, узким кругом лиц.

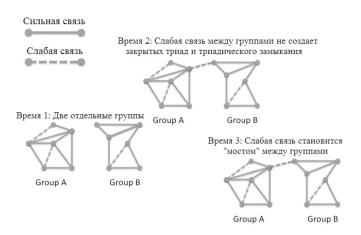

Рис. 5. Слабая связь как «мост» между группами

Слабая связь – более тонкая связь. Один раз в год вы можете отправить, родственнику. дальнему например. рождественское поздравление, обещающее чаще общаться. Если вы посмотрите на их номер, они удивятся, услышав о вас. Возможно, где-нибудь в дальнем ящике письменного стола завалялась визитная карточка того, с кем вы однажды пересеклись и кто может однажды понадобиться, когда вы вдруг на нее натолкнетесь. Не имей сто рублей, а имей сто друзей – это сильных и слабых, годных в разное время и по разному поводу. Маленький город, где все знают друг друга или почти знают, - сообщество сильных связей. Крупный город, где никто никого не знает или почти не знает, – общество слабых связей. Однако сильные и слабые связи в одинаковой мере можно относить к категории значимых других.

Парадокс Грановеттера говорит о том, что во многих социальных и экономических явлениях в городе, например, при поиске работы слабые связи знакомства оказываются сильнее сильных связей дружбы. Другой парадокс: с течением времени в ходе социального взаимодействия слабые связи имеют тенденцию превращаться в сильные связи. Так, в США число слабых связей резко падает после 2—3 лет работы на одном месте. В России «допусти-

мый» срок работы на одном месте без ущерба для социального капитала — 5 лет. Это парадокс зависимости числа связей от времени работы на одном месте. Парадокс Грановеттер называется силой слабых связей.

На количество слабых связей влияет частота переездов людей. Чем выше частота, тем выше количество таких связей. Меньше переездов и больше «оседлость», вероятнее формируются сильные связи. Больше всего «слабых связей» у людей, которые живут в одном месте не более 10 лет. Таким образом, выявляется зависимость «слабых связей» от времени, которое человек живет на одном месте.

Зависать в сети

После того, как социальные сети стали мейнстримом, онлайн-дружба выходит на первый план. Мейнстримом становятся уже слабые, а не сильные связи. Наши дети постоянно зависают в ноутбуках и смартфонах, айпадах и онлайниграх. Много ли у них не виртуальных друзей? Да и взрослые от них не отстают. По статистике, время, проводимое в виртуальных мирах, начинает приближаться к времени в оффлайн режиме. Четвёртая промышленная революция — массовое внедрение киберфизических систем в производство (индустрия 4.0) и обслуживание человеческих потребно-

стей, включая быт, труд и досуг – получает нужные ей кадры в массовом масштабе. Умные города еже не за горами. На повестке новая трактовка социального капитала Бурдье как сумму виртуальных ресурсов, встроенных в устойчивые сети отношений мегаполиса и глобальной «деревни».

Если гости сидят за праздничным столом и общаются друг с другом только по мобильнику, то что это – сила слабых связей или слабость сильных связей?

Успехи социальных сетей и мировой паутины, определяющие Четвертую революцию, показывают, что использование слабых связей проще, быстрее и чаще. Facebook, Twitter, LinkedIn – это фабрика по производству «друзьях наших друзей». И неважно, какой они национальности, пола или возраста. Они скрыты под никами и аватарами, для них главное текст, а не контекст.

Платформы социальных сетей строятся вокруг слабых связей. В Twitter или Facebook у вас может быть тысяча «друзей», каких вы никогда не смогли бы приобрести в реальной жизни. Мир онлайн и мир оффлайн – совершенно разные миры, как город и деревня, как общество и община. Дружить или трудиться на дистанции, значит, расширять слабые связи. Но наши знакомые - не наши друзья. Они - самый большой источник новых идей и информации, но не крепких и надежных уз. Слабые связи, активизируемые Web 2.0, пригодятся для популяризации вашей книги или поиска спонсоров для вашего онлайн-проекта с помощью краудфандинговых платформ, распространения инноваций, междисциплинарного сотрудничества, логистического расширения мира знакомств, управления социальными протестами или движением за гражданские права.

Для инвалидов и одиноких, испытывающих ограничения в установлении сильных связей, интернет, помогающий установить слабые связи и отдаленными другими, выполняет роль компенсационного механизма. Путешествия по другим странам, членство во множестве онлайн-клубах, участие на дискуссионных платформах, вебинарах и интернет-форумах насыщают жизнь полноценным содержанием.

Нетворкинг – если не следствие или причина, то употребление с выгодой зависания в сети. Networking (net сеть + work - работа) - такая деятельность в сети, где через приобретение выгодных знакомых, т.е. устанавливая слабые связи, вы организуете новые проекты, реализуете бизнес-планы, покупаете, продаете, договариваетесь и т.д. Вы периодически отправляете текстовое сообщение знакомым вроде: «Привет, дорогой, давно тебя не видел. Как твои дела?» Нетворкинг означает оставаться на связи. Всем говорите о себе, рекламируете себя и свой маленький бизнес, оставляйте визитки, приглашайте на ланч, договаривайтесь о встрече, говорите, что всегда рады помочь другим, посещайте брифинги и конференции, завязывайте новые знакомства. Работа в сети, нетворкинг – это целенаправленный процесс по созданию круга полезных знакомств. LinkedIn провела исследование и выяснила, что 85% вакансий заполняются с помощью нетворкинга.

Город без сильных связей

Город – огромное пространство слабых связей, на котором образуется большое число небольших островков – закрытых дружеских компаний, клубов по интересам кружков друзей и единомышленников. Жить всю жизнь на острове, значит, не видеть открытого моря, не бывать в других странах, не открывать другие

острова, и не путешествовать и не заводить новых знакомых, не расширять свой кругозор и не набираться нового опыта. Тесный деревенский мирок – наше отдаленное прошлое, мир механической солидарности Дюркгейма, первобытнообщинного строя Маркса, Gemeinschaft Тенниса. Глобальная деревня Маклюэна — это не сжавшийся до размеров поселка земной шар, а земной шар, сблизивший в планетарном масштабе всех людей, которые могут устанавливать социальные связи поверх границ и континентов.

Жители бедных районов, представители национальных диаспор и расовых гетто ведут замкнутый полуавтономный образ жизни. У них мало связей в большом городе с другими классами и слоями, недостает денег на современные информационные технологии. В результате сильные связи у них преобладают над слабыми, что мешает выбраться из бедности, выбрать успешную карьеру, состояться как личность.

Бедные районы – не единственная проблема. Новые кварталы, переполненные многоквартирными домами, жмущимися друг к другу, торговыми ларьками на тротуарах, активной розничной торговлей, не способствуют формированию цепочек сильных связей. Мешают сильным связям неудобные улицы, заполненные машинами и парковками, с узкими тротуарами, дома без дворов, города без скверов, парков и прогулочных зон. Завязывать личные отношения гражданам просто негде. Остается сидеть дома и с помощью интернета развивать слабые связи. Замкнутые в своих ячейках горожане не общаются с ближайшими соседями, не знают, кто, где и как живет. Даже следователю, разыскивающему преступника, они ничего не могут сказать. Никто не интересуется, какие посторонние навещают соседей, кто болеет за стеной и какая им помощь нужна.

Такова модель поведения в современных мегаполисах. И вряд ли низкое качество сильных связей можно компенсировать высоким качеством слабых связей. В интернете горожане все также остаются равнодушными и эгоистичными. Враждебные для пешеходов города враждебны слабым связям, житейскому комфорту, местному патриотизму.

Если в городе много кварталов с узкими улицами и зданиями впритык к тротуару, но мало архитектурных достопримечательностей, то он будет неудобен не только для жителей, но и для туристов, которые могут принести с собой слабые связи (рис. 6).

Сильные Связи	Слабые Связи
	1-1-1
	1 - 1
Семейно-подобные Поддерживают эмоции Замкнутый характер Удобные для пешеходного урбанизма	Менее интимные Ориентированы на автономию Способствуют новым идеям Удобные для пешеходного урбанизма

Рис. 6. Свойства сильных и слабых связей в городе

Источник: Price S. Socially sustainable communities are more than friends and families // CNU Journal, Sep. 4, 2018

Не лучше обстоят дела и в пригородах. Пригороды с широкими улицами, отгороженными участками, разделенными по классам жилыми районами не всегда способствуют открытому образу жизни, взаимопомощи, социальному активизму. В этом плане дачные поселки с небольшими участками, маленькими домишка-

ми, прозрачными заборами в большей степени сближают людей и помогают налаживанию сильных связей.

Развитое общественное пространство – кафе, рестораны, парки, скверы, площади, транспорт – служит предпосылкой развития сильных связей.

Страна без слабых связей

Биата Фолькер и Хенк Флап в 1989-1994 гг. в двух городах бывшей ГДР, Лейпциге и Дрездене, провели исследование с применением теории сильных и слабых связей Грановеттера и концепцию социального капитала [10]. Немецкие социологи попытались выяснить, как в социалистическом обществе, провозгласившем социальную справедливость, социальное равенство и социальную поддержку населения, обстоят дела с этими переменными. Случайная выборка в 1989 г. составляла 489 и в 1994 г. 304 жителей двух городов в возрасте от 30 до 55 лет и имевших работу до 1989 г. Иными словами, из тех, кто хорошо помнил жизнь в бывшем социалистическом лагере. Интервью длились от двух до двух с половиной часов.

Оказалось, что в марксистски ориентированном обществе социальная поддержка неотделима, а иногда выступает синонимом государственному контролю, политической цензуре и тотальному надзору за поведением граждан. Практически все институты в ГДР были созданы в соответствии с нормами коллективизма. Люди работали в бригадах или коллективах и должны были вступать в организации, чтобы проводить свободное время. Соседские и домашние комитеты коллективизировали жизнь в доме и вокруг него [11]. Через и на основе руководимых партией организаций формировалась социальная интеграция общества. Интервьюируемые заявляли, что они предполагали, что в каждом домкоме, квартале, досуговой группе или трудовой бригаде был по крайней мере один человек, который являлся неофициальным информатором полиции безопасности.

Тотальный политический контроль над повседневной жизнью ставил лю-

дей перед острой проблемой: кому доверять и как решить, были ли намерения другого честными. Вопрос, кому доверять, становился особенно острым при обсуждении политики: люди озирались по сторонам, видели стукачей на каждом углу. Ущерб от неосторожных связей был критическим, снижая жизненные шансы и виды на успешную карьеру. Публичная сфера общества являлась самым опасным пространством города, люди замкнулись в своих квартирах, а общество фрагментировалось на множество закрытых ниш обшения.

В такой ситуации слабые связи не укрепляли общество, не расширяли социальные возможности и не открывали дверь в огромный мир информации. Напротив, они были опасные и рискованные. Горожане создавали малые миры сильных связей и проверенных друзей. Замкнутые ниши служили убежищем от всепроникающего идеологического контроля. Поиск работы происходил либо через официальные институты трудоустройства, чтобы не вызывать подозрений, либо через сильные связи хорошо проверенных людей, которые уверенно не разглашали информацию. Сетевая структура сильных связей, где не было информаторов и предателей, напоминала подпольную организацию, действующую в условиях оккупации.

Наряду с неформальной сетью общения действовала неформальная или «теневая» экономика, неизбежная при плановом хозяйстве. Достать дефицитный товар удавалось только через знакомых, знакомых знакомых и прочих «нужных» людей. Процветал черный рынок с валютными сделками, бартерный обмен и вторичная занятость. Люди инвестировали в свои личные сети, чтобы получить дефицитные товары. В период с 1985 по 1988 г. около 30% всех ремонтных работ в домашнем хозяйстве производились с помощью личных отношений; в 1989 г. около 80% граждан знали кого-то, кто мог бы помочь им приобрести дефицитные товары [10]. И вот здесь, в «сетях снабже-

ния», в отличие от политических ниш, важную роль играли уже не сильные, а слабые связи, ибо чем обширнее и разнообразнее был круг знакомых, тем с большей вероятностью можно было узнать о модных новинках и приобрести дефицитную вещь без очереди. Но и здесь все делалось с оглядкой и осторожностью. Прежде чем вступить в экономические отношения, через знакомых наводили справки о степени надежности партнера.

В коммунистическом обществе, таком как бывшая ГДР, приходят к общему выводу авторы исследования, слабые связи являются помехой, а не преимуществом. Поэтому граждане ГДР доверяли только людям, которых они хорошо знали. Поскольку люди остро осознавали политический контроль и потенциальный ущерб от слабых связей, они вкладывали средства в других с осторожностью. Они держались на расстоянии от незнакомцев и всех остальных, чья надежность была сомнительной. Политику обсуждали только с людьми, которым доверяли («ниша»). Однако нехватка товаров в командной экономике заставляла людей полагаться на слабые связи и неформальные сети общения, структурированных общественным разделением труда. Ситуация изменилась только после падения Берлинской стены.

Число связей Данбара

Профессор антропологии Оксфордского университета Роберт (Робин) Данбар, проводя эксперименты над приматами, в 1990-х годах, т.е. через 20 лет после открытия Грановеттером сильных и слабых связей, открыл свое знаменитое число. Оказалось, что это количество сильных связей среднестатистического горожанина – родные, знакомые и приятели невелико.

В него входят: 5 членов семьи и друзей детства, еще 15 – это коллеги по работе или партнеры по бизнесу, следующие 50 – приятели, что называется «хорошие знакомые». Остальные – «просто знакомые». Всех не более 150.

Приблизительно подсчитано, сколько часов требуется для ознакомления и вхождения в группу:

- из 150 человек **50 часов**.
- из 50 человек 100 часов.
- из 15 человек **200 часов.**
- из 5 человек **более 200 часов**.

Частота контактов между членами сети определялась двумя классами переменных: пассивными факторами (расстояние, коллега по работе, за границей) и активными факторами (эмоциональная близость, генетическое родство). Контроль влияния пассивных факторов на частоту контактов позволил разграничить иерархическую структуру социальных групп [12].

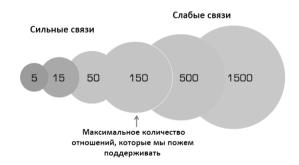

Рис. 7. Континуум сильных и слабых связей в связи с числом Данбара

Вы можете возразить, что у вашего знакомого более 500 связей в Facebook и столько же подписчиков в Instagram, но ключевым моментом здесь является «Стабильные социальные отношения».

Мы часто путаем наши социальные связи со стабильными социальными отношениями. В своей книге «Уход, сплетни и эволюция языка» Данбар разъясняет: «Речь идет о количество тех, к кому

вы не постеснялись бы присоединиться в баре и выпить без особых церемоний».

Данбар обнаружил, что социальная сеть обычного человека подчиняется простым законам масштабирования от ближайших друзей и родных (семья), к которым вы обращаетесь за личным участием, товарищей (суперсемейство), знакомых (клан), кого вы можете пригласить на вечеринку, до случайных приятелей (племени). На каждом уровне количество людей увеличивается примерно в 3 раза. Таким образом, 5 — семья, 15 — суперсемья, 50 — клан и 150 — ваше племя.

Как только вы достигли предела Данбара, то не заводите новых друзей, а просто заменяете тех, кто у вас уже есть. В 150 входят те, о ком вы можете рассказать, что происходит в их жизни, и те, с которыми вы проводите почти все свое время. Сюда включена и семья, а за пределами находятся символически значимые другие, с кем вы знакомы лишь фигурально и кто входит в ваш круг общения. Иными словами, кто составляет слабые связи.

У Данбара получается последовательность с множителем три: 5, 15, 50, 150, 500, 1500. На 1500 она заканчивается. Таково максимальное число «соплеменников», которых человек способен узнавать в лицо. Размер максимальной группы, внутри которой возможно более-менее продуктивное взаимодействие, 150. У Данбара нет ни одного числа, взятого с потолка: они состоят в прогрессии, а каждому элементу соответствует свой уровень эмоциональной дистанции. К примеру, пять - это минимальный размер малой группы, состоящий из одной диады и одной триады. Для строительной бригады или воинского отделения эффективный размер – 15 человек: 30 человек составляют взвод, 90-100 человек – роту. Знаменатель примерно тот

У среднестатистического человека существует серия иерархически расширяющихся кругов знакомств. Каждый последующий круг или слой включает в себя все большее количество людей на все более низком уровне эмоциональной близости. Слои имеют очень разные размеры с коэффициентом масштабирования равным 3. Численность каждого слоя указана цифрами в соответствующем кружке на рис. 8. Круг числом 150 соответствует количеству людей, которые связаны отношениями доверия, обязательств и взаимности. Вслед за ним расположены: слой знакомых (500 человек) и слой запоминаемых только по имени или фамилии (1500 человек). Два внутренних круга (5 и 15) тесно связаны и составляют единую сеть - семья-друзья («друзья навеки»). За ним следует круг ближайших «значимых других» (коллеги по работе, клубные приятели, дальняя родня), для которых единственная связь осуществляется через вас (Эго). Пока не установлено, в какой круг входят любовники и любовницы.

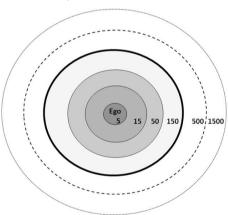

Рис. 8. Круги знакомств взрослого человека

Почему их ровно столько? Да потому что человеческая память не в силах удержать больше [13]. Хотела ба, да не может. Таков наш неокортекс — новые области коры головного мозга, которые у низших млекопитающих только намечены, а у человека составляют основную часть коры. Без него мы не сможем читать, писать, рисовать, проходить социализацию и стать цивилизованным существом. Неокортекс играет важную роль в процессах сна, памяти и обучения.

Данбар обнаружил, что размер неокортекса связан еще и с размером социальной группы. Нам нужен большой мозг, чтобы общаться с членами группы. Но не с бесконечным их числом. Способности мозга позволяют иметь не более 150 виртуальных друзей. На большее у человека не хватает ни памяти, ни времени, ни сил. А иногда и денег. Например, среднее количество гостей, которых люди приглашают на свою свадьбу, составляет около 180-200, или даже среднее количество друзей на Facebook составляет примерно 150-200. С возрастом мы теряем не только друзей, но и желание их иметь. При этом интроверты (замкнутые на себя) делают это быстрее, а экстраверты (открытые для других) медленнее. Но кем бы вы ни были по психотипу, число Данбара для всех одинаково - 150. Это вроде предела чисел в десятизначной системе счета.

Сравнив в 2010 г. пользователей Facebook, назвавших несколько тысяч «друзей», с имеющими их несколько сотен, по размеру израсходованного интернет-трафика, Данбар доказал, что пользователи социальных сетей не могут поддерживать постоянные дружеские отношения более чем со 150 другими пользователями. Критерии дружбы, или сильной связи, Данбар определил так: друг - это человек, с которым поддерживается контакт хотя бы раз в год, у него есть эмоциональная связь и память о том, какие отношения у него с другими друзьями. Связи, которые выходят за пределы усредненного показателя в 150 человек, Данбар называет парасоциальными односторонними связями.

Правило Данбара взяли на вооружение многие компании. W.L. Gore & Associates – крупное предприятие, насчитывающее более 7,5 тыс. человек, которые трудятся в нескольких странах. Как только численность персонала в одном месте начинает превышать 150 человек, руководство строит новый завод. В результате нет жесткой иерархии и бюрократической возни, все

сотрудники – партнеры в общем деле, они вместе устанавливают зарплату и формируют неповторимый психологический климат. На протяжении 35 лет компания остается высокоприбыльной, текучесть персонала втрое ниже средней по отрасли, качество продукции не имеет равных. Похоже это крупный город или глобальное общество? Скорее на деревню в глобальном городе, или общину Тенниса в большом обществе.

Теория о том, что люди могут поддерживать только 150 дружеских отношений, выдержала 30 лет экспериментально проверки. Число Данбара подтверждается в самых различных исторических группах: 150 — это размер неолитических фермерских общин и численность подразделения римской армии. По большому счету в этой модели можно увидеть всё — и трагедию общин, и законы Паркинсона, и строй древнеримского войска, и современной деление армии по подразделениям, и законы построения эффективных безнес-компаний.

Невидимые связи темной материи

Слабые связи аналогичны добрососедским отношениям, «кивающим соседям», живущим на одной улице, или поставщикам, у которых обычно покупают предметы повседневного спроса. Их Грановеттер классифицирует как «отсутствующие» отношения [6]. Согласно Грановеттеру, в определение отсутствующих связей входят те отношения, которые не имеют существенного значения, например кивок головой, взмах руки, слова о погоде. Такие отношения со знакомыми незнакомыми людьми социологи называ-ЮТ **НЕВИДИМЫМИ СВЯЗЯМИ**, ПОСКОЛЬКУ ОНИ практически незаметны и часто упускаются из виду как соответствующий тип связей [14]. Тем не менее, они поддерживают чувство близости и принадлежности людей [15].

Более того, тот факт, что два человека могут знать друг друга по имени, не обязательно свидетельствует о наличии слабой связи. Если их взаимодействие незначительно, связь может

отсутствовать или быть невидимой. «Сила» межличностных связей — это линейная комбинация количества времени, эмоциональной напряженности, близости (или взаимного доверия) и взаимных услуг, которые характеризуют каждую связь [6].

Роль незначимых соседей, с которыми нет прочных отношений, но которые, тем не менее, вносят существенный вклад в сплоченность городского квартала, можно уподобить *темной* **материи** во вселенной. Она не видима ни в какой земной телескоп, тем не менее существует и в три раза превышает массу видимой материи, из которой состоят все звезды, планеты и галактики, включая межзвездный газ и радиацию. Так что незначимыми подобные связи являются с определенной оговоркой. К значимым соседям надо относить тех, кто любопытствует, сует ном не в свои дела, подглядывает, распространяет сплетни или ведет себя очень шумно. Это видимая материя городского квартала.

Слабые связи символизируют общество, сильные — семью и друзей. Правильно социализированный индивид имеет хорошо развитую сеть как слабых, так и сильных связей, ибо существует тенденция первые превращать во вторые. Связь с незнакомым или неизвестным сетевым агентом сулит встречу с человеком совершенно другого склада мышления и образа жизни, иной культуры и языка. Слабые связи выводят нас за горизонт «черной дыры» — привычного замкнутого круга одинаковой материи.

В социальном мире, где видимой материей управляет невидимая материя, действует закон притяжения подобного: друзья тяготеют к друзьям, родственники, укрепляя свои кланы, притягивают родню, устраивая ее на выгодные должности и переписывая на нее дорогие квартиры. В США провели эксперимент: в одном месте собрали 100 амбициозных топ-менеджеров из разных сфер, намереваясь их познакомить. В итоге 95% участников знакомились и общались с теми, кто на них

похож или кого они уже знают. Банкиры говорили с банкирами, консультанты с консультантами [7].

притягивает подобное Подобное себе и отталкивает несхожее: мы тяк землякам или соплеменникам, а не к иностранцам или мигрантам, к единоверцам, к одноязычникам, к сверстникам. В результате такого закона социальное пространство города становится гомогенным, однообразным и консервативным. Оно не способно быстро адаптироваться к новым условиям, ваша страна рано или поздно отстанет от других стран. Сильные связи и гомогенное пространство - это деревня, это наше прошлое, это господство и диктат сильных связей.

Слабые связи вносят структурное многообразие, повышают гибкость и адаптивность системы, превращают город в социальную и культурную лабораторию по изобретению нового. Городское пространство становится гетерогенным, поликультурным, разноязыким и открытым. Слабые связи соединяют далекие культурные галактики и, вопреки законам физики, переводят невидимую материю в статус видимой, наполненной светом и жизнью. По большому счету их уже нельзя именовать невидимыми.

В то время, когда Грановеттер писал свою книгу «The Strength of Weak Ties», большинство специалистов в области городской социологии рассматривали слабые связи как свидетельство социального отчуждения в городе. В соответствии с этим, они разрабатывали модели, которые оценивали роль узлов в социальных сетях по числу входящих и выходящих связей (мера центральности). После Грановеттера стандартные методы измерения социального здоровья городского сообщества пришлось пересмотреть, поставив качество выше количества информации [8]. Он утверждал, что «новая» информация - новости, о которых еще не знают в группе ближайших друзей, – наиболее полезна в критические моменты, будь то поиск работы или организация политических действий.

Значение учения Грановеттера

Марк Грановеттер утверждал, что экономическое поведение встраивается в социальные отношения и сетевые структуры, которые оказывают существенное экзогенное влияние на рынки, фирмы и работников. Сильные связи, т.е. отношения этнической принадлежности, родства и дружбы уменьшают риск встретить непонимание и проявления оппортунизма, удовлетворяют потребности малого бизнесе в средствах защиты. Взаимное доверие снижает транзакционные издержки и повышает прибыльность выше рыночного уровня. Мы все встроены в социальные сети. Они оказывают огромное влияние на наши решения, касающиеся рынка, конкуренции, покупок, альтернативного выбора, отчасти - карьерного роста и политических предпочтений.

Грановеттер полагает, что в дорыночных обществах встроенность экономических отношений в социальные отношения была ниже. Сегодня она выше и даже обширнее, чем думает большинство экономистов. Рынок расширяет пространство слабых связей и даже делает их более необходимыми, чем сильных.

Слабые связи существуют между родными и друзьями – это ближний круг, примерно 150 человек. Это размер древнего племени. Между людьми доверительные, родственные, крепкие связи. Современное общество состоит из миллиардов таких кругов. Они хороши как средство психологической и социальной связи (одолжить деньги, приютить, продвинуть по службе). Но с информационной точки зрения они слабы. Сильнее и полезнее их слабые связи между малознакомыми людьми у них шире и разнообразнее жизненный опыт, разнообразнее сведения. Это модель органической солидарности Дюркгейма и Gesellschaft Тенниса. У Грановеттера они не противостоят, а сосуществуют и дополняют друг друга. Просто у них разная функция.

Грановеттер стал пионером многих современных сетевых наук и экономи-

ческой социологии. Он - самый цитируемый живой социолог, и его работы повлияли на экономику, политологию, маркетинг, психологию и многое другое. Его статья «Сила слабых связей» (1973) - самая цитируемая статья социологии всех времен. С помощью его идей ученые описывают рынки труда с многообразием трудовых контактов, колебания предложения и спроса на рабочую силу, механизм повышения гибкости в использовании рабочей силы (флексибилизации), проблемы профессионального выбора, характер спроса на труд, поведение потребителей, адаптацию компаний к спросу на товары и сервисные услуги с учетом их качества и количества [16]. Концепции встроенности повлияли на развитие «новой экономической социологии» и организационные исследования. Настало время более активно «встраивать» теорию М. Грановеттера в социологию города. Она полезна тем, что предлагает мост между микро- и макросоциальным миром. между сообществом и обществом. между малым и крупным городом, между домом и улицей, наконец, между Я и социальными сетями.

Сильные и слабые связи одинаково важны в наших социальных взаимодействиях, хотя они выполняют разные функции. Это как две стороны одной медали. Будь эта медаль городом или обществом. Нельзя уничтожить одну из них, не уничтожив другую. Метафора глобальной деревни Маклюэна именно так и надо понимать: глобальное как мир слабых связей не может существовать без мира сильных связей деревни. Как не может существовать общество без семьи, а город без домов.

Теория М. Грановеттера о сильных и слабых связях, на мой взгляд, перекликается и продолжает классические учения урбанизации Э. Дюркгейма и Ф. Тенниса. Исторически урбанизация разворачивается от Gemeinschaft к Gesellschaft Тенниса, от механической солидарности к органической по Дюркгейму. Город, особенно мегаполис олицетворение второго. Но исчезло ли в нем первое? Большинство социоло-

гов дает отрицательный ответ. Но как и почему оно не исчезло, в какой форме сохранилось? Специалисты по менеджменту видят следы Gemeinschaft к Gesellschaft в неформальной (малая группа) и формальной (большая группа) структурах социальной организации. Свой ответ предложил Марк Грановеттер, в работах которого прямой отсылки к идеям Дюркгейма и Тенниса, а тем более утверждения о том, что его концепция является логическим продолжением их теории мне обнаружить не удалось. Тем не менее, такая связь есть и вот почему.

Литература

- Granovetter, M. (1983). The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. Sociological Theory. 1: 201–233.
- Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 44–58.
- 3. Грановеттер М. Сила слабых связей / пер. З.В. Котельниковой) // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31-50.
- Bernard Russell H. et al. Comparing four different methods for measuring personal social networks // Social Networks, 1990, volume 12, pp. 179– 215.
- Amato P: Personality and social network involvement as predictors of helping behavior in everyday life. Soc Psychol Q. 1990, 53: 31–43
- Granovetter Mark S. The Strength Of Weak Ties // The American Journal of Sociology, Vol. 78, No. 6. (May, 1973), pp. 1360–1380.
- 7. Арефьев И. Парадоксальный нетворкинг: пять правил, сила слабых связей и эффект Медичи. 5.03.2019 // https://vc.ru/hr/60067-paradoksalnyy-netvorking-pyat-pravil-sila-slabyh-svyazey-ieffekt-medichi
- Kurgan L. et al. Weak Ties: The Urban History of an Algorithm // e-flux

- Architecture, "Are Friends Electric?". October 2020
- Stefanone Michael A., Kwon K., Lackaff D. The value of online friends: Networked resources via social network sites // First Monday Volume 16, Number 2–7 February 2011.
- Volker B., Flap H. Weak ties as a liability: The case of East Germany // Rationality and Society November 2001 13(4):397–428.
- Völker B., Flap H. Amitié et inimitié sous le communisme d' Ètat. La cas de l' Allemagne de l'Est // Revue Française de Sociologie 1995. 4: 629–654; Völker B., Flap H. The Comrade's Belief Some Implications and Consequences: Neighborhood Relations in the Former GDR // European Sociological Review 1997. 3: 241–265.
- 12. Hill, R.A., Dunbar, R.I.M. Social network size in humans // Hum Nat 14, 53–72 (2003).
- 13. Robin I.M. Dunbar The Social Brain: Mind, Language, and Society in Evolutionary Perspective // Annual Review of Anthropology, (2003) 32:163–168.
- Felder M. Strong, Weak and Invisible Ties: A Relational Perspective on Urban Coexistence // Sociology. (2020). 54 (4): 675–692.
- 15. Blokland T., Nast J. From Public Familiarity to Comfort Zone: The Relevance of Absent Ties for Belonging in Berlin's Mixed Neighbourhoods // International Journal of Urban and Regional Research. (July 2014). 38 (4): 1142–11 59.
- Timmer J. On the Edge of the Labour Market. – Amsterdam, Netherlands, 1994.

M. GRANOVETTER'S THEORY FOR URBAN SOCIOLOGY

Kravchenko A.I.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Stanford professor Mark Granovetter's idea of strong and weak ties – one of the most remarkable discoveries of modern science – has not yet received its final registration in the so-

ciology of the city. It is listed by the Department of Economic Sociology, sometimes used in urban studies, but is not included in the mandatory minimum of the sociology of the city. And in vain. The article attempts to expand the theory of strong and weak ties in the direction of urban sociology.

Keywords: strong and weak ties, M. Granovetter, sociology of the city, solidarity, cohesion, Dunbar's number, networking, online, offline.

References

- Granovetter, M. (1983). The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. Sociological Theory. 1: 201–233.
- Granovetter M. Economic action and social structure: the problem of rootedness // Economic sociology. – 2002. – T. 3. – No. 3. – P. 44–58.
- Granovetter M. The strength of weak ties / lane. Z.V. Kotelnikova) // Economic Sociology. – 2009. – T. 10. – No. 4. – P. 31–50.
- Bernard Russell H. et al. Comparing four different methods for measuring personal social networks // Social Networks, 1990, volume 12, pp. 179–215.
- Amato P: Personality and social network involvement as predictors of helping behavior in everyday life. Soc Psychol Q. 1990, 53: 31–43
- Granovetter Mark S. The Strength Of Weak Ties // The American Journal of Sociology, Vol. 78, No. 6. (May, 1973), pp. 1360–1380.
- Arefiev I. Paradoxical networking: five rules, the strength of weak ties and the Medici effect. 03/05/2019 // https://vc.ru/

- hr/60067-paradoksalnyy-netvorking-pyatpravil-sila-slabyh-svyazey-i-effekt-medichi
- Kurgan L. et al. Weak Ties: The Urban History of an Algorithm // e-flux Architecture, "Are Friends Electric?" October 2020
- Stefanone Michael A., Kwon K., Lackaff D. The value of online friends: Networked resources via social network sites // First Monday Volume 16, Number 2–7 February 2011.
- Volker B., Flap H. Weak ties as a liability: The case of East Germany // Rationality and Society November 2001 13 (4): 397–428.
- 11. Völker B., Flap H. Amitie et inimitié sous le communisme d 'tat. La cas de l 'Allemagne de l'Est // Revue Française de Sociologie 1995.4: 629–654; Völker B., Flap H. The Comrade's Belief – Some Implications and Consequences: Neighborhood Relations in the Former GDR // European Sociological Review 1997.3: 241–265.
- 12. Hill, R. A., Dunbar, R. I.M. Social network size in humans // Hum Nat 14, 53–72 (2003).
- Robin I.M. Dunbar The Social Brain: Mind, Language, and Society in Evolutionary Perspective // Annual Review of Anthropology, (2003) 32: 163–168.
- 14. Felder M. Strong, Weak and Invisible Ties: A Relational Perspective on Urban Coexistence // Sociology. (2020). 54 (4): 675–692.
- Blokland T., Nast J. From Public Familiarity to Comfort Zone: The Relevance of Absent Ties for Belonging in Berlin's Mixed Neighborhoods // International Journal of Urban and Regional Research. (July 2014). 38 (4): 1142–11 59.
- 16. Timmer J. On the Edge of the Labor Market. – Amsterdam, Netherlands, 1994.

Деконструкция национального государства: от символического до фактического

Латышева Наталья Александровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Экономической теории и менеджмента», Российский университет транспорта (МИИТ-РОАТ) E-mail: nalat59@mail.ru

Многофункциональность символа как фактора социально-духовных практик человечества проявляется в различных сферах жизнедеятельности посредством самых разнообразных средств. Современные комуникационные технологии играют в данном процессе чрезвычайно активно и мощно, формируя определенные ценности и поведения. Искусство традиционно выступает проводником и катализатором неких скрытых настроений и намерений социальных сил и страт. Используя соответствующие технические средства, оно многократно усиливает воздействие идеологических смыслов и конструктов.

В статье раскрывается феномен и причины символического и фактического демонтажа национального государства как социальнополитического института. Инструментарием символического уничтожения национального государства как социально-политического института выступает литература, театр, радио, кино, телевидение, интернет, социальные сети и платформы. Для сохранения национального государства эти средства должны находиться под его контролем. Символическое разрушение национального государства идёт через фазу разрушения его символов. Разрушение символов демотивирует стремление к национальной идентичности и освоению национальной культуры. Потом наступает фаза реального, фактического разрушения национального государства.

Ключевые слова: символ, государство, национальное государство, демонтаж государства, глобализация. глубинное государство, искусство.

Символ есть принцип конструирования, то есть порождающая модель. $A.\Phi.\, \mathit{Лосев}$

Как зарубежные, так и отечественные исследователи символа показали его многомерность и многофункциональность. В данной работе в качестве методологического инструментария выступают результаты исследования сущности символа А.Ф. Лосевым. Базовым является вывод А.Ф. Лосева о том, что символ есть принцип конструирования и порождающая модель.[10, с. 81-85.] Исследуя анализ символической реальности, мы можем вскрыть намерения и целевые установки социальных субъектов относительно их деятельности в отношении конструирования социальной реальности. Символ несёт в себе сущность вещи и её смысл,[10, с. 60-62.] выражение [10, с. 63-65] и изображение [10, с. 65-69.] вещи.

Символической реальностью для анализа выступает образ национального государства в современном искусстве, особенно киноискусстве. Само по себе киноискусство можно рассматривать в качестве системы символов, своеобразной «замыкающий технологией» символического и как универсальный язык.[1] В то же время отмечается двойственность киноискусства: оно может как созидать, так и разрушать. Символически это было показано в советском фильме «Человек с бульвара Капуцинов» 1 в соответствии с русской поговоркой «Слово лечит, слово калечит»!

90-е годы стали переломными во многих смыслах. В социальном плане произошла «крупнейшая геополитическая катастрофа века» (В.В. Путин [14]) – не стало Советского Союза. В ки-

¹ «Человек с бульвара Капуцинов» – комедийный вестерн Аллы Суриковой по сценарию Эдуарда Акопова. Премьера состоялась 23 июня 1987 года в московском кинотеатре «Мир».

ноискусстве тоже наметилась определенная «катастрофичность» – переход от созидания, развития, нравственного совершенствования к изображению разрушения, деградации и нравственному падению.

К.С. Ахметов констатирует: «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля 1994 г. получил новый фильм молодого режиссера Квентина Тарантино – черная комедия «Криминальное чтиво», кино «низкого жанра» ... За два года до этого Тарантино уже выпустил свой малобюджетный полнометражный дебют «Бешеные псы» (1992 г.), герои которого убивали друг друга с той же легкостью, с какой закуривают сигарету – и получил одобрение критиков за нелинейную драматургию сценария, построенную вокруг события, которое на экране не происходит, а также за непринужденные диалоги. В том же году Абель Феррара выпустил малобюджетного «Плохого лейтенанта» – с Харви Кейтелем в роли полицейского, который берет взятки, постоянно пьет, сидит на наркотиках, якшается с проститутками и домогается до школьниц, а в финале начинает творить добро и погибает. Впрочем, Дэвид Линч еще в 1990 г. выпустил «Диких сердцем», в которых было столько крови и секса, что хватило бы на десять самых жестких фильмов Нового Голливуда, при этом в самый ответственный момент главному герою (Николас Кейдж) являлась Добрая фея Севера из «Волшебника из страны Оз». Этот фильм, кстати, тоже получил «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах». [1, с. 414.] По мнению Ахметова этот переход сопряжён с переходом от реализма к постмодернизму.[1, с. 414-426.]

На смену реализма пришёл постмодернизм со своими практиками деконструкции, отрицанием абсолютной истины, авторитетов, тотальным скепсисом, страхом перед всем Иным и Другим, катастрофичностью, апокалиптичностью... Постмодерн принципиально отрицает Великие Смыслы и этим самым делает бессмысленной жизнь индивида и социума. Если нет смысла в жизни, то бессмысленна любая борьба и мобилизация на борьбу невозможна.

Само кино рассматривается как пространство продолжения войны и инструмент. На примере анализа фильма «Апокалипсис сегодня» Бодрийяр делает следующие выводы:

«Коппола снимает свой фильм так, как американцы вели войну, - в этом смысле «Апокалипсис сегодня» лучшее из возможных свидетельств - с такой же чрезмерностью, с такой же избыточностью средств, с такой же ужасной откровенностью... и с таким же успехом. Война как трип, война как технологическая и психоделическая фантазия, война как череда спецэффектов, война, ставшая кинофильмом прежде, чем он был снят. Война исчезает в технологическом тесте, и для американцев она является в первую очередь именно этим: полигоном, гигантской площадкой для тестирования своего вооружения, своих методов, своей мощи. Коппола занимается тем же: он тестирует интервенционную мощь кинематографа, тестирует влияние кинематографа, который стал раздутым сверх меры аппаратом спецэффектов. В этом смысле его фильм является как бы продолжением войны другими средствами, завершением этой незавершенной войны, ее апофеозом. Война стала фильмом, фильм стал войной, и то и другое соединилось в своем общем кровосмешении с технологией.[3,.с. 82.]

...Война во Вьетнаме и этот фильм сделаны из одного теста, что их ничто не разделяет, что этот фильм является частью войны, и если американцы про-играли (якобы) ту войну, они, безусловно, выиграли эту.«Апокалипсис сегодня» — это победа в мировом масштабе. Кинематографическая мощь равна или даже превышает мощь промышленных и военных комплексов, равна или даже превышает мощь Пентагона и всего правительства». [10, с. 84.]

Что из этого следует? То, что символы утратили связь с реальностью, с онтологией и метафизикой. Теперь символы формируются на основе отвлечён-

ных начал, а не от фактов реальности (мистической, физической, социальной и др.). В итоге начинает преобладать симулякр. Слово Бодрийяру: «Абстракция сегодня – это не абстракция карты, копии, зеркала или концепта. Симуляция – это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции. Она – порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального. Территория больше не предшествует карте и не переживает ее. Отныне карта предшествует территории – прецессия симулякров именно она порождает территорию...». [3, с. 5–6.]

Ж. Бодрийяр: «Кое-что исчезло: суверенное различие между одним и другим, то, что составляло шарм абстракции. Ведь именно различие создает поэзию карты и шарм территории, магию концепта и очарование реального. Эта имажинерия репрезентации, которая достигает наивысшей точки и вместе с тем падает в пропасть в безумном проекте картографов достичь идеальной соразмерности карты и территории, исчезает в симуляции, действие которой ядерное и генетическое, а отнюдь не зеркальное и дискурсивное. Исчезает целая метафизика. Нет больше зеркальности между бытием и его отображением, между реальным и его концептом.[3,. с. 6.] А применительно к рынку уже не спрос рождает предложение, а предложение формирует спрос самыми разными стратегиями рекламы... А применительно к национальному государству означает, что его символическое уничтожение через фазу уничтожения символов этого государства приходит фаза реального демонтажа государства.

Детальный анализ показывает, что постмодернизм выступает инструментом деконструкции и демонтажа как социальных практик, нацеленных на созидание, так и самого сознания как общественного, так и индивидуального, связанного с этими практиками. Постмодернизм является эффективным средством арсенала социальных субъектов, которые сделали ставку на социальный хаос в достижении своих геополитиче-

ских и цивилизационных целей. Постмодернизм и новая фаза интервенции капитала неразрывно связаны между собой.[5]

Таким субъектом являются субъекты глобализации, для которых любая организованная локальная, региональная, цивилизационная ность и организованность выступают преградой, препятствием. А потому такие системы и структуры, как и их субъекты, подвергаются со стороны субъектов глобализации демонтажу, деконструкции. Национальное дарство глобализаторами объявлено нежелательным. Вот к какому выводу приходит 3. Бауман в работе «Глобализация. Последствия для человека и общества»: «Чтобы обеспечить глобальным финансовым, торговым информационно-промышленным кругам свободу передвижения и неограниченные возможности в осуществлении их целей, на мировой арене должна царить политическая раздробленность -morcellement. Все они, так сказать, жизненно заинтересованы в существовании «слабых государств» - то есть государств ослабленных, но при этом остающихся государствами. Намеренно или подсознательно, межгосударственные, наднациональные институты, созданные и действующие с согласия глобального капитала, оказывают согласованное давление на все страны, как входящие, так и не входящие в их состав, с целью систематического уничтожения всего, что способно остановить или замедлить свободное движение капитала или ограничить свободный рынок. Предварительное условие получения помощи от всемирных банков и валютных фондов, с которым государства покорно соглашаются, заключается в том, чтобы они открыли двери настежь и оставили саму мысль о самостоятельной экономической политике. Слабые государства - это именно то, в чем нуждается Новый Мировой Порядок -слишком часто подозрительно напоминающий новый мировой беспорядок - для поддержания и воспроизводства своего суще-

ствования. Слабые квазигосударства легко низвести до уровня местных полицейских участков, обеспечивающих минимальный порядок, необходимый для бизнеса: при этом можно не опасаться, что они смогут эффективно ограничить свободу глобальных корпораций».[2, с. 98–99.]

Как используется кино при разрушении государственных систем на примере демонтажа Советского Союза показал Ф.И. Раззаков в работе «Индустрия предательства, или Кино, взорвавшее СССР».[15] Но аналогичное происходит и в западном киноискусстве. При этом следует отметить, что кино используется как для атаки на символы «объекта демонтажа», так и для символического уничтожения/демонтажа этого объекта. Данный процесс следует рассматривать как подготовительный этап реального уничтожения. Если вернуться к формуле А.Ф. Лосева «Символ есть принцип конструирования, то есть порождающая модель», то разрушение символов «объекта демонтажа» ведёт к лишению его самих принципов конструирования и порождающей модели. Символическое разрушение «объекта демонтажа» готовит сознание к таковому процессу в реальности. Между этими процессами наблюдается диалектическое единство.

С.Г. Кара-Мурза в аналитике использования символов в разрушении социума пишет о феномене «штурма символов»: «Огромным, страшным экспериментом над человеком был тот «штурм символов», которым стала Реформация в Западной Европе. Результатом его была такая вспышка насилия, что Германия потеряла 2/3 населения. Человек с разрушенным миром символов теряет ориентиры, свое место в мире, понятия о добре и зле. Он утрачивает психологическую защиту против манипуляторов, увлекающих его на самые безумные дела и проекты. Такой штурм символов пытались учинить в СССР идеологи перестройки и продолжают вести в России идеологи реформы». [7, с. 524.]Физически люди остаются живыми, но в ценностно-смысловом,

духовно-волевом планах люди утрачивают сопротивление, ориентиры, а общество как система оказывается разрушенным. Из индивидов «реформаторы» могут собрать новую социальную систему, а могут и не создать...

В языке цивилизационного подхода А. Тойнби такое явление получило название «вызов», «угроза» и «ответ». Соответственно, «штурм символов» выступает в качестве вызова и угрозы для бытия локальной цивилизации, то должен быть организован и соответствующий ответ по защите символов. Собственно в уже упомянутой работе Ф.И. Раззаков и описывает это борьбу за символы в Советском Союзе и причины его поражения, в том числе и при помощи разрушения советских символов в кино и посредством кино.

Аналогичная ситуация наблюдается сейчас и в западном мире, национальное государство которого стало объектом символического разрушения в кинокартинах. Рассмотрим это явление на примере анализа ряда картин.

В фильме «V— значит вендетта»² центральное событие –разрушение британского парламента и других символов Англии как национального государства. Кто разрушает английское государство? Субъекты глобализации и те национальные элиты, которые на этом решили сделать себе карьеру и деньги.

Этот аспект отражён в фильме «007: Спектр» (англ. Spectre) (двадцать четвёртый фильм из серии фильмов про вымышленного агента 007 британской разведки Джеймса Бонда, героя романов Яна Флеминга). Мировая премьера фильма состоялась 26 октября 2015 года в Лондоне. На премьере присутствовали члены британской королевской семьи Принц Уильям и Кэтрин, герцогиня Кембриджская. Центральное событие фильма – борьба британских на-

² «V – значит вендетта» (англ. V forVendetta) – германо-американский художественный фильм в жанре антиутопии, экранизация одноимённого графического романа Алана Мура, осуществлённая Дж. Мактигом по сценарию братьев Вачовски, которые также выступили продюсерами

циональных разведывательных служб с глобальными.

Показанное в этих фильмах перекликается с выводами отечественного мыслителя А.С. Панарина в его работе «Искушение глобализмом».[13] Он писал: «Скрыто – интимная сторона глобализма заключена в позиции последовательного отстранения от всех местных интересов, норм и традиций. Причем если на заре модерна, в эпоху формирования великих европейских наций, феодальному местничеству противостояло единое суперэтническое пространство государства-нации, то теперь само это государство третируется как носитель местничества.

Кем третируется? Современными элитами - экономической, политической, интеллектуальной. Сегодня быть элитой и реализовать себя как элита означает поставить себя в независимое положение от национальных интересов и национальных чаяний. В этот новый смысл понятия элита стоит вдуматься. Прежде народы возлагали на национальную элиту свои лучшие надежды. Элита была квинтэссенцией народного опыта, выразительницей воли нации и стремления к лучшему будущему. Все то, что обещали народам прогресс и просвещение, воплощалось в деятельности национальных элит. Теперь, в эпоху глобализма, быть элитой означает, собственно, членство в неком тайном интернационале, никак не связанном с местными национальными интересами».[13, с. 5-6.] Это тайный интернационал в наши дни обозначен как «глубинное государство» (англ. deepstate). Этот термин антианод использовался Д. Траппом и его сторонниками.

Но вернёмся к кино. Ведь что такое современное кино с финансовой точки зрения? Это большое вложение денег. И если мы видим, что снимается большое кино на большие деньги, то вполне очевидно, что это кино финансируется элитами. Соответственно кино и выступает инструментом третирования национального государства в интересах элиты и той структуры, которая в послед-

нее время получила название «глубинного государства». [11;4]

В целом можно отметить тенденцию как символическое уничтожение национального государства (неразрывно связанного с феноменом Нового времени) переходит к третированию и уничтожению принципа государственности в целом независимо от его культурноисторических форм. В России примерами данной тенденции являются фильмы «Викинг», «Царь», «Левиафан».

Символическому уничтожению национального государства и принципа государственности в целом средствами кино предшествовало символическое уничтожение/демонтаж средствами литературы. В.В. Розанов этот аспект зафиксировал применительно к крушению Российской империи в работе «Апокалипсис наших дней». Он писал: «Приказ № 1³ превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже 3/4 века к нему не подготовляла вся русская литература. Но нужно было, чтобы – гораздо ранее его – начало слагаться пренебрежение к офицеру как к дураку, фанфарону, трусу, во всех отношениях к ничтожеству и отчасти к вору. Для чего надо было сперва посмотреть на Скалозуба в театре и прочитать, как умывался генерал Бетрищев, пишущий «Историю генералов отечественной войны», - у Гоголя, фыркая в нос Чичикову...Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих «разложителей» России ни одного нет нелитературного происхождения. Трудно представить себе... И, однако, – так».[16]

В.В. Розанов в своих работах отмечает литературу и театр как средства символического разложения человека, страны, государства. Позже к ним добавятся радио и кино, чуть позже — телевидение. А ныне — интернет, компьютерные игры, социальные сети и платформы...

³ Речь идет о Приказе № 1 Временного правительства России, который вводил демократические процедуры в Армии, что привело к её распаду.

Национальное государство отсутствует или уничтожено практически во всех антиутопиях как отечественных. так и зарубежных. В этом жанре преобладает глобальная империя или несколько воюющих квазиимперий. В романе антиутопии Е. Замятина «Мы» описывается Единое Государство на основе цифровых технологий, где каждый человек является нумером и вместо имени носит буквенно-цифрового номер: «Я, Д-503, строитель Интеграла, – я только один из математиков Единого Государства. Мое, привычное к цифрам, перо не в силах создать музыки ассонансов и рифм. Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю - точнее, что мы думаем (именно так: мы, и пусть это «МЫ» будет заглавием моих записей). Но ведь это будет производная от нашей жизни, от математически совершенной жизни Единого Государства...».[6, с. 212.] Человека по сути уже нет есть обезличенные постчеловеки, существующие в искусственном мире «всеобщего Благоденствия», душа признаётся болезнью и причиной формирования «врагов счастья». [6, с. 367.]

Аналогичная ситуация описывается и О. Хаксли в романе-антиутопии «О дивный новый мир»: «Серое приземистое здание всего лишь в тридцать четыре этажа. Над главным входом надпись «Ценрально-лондонский инкубаторий и воспитательный центр» и на геральдическом щите девиз Мирового Государства: «Общность, одинаковость, стабильность»» [19, с. 24, с. 13–212.]

В романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» воюют между собой три квази-империи и в них преобладает тотальный контроль над сознанием и поведением человека со стороны «Старшего брата»: «На каждой площадке со стены глядело все то же лицо. Портрет был выполнен так, что, куда бы ты ни стал, глаза тебя не отпускали. Старший брат смотрит на тебя – гласила подпись».[12, с. 7.]

Феномен антиутопии как инструмент социальной и геоинженерии раскрывается В.Ю. Катасоновым в работе «Антиутопии. Заговор против человечества без грифа секретно». [8]

В наши дни К. Шваб и его хозяева по Всемирному экономическому форуму прямо заявляют о необходимости «государствам отказываться от национальных суверенитетов (они мешают человечеству бороться с глобальными вызовами); передача все большей части государственных функций глобальным корпорациям». [9, с. 7.]

Но у К. Шваба есть предшественник, который проводил в своих работах аналогичную линию. Речь идет о Г. Уэллсе, который в работах «Открытый заговор», [18]«Новый мировой порядок» [17]и др. проводил линию на отмену национальных и религиозных отличий, демонтаж национальных государств.

Таким образом, проделанный анализ показывает, что между символическим и фактическим разрушением существует прямая связь. Символическое разрушение национального государства идёт через фазу разрушения его символов. Потом наступает фаза реального, фактического разрушения национального государства. При этом номинально оно может остаться, но по своей сущности оно перестаёт быть политическим инструментом народов и элит данного государства, оно становится функциональным органом глобальных элит и проводником их воли и интересов. Эти черты прописаны в литературной антиутопии, показаны в кинофильмах последних десятилетий и просматриваются все очевидней в реальных тенденциях политического переустройства нашего времени. Инструментарием символического уничтожения национального государства как социально-политического института Нового времени выступает литература, театр, радио, кино, телевидение, интернет, социальные сети п платформы. Для сохранения национального государства эти средства должны находится под его контролем.

Литература

1. Ахметов, К.С. Кино как универсальный язык. М.: Издательство АСТ, 2019. 464 с.

- Бауман З.Б. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2004. 188 с.
- Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
- Варуфакис, Я. Взрослые в доме. Неравная борьба с европейским «глубинным государством» / Янис Варуфакис; [пер. с англ. В. Желнинова]. М.: Издательство АСТ, 2018. 672 с.
- Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
- Замятин Е.И. Мы // Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. Русь / Сост., подгот. текста и коммент. Ст.С. Никоненко и А.Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2003. С. 211–368.
- 7. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 832 с.
- Катасонов В.Ю. Антиутопии. Заговор против человечества без грифа «секретно». М.: Книжный мир, 2020. 544 с.
- 9. Катасонов В.Ю. Читая Шваба. Инклюзивный капитализм и великая перезагрузка. Открытый заговор против человечества. М.: Книжный мир, 2021. 320 с.
- Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Русскій Міръ, 2014. 736 с.
- 11. Мейсан, Т. Преступления глубинного государства. От 11 сентября до Дональда Трампа / Тьерри Мейсан; [пер. с фр. Д. Савосина]. М.: Издательство АСТ, 2017. 336 с.
- Оруэлл, Д. 1984: роман // Оруэлл, Д. 1984: роман. Скотный Двор: сказкааллегория: [пер. с англ.] / Джордж Оруэлл. М.: АСТ: Астрель, 2012. С. 5–278.
- 13. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 416 с.
- 14. Путин В.В. Послание Федеральному собранию. 2005 год. http://

- www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931
- Раззаков Ф.И. Индустрия предательства, или Кино, взорвавшее СССР / Федор Раззаков. М.: Алгоритм, 2013. 416 с.
- Розанов В.В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. 429 с.
- Уэллс Г. Дж. Новый мировой порядок // Уэллс Г. Дж. Будущее нашего мира: процветание или гибель?
 С предисловиями профессора Валентина Катасонова. М.: Издательский дом «Кислород», 2021. С. 44–265.
- 18. Уэллс Г. Дж. Открытый Заговор. С предисловием профессора В.Ю. Катасонова. М.: Издательский дом «Кислород», 2021. 288 с.
- Хаксли О. О дивный новый мир: Роман // Хаксли О. О дивный новый мир: Роман / Пер. с англ. О. Сороки; Обезьяна и сущность: Роман / Пер. с англ. И. Русецкого; Через много лет: Роман / Пер. с англ. В. Бабкова; Сост., вступ. ст. А. Шишкина; Примеч. В. Бабкова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. С. 13–212.

DECONSTRUCTION OF THE NATION STATE: FROM SYMBOLIC TO FACTUAL

Latysheva N.A.

Russian University of Transport (MIIT-ROAT)

The multifunctionality of the symbol as a factor in the social and spiritual practices of mankind is manifested in various spheres of life through a variety of means. Modern communication technologies play in this process extremely actively and powerfully, forming certain values and behaviors. Art traditionally acts as a conductor and catalyst for certain hidden moods and intentions of social forces and strata. Using the appropriate technical means, it multiplies the influence of ideological meanings and constructs. The article reveals the phenomenon and reasons for the symbolic and actual dismantling of the nation state as a socio-political institution. Literature, theater, radio, cinema, television, the Internet, social networks and platforms act as tools for the symbolic destruction of the nation

state as a socio-political institution. To preserv the symbolic destruction of the nation state proceeds through the phase of destruction of its symbols. The destruction of symbols demotivates the pursuit of national identity and the development of national culture. Then comes the phase of the real, actual destruction of the nation state.

Keywords: symbol, state, nation state, dismantling of the state, globalization, deep state, art.

References

- Akhmetov, K.S. Cinema as a universal language. Moscow: ACT Publishing House, 2019.464 p.
- Bauman Z.B. Globalization. Consequences for man and society / Per. from English Moscow: Ves Mir Publishing House, 2004. 188 p.
- Baudrillard, J. Simulacra and simulations / J. Baudrillard; [lane. with fr. A. Kachalova]. M.: Publishing house "POSTUM", 2015.240 p.
- Varoufakis, J. Adults in the house. Unequal Struggle with the European "Deep State" / Janis Varoufakis; [per. from English V. Zhelninov]. Moscow: ACT Publishing House, 2018.672 p.
- Jameson F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism / per. from English D. Kralechkina; under scientific. ed. A. Oleinikova. M .: Publishing house of the Gaidar Institute, 2019.808 p.
- Zamyatin E.I. We // Zamyatin E.I. Collected works: In 5 volumes. Vol. 2. Rus / Comp., Prepared. text and comments. Art. S. Nikonenko and A.N. Tyurin. M.: Russian book, 2003.S. 211–368.
- Kara-Murza S.G. Consciousness manipulation. Moscow: Eksmo Publishing House, 2004.832 p.
- Katasonov V. Yu. Dystopias. An unclassified conspiracy against humanity. M .: Knizhnyi mir, 2020.544 p.

- Katasonov V. Yu. Reading Schwab. Inclusive Capitalism and the Great Reset. An open conspiracy against humanity. Moscow: Knizhnyi mir, 2021.320 p.
- 10. Losev, A.F. The symbol problem and realistic art. M.: Russkiy Mip, 2014.736 p.
- Meyssan, T. Crimes of the Deep State. September 11th to Donald Trump / Thierry Meyssan; [per. with fr. D. Savosin]. Moscow: ACT Publishing House, 2017.336 p.
- Orwell, D. 1984: a novel // Orwell, D. 1984: a novel. Animal Farm: fairy tale-allegory: [trans. from English] / George Orwell. M .: ACT: Astrel, 2012.S. 5–278.
- Panarin A.S. Temptation by globalism. Moscow: Eksmo Publishing House, 2003.416 p.
- Putin V.V. Message to the Federal Assembly. 2005 year. http://www.kremlin.ru/ events/president/transcripts/22931
- Razzakov F.I. The industry of betrayal, or Cinema that blew up the USSR / Fyodor Razzakov. Moscow: Algorithm, 2013.416 p.
- Rozanov V.V. Collected Works. The Apocalypse of Our Time / Under total. ed. A.N. Nikolyukina. Moscow: Republic, 2000.429 p.
- Wells G.J. New world order // Wells G.J. The future of our world: prosperity or death? With prefaces by Professor Valentin Katasonov. Moscow: Kislorod Publishing House, 2021, pp. 44–265.
- Wells G.J. The Open Conspiracy. With a foreword by Professor V. Yu. Katasonov. Moscow: Kislorod Publishing House, 2021.288 p.
- Huxley O. Brave New World: Novel // Huxley O. Brave New World: Novel / Per. from English O. Soroca; Monkey and Essence: Novel / Per. from English I. Rusetsky; Many years later: Roman / Per. from English V. Babkova; Comp., Entry. Art. A. Shishkina; Note. V. Babkova. M.: TER-RA-Knizhniy klub, 2002. S. 13–212.

Общественные пространства в новой инфраструктуре столицы

Деханова Наталья Геннадьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова E-mail: ndehanova@mail.ru

Сушко Валентина Афанасьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: valentina.sushko@gmail.com

В статье рассматриваются исторические предпосылки образования общественных городских пространств, характерные черты общественного пространства современного мегаполиса (на примере г. Москвы), дается определение общественного пространства. Показано как изменилось общественное пространство за прошедшие 5 лет в Москве. В статье данный анализ основывается на эмпирических данных, которые были получены в результате проведения экспертного опроса в конце 2019 года. Было проведено 30 полуструктурированных интервью, где экспертами выступили специалисты в области общественного пространства Москвы. В результате анализа было выделено несколько важных зон реорганизации/проблем общественного пространства г. Москвы, рассмотрено состояние реорганизации и реконструкции набережных, концепция развития спальных районов, реорганизация и строительство транспортно-пересадочных узлов, сформулированы экспертное мнение относительно дальнейшего развития общественного городского пространства Москвы.

Ключевые слова: общественное пространство, новая инфраструктура города, реорганизации и реконструкции набережных, концепция развития спальных районов, методология экспертного опроса.

Введение

Постсоветские годы, когда вопросы, связанные с организацией ландшафта и территорий, решались по остаточному принципу, Москва получила наследие в виде неблагоустроенных общественных зон, непривлекательных для жителей и гостей столицы. То, что московские власти занялись программой по восстановлению и преобразованию парков— огромный плюс для облика города. Проблем накопилось масса, и та политическая воля, с которой нынешние власти это делают, заслуживает одобрения и поддержки экспертов.

Концептуальное отношение к реорганизации общественных пространств позитивное, поскольку отсталые общественные зоны, нереорганизованные промышленные и отдельные зоны в центре Москвы, простаивавшие в течение десятилетий, стали сильным тормозом в развитии всего градостроительного комплекса столицы. В течение долгого времени Москва, если и могла в экономическом плане соперничать с другими странами мира, то в плане количества и качества общественных пространств Москву можно было сравнивать с не очень благополучными странами.

За последнее время практически каждый год открывалось новое общественное пространство, и это, по мнению экспертов, большой плюс, потому что в целом Москва стала больше похожа сегодня на «город для жизни».

За прошедшие 5 лет с помощью 75 проектов, разработанных департаментом Культуры г. Москвы и другими организациями, Москва далеко отошла от «города бригадного вахтового метода», где зарабатываются деньги, но тратятся они в других местах. Сегодня Москва стала более пригодной для «проживания».

Обзор литературы

Общественные (или публичные) пространства являются непременным условием существования города.

Под общественным пространством подразумевается определенная городская территория, сложившаяся благодаря историческим, культурным, социальным и прочим факторам, созданная для общественного пользования [1]. В качестве примеров доступных пространств можно привести детские и спортивные площадки, скверы, парки, бульвары, набережные, пешеходные зоны, площади, места отдыха в торговых и бизнес-центрах. В общественных пространствах могут предоставляться услуги как на коммерческой, так и на безвозмездной основе (проведение культурных, спортивных, досуговых, политических и иных мероприятий для отдельных групп граждан и населения в целом). Инициаторами создания общественных пространств могут выступать и государство, и бизнес, и общественные объединения граждан.

Характерной чертой общественного пространства является его доступность, т.е. общественные пространства обладают такими свойствами общественного блага, как несоперничество и неисключаемость [1]. Несоперничество подразумевает то, что нахождение одного индивида в парке или на набережной не уменьшает возможности другого индивида также там находиться. Неисключаемость выражается в «технической невозможности или запретительно высоких издержках предотвращения доступа к благу дополнительных потребителей. Блага, которым оба свойства присущи в высокой степени, называются чистыми общественными благами» [1]. Л.И. Якобсон выделяет общенациональные и локальные общественные блага: «...различие определяется разницей в территориальном охвате полезным действием того или иного блага» [10].

Общественные пространства также являются непременным условием формирования городской идентичности.

Таким образом, можно обозначить общественное пространство как территорию, главной особенностью которой является ее доступность населению вне зависимости от его возрастных, национальных, расовых и других характеристик

Анализ общественных пространств и логически связанной с ними проблематики в социологической рии можно найти уже у Э. Дюркгейма (взаимосвязь городского развития и социальных аспектов) [7]. Макс Вебер, не анализируя отдельно тему общественных пространств, на основе идеально-типического и сравнительноисторического методов выделил основные критерии, по которым можно отличить город от прочих населенных пунктов [3]. Нельзя не упомянуть и основоположников современной социологии города Г. Зиммеля [5] и Ф. Тенниса [11]. Так, согласно Г. Зиммелю, пространство - это также некий «кусок почвы», заселенный людьми, наполненный их взаимодействием и практической, востребующей его деятельностью, и уникальное, исключительное место размещения тех или иных социальных образований [6]. Представители Чикагской школы XX века изучали общество внутри «социальной лаборатории - города»: так появились урбанистическая экология и теория концентрических зон, сформированные Робертом Парком и Эрнстом Берджессом [10], а также урбанизм как образ жизни Льюиса Вирта [4], что сделало актуальным символическую структуру города в качестве предмета исследования в работах современных урбанистов. Юрген Хабермас рассматривает публичное пространство, в первую очередь, как площадку для формирования общественных позиций по ключевым вопросам, территорию для общения и обмена мнениями [8]. Такими местами для Хабермаса являются кафе и чайные дома в европейских городах XVIII и XIX вв. Западные исследователи отводят публичному пространству важное место в полноценной жизни города (Д. Джекобс, У. Уайт, Р. Сеннет, К. Ньивенхёйс, Л. Лофланд,

К. Линч и др.). С точки зрения Р. Сеннета, публичное пространство – место, которое вмешает определенные виды активности. Это могут быть площади, главные улицы, театры, кафе, лекционные залы, ансамбли правительственных зданий или биржи – пространства, где можно встретить «Другого» [8]. Ш. Зукин в качестве основных критериев публичного пространства отмечает: «1) общественное управление, 2) свободный доступ для всех, 3) в его рамках множество людей устремлено к общественным (не частным) целям» [13].

Общественные пространства имеют сильную функциональную нагрузку. Благодаря этим местам городское сообщество формируется и осознает себя, такие «нейтральные» территории являются необходимым источником информации и коммуникации для разобщенных жителей большого взаимодействие людей с культурной средой города стало градообразующим. Для X. Арендт [2] и Л. Лофланд [9] публичное пространство – это то, что упорядочивает действия людей. Х. Арендт видит начало культуры публичных мест в античной греческой агоре и римском форуме. В Средневековье средоточием разнородных человеческих потоков становится рыночная площадь. В Новое время общественные пространства «дисциплинируются», «официализируются» и теряют внезапный характер возникновения.

В условиях процессов глобализации и урбанизации актуализируется анализ общественных пространств, как мест социального взаимодействия граждан, территориально привязанных к определённой территории. Спектр рассматриваемых проблем здесь очень широк: это и анализ субъектов, формирующих и развивающих общественные пространства (региональные власти, муниципалитеты, сообщества граждан) и связанные с этим вопросы доверия граждан органам власти, поддержка их инициатив; и проблемы качества, доступности и безопасности городской среды; неэффективного использования городских пространств и средств для их реконструкции (или отсутствие этих средств, если исключить Москву и Санкт-Петербург); и, наконец, проблематика, связанная с социальной напряжённостью в конкретном городе или районе, столкновение интересов различных социальных групп населения (классическим примером последнего может служить отношение местных жителей условного Арбата или Патриарших прудов к многочисленным туристам и приезжающим на прогулку в место их проживания москвичам из других районов).

На примере г. Москвы мы наблюдаем повышенный интерес со стороны городских властей к реконструкции общественных пространств как показателей качества жизни населения: реконструкция парков, озеленение площадей, ремонт пешеходных зон, создание велосипедных дорожек, строительство детских площадок, модернизация переходов (оснащение их звуковыми сигналами и временными табло). Роль общественного пространства в муниципальных образованиях входит в стратегию развития города, облагораживание территории для более комфортной жизни граждан, увеличение привлекательности города для туристов. Тем не менее проблемы по управлению общественными пространствами существуют. Несмотря на то, что публичные, общественные пространства в современной России находятся в зоне ответственности органов власти регионального или местного уровня без учёта мнения местных жителей, их поддержки и одобрения, самые благие проекты обречены на провал. Ещё одной проблемой является участие бизнеса в инвестировании общественных пространств. Объясняется это тем простым фактом, что выгода от такого участия не гарантирована, а идеи социальной ответственности бизнеса не развиты.

Таким образом, проблема развития общественных пространств становится очень актуальной, требующей выработке нового подхода к развитию общественного пространства.

Методология

В работе данный анализ основывается на эмпирических данных, которые были получены в результате проведения экспертного опроса в конце 2019 года. Было проведено 30 полуструктурированных интервью, экспертами выступили:

- Архитекторы
- Ландшафтные дизайнеры
- Политологи, конфликтологи
- Инвесторы
- Специалисты- урбанисты

Инструментарий исследования был разработан с учетом возможности отслеживания информации о ходе реализации программ изменения общественных пространств. В инструментарии предусматривалась возможность оценки основных проблем, возникших в результате реализации программы, и путей их разрешения.

В результате сбора и анализа информации об отношении экспертов к результатам по реорганизации общественных пространств и выработке основных рекомендаций по тактическому и стратегическому планированию дальнейшей их реорганизации были получены следующие данные, исходя из задач исследования, в ходе которых мы получили экспертное мнение среди специалистов рынка к новым публичным пространствам в Москве (паркам, реконструкции набережных и т.д.) и градостроительным планам в данной области: выявление перспективных, с точки зрения экспертов, подходов и направлений в развитии инфраструктуры общественных пространств в столице; выработке рекомендаций Комплексу градостроительной политики и строительства г. Москвы.

Результаты и дискуссия

Говоря об общественных пространствах, эксперты выделили несколько важных зон реорганизации/проблем:

- 1. Реорганизация центра столицы и удачные решения.
- 2. Реорганизация и реконструкция набережных
- 3. Реорганизация спальных районов

- 4. Реорганизация и строительство ТПУ (транспортно-пересадочных узлов)
- 5. Методы работы с населением

За последние пять лет в Москве произошла серьезная модернизация общественных пространств. Самым значимым объектом стал парк Зарядье, совершенно новый архитектурный объект, каких не было раньше. Отношение экспертов к нему двоякое: одни сильно хвалят, другие ругают.

Среди тех, кто выделяет позитивные стороны проекта подчеркивают, что это — объект мирового уровня архитектуры, по праву занявший свое место среди наиболее ярких достопримечательностей Москвы. По мнению экспертов, Зарядье — уникальный и совершенно новый проект для столицы, новый объект в плане ландшафтного дизайна, передовой объект в плане качественных общественных пространств.

Однозначно положительно эксперты отзываются о том, что в историческом центре Москвы на месте гостиничного комплекса возник не новый деловой квартал, а зеленый оазис - то, чего так не хватает центру города. Один из экспертов назвала в качестве плюсов не только его историческую ценность, но и выразилась, что эта «машина по производству впечатлений», что сегодня особенно дорого молодому поколению, которое собирает каждые моменты своей жизни и выкладывает в социальных сетях. Таким образом, проект стал притягательным для разных поколений москвичей.

Но не все согласны с концептуальным модерновым решением проекта. Прозвучали и такие мнения, что современная архитектура не вписывается в историческое лицо города; и что проект, доверенный архитекторам Нью-Йоркского линейного парка, является просто его повтором. Задумка парка как безбарьерного пространства не вполне удалась из-за чересчур повышенного интереса и расположения вблизи Кремля. Для того, чтобы парк зажил своей жизнью и обрек свою атмосферу, должно пройти время, сойти ажиотаж и парк бы получил то количе-

ство людей, на которое он был рассчитан.

Большинство экспертов говорят о том, что Зарядье перенасыщен постройками, 50% территории занимают объемы, которые могли бы быть укрыты грунтом, и тогда можно было бы использовать эту территорию для полноценного озеленения. Территория должна полностью использоваться как парк, а сейчас делится между зеленью и объектами и дорожками.

Все эксперты отмечают очень низкое качество строительных работ – мощение, малые формы, озеленение.

Так же из недостатков эксперты отмечают, что в парке много недоделок, связанных с очень жесткими рамками строительства; нужно убрать заборы, додумать концепцию освещения, решить возникающие недоразумения в логистике. Но в целом, эксперты склоняются ко мнению, что через некоторое время недоработки будут решены, и парк заработает в полной мере.

Подводя итог, экспертное мнение можно выразить следующим образом: Зарядье – амбициозный проект, уже реализованный и очень притягательный для туристов и жителей города.

Реорганизации и реконструкции набережных

В целом, эксперты единодушно положительно оценивают проект развития так называемой водно-парковой оси города. Река – это ценнейшее эстетическое и экологическое пространство города. Вдоль реки всегда было удобнее провести транспорт, поэтому и в Москве транспортная сеть устроена так же. Но сейчас приоритеты меняются в сторону человеческого общения с природой, не исключение и Москва. Уже реконструированы Крымская набережная, Парк Горького, Нескучный сад, объединив больше 10 км непрерывного променада. Это стало очень популярным среди горожан. Конечно, чем больше территорий воды, особенно там, где возможно ее соединение с парком, будет доступно для пешеходов, тем лучше. Эксперты очень положительно оценивают этот опыт.

Вместе с тем. достаточно много поводов для беспокойства. Что в первую очередь беспокоит экспертов? Отсутствие концептуальной проработанной основы создания водной оси Москвы. Некоторые эксперты впервые слышали про водно-парковую ось Москвы. Абсолютная не функциональность созданных пешеходных зон на набережных. Не проработанность транспортной схемы, которая будет сосуществовать с водной осью. Как будет сосуществовать водная ось с транспортом? Необходимо предусмотреть развитие транспортной системы с учетом роста населения Москвы. Необходимо наращивать объекты обслуживания вместе с транспортной инфраструктурой и озеленением. Приоритет должен отдаваться озеленению, но в сочетании со всеми этими элементами.

Таким образом, можно констатировать, что в основном эксперты говорили о том, что должно быть. Должно быть проведено благоустройство набережных — наличие беговых и велодорожек, спусков к воде, ресторанов, остановок речного транспорта. Возможно создание транспортных водных артерий.

Концепция развития спальных районов: диверсификация различных концепций с учетом мнения жителей

Логичным продолжением реорганизации общественных пространств по мнению специалистов, был бы перенос площадок в спальные районы Москвы. Однако, при реорганизации общественных пространств спальных районов нужно понимать, что в центре Москвы всегда будут основные притягательные зоны.

Таким образом, основной лейтмотив мнений экспертов – это то, что нужно реорганизовывать в первую очередь центр города, зоны промышленные и некомфортные, сконцентрированные в пределах Садового кольца. А спальные районы нужно сделать «комфортными для проживания».

Основными *болевыми точками* при реорганизации общественных пространств в спальных районах является создание новых концепций в старых

планировочных решениях. Сложности состоят в том, что там:

- сплошная эклектика, (сосуществование домов старой, советской застройки, (порой еще хрущевской), с вновь построенными современными домами;
- отсутствие хорошо продуманных транспортных решений (когда дома построили, но забыли продумать как люди будут выезжать и въезжать);
- отсутствие свободных пространств.
- По мнению экспертов, это создает еще большие трудности, чем при проектировании вновь создаваемых территорий. Основная мысль экспертов, учитывая сложности, что при проектировании общественных пространств в «старых новых районах» необходимы брейнсторминги профессионалов: приглашать неподготовленных жителей-непрофессионалов для обсуждения концепций в этих районах непродуктивно.

Разрабатывая новые островки озеленения и парки, необходимо учитывать, что в настоящее время в этих районах происходит постоянное уплотнение застройки и поэтому в большинстве спальных районов нужно заново проектировать зеленые зоны. (Примером могут служить Кузьминки, поскольку там хотели сохранить деревья, однако реконструкция района приобрела такие масштабы, что придется заново высаживать зеленые насаждения).

При реорганизации спальных районов необходимо понимать разницу между центральными и периферийными частями в этих районах. Как правило, центральной частью спального района является метро или какой-то ТПУ) транспортно-пересадочный узел). Вместе с тем, по мнению экспертов, что в связи с реорганизацией пространства, с тем, что убрали некоторые здания, мешающие жителям возле метро, стало «красиво, но бесполезно». И социологические исследования подтверждают, что людям необходимы концепции организации торговли возле этих периферийных метро. (Эксперты рассматривают вопрос еще шире, настаивая на том, что нужна концепция развития торговли не только возле метро в спальных районах, но и концепция развития торговли в целом в столице).

Это не только метро, но и остановки общественного транспорта. Там, где люди ожидают. Причем ожидание у нас бывает достаточно длительным. Поэтому один из экспертов дал пример удачного решения реорганизации такого общественного пространства на станции Домодедовской.

Научное мнение таково, что в каждом спальном районе должен быть соблюдены типовые стандарты благоустройства, но в то же время в каждом микрорайоне может быть что-то уникальное, свое. Практически все эксперты отмечают, что нужно, чтобы было «взаимодействие с контекстом».

Примером успешной организации двора и создание дворового пространства может являться то дворовообщественное пространство на Спасоглинищевском переулке. (Рядом с Маросейкой). Но точно такие же дворы можно будет сделать и в спальных районах. Достаточно успешным проектом является также парк в Марьино.

Реорганизация и строительство ТПУ

В ходе опроса экспертам задавался вопрос о дальнейшем развитии транспортно- пересадочных узлов. (ТПУ).

У экспертов нет сомнений в том, что ТПУ сегодня выполняют чисто утилитарную функцию – доставляют транзит пассажиров с одной линии на другую. Аналогично, есть понимание того, что эти ТПУ в будущем будут трансформироваться. Однако концептуального понимания куда, в какую сторону трансформироваться, иногда нет. И концепция такой трансформации общественности не предложена. Что необходимо учитывать при конструировании новых и облагораживании старых ТПУ? Важно понимать, что главное в ТПУ - это его функция доступа к транспорту или транзита до другого транспортного узла, и эта функция должна помогать человеку перебираться из пункта А в пункт Б. Для этого должны быть:

Социология №4 2021

- комфортные переходы (в зимнее время желательно с навесами).
- удачная навигация.

Все остальное должно быть вторичным, например, торговые функции или бизнес функции. Однако эксперты также обращают внимание, что нужно очень осторожно относиться к планированию рядом с ТПУ каких-то зрелищных центров, театров, кинотеатров, поскольку с точки зрения безопасности такое решение может представлять проблемную сторону для жителей. Некоторые эксперты говорят о том, что все эти функции должны быть разделены между различными объектами. Должны быть объекты трех типов:

- 1. Транспортно-пересадочные узлы со своими функциями.
- 2. Общественные рекреационные пространства.
- 3. Торговые места.

И есть еще мнение, что такие транспортно-пересадочные узлы в инфраструктуре общественных пространств столицы должны играть ключевую роль, и рядом с ними должны концентрироваться:

- Рабочие места
- Жилье (малогабаритные квартиры).
- Облагороженные территории.

Однако, как указано было выше, все ТПУ, которые сегодня строятся или реструктурируются, не объединены в какие-то концепции. И все делается, по мнению одного из экспертов «ло-кальными мазками».

Выводы

В ходе проведения экспертного опроса при анализе полученных данных выводы также можно сформулировать по отдельным поставленным задачам.

Выводы и рекомендации: Зарядье Мнение экспертов больше позитивное, хотя есть много нареканий к воплощению проекта.

Плюсы проекта:

Объект мирового уровня архитектуры, созданный иностранными дизайнерами и уникальный в своем роде.

- Уже реализованный проект, востребованный как жителями, так и туристами.
- Новизна проекта в том, что это не еще один новый деловой центр, а зеленый оазис прямо в сердце столицы.
- Проект, который показывает, что на московских площадках могут быть реализованы крупнейшие проекты мирового уровня.

Недостатки проекта:

То. что нельзя изменить:

- Хорошая концепция, принадлежащая архитекторам Нью-Йоркского линейного парка, но воплощение этого проекта не соответствует тому, что задумывалось.
- Не все архитекторы согласны с модерновым решением проекта, что он звучит диссонансом, и современная архитектура не вписывается в историческое лицо города (единичные мнения).
- Некоторым архитекторам не понравилось то, что это калька с Нью-Йоркского проекта, простая реплика, хотя можно было сделать что-то уникальное.

То, что можно изменить:

- Большинство экспертов считает, что проект перенасыщен постройками, 50% территории занимают объемы, которые могли бы быть укрыты грунтом, и тогда можно было бы использовать эту территорию для полноценного озеленения.
- Все эксперты отмечают очень низкое качество строительных работ – мощение, малые формы, озеленение.
- Эксперты отмечают, что в парке много недоделок, связанных с очень жесткими рамками строительства.

Выводы и рекомендации: реконструкция набережных

В целом, эксперты единодушно положительно оценивают проект развития водно-парковой оси города. Основными удачными решениями, по мнению экспертов были:

- Крымская набережная
- Парк им. А.М. Горького
- Нескучный сад

Реорганизованные водно-парковые зоны привлекли огромное количество горожан и гостей столицы.

Недостатки проекта:

Несмотря на реконструкцию отдельных частей водно-парковой оси Москвы, мнение экспертов в основном единогласно:

- Концептуальные основы развития всей оси реконструкции реки не проработаны, поскольку:
- Нет комплексных решений как будет развиваться облагораживание водных территорий и транспортных потоков.
- Сегодняшнее благоустройство набережных напоминает косметический ремонт, без строгого следования определенных концепций (концепций просто нет).
- На выделенные бюджеты ставится освещение все отделывается плиткой. Но это не приводит к комплексной реорганизации пространства.
- Нет продуманных мест для отдыха, негде посидеть, чтобы не задохнуться от паров транспорта.
- Нет красот, на которые можно было бы посмотреть.
- Нет возможности заняться спортом, так как занятие спортом сопряжено с возможными проблемами для здоровья из-за отсутствия зонирования мест для отдыха от транспортных потоков.

Решения:

- Нужна комплексная концепция реорганизации водной оси города, которая сегодня находится в зачаточном состоянии. Концепция, которая бы включала:
- Восстановление естественных природных участков, точек притяжения москвичей на всем протяжении оси.
- Благоустройство набережных наличие беговых и велодорожек, спусков к воде, ресторанов, остановок речного транспорта и.т. Возможно создание транспортных водных артерий. Это предполагает Продуманное зонирование (отсечение от магистралей) и предусмотренная воз-

можность для отдыхающих москвичей и гостей столицы.

Выводы и рекомендации: реорганизация спальных районов

Эксперты подчеркивают, что назрела необходимость реорганизации общественных пространств в спальных районах. Нужно ли создавать такие же притягательные центры, как Зарядье в местах, где люди проводят большое количество времени и проживают жизнь?

Здесь мнение экспертов разделилось. Часть из них считает, что можно делать притягательные рекреационные зоны. Другие считают, что лучше сделать в этих районах центры деловой и организационной активности (например, в Бирюлево).

Эксперты в основном сходятся во мнении, что:

- 1. В спальных районах должна быть создана комфортная среда, то есть должны соблюдаться стандарты комфортного проживания для любого района Москвы. Вне зависимости от контингента населения, должен быть стандартный набор. И нужно подтягивать население до уровня Москвы, а не опускаться на его уровень.
- 2. Важно зонирование, и в любом спальном районе, должно быть несколько обязательных зон, и тогда этот проект будет успешным:
- тихая природная зона
- спортивная зона,
- зона для фестивалей, концертов, массовых мероприятий.
- зона с визуальными арт-объектами, необычные формы, необычные растения.
- детская зона.
- должны также быть продуманы зоны общественного питания.
- 3. Практически все эксперты отмечают, что нужно, чтобы было «взаимодействие с контекстом». Для того, чтобы планировка общественного пространства района была разнообразной, нужно плотнее взаимодействовать с окружающими улицами и постройками, природными

объектами, рельефом и историческими артефактами. Это все будет придавать уникальности планировке. Необходимо брать выигрышные элементы контекста и усиливать их, создавая единую концептуальную палитру. Примером успешной организации двора и создание дворового пространства может являться то дворово-общественное пространство на Спасоглинищевском переулке. (Рядом с Маросейкой).

- 4. Концептуальный подход к реорганизации общественного пространства в спальных районах – это:
- опора на контекст
- выбор центральных и периферийных частей в этих районах. И разрабатывать концепции комфортного проживания по пути от центра к периферии. Некоторые эксперты в качестве центра в таких районах рассматривают станцию метро, которая и является таким центром притяжения. Таким образом, облагораживается сначала территория вокруг метро, а затем реорганизация общественных пространств далее на периферию. На периферии также выбирать локальный центр и двигаться к периферии микрорайона.

Рекомендации комплексу градостроительной политики и строительства г. Москвы

Концептуальные задачи

Основные мысли экспертов — это просьба о создании концепций и, во-первых, увязки этих концепций с другими градостроительными решениями. Во-вторых, соблюдение определенных правил и стабильности в решениях, потому что сейчас эти правила постоянно меняются, и, по мнению экспертов «очень сложно идти, когда постоянно меняется свет светофора, и ты не понимаешь, что тебе делать: стоять или идти».

Коммуникативные задачи. Работа с населением

В любом начинающемся проекте есть так называемые «пороги неопределенности». Пошаговая работа с ними – это:

- 1. Выявление всех заинтересованных сторон.
- 2. Работа с выявлением интересов каждой из сторон.
- Работа со сдержками и противовесами. Предложение каждой из сторон чего-то такого, что их будет устраивать, но и поиск компромиссов.

Эксперты единодушны во мнениях, что нужно работать с населением. Однако они не пришли к однозначному мнению, какой метод работы с населением является наилучшим. Часть экспертов вполне довольна тем, как проходят общественные слушания. Вторая часть экспертов считает, что общественные слушания - это фикция, на них в основном приходят «бабушки», которые не разбираются в предложенных концепциях и не способны оценить по достоинству предложенные концепции. Третья часть считает, что более целесообразно разрабатывать стратегические сессии с наиболее подвинутыми жителями. /тот вопрос требует еще более глубокой проработки.

Функциональные задачи

По мнению экспертов, высшее профессиональное мастерство в планировании инфраструктуры общественных пространств заключается в создании баланса различными функциями этих пространств. Комфортное общественное пространство — это один из показателей, удовлетворенность которым заставляет одних людей жить в этом городе и никуда не уезжать, а других постоянно приезжать в него и любоваться. Концепции реконструкции пространств меняются по мере развития городов.

Способы выстраивания диалога общества и городской власти

В ходе обсуждения эксперты назвали следующие методы работы с населением:

- 1. Публичные слушания
- 2. Стратегические сессии
- 3. Экспертные площадки и профессиональные экспертные площадки.

Не все эксперты осведомлены о различных возможностях работы с аудиторией. Однако некоторые из них доста-

точно аргументированно разделили работу на ранних стадиях построения концептуального плана, и работу в дальнейшем со стратегическим видением. Когда уже есть разработки и предпроектные обоснования, то тут уже хорошо иметь дело со стратегическими картами.

В ходе проведения экспертного опроса в сжатом виде представлены уроки, извлеченные с момента первых попыток реорганизовать общественные пространства в городе Москве. Также полученные выводы будут полезны тем, кто сталкивается с проблемами реорганизации общественных пространств, всем тем, кто интересуется какой будет Москва в перспективе и, кто хочет опираться не только на свое мнение, но и на мнение профессионалов.

Литература

- Ан А.Л. Роль общественного пространства в муниципальных образованиях// Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 1.
- Арендт X. Vita Activa, Или О Деятельной Жизни // Спб.: Издательство «Алетейя» 2000.
- 3. Вебер М. Город // М.: Strelka Press. 2018.
- 4. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии // М.: Логос. 2005.
- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Логос. 2002.
 № 3–4. С. 23–34.
- 6. Зиммель Г. Как возможно общество. М.: Теоретическая социология. Антология. 2002. С. 314–333.
- Дюргейм Э. О разделение общественного труда. Метод социологии // М.: Логос. 1991.
- Лагодина Е.В. Настоящее и будущее российских общественных пространств// Российский психологический журнал. 2013, Т. 10.№ 4. С. 62–69.
- Лофланд Л. Мир чужаков. Порядок и действие в городском публичном пространстве // New York: Basic Books, 1973.

- Парк Р., Берджесс Э. Современная американская социология // М.: Логос. 1994
- Тённис Ф. Общность и общество // М.: Социологический журнал. 1998.
 № 3/4. С. 207–229
- Якобсон Л.И. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика. Учебное пособие для вузов/ Европейская комиссия ЕС (Tacis) М.: ГУ ВШЭ, 2000. 367 с.
- Zukin Sh. The Culture of Cities. Oxford: Blackwell, 1995.

PUBLIC SPACES IN THE NEW CAPITAL INFRASTRUCTURE

Dekhanova N.G., Sushko V.A.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article examines the historical prerequisites for the formation of public urban spaces, the characteristic features of the public space of a modern metropolis (on the example of Moscow), the definition of public space is given. Shows how the public space has changed over the past 5 years in Moscow.

In the work, this analysis is based on empirical data that were obtained as a result of an expert survey at the end of 2019. 30 semi-structured interviews were conducted, where experts were experts in the field of public space in Moscow. As a result of the analysis, several important areas of reorganization / problems of public space in Moscow were identified, the state of reorganization and reconstruction of embankments, the concept of the development of residential areas, the reorganization and construction of transport hubs, formulated an expert opinion on the further development of public urban space Moscow.Key words: public space, new infrastructure of the city, reorganization and reconstruction of embankments, concept of development of residential areas, methodology of expert survey.

Keywords: public space, new infrastructure of the city, reorganization and reconstruction of embankments, the concept of the development of residential areas, the methodology of an expert survey.

References

An A.L. The role of public space in municipalities // Questions of state and municipal management. 2012. No. 1.

Социология №4 2021

- Arendt H. Vita Activa, Or About Active Life // St. Petersburg: Aletheia Publishing House 2000.
- 3. Weber M. City // M.: Strelka Press. 2018.
- Wirth L. Urbanism as a way of life // Wirth L. Selected works on sociology // M.: Logos. 2005.
- 5. Simmel G. Big cities and spiritual life. M.: Logos. 2002. No. 3–4. S. 23–34.
- Simmel G. How is society possible. M.: Theoretical Sociology. Anthology. 2002. S. 314–333.
- 7. Dyurheim E. On the division of social labor. Method of sociology // M.: Logos. 1991.

- 8. Lagodina E.V. Present and future of Russian public spaces // Russian psychological journal. 2013, Vol. 10. No 4. P. 62–69.
- Lofland L. The world of strangers. Order and Action in the Urban Public Space // New York: Basic Books, 1973.
- Park R., Burgess E. Modern American Sociology // M.: Logos. 1994
- 11. Tennis F. Community and society // M.: Sociological journal. 1998. No. 3/4. P. 207–229
- Yakobson L.I. Public sector of the economy: economic theory and politics. Textbook for universities / European Commission of the EU (Tacis) – M.: SU HSE, 2000. – 367 p.
- 13. Zukin Sh. The Culture of Cities, Oxford: Blackwell, 1995.

Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ)

Журавлева Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета

E-mail: irlend@list.ru

В статье проводится анализ оценки развития государственной образовательной политики, выявляются сильные и слабые стороны, риски и противоречия. Приводятся результаты экспертного анализа, показывающего слабые стороны образовательного реформирования в условиях пандемии.

Ключевые слова: государственная образовательная политика, реформа образования, экспертный опрос, качественные трансформации, пандемия.

Государственная политика охватывает все сферы общественной жизни, в соответствии с чем выделяют различные ее виды: экономическую, социальную, национальной безопасности, информатизации и тому подобное. Сегодня одной из приоритетных сфер деятельности государства признано образование как важнейшее звено воспитания сознательных граждан, формирование образованной, творческой личности. Образование возникает приоритетной сферой социально-экономической, духовной, культурной жизни. Причиной этого выступает способность образования давать знания, развивать умения и навыки жизнедеятельности в гражданском обществе, создает благоприятные предпосылки для установления и расширения порядка взаимодействия людей. На образование возлагается задача привить гражданам вкус к построению гражданского общества и передать им необходимый для этого когнитивный компонент достижения такой цели, научить способам его реализации [2].

Государственная политика в сфере образования — это система отношений, складывающаяся внутри социальных групп для обеспечения взаимодействия внутри социальных институтов. Образование как социальное благо выступает объектом государственной образовательной политики. А индивиды, сообщества и социальные институты — выступают субъектами воздействия образовательной государственной политики.

Ключевым субъектом образовательной политики в обществе является государство. В процессе взаимодействия с гражданским обществом государство обеспечивает общественный выбор в сфере образования. Государственная образовательная политика — это ответ на общественные нужды, требования, действия/бездействие других

субъектов образовательной политики. целеустремленный, относительно стабильный официальный курс правительства и подчиненных ему учреждений, направленный на обеспечение функционирования системы образования. Известный подход, согласно которому понятие «государственная образовательная политика» раскрывается как политика, в основу которой полагается принцип приоритетности вопросов образования, недопущение создания и деятельности политических организаций и религиозных движений в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, органах управления. Это составляющая политики государства, совокупность теоретических идей, целей и задач, практических мероприятий развития образования [1].

Государственная образовательная политика имеет ряд закономерностей своего развития.

Во-первых, структура системы образования постоянно усложняется. Это вызвано изменением внешних условий жизни (от роста численности населения, до новых информационных технологий обучения).

Во-вторых, постоянно увеличивается количество тех, на кого распространяется образовательная политика. От обучения детей, до обучения специалистов; от обучения и воспитания на первых этапах жизни (детство и молодость) до обучения через всю жизнь. И везде именно государство осуществляло функцию контроля и гаранта обеспечения доступа к образованию.

Благодаря реализации государобразовательной политики на протяжении всей истории человечества формируются зримые и незримые связи между социальными группами, что определяет социальные связи внутри сообществ, определяет формирование новых сообществ (соответствующим современным требованиям социального развития). Поэтому, можно утверждать, что через регулятивные и адаптационные механизмы социальных функций образовательной политики укрепляются социальные основы развития общества.

В-третьих, на особенности осуществления государственной образовательной политики влияют социальнокультурные, экономико-политические и иные факторы. Они определяют актуальные приоритеты образования – кто нам нужен прямо сейчас и кто будет нужен через 20—30—40 лет. Это, собственно, и называется образовательным государственным стратегическим планированием.

Совокупность целей и задач государства, практически реализуются ней в образовательной сфере, воспроизводят сущность государства и его социальное назначение [6]. Аналогичных взглядов придерживается и И. Иванюк, он убедительно доказывает, что любые политические решения в сфере образования всегда имели социально0источрисекие корни и всегда обусловлены внешними экономико-политическими условиями.

Данные условия стали основой для проведенного нами экспертного опроса, в котором приняли участие государственные служащие, работающие в Министерстве образования, руководители университетов (ректора и проректора). Всего 42 человека в возрасте от 30 до 65 лет, 40 мужчин (95%) и 2 женщины (5%).

Для успешности реализации образовательной политики следует учитывать общий контекст ее создания. Для экспертов-государственных служащих и экспертов-руководителей вузов это разные условия создания: исторический (17% для руководителей вузов, 12% для государственных служащих), социальный (35% для руководителей вузов, 29% для государственных служащих), экономический (28% для руководителей вузов, 32% для государственных служащих), этнический (8% для руководителей вузов, 12% для государственных служащих), гиозный (7% для руководителей вузов, 10% для государственных служащих) и иной контекст занимает по 5% (рис. 1).

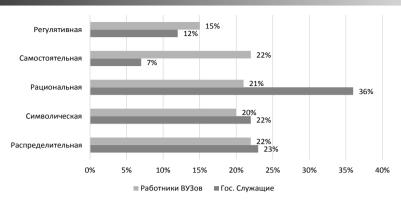

Рис. 1. Контекст создания государственной политики – условие ее успешности

Основываясь на анализе ответов экспертов, можно рассматривать цели и задачи государственной политики в сфере образования как: распредели-

тельную, символическую, рациональную, самостоятельную, регулятивную (рис. 2).

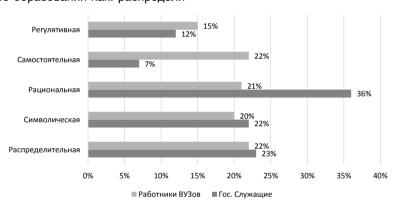

Рис. 2. Оценки экспертов целей и задач государственной политики в сфере образования

Распределительная — способ распределения человеческих, материальных или финансовых ресурсов на нужды образования) и перераспределительную (перераспределение ресурсов между определенными регионами, школами или группами детей. Примерно одинаково значима как для чиновников, так и для управленцев вузов — 23% и 22% соответственно.

Необходимо чтобы был реальный доступ к качественному образованию у всех. ЕГЭ – это лишь малая часть равенства возможностей. Необходимо более системно и подходить к качеству подготовки в удаленных регионах и распределять человеческий капитал хороших педагогов не только в московских

элитных школах и вузах, но и по образовательным учреждениям всей России. (И.Ю., государственный служащий, 44 года, Москва).

Распределение всех ресурсов, начиная с человеческих, заканчивая финансовыми должно быть пропорционально по всей территории страны, а не концентрироваться в крупных городах. (Т.А., проректор, 48 лет, Красноярск).

Символическая — декларирование определенных принципов и ценностей) и материальная (предусматривает обязательства по имплементации через обеспечение ресурсами. Оценки экспертов также близки (для чиновников значима в 22%, для управленцев вузов 20%).

Педагогов необходимо поощрять и символами (медали, звания), и деньгами (премии, гранты), тогда сохранится мотивация к социальному служению и полной отдаче на месте работы. (О.Р., государственный служащий, Новосибирск, 40 лет).

Если мы хотим хорошее образование, то необходимо обеспечить всеми необходимыми ресурсами сотрудников системы образования, как школьных учителей, так и университетских преподавателей. Голодный учитель — не научит хорошо. (Л.Д., 44 года, проректор, Владивосток).

Рациональная – определение обязательных стадий развития политики, определение четких границ начала и завершения) и прибыльная (накопление имеющихся практик, направленных на дальнейшее углубление или развитие начатой политики. Более значима для чиновников (36%), чем для управленцев вузов (21%). Скорее всего объясняется спецификой работы государственного аппарата в системе образования и собственно управления образовательным процессом на местах.

Без четкого планирования — что, кому, когда и зачем надо сделать и контроля по выполнению этих планов — невозможно добиться желаемого результата. Если не знаешь куда идти — туда точно не придешь. (Н.Н., государственный служащий, 38 лет, Москва).

Система регулирования качественного развития строится поэтапно. Невозможно сразу получить то, что хочешь. Только постепенное развитие и конструирование желаемого стратегического каркаса для государственной образовательной политики может изменить ситуацию. (А.В., государственный служащий, 35 лет, Москва).

Самостоятельная — определяет, что должно быть сделано и процедурная способ достижения желаемого. И руководители вузов существенно более значимо оценивают данную функцию — 22%, тогда как чиновники лишь на 7%. Это объясняется желанием руководителей вузов обладать большей свободной

и независимостью от государственных органов, регулирующих их работу.

На местах виднее как лучше поступать, руководители вузов знают местную специфику и конъюнктуру. Поэтому всегда на шаг впереди. Чиновникам из Москвы видны лишь очевидные варианты, а в глубину могут заглянуть только местные управленцы. И без готовности отдавать вузам самостоятельность — нельзя рассчитывать на успех. (А.А., ректор, Иркутск, 56 лет).

Самостоятельности не хватает вузам как воздуха. Бюрократия сжирает все потенциальные возможности и заставляет стагнировать человеческие ресурсы вузов. Если не увеличится доля самостоятельности — это приведет к разрушению системы на корню. (М.А., ректор, Красноярск, 55 лет).

Регулятивная – имеет тенденцию к запрету и дерегулятивную – имеет тенденцию разрешения и содействия. Примерно одинакова среди экспертов: 15% у работников вузов и 12% у чиновников.

Регулирование работы вузов необходимо для защиты граждан и интересов государства. Без этой функции нет комплексного, стандартизированного обучения. Регулирование не должно скатываться в формализм, но и без него – никуда. (Н.Е., государственный служащий, 33 года, Новосибирск).

Регулирование работы университетов конечно нужно осуществлять, особенно негосударственных вузов. Но во всем стоит искать меру, не перегибать палки с отчетами и допусками различных инстанций. (Г.О., проректор, Новосибирск, 51 года).

На основе этого можно выявить основные цели образовательной политики, сформулированные экспертами.

 Построение эффективной системы национального воспитания, развития и социализации детей и молодежи.

Нам нужно думать о том, кого мы воспитаем. Образование – это не только знания, это общий уровень культуры, ценностей, мировоззрения. А это возможно только при наличии соответствующей

образовательной политики, идеологических установках и приоритетах, которые автоматом становятся механизмом реализации на местах. (И.Т., государственный служащий, Иркутск, 55 лет).

Условия для социализации детей должно строить государство. Ни школа, ни университет не справится в одиночку с этой задачей, так как нужен комплексный механизм воспроизводства воспитания, общие установки социализации детей и молодежи — которым с самого детства прививаются ценности и нормы, соответствующие идеологическим задачам государства. Только тогда мы можем говорить о системе национального воспитания. Опыт СССР нам в помощь. (Н.Я., проректор, Хабаровск, 52 года).

 Обеспечение доступности и непрерывности образования на протяжении всей жизни.

Образование через всю жизнь — это тренд современности. Слишком быстро меняется окружающий мир, чтобы знания, полученные в школе или университете были актуальны на протяжении всей жизни. Поэтому, если мы хотим современных, профессиональных активных, умных, креативных профессионалов, то необходимо создавать возможности для повышения квалификации или переобучения людей. И система должна иметь как государственную, так и коммерческую сторону реализации. (И.Т., государственный служащий, Иркутск, 55 лет).

Будущее университетов не только учить вчерашних школьников, но и переобучать уже взрослых, самостоятельных специалистов. Образовательные программы и стажировки необходимы людям в любом возрасте — слишком много изменений в мире происходит в наше время. Результатом этого становится потребность в новых знаниях, навыках и компетенциях. Частные курсы хорошо, но фундаментальность новых знаний может дать только университетская комплексная система обучения. (М.А., ректор, Красноярск, 55 лет).

Формирование безопасного образовательного поля.

Для государства нужны аккредитованные университеты чтобы оно было уверено в том, что образование, получаемое студентами, формирует из них высококлассных специалистов, а также патриотически настроенных людей, готовых работать на благо страны. Коммерческие негосударственные вузы далеко не все могут гарантировать и знания, и общий уровень социальной лояльности и патриотизма. (А.В., государственный служащий, 35 лет, Москва).

Образовательные реалии на сегодняшний день значительно шире образовательных возможностей даже самых продвинутых вузов. Поэтому необходимо выстроить систему безопасности как для сотрудников вуза, так и для его студентов. Правила должны знать и соблюдать обе стороны взаимодействия. Но государство в системе обеспечения безопасности образовательного пространство выступает арбитром и судьей. При этом, чрезмерная формализация и бюрократизация разрушает безопасность и отсутствие контроля также это же делает. (А.А., ректор, Иркутск, 56 лет).

 Развитие научной и инновационной деятельности в образовании, повышения качества образования на инновационной основе.

В современном мире необходимо опираться на инновационные стратегии, новые актуальные формы социального взаимодействия. Инновационная система обучения и развития личности строится на освоении новых технологий, позволяющих регулировать как жизненные процессы личности, так и всего общества на принципиально новом уровне. (Н.Н., государственный служащий, 38 лет, Москва).

Качество развития образования зависит от системы внедрения инновационных технологий и механизмов развития. Более того, насколько преподаватели готовы сами осваивать инновационные модели и инструменты социального развития, чтобы донести информацию студентам показывает уровень мобильности, активности и инициативности социальных технологий развития.

(Г.О., проректор, Новосибирск, 51 года).

Информатизация образования, совершенствование библиотечного и информационно-ресурсного обеспечения образования и науки.

Обеспечение образовательных учреждений разного уровня информационно-ресурсными технологиями является приоритетным направлением для работы государственных органов в рамках системы образования. Это основа современного обучения. Без ресурсной базы, без библиотечного фонда невозможно представить развитие образования и науки. (Л.А., государственный служащий, 48 лет, Москва).

Современные университеты далеко не всегда обеспечены новыми библиотечными и информационноресурсными стандартами в силу ограниченности собственного бюджета и квотирования распределения федерального бюджета. На мой взгляд – необходимо в разы увеличивать возможности расширения библиотечного и информационно-ресурсного фондов региональных университетов. (Н.Я., проректор, Хабаровск, 52 года).

 Обеспечение проведения национального мониторинга системы образования.

Качество образования можно измерять мониторингами, которые включают как количественные, так и качественные показатели социальной активности различных ступеней системы образования. Критериями внутренних шкал могут быть разные показатели, но все они указывают на перспективные направления развития того или иного образовательного учреждения. (Г.К., государственный служащий, Новосибирск, 34 года).

Мониторинг системы образования – важный показатель, но не единственный в понимании комплексности образовательных ресурсов и перспектив развития. Хотя, безусловно, один из самых наглядных методов понимания – кто, как и в чем преуспел, а где терпит провалы. Мониторинг необходим, но сначала нужно простроить его внутреннюю логику, динамику построения и последовательного анализа получаемых данных. (О.А., проректор, Новосибирск, 56 лет).

 Создание современной материально-технической базы системы образования.

Обновление материально-технической базы любых образовательных учреждений является приоритетом для органов власти, но и деятельности руководства на местах также приветствуется по обновлению материальнотехнической базы. (И.И., государственный служащий, Москва, 56 лет).

Для системы образования безусловно важна материальнотехническая база, но сегодня от непрофильных активов избавляются не только вузы. Поэтому сложно что-либо делать, плывя против течения. Тут важна золотая середина и обеспечения материальной базой и не получения новых обязательств. Целое искусство управления. (М.А., ректор, Красноярск, 55 лет).

В первую очередь государственная политика формируется в результате прохождения некоторых этапов. На практике такие этапы накладываются и пересекаются друг с другом.

Государственная политика формируется по нескольким этапам, при которых происходит принятие важных управленческих решений. Процессом организации государственной политики называются действия разных субъектов по формированию и последующему достижению целей в области государственного управления.

Фазы создания государственной политики в соответствии с этапами рационального принятия различного рода решений: подготовительный, этап постановки целей, разработки политики.

На подготовительном этапе осознается имеющаяся ситуация и существующие проблемы. Создается точное определение проблем, формируется список основных вопросов для государства, определение критериев для фиксирования проблемы, а также для до-

стижения успеха во время ее реализации.

На 2-ом этапе ставятся цели и задачи, распределяются полномочия между различными государственными структурами и институтами. На 3-ем этапе — реализуются все поставленные цели на основании имеющихся ресурсов. На данном этапе происходят постоянный анализ и проверка хода исполнения политических решений.

Завершается все мониторингом результатов и последствий проводимой политики [7]. Реализация курса на приоритетность сферы образования государством может осуществляться при помощи ряда ключевых позиций.

1. Формирования нормативноправовой развитой базы, по созданию самостоятельной отрасли у законодательства в сфере образования (является нормативной составляющей политикой государства РФ в области образования).

Закон должен действовать для всех одинаково. Не важно — московский вуз или провинциальный. Но не всегда и во всем пока есть равенство. Но есть к чему стремиться. (О.А., проректор, Красноярск, 50 лет).

Качество работы образовательных учреждений определяется эффективностью функционирования нормативноправовой базы. На сегодняшний день есть противоречия в нормативноправовых документах, но мы над этим работаем и направление развития совершенно понятно. (П.А., государственный служащий. Москва, 51 год).

2. Финансирование системы образования, формирование экономических благоприятных предпосылок, необходимых для развития отечественного образования (финансовоэкономическая составляющая).

Финансирование образовательных учреждений — это отдельная статья федерального и регионального бюджетов. Безусловно, денег много не бывает. Но также необходимо создавать условия и внутри образовательных учреждений по привлечению дополнительных источников финансирования образовательных стратегий. (Н.Н., государственный служащий, 38 лет, Москва).

Дополнительные финансовые источники для любого вуза — это спасение и приоритет. Но не все вузы могут этим похвастаться и тут без помощи государственных структуру не обойтись. Качество жизни и развития потенциала дает новые приоритеты комплексного развития территории, не только образовательного учреждения. (Л.Д., 44 года, проректор, Владивосток).

3. Создания оптимальной структуры управления и организации образованием (в сфере образования организационно-управленческая составляющая политики государства).

Управлять системой образования в новых условиях виртуализации и глобализации становится все труднее. Необходимо выстраивать новую модель управления, необходимо формировать новое мышление у самих управленцев. Это задача очень непростая, но необходимая для адаптации к новым условиям жизни. (О.А., проректор, Новосибирск, 56 лет).

Старая система управления образованием уже не эффективная. По инерции существуют многие показатели. Необходимо разрабатывать и внедрять принципиально новые формы социально-управленческого взаимодействия. Пандемия, виртуализация еще боле высветили неготовность старых управленческих схем к реально эффективному управлению в новом мире. (Г.К., государственный служащий, Новосибирск, 34 года).

 Осуществления подготовки всех научно-педагогических кадров, участвующих в области образования (является кадровой составляющей).

Важно по-новому подходить к системе воспроизводства педагогических кадров всей системы образования. Какая мотивация у тех, кто идет в систему мотивации: от безысходности, от того, что нигде не устроились или потому что сердце зовет и это призвание человека. Важно находить и поддерживать вторых, а первым давать другие жизненные направления. Что может горя-

щих сердцем удержать в системе образования: социальная обеспеченность, материальная поддержка и четкие перспективы педагогического, научного, имиджевого и любого другого роста, которые четко прослеживаются и могут быть вполне достижимы при соблюдении определенных условий. (Т.А., проректор, 48 лет, Красноярск).

Кадры надо не просто учить, их надо сопровождать (психологически, этически, информационно) на протяжении всей их карьеры. Каким образом выстроить эту схему – задача комплексная и для чиновников, и для руководящего звена всех образовательных учреждений. Пока мы только в начале этого пути, но дорогу осилит идущий. (И.Т., государственный служащий, Иркутск, 55 лет).

 Укрепления связи науки и образования (академическая составляющая). Научные лостижения полжны и мо-

Научные достижения должны и могут становится инструментами в системе обучения. Но пока это больше отдано на откуп преподавательскому составу, его инициативе и готовности отслеживать новейшие исследования, чтобы включить их результаты в образовательный процесс. Если мы сможем наладить более мобильную связь между наукой и образованием — мы произведем революцию в обучении. Это моя мечта и основная задача в профессиональном плане. (Л.Д., 44 года, проректор, Владивосток).

Связка наука-образование ственна и очевидная для всех, кто включается в процессы социального взаимодействия и активно работает для того, чтоб образование не отставало от научных достижений, а шло вместе с ними. Обмен студентами, стажировки и практики приводят к более тесному взаимодействию этих структур. Но, конечно, применимы не во всех сферах и далеко не всегда настолько показательны, как хотелось бы. Но есть надежда на более тесное взаимодействие в будущем при трансформации нормативно-правового поля взаимодействия институтов науки и образования. (П.А., государственный служащий, Москва, 51 год).

6. Развития академической мобильности и международных контактов (международная составляющая государственной).

Глобализация мира стала синонимом мобильности. Особенно актуально это для научных и педагогических сотрудников и конечно же студентов. Участие в международных программах расширяет кругозор, профессиональные и личные контакты участников образовательного и научного процесса, что повышает их профессиональную компетентность и личную эффективность. Академическая мобильность – это один их ключевых показателей развития человеческого и социального капитала сотрудников и студентов образовательных и научных учреждений. (О.А., проректор, Новосибирск, 56 лет).

Международные контакты укрепляют позиции образовательного учреждения в городе регионе и стране. Они дают возможность выстроить новые перспективы для социального развития и общественного воспроизводства, определяют приоритеты и перспективы социального моделирования. (Н.Н., государственный служащий, 38 лет, Москва).

Одним из таких инструментов реализации государственной политики в сфере образования — ГПРО (государственные программы по развитию образования), в том числе Государственная программа «Развитие образования РФ на 2013—2020 годы», соответствующие программы государства по развитию образования, принятые субъектами России.

Программно-целевым инструментом обеспечения непрерывности и эффективности реализации ГПРО считается Федеральная целевая программа по развитию образования на 2016—2020 гг. (ФЦПРО), которая утверждена Правительством РФ от 23.05.2015 г. № 497, которая на основании Закона РФ «Об образовании» выступает в качестве организационной основы политики государства РФ в сфере образования¹.

¹ Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении

Ей определяется стратегия по приоритетному развитию всей системы образования, а также способы по ее реализации. Основные задачи и цели ФПРО (Федеральная программа развития образования) развиваются региональными программами, в соответствии с национально-культурными, социально-экономическими, экологическими, культурными, демографическими и иными особенностями определенного региона. Они ориентированы на решение вопросов, которые относятся к ведению субъектов РФ.

Реализация всех целей указанных программ обеспечивается за счет текущего финансирования бюджетами различных уровней, который необходим для того, чтобы система образования РФ по устойчивому функционированию системы образования, а также дополнительного целевого финансирования проектов и мероприятий Программы, которые направлены на решение задач по развитию системы в соответствии с достижениями практики и науки (инноваций).

Для обеспечения выполнения мероприятий по ФЦПРО и ГПРО распоряжениями Правительства РФ ежегодно осуществляется их корректировка и разрабатываются необходимые нормативные правовые акты. Проводится мониторинг мероприятий в рамках реализации указанных программ и рассчитывается их эффективность на основе фактических данных.

Еще одним инструментом реализации государственной политики в сфере образования является ФГОС (Федеральный Государственный Образовательный Стандарт). ФГОС позволяет реализовать:

- новую цель образования;
- новое содержание образования;
- новое целеполагание для учащихся и учителей;
- новые требования к подготовке учителя:

федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (с изменениями и дополнениями от 31.12.2015 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс

- новые технологии обучения;
- новые средства обучения;
- новая цель образования.

Также к инструментам реализации государственных программ в сфере образования относится и программноцелевой метод финансирования государственных расходов (бюджетирование, направленное на результат), который является одним из инфраструктурных институтов государственного управления и выступает альтернативой сметному бюджетированию. Данный инструмент помогает распределять бюджетные ресурсы в согласовании с целями, задачами и функциями государства и с учётом меняющихся приоритетов государственной политики. Кроме того, предполагается контроль результативности расходования бюджетных средств путём оценки достижения количественных и качественных показателей исполнения. Но на сегодня процессы формирования государственной политики содержат некоторые недостатки, в частности:

- неопределенность субъекта установления целей, приоритетов государственной политики и непосредственных ее разработчиков; несовершенство механизма разработки государственной политики и отсутствие регулирующих органов и четких контрольных действий ее реализации:
- неоднозначность подходов к определению сущности государственной политики в различных общественных сферах (социальной, экономической, экологические) несогласованность действий различных участников процесса формирования и реализации государственной политики.

Исходя из этого, а также, опираясь на материалы экспертного опроса, при формировании государственной политики следует ориентироваться на следующие ограничения:

инструментарий разработки государственной политики должно оперативно реагировать на изменения, происходящие в обществе;

Социология №4 2021

- фактологическая и методическая основа разработки государственной политики должна иметь комплексный характер и рассматривать проблемы, решение которых требует вмешательства государства во взаимосвязи с другими проблемами;
- проект государственной политики должно ориентироваться на достижение четких результатов (подавляющее количество заинтересованных в процессе разработки и реализации политики должны получить бесспорные доказательства эффективности принятого варианта политики); проект государственной политики должен пользоваться доверием населения.

Неотъемлемым признаком успешности государственной политики является ее практическая направленность и воплощение в жизнь. Однако, именно это уязвимой чертой современного состояния государственной политики России.

Эксперты определяют такие проблемы действующей практики формирования и реализации государственной политики:

- отсутствует четкое разграничение политических документов, которые должны определять стратегию развития государства, и профессиональных правительственных программных документов во исполнение этой стратегии;
- система документов политики не является продуманной, ее внедрение происходит из-за решения, которые часто имеют разное значение. При этом, не всегда принимается во внимание зарубежный опыт;
- стратегические документы и программы плохо согласованы с политическими приоритетами;
- выработка документов политики недостаточно связано с бюджетным планированием;
- в государстве нарушен принцип целостности, которого нужно придерживаться путем составления взаимосогласованных программных документов и прогнозов экономического и социального развития стра-

ны, отдельных административнотерриториальных единиц в кратко-, средне- и долгосрочные периоды.

Разработка эффективной политики развития образования малых городов возможна с помощью четких инструментов правового, экономического, финансового, организационного, информационного, образовательного и иного характера. Так, инструментом государственной политики понимают специфические средства, с помощью которых политика как реакция на проблему внедряется в жизнь. Отсюда вытекает необходимость их анализа.

Выделение типов инструментов государственной политики способствует пониманию его сути и дает возможность определить последовательность этапов ее реализации. Различают четыре вида основных инструментов: информационные, финансовые, властные и структурные. Однако, с практической позиции при реализации государственной политики целесообразно использовать и такие инструменты:

- финансовое обеспечение путем субсидий, дотаций и расходов возможно эффективное ресурсное регулирования локальных расходов;
- приватизация, увеличение частного сектора, создание государственночастных предприятий — целесообразность такого инструмента заключается в эффективном использовании ресурсов частного сектора для обеспечения потребностей государственного и взаимной выгоды;
- административные методы используются с целью создания рамочных ограничений при осуществлении государственно-управленческих действий и для контроля их результатов;
- нормы данный инструмент важен с точки зрения управления поскольку имеет фундаментальный и определяющий характер, регулирует социальные отношения и способствует внедрению государственнополитических решений;
- налоговый инструмент перераспределяет ресурсы через налоговую

систему, характеризует взаимовлияние государства и общества.

Выбор инструментов государственной политики напрямую связан с социально-экономическими, политическими, историческими, информационными, техническими и др. общественными условиями, а также зависят от жесткости государственноуправленческих действий [3].

Существенными факторами определении инструментов государственной политики целесообразность. предметность и практичность, соответствие существующим общественным потребностям, специфически влияет на выбор инструмента и политики в целом. Тем не менее, можно сделать вывод о том, что рассмотренные инструменты реализации государственной политики в сфере образования помогают конкретно и детально структурировать, и выстраивать тактику в осуществлении практической реализации политики в сфере образования по иерархии исполнителей.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что система образования может строиться на разных механизмах управления и регулирования ее потенциала. Ключевыми проблемами развития государственного управления системой образования выступает неравномерное распределение финансового, человеческого и иного ресурсного обеспечения.

Необходимо выстроить новую информационно-управленческую модель развития системы образования, прежде всего в условиях информационного общества. Нормативно-правовое регулирование данным процессом в Российской Федерации пытается наиболее полно учесть все моменты развития данной сферы, однако как любой другой правовой механизм оно не может в полной мере оперативно реагировать на стоящие перед образовательной политикой вызовы. Тем не менее, следует отметить, что государственная образовательная политика - это официально определённая, организованная и целенаправленная деятельность

государства и подчиненных ей учреждений, направленная на функционирования и дальнейшее развитие системы образования как ведущего института демократического общества.

Таким образом, совершенствование российской системы образования — одна из приоритетных задач современной России. Российское образование включает, дошкольное, общее и профессиональное образование, каждое из них имеет несколько уровней.

В современной России есть условия для обеспечения качественного бесплатного образования. Но в тоже время наблюдается непропорциональность развития различных сфер образование в области финансирования, развития кадрового состава и т.д. Впрочем, этот фактор объясняется демографическими и экономическими причинами, которые нами был рассмотрен ранее. Формирование новых перспектив государственной образовательной политики строится на мониторинге и анализе социального развития общества, учете современных инновационных технологий и перспектив социального моделирования и воспроизводства общества.

Литература

- Валевский, А.Л. Государство и реформы в России: анализ государственной политики в условиях трансформации общества: монография / А.Л. Валевский. М.: Издво НАГУ, 2007. 315 с.
- Дубовицкая, Ю.В. Опыт разработки и реализации стратегии опережающего развития образования как стратегии развития муниципалитета / Ю.В. Дубовицкая // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. – № 9 (186). – С. 167–172.
- Журавлева, И.А. Восприятие студентами удаленного обучения в университете / И.А. Журавлева // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. – № 8. – С. 12–15.
- 4. Журавлева, И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные

Социология №4 2021

- траектории российской молодежи / И.А. Журавлева // Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31–34.
- Журавлева, И.А. Ресурснообразовательный потенциал современной молодежи / И.А. Журавлева // Социология. 2020. – № 1. – С. 279–286.
- 6. Иванюк, И.В. Образовательная политика: учеб. пособие. / И.В. Иванюк. М.: Таксон, 2006. 226 с.
- 7. Матюшкина, И.А. Стратегические направления развития среднего общего образования в муниципалитете / И.А. Матюшкина, Т.А. Реук // Экономика и предпринимательство. 2020. № 4 (117). С. 348–352.

ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT OF STATE EDUCATIONAL POLICY (EXPERT ANALYSIS)

Zhuravleva I.A.

Irkutsk State University

The article analyzes the assessment of the development of state educational policy, identifies the strengths and weaknesses, risks and contradictions. The results of an expert analysis showing the weaknesses of educational reform in the context of a pandemic are presented.

Keywords: state educational policy, education reform, expert survey, qualitative transformations, pandemic.

References

- Valevsky, A.L. State and reforms in Russia: analysis of state policy in the context of society transformation: monograph / A.L. Valevsky. – M .: Publishing house of NAGU, 2007. – 315 p.
- Dubovitskaya, Yu.V. Experience in the development and implementation of a strategy for the advanced development of education as a strategy for the development of a municipality / Yu.V. Dubovitskaya // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2017. No. 9 (186). S. 167–172.
- Zhuravleva, I.A. Perception of Distance Learning by Students at the University / I.A. Zhuravleva // Alma mater (Bulletin of the higher school). 2020. – No. 8. – S. 12–15.
- Zhuravleva, I.A. Modernists and Traditionalists: Educational Trajectories of Russian Youth / I.A. Zhuravleva // Alma mater (Bulletin of the higher school). 2019. No. 6. S. 31–34.
- Zhuravleva, I.A. Resource and educational potential of modern youth / I.A. Zhuravleva // Sociology. 2020. – No. 1. – P. 279–286.
- Ivanyuk, I.V. Educational policy: textbook. allowance. / I.V. Ivanyuk. – M .: Taxon, 2006. – 226 p.
- Matyushkina, I.A. Strategic directions for the development of secondary general education in the municipality / I.A. Matyushkina, T.A. Reuk // Economics and Entrepreneurship. 2020. – No. 4 (117). – S. 348–352.

Имидж территории через призму социокультурных коммуникаций

Заварзина Юлия Владимировна,

доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета E-mail: borisovaylia@bk.ru

В статье проводится детальный анализ понятия имидж территории, формируются основные векторы исследования данного термина, анализируются социокультурные коммуникации как условия и последствия развития имиджа территории. Приводятся результаты исследования развития имиджа территории через социокультурные коммуникации Иркутска.

Ключевые слова: имидж территории, бренд, социокультурные коммуникации, развитие, регион, идентичность

Формирование имиджа региона очень долгий и сложный процесс, способный затянутся на несколько лет. Формирование имиджа - важная составляющая маркетинга территории, поскольку от этого во многом зависит его конкурентоспособность. Регион за счет положительного имиджа обретает известность среди потенциальных инвесторов, готовых участвовать в судьбе бизнеса, существующего на данной территории с целью приумножить свой капитал, а также регион становится более интересуемым со стороны потенциальных жителей, которым он показался более благоприятным для жизни.

В последние годы уж очень возросло внимание и исследователей, и экспертов, к имиджу территории. В целом, это легко объясняется, потому что во многом от имиджа региона зависит его успешность в конкурентном плане среди других регионов. Положительный имидж региона демонстрирует все самые главные преимущества города в то время, как негативный имидж, наоборот, снижает привлекательность даже самого важного преимущества. Исходя из этих особенностей, возросла роль исследования формирования и развития имиджа территории.

Имидж Иркутской области не обладает яркой выраженностью, он весьма противоречивый, поскольку потенциальные жители знают о нем только не так много, только минимальные исторические факты, географическое положение и приведенные в СМИ новостные сводки. У области нет собственного бренда, благодаря которому он был бы широко известен не только в России, но и за ее пределами. Область приобрела широкую известность благодаря Байкалу, и именно его можно расценивать как неофициальный бренд Иркутской области. Хотя Иркутская область обладает интересной историей, удиви-

тельными, уникальными памятниками архитектуры, которые, к сожалению, остаются без внимания не только туристов, но и даже жителей территории.

Имидж – понятие многогранное, очень обширное, имеющее большое количество значений. К примеру, Степанычева Е.В. трактует это понятие так: «комплексное социально-психологическое по своей природе образование, существующее на уровнях отдельной личности и/или группы, включающее в сесемиотическую. эмоциональнооценочную, когнитивную составляющие» [21], а Калюжнова Н.Я. считает, что имидж - это искусственный образ, который формируется в общественном и индивидуальном сознании средствами массовой информации и психологического воздействия с целью создания определенного отношения аудитории к объекту [10]. Слово «имидж» происходит от английского «image», что дословно переводится как картинка, образ. Следовательно, имидж – это так же и визуальная привлекательность объекта и/или личности.

Имидж же территории - совокупность ощущений отдельного индивида и/или группы людей, возникающих на основе множества факторов, присущих данной территории: природноклиматических, этнографических, исторических, социально-политических и т.д. Имидж формируется на основании эмоций, впечатлений людей, которые они испытывают, находясь в данном месте; благодаря множеству средств массовой информации, которые описывают те или иные инциденты, происходящие в пределах территории, с положительной, отрицательной или нейтральной окраской. Каждый человек по-своему относится к тому городу, где он проживает, к тому месту, где он пребывает, поскольку он испытывает к нему свой набор эмоций, а другой человек, находясь там же, скажет совсем иное. Поэтому, в сознании каждого человека формируется совершенно разный, возможно, диаметрально противоположный образ одной и той же территории.

Основная цель имиджа - привлечение внимания к своему региону, выделение его среди иных за счет своих привлекательных особенностей. Привлекательные особенности выбираются в зависимости от целевых групп, оценивающих имидж. Одна из групп это проживающее в данной местности население, для которых главные характеристики региона - высокий уровень жизни (доступные цены, низкий уровень безработицы, развитая городская инфраструктура и т.п.), приятные климатические условия, особенности социально-экономической территориальной политики [8]. Иная целевая группа – инвесторы. Для них основные требования - успешное развитие бизнеса в данном регионе, наличие ресурсов для минимизации рисков и продвижения, благоприятная политика ведения бизнеса и т.д. Поэтому для региона важно создавать имидж, который будет привлекательным и для потенциальных жителей, и для будущих инвесторов.

Благодаря территориальной индивидуальности региона, его привлекательности, формируется или положительный, или отрицательный имидж территории. Однако, важно понимать, что имидж не может быть однозначно положительным, или только отрицательным, поскольку он включает в себя множество различных факторов, а они могут быть как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Множество территорий и вовсе имеют весьма противоречивый имидж, когда положительные моменты перекрываются негативными, и наоборот [6]. По большему счету, эта распространенная проблема для больших, столичных городов. С одной стороны, именно здесь для каждого жителя существуют огромные возможности для развития своей личности, для построения успешной карьеры и получения качественного образования. Однако, в таких городах есть и минусы, от которых невозможно избавиться, такие, как шум мегаполиса, большое скопление в транспорте, общественных местах, высокий уровень преступности и ярко выраженные проблемы с эколо-

гией, такие, как загрязненность воздуха, большое количество выхлопных газов.

В современной экономике существует растущая потребность в маркетинговых рынках, которые будут использоваться для улучшения красоты местности, потому что район или город не могут считаться полностью закрытой территорией [9].

Положение города в репутации страны оказывает значительное влияние на рост внешних и внутренних инвестиций, федеральных агентств по оказанию помощи, уровень занятости и положение дел. процесс миграции и, в конечном итоге, качество жизни. Города, пользующиеся наибольшей репутацией с точки зрения хорошей или плохой репутации, интересны для внешнего мира, и чаще всего отражаются в новостных сводках информационных агентств.

Благодаря грамотному формированию имиджа города, можно преодолеть множество предубеждений о России. Ведь имидж территории не только помогает развитию предприятий, расположенных на территории, но и способен существенно повлиять на отношение других стран и регионов.

Регион обязательно нуждается в положительном и узнаваемом имидже, который, в последствие, даст ряд преимуществ [2]:

- Инвестор никогда не посмотрит на регион, который себя никак не зарекомендовал. Даже при сравнительно одинаковых показателях с другим регионом (например, в экономической сфере), с большей вероятностью он выберет тот, что более известен;
- Каждый регион уникален, за счет чего развивается туризм, что также оказывает положительное влияние на имидж территории
- Практически каждый регион обладает собственными компаниями по производству той или иной продукции. Зачастую, она имеет отсылку к территории, на которой производится. Благодаря положительному имиджу, эта продукция сможет

возыметь успех в различных регионах:

Из всего сказанного выше, можно сделать вывод, что имидж региона имеет огромную значимость, в первую очередь, для повышения инвестиционной привлекательности региона [17].

А есть большое количество регионов, где имидж очень слабо выраженный. В таких случаях, большая часть потенциального населения или инвесторов и вовсе не знает ни о положительных, ни о отрицательных сторонах, что, конечно, негативно сказывается на репутации региона в целом.

Имидж территории состоит из двух компонентов – внешний имидж и внутренний. Флаг, герб, архитектурные сооружения – это компоненты внешнего имиджа. Помимо этого, он в себя включает культурные особенности региона и коренных народов, проживающих на этой территории. А внутренний имидж – это отношение населения к своему региону. Важно помнить, что оба эти компонента имеют огромную ценность, и нельзя уделять внимание только одному, совершенно не обращая внимания на второй.

Для формирования внешнего имиджа города необходимо использовать такие методы [18]:

- создание бренда территории, запоминающегося слогана, яркого логотипа;
- организация ярких событий, освещение которых обязательно будет в СМИ.

А для внутреннего имиджа необходимо повышение качества жизни в регионе, создание комфортной среды для жизни.

Как же формируется имидж территории? На первом этапе необходимо провести так называемый «брейншторминг», на котором его участники, коими могут быть краеведы, предприниматели, художники, журналисты, да и просто жители, заинтересованные в продвижении привлекательного имиджа своего региона. Иногда проводится конкурс среди жителей на лучший девиз (простой, звучный, легко запоминаю-

щийся) и стратегию развития, создания бренда, который станет визитной карточкой и будет привлекать туристов, инвесторов и, возможно, новых жителей.

На втором этапе формирования имиджа, выбираются наиболее сильные стороны, наиболее яркие аспекты территории, выделяющие ее из огромного многообразия регионов. Этими сильными сторонами региона могут быть и географическое положение, и архитектурные, уникальные объекты, и имена знаменитых культурных деятелей. Все это создает уникальный образ территории и стойкие ассоциации с ней [5].

Следующий этап — выбор из всего огромного количества привлекательных сторон территории ту единственную, которая будет отражать всю уникальность территории. Здесь все зависит только от отличительных черт территории. Если регион находится возле известного природного объекта, то это можно сделать визитной карточкой. Или сделать отличительной особенностью территории памятник архитектуры, оставшийся от прошлых поколений. Все это будет привлекать туристов, желающих увидеть такие объекты воочию, и инвесторов.

А последующие этапы включают в себя активное развитие и поддержание имиджа территории, согласно бренду. Здесь не обойтись без вмешательства средств массовой информации, из которых о бренде узнает большая аудитория. Чтобы развивать бренд необходимо:

- Использование запоминающегося девиза с названием региона, например, как «Париж – город любви» или «Санкт-Петербург – культурная столица России;
- Создавать и распространять сувенирную продукцию с символикой города или региона. Это могут быть брелоки, магниты, открытки с изображением герба, достопримечательности или природного объекта, благодаря которому регион обрел известность;
- Транслирование соревнований, выставок, проходящих на террито-

рии региона, неофициальных видеороликов, фильмов, песен о нем. Все это оказывает эмоциональнопсихологическое воздействие на потребителя.

Однако важно понимать, что все это должно привлекать туристов не единожды. Необходимо пробудить в них желание рекомендовать территорию своим знакомым, приезжать регулярно или и вовсе переехать. Поэтому имидж региона не должен опираться исключительно на туристические места, но и на аспекты жизни в регионе, благоприятные для потенциального населения: учебные заведения (школы, ВУЗы, учреждения дополнительно образования и т.д.), большой выбор рабочих мест, уютный климат (мягкий, без резких перепадов температуры), различные места досуга для любого возраста (театры, парки развлечений, немноголюдные скверы и прочее) [4].

При планировании успешной стратегии развития бренда, важно учитывать и специфические особенности территории. То, что работало в одном регионе, может не сработать в другом из-за различий. Все территории разные, каждая уникальна, следовательно, и имидж территории должен формироваться свой, уникальный, с особенным подходом. Следовательно, можно составить такие принципы для формирования имиджа территории:

- поиск проблем имиджа региона и решения, формулирование целей и задач, для решения данного вопроса;
- учет конкурентного потенциала территории в сравнении с другими регионами для формулировки стратегии развития и позиционирования имиджа территории;
- согласование идентичности территории с ее национально-культурными и историческими особенностями;
- представление преимуществ территории, ее самых привлекательных сторон и отличительных, уникальных качеств;
- создание у будущих потребителей целостного восприятия территории [19].

Имидж территории – главный инструмент конкурентоспособности региона на мировом рынке, поскольку его привлекательность, его положительные качества напрямую зависят от репутации региона. А репутация формируется и за счет имиджа территории. Поэтому, для формирования успешного имиджа необходимо:

- определить такую стратегию развития, региона, которая будет объединять в себе все положительные аспекты территории и конкурентные преимущества;
- осознание и органами власти, и населением необходимости формирования имиджа территории для ее дальнейшего успешного развития;
- принятие общего решения о имиджевой политике, которую необхо-

- димо проводить для достижения целей. Также выбор структуры. Которая будет осуществлять контроль за осуществлением политики;
- обеспечить механизм финансирования данной структуры.

Важнейшим инструментом имиджево-репутационных преобразований выступает стратегическое планирование. Формирование репутации территории в идеале представляет собой процесс, осуществляемый на постоянной основе, суть которого состоит в перманентном сознательном изменении имиджево-репутационных характеристик территории в зависимости от изменений рыночной среды. Эта деятельность предполагает необходимость стратегического планирования.

Рис. 1. Технологии и инструменты формирования имиджа и репутации территории

Стратегическое планирование работы по формированию имиджа и репутации территории – это сложный и трудоемкий процесс, которые предполагает создание идеального имиджа и идеальной репутации для региона, а также стратегию для его успешного продвижения, механизмы и инструменты. План мероприятий составляется уже после определения задач, заявленных в стратегии, а они таковы [21]:

 Сформированный уровень знаний в регионе о данной территории. В данный пункт входит донесение до целевой аудитории (жителей, туристов, гостей региона) достоверную и привлекательную информацию о регионе. Это необходимо, что-

- бы у людей сформировались определенные знания о данной территории, что, впоследствии, помогает сформировать имидж.
- 2. Формирование положительного имиджа. Репутация региона напрямую зависит от имиджа, а имидж зависит от знаний людей, от их ощущений по отношению к региону. Чем их знания о регионе лучше, тем обширнее будет и имидж: более многогранный, более полный обзор;
- Формирование у целевой аудитории информации, необходимой для них. Инвесторам важно знать, выгодно ли на данной территории вести бизнес или нет, будет ли прибыль и успешность. Для жителей

необходимо знать о плюсах проживания: экология, уровень заработной платы, возможность получения образования высокого уровня, климат и географическое положение. Для туристов же важнее всего наличие на территории интересных объектов: инфраструктура городов, необычные, уникальные природные объекты и т.д.;

- Формирование в обществе позитивного имиджа и репутации территориальных органов власти. Это необходимо для создания образа поддержки населения, улучшения общественного мнения по отношению к органам власти;
- Сформированный положительный образ организаций, работающих на данной территории. От этого также непосредственно зависит имидж, поскольку предприятия также являются успешным двигателем имиджа региона.

Для формирования и запуска успешного проекта имиджа города/региона необходимо [20]:

- Провести ряд исследований и социологических опросов для того, чтобы построить образ, который закрепился в сознании населения или иных людей, знающих о городе. К примеру, Тула город пряников (этот бренд закрепился благодаря популярному в России лакомству «Тульский пряник»); Иркутск столица Восточной Сибири, холод, удаленность от центра страны; Иваново город невест; Санкт-Петербург город белых ночей, культурная столица России, экс-столица Российской империи);
- Яркие ассоциации не всегда польза. Не все ассоциации могут повлиять на имидж города положительно, к сожалению. Есть такие, которые могут загубить имидж города на начальной стадии его формирования. Поэтому, нужно изначально определить, какие ассоциации повлияют положительно, а какие негативно;
- Необходимо четко определить целевую аудиторию, каналы и инстру-

менты, при помощи которых будет вестись работа по конструированию и позиционированию образа в восприятии её разных групп. Целевая аудитория — это жители, туристы и инвесторы.

В основе работы над формированием имиджа города лежит трудоемкая работа с имеющимися ресурсами на территории. Важно учесть следующие имеющиеся моменты:

- 1. Объекты природы и ресурсы, которыми она богата. Сюда можно отнести и полезные ископаемые, и необычные, уникальные природные объекты и т.д.
- Памятники культуры (архитектурные строения, оставшиеся от прошлых поколений, религиозные объекты);
- 3. Предприятия и объекты производства продукции;
- События, имеющие историческую ценность для региона (Блокада Ленинграда, Курская и Сталинградская битвы);

Важно помнить, что создание бренда, например, на основании культурных достопримечательностей не означает, что регион в других сферах не должен развиваться и себя проявлять. Напротив, поскольку люди воспринимают все по-своему (в том числе, и территорию проживания). Поэтому, для кого-то имидж будет положительным, если регион развивается в разных областях. Чем больше, тем лучше.

Важнейшую роль в формировании продвижении имиджа территории играет PR. PR (от англ. Public Relations публичные отношения, связи с общественностью, отношения с общественностью) - это совокупность технологий, помогающих создать целостный позитивный образ чего бы то ни было (любого объекта, компании или отдельной персоны), в том числе и имиджа территории. Продвижение имиджа территории - это одно из важнейших направлений PR, потому что именно PR имеет непосредственное влияние на экономическое и социально-культурное развитие каждого цивилизованного общества.

Согласно многим исследованиям маркетологов и экспертов в области PR, активная деятельность по формированию и развитию территории помогает привлечь и материальные ресурсы, и обеспечить рост репутации, что очень хорошо для любого региона любой страны.

Формирование имиджа – длительный процесс, требующий много сил и времени. Стоит отметить, что основные принципы товарного маркетинга применимы и в том, что касается «продвижения» регионов и городов. Умение создать успешный образ определяется его уникальностью и узнаваемость за пределами территории. Результаты интересного исследования взаимосвязи популярности и региональной привлекательности представлены в работе А.П. Панкрухина [11].

К факторам, формирующим образ региона (города), могут быть отнесены:

- «Региональный бренд» в виде товара или услуги, характеризующей город (наиболее ярким примером тут выступает Тульский пряник, известный по всей России, а то и за ее пределами);
- 2. Уникальные климатические и природные условия, определяющие образ региона (Побережье Черного моря или озеро Байкал. Эти места ежегодно привлекают огромное количество туристов);
- 3. Значимые исторические события, определяющие образ города (Сталинградская битва стало одним из самых крупных сражений за время ВОВ, что, конечно, не должно быть забыто. Но не только битвами полна история страны и регионов. Санкт-Петербург известен не только белыми ночами, но и историей, ведь долгое время именно этот город был столицей Российской империи)
- 4. Этнокультурные (национальные традиции, жизненные ценности и установки народов, проживающих на территории региона. Например, танец ёхор, который является визитной карточкой бурятского народа. Это равносильно наиболее распространенному в России хороводу);

 Личностный фактор региональных лидеров. Персонификация территории через знаковую фигуру – политика, писателя, исторического деятеля.

Мировой опыт формирования благоприятного имиджа регионов позволяет добавить еще несколько факторов, используемых для закрепления в общественном сознании образа территории [9]:

- Политический. Он связан, непосредственно с взаимодействием территориальных органов власти с федеральными, финансовая поддержка проектов, реализуемых на территории региона и т.д.
- Экономический. Этот фактор включает в себя непосредственно экономический уровень развития территории и благосостояния населения.

формированием Перед имиджа, необходимо рассмотреть такие аспекты, как географическое положение, культурное и экономическое развитие, ведь именно на основании всего вышеперечисленного и создается образ территории. То есть, географический образ территории создается из символов, знаков, мифов, распространяемых в пределах территории. Однако, если с формированием все достаточно просто, то вот с продвижением дела обстоят куда сложнее, потому что для этого необходимо задействовать все отличительные особенности региона, к которым можно отнести и климатические аномалии, привычные для территории, экономические достижения, исторический опыт, культурное наследие, в общем все, что поспособствует продвижению имиджа.

Выделяются несколько этапов продвижения имиджа:

- Старт кампании продвижения. Здесь упор делается исключительно на административный образ территории и имеющуюся деловую репутацию;
- Закрепление сформированного ранее имиджа и распространение (популяризация) положительных сторон положительных, с конкурентной точки зрения, сторон;

3. Активное расширение сфер влияния, что позволяет еще больше укрепить созданный имидж и усилить положительные стороны того или иного региона. На этом этапе следует учитывать политическую сферу, а также региональное и социальное развитие.

Особую роль в продвижении играют СМИ, которые выполняют сознательную коррекцию имиджа, что, конечно же, положительно отражается на имидже территории. Благодаря телевещанию подчеркиваются сильные стороны региона, показываются проводимые для жителей мероприятия, что благоприятно влияет на мнение зрителей. То же делает и радиовещание, и печатные издания. Все это в совокупности создает приятный имидж в глазах зрителей, слушателей и читателей. Конечно, на сегодняшний день, самым популярным каналом СМИ является Интернет, в котором освещаются все события, происходившие регионы. Однако, здесь есть нюанс. Поскольку интернет-изданий много, то не все могут использовать свои ресурсы во благо региона и его имиджа. Вполне вероятна ситуация, когда будут крайне негативные комментарии и репортажи, которые могут повлиять на имидж региона.

Социально-политическая, культурная и инвестиционная привлекательность региона не очевидна сразу, а является результатом измененного и обновленного имиджа. Бытует даже мнение, что ни один город или регион не являются «плохими», «непопулярными» или «депрессивными». Есть какие-то недоработки в работе или их полное отсутствие в создании и продвижении внешнего вида местности.

Формирование имиджа региона – процесс, сложный и продолжительный, состоящий из таких элементов [10]:

1. Создание основных правил, принципов и механизмов развития направлений для развития имиджа региона, наиболее привлекательных для инвесторов, разработка стратегического направления действий;

- 2. Создание внешнего имиджа территории, его имиджа, общественного восприятия, СМИ и внешних инвесторов в этом регионе.
- 3. Разработка внутреннего имиджа территории: укрепление культурных ценностей и эмоционального характера жителей района, создание позитивной атмосферы. Люди должны хотеть жить в этой местности и гордиться ею. Молодые люди должны предпочитать жить на малой родине.

В качестве примера положительного изменения имиджа в отечественном опыте можно назвать Республику Татарстан. Почему именно Татарстан? Этот регион России можно назвать очень уникальным и колоритным. Он заметно отличается от других регионов тем, что всеми силами старается приобрести статус «европейского города».

Но при этом в имидже Татарстана обнаружился еще один элемент - это территория с развитой историей, традициями, наукой и культурой. Образ культурного и экономического оазиса был умело использован в 2005 году на большом праздновании 1000-летия Казани. Затем все увидели совсем другую республику, ее открытость и готовность вести дискуссии по всем направлениям, и увидели историю взглядов Татарстана на жизнь в России. Татарстан зарекомендовал себя как регион, не связанный с Российской Федерацией, но в то время объявил себя регионом европейского уровня, а Казань – примером европейского города. Неудивительно: в туристическом опросе, в котором приняли участие 120000 человек, Казань вошла в тройку российских городов, напоминающих туристам Европу. Санкт-Петербург обогнал Казань (за него проголосовала почти половина опрошенных) и Калининграда (за него проголосовали 34% респондентов). Особого внимания заслуживает ухоженный город, современные набережные в отличие от «средневековых» построек; хорошие дороги и развитая инфраструктура.

Невозможно не заметить важность характера главы региона в процессе

формирования провинции, так как вся картина региона будет зависеть от его действий с его четкими указаниями. Присутствие ярких и самобытных персонажей важно, поскольку личности входят в историю и оставляют свой след. Здесь достаточно вспомнить самых харизматичных лидеров XX века: Ленина В.И., Сталина И.В., А. Гитлера и других. Такой человек привлекает внимание, и человек становится похож на местного. При этом региональные менеджеры действуют по уже сложившимся в регионе схемам. В ответ образ региона воспринимается через личное восприятие характера гидом региона. Образ мэра Москвы С. Собянина неразрывно связан с образом столицы, а образ Республики Татарстан - с образом бывшего президента. Шаймиев и действующий Президент Р.Н. Манниханов. Образ главы региона часто зависит от имиджа региона и наоборот.

В исследованиях американских и европейских ученых и специалистов, под имиджем часто подразумевается общее представление о продукте, а также его свойствах, преимуществах и конкурентоспособности. Но имидж территории трактуется иначе. Имидж территории понимается во всей совокупности идей, в чувстве отношения человека к ней.

Многие работы основаны на том, что образ территории строится на взаимосвязи объекта и предмета, т.е. территории и человека так или иначе должны быть построены. Барбара Дженес, исследователь из Венгрии, опровергла эту идею. По его мнению, неравенство в получении изображений зависит от сравнений, сравнений и путаницы, таких как изображения продуктов, изображения провинций и страны-производители. Ну, конечно, эти идеи почти одинаковы. Неудивительно, что многие из них иногда сравнивают, обменивают, сравнивают. Но сравнивать эти идеи – большая ошибка. Карта провинции, в отличие от карты продукта и карты страны производителя, представляет собой комбинированный процесс, в котором опыт человека в этой провинции, представление о ней определяется полученной информацией. благодаря различным каналам коммуникации, которые включают политический дискурс, развлекательный контент (телевизионные программы, фильмы), телекоммуникации и другие.

Особенности формирования имиджа территорий Иркутской области в контексте социокультурных коммуникаций

Каждый регион России имеет свои отличительные особенности, которые, впоследствии, могут так или иначе отразиться на формировании территориального имиджа. Например, Санкт-Петербург известен не только своей уникальной историей, архитектурными прекрасными постройками, но и погодными условиями – частые дожди и серое, пасмурное, затянутое тучами небо. И даже несмотря на то, что по показателям количества осадков культурная столица проигрывает, казалось бы, самому солнечному городу страны - Сочи, но звание самого хмурого города России уже плотно закрепилось за имидж Санкт-Петербурга. И эта тема часто проскальзывает и в песнях, и в поэзии, и в других произведениях искусства (картинах, художественной прозе и т.д.) [8].

А есть города, имидж которых сформировался благодаря историческим фактам. Например, небезызвестный город невест – Иваново, который получил свое громкое неофициальное название еще в далеком 19 веке. Все благодаря развитию текстильной промышленности. И, что удивительно, этот имидж продолжает развиваться по сей день. Даже герб, принятый в 1996 году, связан с этим. В отличие от предыдущего герба с факелом и челноком, на нём изображена молодая женщина в русской национальной одежде, занятая прядением. Также администрация города нередко устраивает мероприятия, помогающие поддержанию бренда, например, «Парад невест». Даже журнал «Cosmopolitan» не смог остаться в стороне и ежегодно устраивает акцию под названием «Сбежавшие невесты».

В целом, бренд города очень удачно продвигается и имеет широкую известность, что положительно влияет на репутацию города.

Что же касается Иркутской области и столицы региона, то, как такового яркого и узнаваемого бренда нет. В 2018 году московской компанией INSTID («Институт идентичности») был представлен бренд города с, так называемой, «иркутскостью». По заявлению авторов проекта, они руководствовались «поиском иркутскости», о которой «сами иркутяне, возможно, не знают, и что важно - она не должна им нравиться». В их понимании бренд должен «заряжать и будоражить», а Иркутск нужно представлять как «центр развития Сибири, город-перфоманс, городкарнавал». Дизайнеры «переосмыслили» прошлое Иркутска и выразили концепцию слоганом «Включайся!». Однако, этот бренд совершенно не прижился. Горожане, как и жители региона не увидели в нем ничего, чтобы им напоминало образ столицы региона, и приняли его очень холодно. INSTID представила весьма необычный визуальный стиль и бренд Иркутска, кратко описываемый как «простой доступный авангард». Из цветов использовались красный, синий, зеленый, черный и белый в различных комбинациях, дабы не рябило в глазах. Однако, отражения именно Иркутска в нем никто не увидел. [14,15]

Что же тогда приходит на ум сразу, когда речь идет об Иркутской области? Конечно, гости города сразу назовут Байкал. И, конечно, это так. Та территории области находится одно из самых красивых мест на планете. Кроме того, Байкал абсолютно уникален: растения и животные, которые можно встретить на этой территории, больше нигде не найдешь. Байкальская нерпа, омуль, баргузинский соболь и еще множество обитателей являются эндемиками Байкала, за счет чего это место так любимо туристами. Не удивительно, что каждый год число туристов лишь возрастает. Красивые виды тут встречаются повсеместно в любое время года. [16]

Помимо самого Байкала, нужно помнить, что Иркутск – город, стоящий на Ангаре. А Ангара – единственная река, вытекающая из Байкала. Это, конечно, не такая уж редкая природная особенность, поскольку из большинства озер вытекает по одной реке. Однако история Байкала и Ангары является самой известной, и на ее основе писались легенды.

Иркутская область – регион, сохранивший свой исторический облик. Особенно это относится к столице региона - городу Иркутску. Его Исторический центр внесен в предварительный список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Иркутск даже получил такие громкие названия, как «Восточный Париж» или «Сибирский Петербург» за счет своей уникальной архитектуры. Русское деревянное зодчество умело переплетается с сибирским барокко и северным классицизмом в исторических архитектурных постройках. В центре Иркутска до сегодняшнего дня сохранилось множество памятников архитектуре. Например, дом купцов Сибиряковых, или, как его называют жители, Белый дом. Краеведы полагают, что над проектом дома работал сам великий Джакомо Кваренги – итальянский архитектор, создавший главные шедевры Санкт-Петербурга, однако подтвердить документально данный факт на сегодняшний день практически нереально. Но даже несмотря на это, «Белый дом» до сих пор является главным украшением Гагаринского бульвара в Иркутске. В XIX веке он был выкуплен городом, став официальной резиденцией иркутских генерал-губернаторов. А после революции это здание переквалифицировали в главный корпус Иркутского Государственного Университета.

Один из самых красивейших домов, напоминающий по своему величию дворец — усадьба Трубецких. Сегодня именно здесь располагается историкомемориальный музей декабристов. Коллекция музея начала формироваться в 1925 году, когда к 100-летию со дня восстания на Сенатской площади в Иркутском музее Революции была созда-

на экспозиция, посвященная декабристам. Формирование коллекции продолжается до сих пор. В течение 30 лет музей декабристов был филиалом Иркутского областного краеведческого музея, а в 2000 году получил статус самостоятельного государственного учреждения культуры «Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов». Музей представляет собой комплекс из двух мемориальных домов и прилегающих к ним усадеб: князей С.П. Трубецкого и С.Г. Волконского. Постоянная экспозиция музея рассказывает о жизни декабристов на каторге и поселении в Восточной Сибири (1826-1856). В музее хранятся подлинные вещи семьи Трубецких.

Ну и конечно, большой интерес у туристов вызывают деревянные строения Иркутска, как памятники зодчеству. Иркутск – это уникальный для России пример того, как старую деревянную застройку, которую городские власти обычно считают непривлекательной и стараются поскорее снести с целью заменить на новое здание, чтобы не портить внешний вид города, удалось защитить и успешно встроить в городскую среду. Однако, не все так прекрасно. Ситуацию омрачает тот факт, что на данный момент район исторической застройки плотно захватил бизнес, который завешивает объекты культурного наследия вывесками, вместо реставрации, делает непривлекательные пристройки, которые не вписываются в общую стилистику. Все это, как минимум, уничтожает «дух» истории. Но всё это ещё можно исправить, главное, что в Иркутске есть с чем работать, в отличие от многих других городов России, где никакой исторической деревянной застройки давно уже нет и спасать уже, увы, нечего. Один из самых ярких примеров спасенного деревянного исторического наследия - известный 130-й квартал. Из 67 домов на территории квартала 32 являются подлинными историческими домами. Сейчас они, конечно, отреставрированы как внутри, так и снаружи, имеют привлекательный внешний вид. На территории

130-го квартала сохранился лишь один дом, который остался без реставрации, поскольку житель оказался его продавать. Поэтому среди реконструированных домов можно встретить и такую отдельную покосившуюся со временем избушку.

Однако в других городах области такого не встретишь, поскольку они моложе Иркутска. Например, Ангарск – один из крупных городов области, основан только в 1948 году. Этот город кардинально отличается от Иркутска своим внешним видом. Он более современный, в нем не встретишь исторические архитектурные постройки прошлых веков.

Но не только исторических музеев в Иркутске много. Один из них построен в 2015 году, и является едва ли не единственным в своем роде, и это музей «На свалке» (он же музей полигона ТБО). Уникальность этого музея заключается в том, что он находится на реальной свалке бытовых отходов. Казалось бы, как это место сможет стать привлекательным. Однако, как показывает опыт, очень даже может. История началась с того, что полигон хотели огородить. Идейным вдохновителем стал начальник Иркутского полигона ТБО – Александр Расторгуев, увлекающийся историей. Работники выбрали концепцию, сами занялись эскизом будущих ворот (остановились на идее острога) и сделали их из того, что нашли на территории свалки. Так, казалось бы, с простого увлечения сотрудников, в 2015 году началась история музея «На свалке», или как его еще называют Музея мусора. Постепенно коллекция музея пополнялась новыми экспонатами. На данный момент, территория музея занимает огромную площадь, отделенную от мусора. Здесь не только появилась огромная коллекция разнообразных экспонатов, но и даже есть настоящие, живые медведи. Кроме того, для съемок фильма о Великой Отечественной войне «321-я сибирская» работники иркутского полигона ТБО создали несколько локаций, где теперь проходит празднование Дня Победы,

а гости музея «На свалке» могут побывать в реальном окопе и почувствовать себя участниками сражения. Иркутский музей мусора стал туристической визитной карточкой города, посмотреть на необычный объект приезжают не только российские, но и зарубежные туристы. Помимо художественной составляющей, локация представляет большой интерес как яркий экологический проект по сохранению окружающей среды и повторного использования бытовых отходов [3,5,12]. Здорово, что этот музей в очередной раз напоминает, как важно ценить природу, помогая понять, что даже из мусора можно сделать нечто прекрасное и необычное, что однажды сможет стать народным достоянием и предметом восхищения для многих. Как бы странно ни звучало, но сегодня этот музей привлекает огромное количество новых туристов, которые с удовольствием хотят посмотреть на инсталляции.

Так вышло, что именно в Иркутске собраны самые необычные музеи. Одним из таковых стал ледокол «Ангара». Ледокол «Ангара» – оставшаяся частичка живой истории, работавшей на озере Байкал железнодорожной паромной переправы, как и известный паром-ледокол Байкал. Паром-ледокол «Байкал» мог перевозить в ледовой обстановке 25 вагонов, паровоз и до 250 пассажиров, а ледокол «Ангара» – багаж 10 вагонов и 160 пассажиров. Ледоколы опосредованно стали героями Русско-Японской войны 1904-1905 годов: на них одновременно через Байкал перевозилось до 3500 человек пехоты, что поспособствовало формированию армейской группировки на Дальнем Востоке. И если паром-ледокол Байкал многими не вспоминается, то ледокол «Ангара», успешно переквалифицировавшись в музей, сегодня является очень любопытным местом для туристов, школьников, студентов, да и просто людей, интересовавшихся историей родного региона. Здесь в рабочем состоянии сохранился двигатель и машинное отделение ледокола, развёрнута выставка «По волнам славного моря

Байкал», освещающая вехи освоения Байкала. В отремонтированной каюте 1-го класса для посетителей демонстрируются фильмы о ледоколах. [4]

Иркутская область очень необычна своей географическим положением. Близость с Байкалом создает дополнительные условия для жителей области. Район Байкала, а именно Байкальская рифтовая зона относится к территориям с высокой сейсмической активностью. На данной территории достаточно часто происходят небольшие сейсмособытия, обычно их сила достигает лишь одного- двух баллов, которые люди не ощущают. Однако, к сожалению, жителей, случаются, хоть и редко, сильные; так, в 1862 году при десятибальном Кударинском землетрясении участок земли в северной части реки Селенги ушел под воду и образовался залив Провал. Сильные землетрясения отмечены также в 1903 году, получившее название Байкальское, в 1950 году – Мондинское, 1957 году – Муйское, а в 1959 - Среднебайкальское. Эпицентр Среднебайкальского землетрясения находился на дне Байкала в районе посёлка Сухая (юго-восточное Побережье). Сила его достигала 9 баллов. До Улан-Удэ и Иркутска главный толчок дошел с силой 5-6 баллов, после которого находили незначительные трещины на зданиях. Последние сильные землетрясения на Байкале происходили 27 августа 2008 года с силой 9 баллов в эпицентре. Он располагался в 25 км от Байкальска. В тот день были большие перебои связи и в поселке Култук сильно пострадала школа, после чего ее снесли, признав аварийной. Также на 2020 год выпали два сильных землетрясения – 22 сентября (сила первого толчка – 8 баллов, последующий – слабее, баллов 6) и 10 декабря (толчки силой 7,6 баллов). В населенных пунктах области, где вероятность землетрясений наибольшая, все дома строятся с учетом этих природных инцидентов.

Суммируя все сказанное выше, имидж Иркутской области, в основном, стоится на двух факторах – географическое положение (близость уникаль-

ного озера) и историческое прошлое области. О прошлом сейчас свидетельствует лишь оставшееся архитектурное наследие Иркутска. Однако, сложно сказать наверняка, положительный имидж региона или отрицательный. Для того чтобы это выяснить, был проведен социологический опрос, в котором приняло участие 50 человек. Опрос касался имиджа именно Иркутска, поскольку от того, какой имидж будет у столицы региона, автоматически такой же будет и у всего региона в целом. В опросе приняли участие как жители Иркутска (52%) и области (28%), всего (n=1240), 61% женщин и 39% мужчин в возрасте от 18 до 75 лет.

Больше всего (54% от общего числа опрошенных) оценило имидж на 3, то есть оценивают имидж города, как удовлетворительный. Почти четверть (28%) отдали свой голос оценив на 4 и 18% оценило на 5 баллов имидж Иркутска.

Большая часть респондентов (88%) проголосовала за исторический имидж, что очень легко обосновать. В центральной части города достаточно узкие дороги, не рассчитанные на такой большой поток машин; архитектурные сооружения прошлых веков как памятники. А вот на втором месте (58%), к сожалению, люди отметили неопрятность. Скорее всего, такой результат связан, скорее всего, с транспортной инфраструктурой города, с центральными

улицами, где время от времени можно встретить обветшалое здание.

При оценке состояния структуры (транспортной, социальноэкономической и т.д. положительных ответов меньше, нежели отрицательных или нейтральных. Например, транспортная инфраструктура в городе на сегодняшний день оставляет желать лучшего. Из транспорта обновление автопарка происходит только среди автобусов или маршруток. Чаще всего на более популярных маршрутах сейчас встречаются новые транспортные средства с работающей системой оповещения остановок (голосовой и визуальной, благодаря информационному табло с бегущей строкой). Однако трамваи нуждаются в скором обновлении парка. Только на нескольких маршрутах можно встретить более-менее современные, обновленные транспортные средства. На остальных же маршрутах трамваи пока оставляют желать лучшего. Схожая ситуация обстоит и с троллейбусами.

Если же говорить только о городской инфраструктуре, в Иркутске очень много строительных компаний. Дома в Иркутске очень отличаются внешним дизайном: с одной стороны – кирпичные дома, а с другой – панельные. И, к сожалению, такая разрозненность не всем приходится по вкусу.

На рисунке 2 представлены наиболее привлекательные для туристов места в городе.

Рис. 2. Наиболее привлекательные для туристов места в городе (в %)

Социология №4 2021

В данном вопросе были приведены в пример все самые яркие, туристические и запоминающиеся памятные места, наполненные историей. Большая часть респондентов отдала свой голос за 130-й квартал, поскольку это место сейчас является, пожалуй, самым популярным как среди молодежи, так и среди туристов. К тому же, среди туристов интерес вызывает памятник гербу города — бабру, поскольку это мифическое существо возникло из-за казусной ситуации и до сих пор вызывает споры среди туристов.

Также популярностью пользуются такие места, как нижняя набережная реки Ангары, памятник Александру III и площадь графа Сперанского (она же более известна, как сквер им. Кирова).

Указывая на то, что нужно изменить в городе, чтобы он стал более комфортным для проживания, респонденты отмечали, что в городе достаточно много торговых центров, и увеличение их количества, на данный момент, не требуется. А вот реставрация (или же, в некоторых случаях снос) совсем ветхих, старых, исторических сооружений города все же требуется.

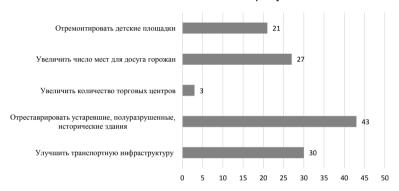

Рис. 3. Что стоит изменить в инфраструктуре города (в %)

42% респондентов хотели бы жить в Иркутске, 30% не хотели бы и 28% затруднились с ответом.

Таким образом, имидж Иркутска пока, к сожалению, далек от идеала, о чем говорят результаты первого, третьего и шестого вопроса. Транспортная инфраструктура города пока еще нуждается в серьезной доработке: обновлении и ремонте транспортных средств. Многие горожане и гости города отмечают полуразрушенные деревянные постройки, находящиеся на центральных улицах города. Они иногда или занавешиваются огромными баннера, или же огораживаются металлическим забором. Реставрация таких сооружений, без сомнения, требуется, поскольку они – архитектурные памятники с уникальным колоритом. Иркутск – как город исторический, должен сохранить в себе такие удивительные памятники.

Иркутская область – очень любопытное место для туристов, но пока всеобщее внимание привлекает Байкал, а не столица региона и, уж тем более, не иные населенные пункты (кроме Листвянки, поскольку она является главной целью туристов, посетивших Байкал). Имидж столицы региона нуждается в серьезной доработке, поскольку на данный момент у туристов он не вызывает большого интереса, хотя и город, и область известны на всю страну. Пока у Иркутска, да и у области отсутствует яркий, неповторимый бренд, который мог бы стать толчком для поднятия региона на новый уровень.

Благодаря использованию инноваций в инфокоммуникационных технологиях формируется положительный имидж товара, города, области и даже страны. Таким образом, формирование имиджа предполагает активное использование и формирование его

инновационных технологий. ствуя на общественное сознание с одной стороны и на индивидуальное сознание каждого отдельного человека с другой, СМИ формируют имидж того или иного объекта: товара, фирмы, политика, региона. Работа со СМИ – важный этап информационного маркетинга, и большинство специалистов отмечают огромную роль средств массовой информации в формировании и поддержании имиджа города. Технология информационного маркетинга - это идеальная система подхода к информации, которая, к сожалению, не так идеально выполнятся на местах. Зачастую подача информации о городе, как местными, так и центральными СМИ осуществляется стихийно, причем без какого-либо контроля. Контроль за информацией, поступающей в СМИ нужен, иначе может сегодня в городах важная и полезная информация оказывается недоступной другим городам, и лишь незначительная ее доля появляется в центральных сводках, которые, в конечном счете, и формируют общественное мнение.

Литература

- Борисова Ю. В., Попова М.В. Конструирование бренда территории в представлениях россиян // Социология. 2018. № 2. С. 97–103
- 2. Борисова Ю.В. Социальноресурсное управление конкурентоспособностью территории (на материалах Иркутской области) (научная монография). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – 170 с.
- 3. Борисова Ю.В. Стратегическое развития территории // Социология. 2018. № 3. С. 87–93.
- Визгалов Д.В. Позиционирование города: поиск городской идентичности и разработка концепции бренда // Муниципальная власть. 2014.
 № 2. С. 26–33.
- 5. Громова Е. Брендинг территорий // Рекламные идеи.2011. № 6. С. 110–119.
- Гуляева М.К. Брендинг региона: миф или реальность? // Вестник ГКУ. 2011. № 4.С. 84–88.

- 7. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. Издательство: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.
- 8. Заварзина Ю.В. Гендерные отличия в восприятии территориального развития (на примере Иркутской области) // Женщина в российском обществе. 2018. № 4 (89). С. 111–119.
- Заварзина Ю.В., Батьянова Л.Н., Москвитина H.B. Социальноресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научнопрактической конференции. Иркутский государственный университет: Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 315-318.
- Калюжнова Н.Я. Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации М.: ТЕИС, 2003. 526 с.
- 11. Панкрухин А. Брендинг городов: лучшие практики. Взгляд из Барселоны и Лондона // Муниципальная власть. 2012. № 1. С. 18–20.
- 12. Полюшкевич О.А. Символическое значение территории в сознании сибиряков // Социология. 2018. № 2. С. 113–117.
- 13. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск, Изд-во ИГУ. 2014. 160 с.
- Полюшкевич О.А. Территориальнопространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 293–300.
- Полюшкевич О.А. Территория как символ консолидации Байкальского региона // DIXI – 2017: идеи, гипотезы, открытия в социальногуманитарных исследованиях сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики права. Хабаровск, 2017. С. 129–135.

Социология №4 2021

- Попова М.В. Бренд территории как ресурс развития (на примере Байкальского региона) // Социология. 2018. № 3. С. 118–126
- Попова М.В. Конструирование бренда территории: социологический анализ // Вестник ТОГУ. 2017.
 № 4 (47). С. 133–140.
- Попова М. В., Борисова Ю.В., Полюшкевич О.А. Технология разработки бренда города (на примере Ангарского городского округа) // Урбанистика. 2017. № 4. С. 170–175
- Попова М. В., О.А. Полюшкевич Влияние топонимики на идентичность жителей города (по материалам Иркутска) // Социодинамика. 2018. № 9. С. 86–97.
- Попова, М.В. Имидж России в сознании студентов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2018.
 № 4. С. 50–53
- 21. Степанычева Е.В. Концептуальный подход к формированию бренда территории // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12. С. 290–295.

IMAGE OF THE TERRITORY THROUGH THE PRISM OF SOCIO-CULTURAL COMMUNICATIONS

Zavarzina Yu.V.

Irkutsk State University

The article provides a detailed analysis of the concept of the image of the territory, forms the main vectors of the study of this term, analyzes socio-cultural communications as conditions and consequences of the development of the image of the territory. The results of the study of the development of the image of the territory through the socio-cultural communications of Irkutsk are presented.

Keywords: image of the territory, brand, sociocultural communications, development, region, identity.

References

- Borisova Yu. V., Popova MV Construction of a territory brand in the perceptions of Russians // Sociology. 2018. No. 2. P. 97–103
- Borisova Yu.V. Social and resource management of the competitiveness of the ter-

- ritory (based on the materials of the Irkutsk region) (scientific monograph). Irkutsk: ISU Publishing House, 2018. 170 p.
- Borisova Yu.V. Strategic development of the territory // Sociology. 2018. No. 3. S.87–93.
- Vizgalov DV Positioning of the city: the search for urban identity and the development of the brand concept // Municipal power, 2014, No. 2, S, 26–33.
- Gromova E. Territory branding // Advertising ideas. 2011. No. 6. S. 110–119.
- Gulyaeva M.K. Branding of the region: myth or reality? // Bulletin of the GKU. 2011. No. 4. P. 84–88.
- Dinny K. Territory branding. The world's best practices. Publisher: Mann, Ivanov and Ferber, 2013.336 p.
- Zavarzina Yu.V. Gender differences in the perception of territorial development (on the example of the Irkutsk region) // Woman in Russian society. 2018. No. 4 (89). Pp. 111–119.
- Zavarzina Yu.V., Batyanova L.N., Moskvitina N.V. Social and resource support of the competitiveness of the territory in the space of network interaction // Social reality of virtual space. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. Irkutsk, ISU, 2019.S. 315–318.
- Kalyuzhnova N. Ya. Competitiveness of Russian regions in the context of globalization M.: TEIS, 2003.526 p.
- Pankrukhin A. City branding: best practices.
 A View from Barcelona and London // Municipal Power. 2012. No. 1. S. 18–20.
- Polyushkevich O.A. The symbolic meaning of the territory in the minds of Siberians // Sociology. 2018.No. 2.P. 113–117.
- Polyushkevich O.A. Sociocultural solidarity in a transforming society. Irkutsk, Publishing house of ISU. 2014.160 s.
- Polyushkevich O.A. Territorial and spatial symbols of the socio-cultural solidarity of Siberia // Bulletin of the Pacific State University. 2017. No. 4 (47). S. 293–300.
- Polyushkevich O.A. Territory as a symbol of the consolidation of the Baikal region // DIXI – 2017: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research, collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Law Economics. Khabarovsk, 2017.S. 129–135.
- Popova MV Brand of the territory as a resource for development (on the example of the Baikal region) // Sociology. 2018. No. 3. P. 118–126

Социология №4 2021

- Popova MV Designing the brand of the territory: sociological analysis // Vestnik PNU. 2017. No. 4 (47). S. 133–140.
- Popova M. V., Borisova Yu. V., Polyushkevich O.A. Technology of city brand development (on the example of the Angarsk urban district) // Urban Studies. 2017. No. 4. P. 170–175
- 19. Popova MV, OA Polyushkevich Influence of toponymy on the identity of city residents
- (based on materials from Irkutsk) // Sociodynamics. 2018.No. 9.P. 86–97.
- Popova, M.V. Image of Russia in the minds of students // Alma Mater (Bulletin of the higher school). 2018. No. 4. P. 50–53
- Stepanycheva EV Conceptual approach to the formation of the brand of the territory // Socio-economic phenomena and processes. 2012. No. 12. S. 290–295.

Мобилизационная солидарность во время пандемии

Иванов Роман Викторович,

доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета E-mail: dorwardrw@list.ru

В статье анализируется ситуация возникновения солидарности общества в условиях пандемии. Анализируются механизмы и инструменты социального сплочения, эмоциональной близости и эмпатии граждан, готовых помогать друг другу для общего блага. Пандемия выступает основой конструирования мобилизации населения с целью консолидации. Эти механизмы выступают инструментом формирования нового социального порядка, нового общественного взаимодействия.

Ключевые слова: солидарность, пандемия, мобилизация, общественное движение, инициатива снизу, народ, власть.

11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила пандемию новой коронавирусной инфекции. Пандемия затронула все сферы нашей жизни, кардинально изменив жизнь людей на всей планете. Оказалось, что высокоэффективных способов борьбы с новым вирусом у человечества нет. Вызов пандемии – цивилизационный вызов.

Первая волна пандемии явила очевидное - прошлое разрушается драматически быстро, ускоряя изменение технологического уклада. Всем приходится перестраиваться, иногда очень болезненно, в новые формы занятости, образования, отдыха. Бизнес, особенно шоу-бизнес, медиа, туризм, гастрономия и др. были вынуждены видоизмениться, а те, кому это сделать не удалось, ушли.

Ответ на вызов - переход от старого к новому и социальная солидарность. Стоит отметить, что во время первой волны пандемии, когда шла глубокая трансформация жизни общества, мы наблюдали дезинтеграционные тенденции. Они захватили все государства, общественные институты и отношения в социуме. Некоторые страны бросали своих граждан в чужих странах, а соотечественники с агрессией относились к тем, кто не хотел добровольно самоизолироваться в обсерваторы, возвращаясь из стран, пораженных короной. Во время второй волны мы столкнулись с политической борьбой вокруг вакцин, более того – развитые страны отказывались делиться вакциной с менее сильными игроками на политической арене [15].

Когда неразбериха первой волны пандемии стала сходить, пришло осознание, что в одиночку с бедой не справиться, без социальной солидарности, соседской взаимопомощи и волонтерства не обойтись. Солидарность во все времена была одним из главных условий исторического развития. Солидарность – это бескорыстные действия,

направленные на пользу как отдельного человека, так и во благо группе людей, или делу. В повседневной «доковидной» жизни солидарность поощрялась обществом, мы знаем массу примеров солидарности, например, каждый из нас принимал участие в сборе средств или денег для лечения детей, для поддержки сирот из детских домов. Кто-то работал в качестве волонтера на экологических акциях, был донором, а кто-то усыновил ребенка. На уровне государств солидарность проявлялась в оказании гуманитарной помощи, приема беженцев и др.

Для решения многих вопросов, вызванных пандемией коронавируса, потребовалась солидарность разных слоев и групп населения как между собой, так и с государством. Вертикально ориентированные власти попросту не справлялись с массой проблем, у них не было готовых решений, и без человеческой солидарности многие пожилые, больные и маломобильные люди могли бы остаться без лекарств, еды и доступа к средствам существования. Поэтому постепенно стала налаживаться система трехстороннего взаимодействия: власть, бизнес и гражданское общество. В нашей стране, во всем цивилизованном мире появилась солидарность, основанная на взаимной ответственности, возникла как жизненно важная необходимость.

Проблемы, связанные с глобальным вызовом, трансформацией социальных практик, государственной политики в новых условиях требуют дальнейших исследований. Основным вопросом остается вопрос о механизмах достижения этой солидарности. В ранних работах автора дается осмысление актуальности солидарности и ее применимости к анализу общественного воспроизводства [9,10]. Также стоит указать, что в работах О.А. Кармадонова, Г.Д. Ковригиной, В.В. Кобжицкого даются основы развития социальной солидарности граждан в разных социальных условиях [11-13].

Поскольку маховик государственной машины тяжело запускается, а со-

лидарность требует слишком больших бюрократических усилий, приводящих к потере времени. Поэтому наряду с запросом на усиление роли государства как стабилизатора, возрастает поддержка структур гражданского общества

Распространение нового вируса показало, что только совместными усилиями можно справиться с очередным цивилизационным вызовом. Но прежде, чем объединиться, общество пережило этап разобщенности. Первая реакция на происходящее - паника. В связи с пандемией коронавируса в обществе также возник новый термин: в онлайнсловаре англоязычного сленга Urban Dictionary появилось слово covidiot. Это неологизм, образованный путем слияния слов Covid-19 и «идиот». Так называли паникеров, которые скупали продукты и товары первой необходимости (гречку и туалетную бумагу) из-за пандемии коронавируса [17].

Когда эпидемия начала набирать обороты, в мировых СМИ появились публикации о том, что международной или европейской солидарности не существует, это миф. Подобные заявления были связаны с тем, что лидеры отдельных стран заявили о запрете на экспорт медикаментов и медоборудования из Европейского Союза.

Европейский союз, как политическое и экономическое объединение стран утверждал, что его главная цель – достижение мира и процветания. Круговое расположение звезд на флаге ЕС символизирует единство, солидарность и гармонию, а синий фон – западный мир. Однако пандемия COVID-19 наглядно показала, что эти ценности западного мира основаны вовсе не на взаимопомощи.

После того, как пандемия будет завершена, Европе предстоит серьезно пересмотреть отношения внутри союза, утвердить единые базовые принципы. Либо будет соблюден баланс в отношениях, либо Евросоюз распадется. Когда Италия в марте 2020 года на пике эпидемии обратилась в ЕС за помощью, получила отказ [16].

Страна, стоявшая у истоков создания Евросоюза, поддержку получила, но от Китая. В полночь 12 марта в Риме приземлился китайский самолет [24]. На его борту находилось девять медицинских экспертов и 31 тонна различных медицинских принадлежностей средства личной защиты и противовирусные препараты, оборудование для отделений интенсивной терапии. Примерно в это же время в Италию прибыл китайский грузовик с 230 ящиками медицинского оборудования. Дело в том, что Брюссель ввел запрет на поставки медоборудования, в условиях пандемии сохраняя ресурс для своих граждан.

Трудности возникают внутри Евросоюза. Главный союзник Брюсселя – США – закрывает границы и не пускает европейцев, в то время как КНР направляет в ЕС медицинские препараты и хорошо обученных специалистов.

Некоторые страны-члены ЕС, например, Чехия и Словения, предпринимали во время первой волны коронавируса откровенно недружественные действия. Словения запретила транзит итальянских фур через свою территорию и завалила валунами ведущую к соседям дорогу, Чехия присвоила груз медицинского назначения из Китая, а Польша не пропустила российские самолеты с гуманитарной помощью для Италии через свое воздушное пространство.

В Полтавской области Украины местные жители забросали камнями автобусы с эвакуированными из Ухани согражданами. Опасаясь распространения вируса на африканском континенте, общественность многих стран Африки осталась глуха к просьбам своих соотечественников помочь им с эвакуацией из китайского Уханя. «К французам относятся, как к прокаженным», - писало немецкое издание Frankfurter Allgemeine Zeitung. В федеральной земле Саар немцы требовали: «Грязные французы, возвращайтесь в свою корона-Францию». В СМИ писали, что «автомобили с французскими номерными знаками забрасывают яйцами, франкоговорящих клиентов

в супермаркетах обзывают последними словами и требуют, чтобы они вернулись в свою «корона-Францию».

Помимо этого, СМИ сообщали о требованиях германских работодателей, требующих от французских рабочих как можно скорее убраться из страны. Свое возмущение такими дикими сценами выразил даже министр иностранных дел Германии Хайко Маас. 23 марта он предложил активировать пункт о солидарности ЕС в соответствии со статьей 222. «Это будет означать, что реакция на коронавирус может быть поддержана с помощью очень конкретных мер на уровне ЕС». [5]

В Италии обеспокоенные южане не хотели принимать беженцев с пораженного коронавирусом севера страны, причем это нежелание оборачивалось перекрытием автомобильных дорог и блокированием железнодорожных станций.

В США федеральное правительство было вынуждено размещать потенциальных носителей вируса на военных базах.

Пострадали туристы круизного лайнера «Westerdam», которому на протяжении двух недель под давлением общественности отказывали в швартовке порты Японии, Филиппин, Тайваня и Таиланда, пока, наконец, пассажиры не смогли сойти на берег в камбоджийском Сиануквиле. При том, что ни одного инфицированного на борту так и не было найдено. Также остро встал вопрос распределения финансов.

В России также наблюдались элементы разобщенности. В первую очередь, они касались тех, кто вернулся из-за границы и не хотел соблюдать режим самоизоляции или не соглашался ехать в обсерваторы. Ситуацию подогревали «ковид-диссиденты». Психологи считают, что отрицание пандемии — это защитное свойство психики, такая реакция возникает у людей со слабой психикой. Ковид-диссиденты отрицали существование нового вируса, пренебрегая мерами безопасности, полагая, что эту небольшую проблему политики раздули с помощью подконтроль-

ных СМИ и используют ее в своих корыстных целях. Мария Попова - создатель и администратор онлайн-проекта «Прививка от мракобесия» отметила, что у коронаскептиков распространено несколько версий. Первая: вирус Sars-CoV-2 не страшнее гриппа, - перечисляет Мария. - Эти люди лечатся дома парацетамолом и морсами, врача вызывают только в крайнем случае, не носят маски, не соблюдают режим самоизоляции. Есть еще те, кто считает пандемию заговором: якобы вирус создали искусственно, чтобы поголовно всех чипировать, ввести микросхему вместе с вакциной [4].

Ряд скептиков утверждают, что эпидемия – некий социальный эксперимент, заговор мирового правительства с целью определения процента управляемости населением. Ярко выраженные ковид-диссиденты – актер Никита Джигурда, ведущая новостей «Первого канала» Екатерина Андреева, певец Данко.

К концу марта 2020 года ситуация начала меняться в лучшую сторону. Пандемия пробудила гражданское общество, активисты которого стали примером человеческой солидарности и настоящего героизма. Одним из средств формирования и поддержания солидарности являются флешмобы.

Первым актом социальной солидарности можно считать флешмоб в поддержку врачей Италии, которая весной 2020 года пострадала от ковида сильнее всех. Мартовские видео итальянцев, аплодирующих на балконах своим врачам, разошлось по всему миру. В мае 2020 года в России появились первые флешмобы в поддержку врачей – «Спасибо, доктор». Наступил период социальной солидарности. Затем стартовал всемирный флешмоб «Оставайтесь дома для нас». Люди активно фотографировались с табличками, на которых были написаны просьбы к населению о соблюдении режима самоизоляции на время эпидемии коронавируса. Снимки сопровождались хештегами #covidнепобедит.

В своей работе О.Н. Яницкий пишет: «Интернет и другие информационно-

коммуникационные технологии стали для российских граждан одновременно полем и инструментом самоорганизации, независимо от воли начальства. Оказалось, что компьютер плюс мобильник и даже обычный телефон мощное средство коммуникации и самоорганизации как протестной, так и созидательной, конструктивной. Катастрофа стимулировала консолидацию атомизированного, изверившегося и просто выбившегося из сил населения. По инициативе как пострадавших. так и людей, далеких от ее эпицентра, были созданы интернет-форумы, где люди впервые за долгие годы не просто знакомились и «общались» (для этого есть социальные сети), а сорганизовались для конкретной помощи конкретным людям» [18,19].

Одной из форм взаимной поддержки является креативная солидарность. В период пандемии «креативная солидарность» выразилась в создании смешных мемов в сети интернет. Среди отечественных ученых имеется достаточно большое количество исследований, которые посвящены изучению юмора и смеха в современном обществе и в них интернет-мемам уделяется особое значение.

Специфика изучения мема как части современного виртуального, дистанционного мира находит отражение в исследованиях В.П. Бабинцева [6,7], Р.Р. Гузаеровой [8] и др. Мемы — это особая форма современного юмора, основной площадкой для их распространения стали социальные сети, форумы, развлекательные сайты.

Пандемия показала всплеск интереса к практическому использованию юмора, таким образом люди помогали друг другу справиться со страхом и стрессом. Позитив, юмористическое отношение к пандемии, локдауну, самоизоляции проявилось в спонтанном народном творчестве, которое распространилось и закрепилось в массовом сознании в виде смешных реплик, анекдотов о новом смертельном вирусе, в переделках популярных песен, обычных слов и словосочетаний,

лозунгов и т.д. (АнтиСкептик, covidiot, covidapность). Данные вопросы рассмотрены в работах Р.Г. Ардашева [4,5] и О.А. Полюшкевич [14–17].

Во время первой волной пандемии наибольшую популярность приобрели мемы, связанные с темой дефицита в магазинах гречневой крупы и туалетной бумаги. Затем народ начал шутить над карантином и социальной изоляцией, после — над режимом удаленной работы, отменой массовых мероприятий...

Сидящие на самоизоляции жители разных городов и стран пересылали друзьям забавные картинки в интернете, чтобы посмеяться, обсуждали их в комментариях, вносили свои коррективы. Юмор помогал бороться с тревогой, абстрагироваться от насущных проблем и взглянуть на них под другим углом. Во время первой волны коронавируса и локдауна о во всем мире шутки были связаны с дефицитом в магазинах гречневой крупы и туалетной бумаги [1–3].

Затем народ начал шутить над карантином и социальной изоляцией, после – над режимом удаленной работы, отменой массовых мероприятий... Наибольшую популярность в начале пандемии в социальных сетях (Instagram, Facebook, «Одноклассники», «ВКонтакте») и мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Viber) приобрели мемы. Мемы – это забавная картинка в интернете, инструмент для развлечения, общения и творчества. На 30 января 2021 г. по статистике google.com слова в сочетании «мем», «COVID-19», «самоизоляция» и т.д. каждый день набирают более 10 тыс. человек, в месяц это примерно 300 тыс. запросов и просмотров по России. Это показывает актуальность данной тематики.

К наиболее популярным примерам иронии в сети Интернет можно отнести мемы, которые стали «классикой». Главным в начале пандемии стал мем «Наташа и Котики»: на фото коты заглядывали в камеру, и каждый сообщал хозяйке новость: «Наташ, вставай, мы все уронили!». Картинка просто взорва-

ла интернет. Пользователи сети начали привязывать забавное фото ко всем актуальным событиям – начиная от цен на нефть и гречку и заканчивая карантином и печенегами.

Когда в целях замедления распространения коронавируса в общественных местах было введено сохранение физического расстояния друг от друга - социальное дистанцирование - оно стало очередной темой шуток и анекдотов. Не менее популярный мем – про печенегов. Президент РФ Владимир Владимирович Путин хотел ободрить россиян, вселить в них надежду на то, что страна справится с проблемой, поэтому в своем обращении напомнил о том, что Россия сталкивалась со многими бедами и смогла все преодолеть, упомянул печенегов и половцев. Однако интернет не понял, к чему президент РФ вспомнил про печенегов. Пользователи стали активно шутить и превратили выступление Путина в мем.

Затем, когда во многих городах России в связи с пандемией коронавируса работодатели начали переводить свои предприятия и офисы на удаленную работу, последовали мемы про работу на удаленке. Сюжеты развивались в зависимости от пугающих пользователей перспектив — провести время с детьми, которые из-за карантина тоже не ходят в школы и детские сады, перессориться с супругом, а кто-то вообще опасался «потерять человеческий облик».

Не менее популярным мемом стала классика на новый лад. Когда был озвучен запрет принимать посетителей музеям, концертным площадкам и театрам, художественный музей Гетти (Калифорния) предложил подписчикам в «Твиттере» показать свои любимые картины. Главное условие – сделать это с помощью подручных предметов. Пользователи соцсети живо откликнулись на твит и принялись постить свои косплеи. Многие участники флешмоба старались как можно более точно передать изображение на холсте - обстановку, героев полотна. Идея нашла признание и среди русскоязычных пользователей твиттера. Одним из первых ее

запустил пользователь твиттера из Чебоксар с ником KSHR. Он решил добавить задумке немного веселья. «Вместе с Леной @hitsugi в условиях изоляции мы плещем бурными фантазиями и идеями. Вот сегодня внезапно решили, что нужно помочь всем, кто, сидя дома, скучает по выставкам и музеям. Так что держите «Музей идет к вам». Не спрашивайте, где оригинал. Андреа Мантенья - «Святой Себастьян», - написал пользователь в своем твитте. Твит запустил целую волну мем-косплеев картин среди людей с постсоветского пространства. В домашних условиях из подручных средств граждане воссоздавали композиции из классических произведений живописи. В социальной сети «Фейсбук» создана группа «Изоизоляция». Количество ее участников полмиллиона.

Шутили, когда закрылись салоны красоты, над отросшими ногтями с нанесенным гель-лаком, который в домашних условиях очень сложно удалить. Шутки, конечно, касались «натуральной красоты», как девушки собственноручно выщипывают брови, делают маникюр, наращивают ресницы. Еще одно направление — ЗОЖ и правильное питание. Когда строят планы сбросить лишний вес, а в итоге день и ночь проводят у холодильника, проверяя, чтобы еще такого съесть.

Были смешные мемы, посвященные несостоявшемуся отпуску. Юмор, как и всегда в истории показывал на проблемные зоны и способы их смягчения через засмеивание. COVID-19 и самоизоляция стали теми образами, что изменили повседневную реальность миллионов людей по всему миру, а это означает, что изменятся рамки приличного, смешного, нормального, тем самым поменяется наше сознание. Истина, по которой мы живем будет конструироваться иначе, чем мы привыкли. После самоизоляции мы будем жить иначе, мыслить иначе, смеяться иначе и смешить иначе. Мир меняется на глазах и первым сигналом к этому являются поводы для смеха в обычной жизни граждан.

Общественное движение в городе Иркутске «Поможем врачам вместе!» как форма взаимодействия власти и населения в условиях пандемии

В начале марта 2020 года, в первую волну пандемии коронавируса стартовала акция для оказания взаимопомощи гражданам всей страны, попавшим в трудную ситуацию, связанную с пандемией коронавируса. Организаторы акции «#МыВместе»: общественные организации «Добро в России», ОНФ, «Ассоциация волонтерских центров», «Волонтеры Медики». В первую неделю акции запущен официальный сайт акции «Мы вместе», и в течение недели была развернута работа волонтерских штабов #МыВместе» во всех 85 регионах России.

Волонтеры помогали в покупке и доставке продуктов и лекарств, предметов первой необходимости, в решении бытовых проблем людям старшего поколения и маломобильным гражданам, которые находились в изоляции. Сайт акции ежедневно посещало около 30 тысяч человек, поэтому в Штаб стали обращаться с предложениями о помощи как обычные люди, так и предприниматели, НКО, Фонды. Так появились дополнительные направления волонтерской деятельности. Психологи оказывали помощь через горячую линию и в специальном чат-боте в партнерстве с Viber. Юристы консультировали граждан, попавших в трудную ситуацию, и также предпринимателей, который пытается разобраться в новых мерах поддержки, законодательстве. Всего партнеров у акции #МыВместе больше 8,4 тыс., из них 1700 - это различные компании и т.д. На сайте можно было через механизм пожертвований передать деньги на поддержку пожилых людей, медиков и малообеспеченных семей, на покупку продуктовых наборов для нуждающихся и средств индивидуальной защиты для добровольцев.

Волонтерский корпус #МыВместе» работал во всех муниципальных образованиях Иркутской области. В период самой острой фазы пандемии более четырех тысяч человек в возрасте от 19

до 49 лет доставляли продукты, медикаменты пожилым людям, которые находились на самоизоляции, работали в качестве младшего и среднего медперсонала в больницах и обсерваторах, дежурили в торговых центрах, патрулировали улицы, раздавали маски. Всего было выполнено около 14 тысяч заявок. Особо отличившимся волонтерам движения были вручены 17 памятных медалей «За бескорыстный вклад в организацию общероссийской акции взаимопомощи #МыВместе» и грамоты от президента России.

В Иркутской области во время первой волны эпидемии коронавируса родилась еще одна масштабная акция социальной солидарности – акция «Поможем врачам вместе». Ее придумал иркутский предприниматель Вадим Костенко. Он не имел отношения к медицине, но переболев коронавирусом, решил поблагодарить медиков. В разговоре с докторами он выяснил, что число вызовов на дом зашкаливает, а имеющихся машин не хватает, поэтому врачи обходят пациентов пешком. Больные и их родственники открыто выражают недовольство тем, что приходится долго ждать прихода доктора, а нервы у всех на пределе. Иркутянин решил предоставить свой автомобиль с водителем в распоряжение городской больницы № 1, в результате эффективность врача увеличилась на 70%. Если пешком врач успевал посетить 10-11 больных, то с водителем – 18–30.

Предприниматель обратился к автомобилистам в соцсети: «Поможем врачам вместе!». Акция стартовала 6 октября и мгновенно нашла живой отклик среди людей разного возраста и социального статуса. На следующий деньеще пять автомобилей добровольцев вышли на линию. И в каждом из случаев врач или фельдшер выполняли вызовов на 70–200% больше. За две недели присоединился 261 человек.

Консолидировались не только разные слои общества, но и власть. Акцию поддержало региональное Министерство здравоохранения, личные автомобили предоставили депутаты Госдумы. Волонтеры сотрудничали со всеми поликлиниками, ежедневно в рейсы уходило до 30 автомобилей. В первую неделю администрация города Иркутска сняла пять автомобилей с комитетов и вместе с водителями предоставила их в распоряжение поликлиник, затем по поручению мэра выделила еще пять машин. Депутаты городской думы Иркутска собрали почти 600 тысяч рублей на топливо, кофе и перекусы для водителей, врачей и фельдшеров.

Идея стала масштабироваться, ее подхватили другие города: Ангарск, Братск. Усолье-Сибирское, Красноярск, Хабаровский край, Владивосток, Кировская область, Улан-Удэ и Севастополь. «Работа не опаснее, чем в магазин сходить. Но героическая - напрямую столкнуться с эмоционалом, который сейчас испытывают все врачи в полях. Про студентов мед вузов знаю. Они не всегда готовы, поверьте. И, прошу, не надо разговоров «почему мы это делаем за них». Не сейчас. Потом. Поможем врачам - поможем себе. В Иркутской деревне правило шести рукопожатий сокращено раза в два. Помог врачу – помог своей семье, родственникам, друзьям. Можете хоть на несколько дней? Вперед! Нет возможности – репосты, инфоподдержка, просто собственное здоровье - тоже помощь», - написал в своем аккаунте один из соорганизаторов проекта Сергей Мядзялец.

В Улан-Удэ работал чат для помощи врачам, который запустили телеканал «АригУс» и Минздрав Бурятии. В нем медработники могли найти машину, чтобы добраться домой с ночной смены, или наоборот. В Красноярске работал чат «Довези врача». В Оренбурге владельцы автомобилей писали свой номер с призывом «Довезу врача домой» прямо на боковом стекле.

Отметим, пандемия – очередной глобальный фундаментальный вызов, захвативший все страны мира, изменивший культурную, экономическую, политическую и социальную картину мира. С проблемой переустройства пытаются справиться и власть, и общество.

С одной стороны — экономика просела, многие экономисты предрекают более серьезные последствия для экономик мира, чем во времена «Великой депрессии». Вместе с тем, одно из очевидных положительных последствий коронавируса — мощное развитие онлайн технологий. Этому способствовал карантин, когда все образовательные учреждения перешли на онлайн обучение, большая часть компаний перевела сотрудников на удаленную работу, а бизнес стал осваивать продажи через интернет.

Вырос рынок видеоигр, сфера развлечений также перестроилась, соответственно, рекламные бюджеты пошли в интернет-сферу. Музеи запустили виртуальные туры, появилась специальная платформа, на которой собрана информация об услугах и всех цифровых сервисах «все.онлайн» в России.

Государство в целях налаживания коммуникаций с гражданами стало использовать социальные сети и мессенджеры. Например, чтобы узнать результат теста на ковид, не нужно было идти в лабораторию, можно сделать запрос в мессенджере вацап.

Пандемия изменила культурные традиции и привычки жителей планеты. Пока нельзя сделать окончательный вывод, трансформация еще продолжатся.

По-прежнему лидеры стран с трудом справляются с обострившимися политическими, экономическими и социальными проблемами, вызванными пандемией, как внутри стран, так и во внешней политике. Отдельные страны вводят локдаун по третьему разу.

Проведенный анализ действий разных государств по сдерживанию пандемии и мер поддержки, позволил нам определить перспективные стратегии в улучшении санитарноэпидемиологической обстановки.

Во многом характер мер реагирования зависел от типа политического режима и экономического положения. Например, Китай и Северная Корея сделали ставку на жесткие меры, и в отношении граждан, и бизнеса. Эпидемию удалось взять под контроль, в том числе благодаря обязательной вакцинации.

Страны с демократическими традициями, либо вовсе отказывались от карантина, либо вводили мягкие ограничительные меры, вводили широкие меры социальной поддержки населению и бизнесу.

Россия пошла по срединному пути. В начале эпидемии введя жесткий карантин, особенно в столице, и обеспечив пакет социальной поддержки населению и бизнесу. Затем ограничения были смягчены, наступило время вакцинации.

Коронавирус стал стресс-тестом для политических систем, определяющим их эффективность и способность справляться с проблемами. Анализ ситуации показывает, что отрезок времени, за который мы справимся с коронавирусом, во многом будет зависеть от позиции лидеров стран.

Зачастую политическая конъюнктура берет верх над доводами разума. Вакцинирование обнаружило еще одну проблему. К сожалению, из-за экономического неравенства стран пандемия не закончится везде одновременно — сначала ее остановят экономически развитые страны и страныразработчики вакцины. Речь идет о закупке вакцин. А это означает, что, если не получится раньше обеспечить прививками малоимущие страны, там будут появляться новые мутации, и ситуация может вновь обостриться к 2023 голу

В статье «Уроки коронавируса» историк Антон Дождиков выделил простые и конкретные «показатели эффективности работы национальных государств и политических систем:

- количество зараженных (от общей численности населения) – показатель эффективности от административных мероприятий по выявлению и ограничению распространения вируса;
- количество полностью выздоровевших и погибших – показатели эффективности работы системы здравоохранения;

- количество граждан, соблюдающих и выполняющих требования органов власти:
- динамика восстановления экономических показателей в период после коронавируса – здоровье, гибкость и адаптивность национальной экономики;
- количество волонтеров на душу населения, принявших участие в работе по ликвидации последствий и снижению их тяжести, – уровень социальной солидарности, сплоченности» [48].

Можно предположить, что пандемия коронавируса будет способствовать тому, что глобализация утратит свои позиции, усилятся тоталитарные режимы, а странам с либеральным и взглядами в вопросе защиты населения от смертельной опасности придется искать новые формы консолидации власти и общества.

Хотелось бы сказать и о том, что усилится контролирующая составляющая органов государственной власти над гражданами. В аналитическом докладе фонда «Либеральная миссия» «Год ковида: предварительные итоги и выводы», который готовили Кирилл Рогов, Александр Кынев, Владимир Гимпельсон, Евсей Гурвич, Евгений Гонтмахер, Олег Вьюгин, Аркадий Дубнов, Наталья Зубаревич, Владимир Гельман, было отмечено, что в условиях пандемии система госуправления проявила свои системные недостатки, такие как невысокий инфраструктурный потенциал на фоне высокого силового, жесткую вертикаль контрольно-надзорных ведомств, а также «склонность к подмене реального решения проблем манипулированием отчетностью, информацией и общественным мнением».

Несмотря на то, что мировая экономика пережила, вероятно, крупнейшее сокращение со времен Второй мировой войны (—4.5% мирового ВВП), последствия первого года пандемии оказались несколько лучшими и в отношении смертности (2 млн зарегистрированных смертей), и в экономическом смысле, чем это представлялось в начале.

Стоит отметить, что итогом пандемии станет не только замедление экономического роста и цифровизация экономики, но и развитие новых социальных практик — эффективность такого взаимодействия очевидна. Во-первых, происходит сокращение цепочек принятия решений, уменьшение бюрократии и устранение дефектов управления.

Резюмируя сказанное, отметим, что условием успешного преодоления эпидемической угрозы выступает не социальное дистанцирование, а социальное сплочение. Причем солидарность будет важна не только на межличностном, но и на межгосударственном уровнях.

Выводы

Каждая эпоха предлагает свои вызовы отдельным странам и обществам, мировой цивилизации. Повторяющийся и непредсказуемый вызов – пандемический. Даже год спустя COVID-19 не отступает, но, когда это произойдет, нам придется комплексно, всесторонне оценить запас мировой устойчивости перед лицом подобных вызовов в будущем и выработать способы солидарных ответов на них.

В нашем исследовании мы выяснили, что человечество переживает пандемии с завидной регулярностью. За тысячелетний опыт борьбы с ними методы остались прежними: закрытие границ, самоизоляция, средства гигиены, вакцинация. С одной стороны, развитие технологий привело к тому, что вирус распространяется молниеносно, поражая в течение нескольких дней страны и континенты, а с другой стороны – вакцина разрабатывается в более короткий срок.

Эксперты надеялись, что борьба с распространением вируса и разработкой вакцины будет идти сообща, государства объединят усилия. Но оказалось, что развитые страны решили позаботиться только о собственных интересах: каждый сам за себя. Небогатые страны могут рассчитывать только на гуманитарную помощь. Положение дел во многих странах пугающее, как

в сфере здравоохранения, так и в социальной и политических сферах.

Жесткие карантинные меры оказались слишком серьезным ударом по экономике многих стран. Аналитики называют пандемию стресс-тестом для государственных систем и мировых экономик, сравнивая ее результаты с Великой депрессией. С одной стороны, эпидемия коронавируса стала одной из главных угроз для мировой экономики и финансовых рынков. С другой стороны, в экономике происходит серьезная трансформация: ковид стимулирует внедрение новых технологий, ускоряет автоматизацию производства.

Происходит перераспределение ресурсов в пользу более производительных секторов и предприятий. Не исключено, что после завершения пандемии работа большинства компаний во всем мире может полностью перейти на режим онлайн. Это же относится и к вопросу удаленной торговли и образования. Организации и предприятия уже оценили преимущества такого формата работы, получив колоссальную экономию на арендных и коммунальных платежах, на логистике. Еще более активно будет развиваться цифровизация, то есть все то, что касается разработки приложений, систем контроля качества выполненных задач. Побочным эффектом от «удаленки» может стать, по предположению футурологов, ослабление городов, потому что жители мегаполисов начнут их покидать, чтобы переселиться в сельскую местность.

Стоит отметить, что практически все страны на государственном уровне применяли меры финансовой поддержки пострадавшим отраслям экономики, малому и среднему бизнесу, адресная помощь оказывалась населению.

В России также было разработано и принято несколько «антивирусных» законодательных пакетов. На оказание финансовой помощи во время первой волны пандемии регионам направлено в общей сложности почти 80 миллиардов рублей для обеспечения оборудованием, для подготовки коечной сети, обеспечения кислородом и так далее.

Также президент РФ установил федеральные выплаты семьям, в которых растут дети. Из резервного фонда Правительства было выделено более 45 млрд рублей на стимулирующие выплаты медикам, работающим с пациентами с коронавирусом.

Проведенный анализ действий разных государств по сдерживанию пандемии и мер поддержки, позволил нам определить перспективные стратегии в улучшении санитарноэпидемиологической обстановки. Во многом характер мер реагирования зависел от типа политического режима и экономического положения. Наилучший результат, на наш взгляд показали две страны – Российская Федерация и Китай.

Поскольку Китай принял первый удар пандемии, там, на государственном уровне был принят механизм «взаимной помощи», который позволил в кратчайшие сроки наладить каналы помощи городам пострадавшей провинции Хубэй.

Стоит отметить, что серьезный вклад в борьбу с распространением эпидемии внесли технологические гиганты. Китайские IT-компании представили государству свои услуги в обработке неоднородных и неструктурированных данных, искусственного интеллекта и связи стандарта 5 поколения для удаленного мониторинга, диагностирования и предоставления медицинских, информационных и сервисных услуг.

Также Китай прилагал серьезные усилия для создания устойчивости экономики страны. Даже при использовании жестких мер в период карантина, Китай держал открытыми каналы поставки материалов, необходимых для борьбы с эпидемией в провинции Хубэй, а также для обеспечения приемлемого уровня жизни остального населения.

Удивительно, что на следующий день после того, как 12 марта 2020 г. ВОЗ объявила мировую пандемию коронавируса COVID-19, официальный представитель Госкомитета по вопро-

сам здравоохранения КНР Ми Фэн заявил, что в Китае пик эпидемии пройден. В Китае сейчас идет массовая вакцинация.

Менее эффективно отработали власти США и Европы, в отличие от КНР и других азиатских стран, которые были более решительны в действиях против пандемии, которые вводили карантинные меры в общегосударственном масштабе, в США действия ключевых органов власти, призванных бороться с эпидемией, были рассинхронизированы.

Отметим, пандемия коронавируса вызвала активное участие населения в преодолении социальной изоляции и социальной дезинтеграции, в решении актуальных проблем жизнедеятельности. Граждане, воспринимая происходящее, как общую беду, ощутили острую потребность в социальной солидарности, объединении и доверии: только при реальной поддержке государства и консолидации общества есть шанс преодолеть эту сложную ситуацию.

К концу марта 2020 года, преодолев панику перед неизвестной смертельной болезнью, пример человечности подала Италия, которая пострадала от ковида сильнее всех. В полдень итальянцы выходили на балкон, аплодируя врачам, которые рисковали своей жизнью, спасая других. Сначала их поддержали испанцы, а затем весь мир подхватил флешмоб, аплодируя врачам с балконов. В России в мае 2020 года также появились первые флешмобы в поддержку врачей – «Спасибо, доктор». Затем во всем мире стартовал флешмоб «Оставайтесь дома для нас». Люди активно фотографировались с табличками, на которых были написаны просьбы к населению о соблюдении режима самоизоляции на время эпидемии коронавируса. Снимки сопровождались хештегами #covidнепобедит.

Одной из форм взаимной поддержки стала креативная солидарность. Пандемия показала всплеск интереса к практическому использованию юмора, таким образом люди помогали друг другу справиться со страхом и стрес-

сом. Позитив, юмористическое отношение к пандемии, локдауну, самоизоляции проявилось в спонтанном народном творчестве, которое распространилось и закрепилось в массовом сознании в виде мемов, смешных реплик, анекдотов о новом смертельном вирусе, в переделках популярных песен, обычных слов и словосочетаний, лозунгов и т.д.

Затем солидарность изменила методы – наступил этап волонтерской помощи маломобильным группам населения. Волонтеры во всем мире помогали людям старшего поколения и маломобильным гражданам, находящимся в изоляции, в покупке и доставке продуктов и лекарств, предметов первой необходимости, в решении бытовых проблем. В России в начале марта 2020 года стартовала акция для оказания взаимопомощи гражданам всей страны, попавшим в трудную ситуацию, связанную с пандемией коронавируса. акции «#МыВместе»: Организаторы общественные организации «Добро в России», ОНФ, «Ассоциация волонтерских центров», «Волонтеры Медики» в первую неделю акции запустили официальный сайт: МыВместе. В течение недели была развернута работа волонтерских штабов во всех 85 регионах России, в том числе в Иркутской области. Всего в регионе силами добровольцев было выполнено около 14 тысяч заявок. Особо отличившимся волонтерам движения были вручены 17 памятных медалей «За бескорыстный вклад в организацию общероссийской акции взаимопомощи #МыВместе» и грамоты от президента России.

Предпосылки для социальной солидарности в Иркутске сложились исторически. Ярким примером современности можно считать акцию в защиту Байкала по переносу трубы от берегов озера. Также примером взаимопомощи стала недавняя трагедия в городе Тулун, жители которого пострадали от наводнения летом 2019 года. Тогда добровольцы активно помогали людям справиться с тяжелой ситуацией. Поэтому неслучайно именно в Иркутске появилась

акция «Поможемврачамвместе», опыт которой пошел в другие регионы.

На основании результатов нашего исследования можно сделать вывод, что, скорее всего, в постковидном мире вирусная угроза сохранится. Более того, мир ожидает пандемия пандемий, вирусы станут нашими постоянными спутниками.

Чтобы отразить в будущем любые вирусные атаки, необходимо развивать научный потенциал российской системы здравоохранения, разрабатывать инновационные препараты и собственные технологии их производства. Экспертам предстоит разработать программу по модернизации системы оказания медицинской помощи пациентам с инфекционными болезнями, и выработать решения, направленные на обеспечение готовности национальной системы здравоохранения к подобным вызовам.

В заключении мы отметим, что главным условием успешного преодоления эпидемической угрозы выступает вакцинация и социальное сплочение. Профессор Калифорнийского университета и директор исследовательской программы «Стрелки» The Terraforming Бенджамин Браттон в эссе «18 уроков карантинного урбанизма» указывает на то, что в современных реалиях мы должны сместить акцент с индивидуализма к всеобщей координации. Чтобы текущая ситуация не стала постоянной, нужно научиться мыслить глобально, а не локально. «Новый зеленый курс» в масштабах планеты должен быть основан на крайне очевидной связи между надежными системами здравоохранения и экономической и экологической жизнеспособностью. Он откажется от национализма в интересах координации.

Солидарность будет важна не только на межличностном, но и на межгосударственном уровнях.

Литература

Аносов С.С. Эффективность консолидации: социальная политика государства // Социология. 2021. № 2. С. 5–20.

- Аносов С.С. Философия волонтерского движения или новые формы социального служения // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 2. С. 6–13.
- 3. Аносов С.С., Батьянова Л.Н. Гражданское общество в современной России: специфика становления и проблемы функциональности / С.С. Аносов. Иркутск: Изд-во ИР-НИТУ, 2017. 159 с.
- Ардашев Р.Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: материалы 11-ой Всероссийской с международным участием очно-заочной науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2020. С. 82–88.
- Ардашев Р.Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Междунар. науч. практ. конф. Иркутск: ИГУ, 2020. С. 56–63. № 2. С. 11–16.
- Бабинцев В.П. Формирование солидарного общества как стратегия регионального развития: проблемы и риски реализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 20 (139). Выпуск 22. С. 57–64.
- 7. Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф. Стратегия формирования солидарного общества в регионе // Дискуссия. 2013. № 5–6. С. 120–127.
- Гузаерова Р.Р. Интернет-мем как знак современного медиапространства // Филология и культура. 2017.
 № 2 (48). С. 50–54.
- Иванов Р.В. Иррациональность общественного сознания россиян: реальность постпандемического общества // Социология. 2021. № 3. С. 148–150.
- 10. Иванов Р.В. Влияние пандемии COVID-19 на социальное напряжение // Пространства социаль-

- ной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. сборник научных трудов. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Иркутский государственный университет. 2020. С. 311–313.
- Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 29–41.
- Кармадонов О.А., Кобжицкий В.В. Трансформация и адаптация: стратегии выживания в кризисном социуме. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2009. 184 с.
- 13. Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Ресурсы социокультурной консолидации российского общества. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 184 с.
- Полюшкевич О.А. Социальнопсихологические последствия пандемии // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: сборник тезисов: III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 1 декабря 2020 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет / под общ. ред. А.И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 169–171.
- Полюшкевич О.А. Социальная напряженность до и после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 119–120.
- Полюшкевич О.А. Философия благодарности / О.А. Полюшкевич // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12.
 № 1. С. 67–74.
- 17. Полюшкевич О.А., Антонова Л.Л., Кащаев А.Е. Эмпатия и социокультурая солидарность // Философская мысль. 2016. № 10. С. 71–82.
- 18. Яницкий О.Н. Альтруизм, мораль и социальная солидарность в Рос-

- сии в XX веке [Электронная версия]. URL: http://inion.ru/site/assets/files/3749/2014_snt_sotcial_naia_solidarnost.pdf
- Яницкий О.Н. Мобилизационная структура гражданского общества / О.Н. Яницкий // Официальный сайт ИС РАН. – 2010. [Электронный реcypc]. URL: http://www.isras.ru/publ. html?id=1924

MOBILIZING SOLIDARITY DURING A PANDEMIC

Ivanov R.V.

Irkutsk State University

The article analyzes the situation of the emergence of social solidarity in a pandemic. The mechanisms and tools of social cohesion, emotional closeness and empathy of citizens who are ready to help each other for the common good are analyzed. The pandemic acts as the basis for constructing the mobilization of the population for the purpose of consolidation. These mechanisms act as a tool for the formation of a new social order, a new social interaction

Keywords: solidarity, pandemic, mobilization, social movement, initiative from below, people, power.

References

- Anosov S.S. The effectiveness of consolidation: social policy of the state // Sociology. 2021. No. 2. S. 5–20.
- Anosov S.S. Philosophy of the volunteer movement or new forms of social service // Humanitarian vector. 2018.T.13. No. 2. P. 6–13.
- Anosov SS, Batyanova LN Civil society in modern Russia: the specifics of formation and problems of functionality / SS Anosov. Irkutsk: Publishing house IRNITU, 2017.159 p.
- Ardashev RG Coronavirus pandemic as a strategy of irrational thinking: natural conditions and social framework // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man: materials of the 11th All-Russian with international participation part-time scientific-practical. conf. Chita: ZabGU, 2020. P. 82–88.
- Ardashev RG Transformation of consciousness after a pandemic: new facets of virtuality // Social reality of virtual space: materials

- of the II Intern. scientific practical conf. Ir-kutsk: ISU, 2020. P. 56–63. No. 2. S. 11–16.
- Babintsev V.P. Formation of a solidarity society as a regional development strategy: problems and risks of implementation // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2012. No. 20 (139). Issue 22.P. 57–64.
- Babintsev VP, Ushamirskaya GF Strategy for the formation of a solidarity society in the region // Discussion. 2013. No. 5–6. S. 120– 127.
- Guzaerova RR Internet meme as a sign of modern media space // Philology and culture. 2017. No. 2 (48). S. 50–54.
- Ivanov R.V. Irrationality of the public consciousness of Russians: the reality of a post-pandemic society // Sociology. 2021.
 No. 3. S. 148–150.
- Ivanov R.V. Impact of the COVID-19 pandemic on social tension // Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the 21st century. collection of scientific papers. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk State University. 2020.S. 311–313.
- Karmadonov O.A. The effect of absence: cultural and civilizational specificity // Problems of Philosophy. 2008. No. 2. S. 29–41.
- Karmadonov OA, Kobzhitskiy VV Transformation and adaptation: strategies for survival in a crisis society. Irkutsk: Izd-vo ISU, 2009.184 p.
- 13. Karmadonov OA, Kovrigina GD Resources of the socio-cultural consolidation of

- the Russian society. Irkutsk: Izd-vo ISU, 2017.184 p.
- 14. Polyushkevich O.A. Socio-psychological consequences of the pandemic // Social dynamics of the population and sustainable development: a collection of abstracts: III All-Russian scientific and practical conference with international participation, December 1, 2020, Moscow, Lomonosov Moscow State University, sociological faculty / under total. ed. A.I. Antonova. Moscow: MAKS Press, 2020, pp. 169–171.
- 15. Polyushkevich O.A. Social tension before and after the pandemic // Influence of the quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials. Moscow State University M.V. Lomonosov. Moscow, 2020. S. 119–120.
- Polyushkevich O.A. Philosophy of gratitude / O.A. Polyushkevich // Humanitarian vector. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 67–74.
- Polyushkevich O.A., Antonova L.L., Kaschaev A.E. Empathy and sociocultural solidarity // Philosophical Thought. 2016. No. 10. P. 71–82.
- Yanitskiy O.N. Altruism, morality and social solidarity in Russia in the twentieth century [Electronic version]. URL: http://inion.ru/site/ assets/files/3749/2014_snt_sotcial_naia_ solidarnost.pdf
- Yanitskiy O.N. Mobilization structure of civil society / O.N. Yanitskiy // Official site of the IS RAS. – 2010. [Electronic resource]. URL: http://www.isras.ru/publ.html? Id = 1924

Социально-политические установки семейного населения в региональном пространстве

Мехришвили Ламара Ленгизовна,

доктор социологических наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет; и.о. директора, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН E-mail: lamara_m@inbox.ru

Ткачева Нина Алексеевна,

доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет; главный научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН

E-mail: Sever626@mail.ru

В работе обоснована актуальность проблематики участия семей в жизнедеятельности социально-территориальных ностей. Показано, что направленность и характер социально-политических установок во-многом определяют возможность семейным населением, формирования благоприятной среды в месте своего проживания. Приведены данные опроса семей Тюменской области, реализованного при участии авторов в 2020 году. На основании полученных эмпирических данных выявлен уровень социально-политической активности, готовность участвовать в социальнообщественной деятельности. Выстроен рейтинг доверия семей к основным социальным и политическим институтам, представленным в регионе. Изучена оценка деятельности органов власти региона в сфере государственной семейной политики и улучшении жизни семей. Выявлены направления семейной политики, которые по мнению населения являются в регионе приоритетными.

Ключевые слова: семья, социально-политическая активность, регион, гражданственность, социологическое исследование, социальная политика.

Социальное и физическое пространство жизнедеятельности семьи, локализовано во вполне конкретном географическом пространстве, которое на разных уровнях может быть представлено в виде региона или субъекта РФ, муниципального образования (города, района, поселения), микрорайона или квартала и т.д. Территориальная организация во многом обуславливает уровень комфорта и безопасности жизни семьи, создаёт или ограничивает возможности реализации её основных потребностей, характеризует условия воспитания детей и рекреационные возможности среды.

В создании оптимальных условий собственной жизнедеятельности на территории своего проживания большая роль принадлежит самой семье. Реализуя свои интересы через участие в выборах, гражданской экспертизе властных решений, участвуя в муниципальных краудсорсинговых проектах, волонтёрстве, и других формах социально-политической активности, семья повышает условия и качество жизни своего круга.

Социально-политическая активность представляет собой деятельность социальных групп или индивидов, связанную с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты [1].

Рассматривая категорию социально-политической активности применительно к семье, необходимо отметить, что исследователи часто относят данный аспект к одной их сфер жизнедеятельности рассматриваемой социальной группы. Так, Соколова И.В. и Аймалетдинов Т.А. проанализировав ряд научных источников выделили пять ключевых составляющих образа жиз-

ни семьи. К ним исследователи отнесли хозяйственно-бытовую, социальнокультурную. досуговую, социальноэкономическую и трудовую, а также общественно-политическую деятельность [2]. Авторы отмечают, что если первые четыре сферы довольно обстоятельно изучены в отечественной социологии, то общественно-политическая активность семьи остаётся малоисследованной проблемой. В работах Полюшкевич О.А. говорится о доверии социально-политическом самочувствии и поведении жителей России [6], а также об опыте социальной активности и общественной включенности представителей различных поколений [7,8].

Методология исследования

В 2020 году, при участии авторов, была реализована научно-исследовательская работа «Формирование социального портрета семей Тюменской области», одной из задач которой ставилось определение уровня социально-политической активности региональных семей. Основным методом исследования выступил анкетный опрос, позволивший дать количественную характеристику рассматриваемого феномена.

Построение модели выборки исследования осуществлялось нами исходя из необходимости учёта центрпериферийной модели поселений юга Тюменской области, согласно которой **уровень** социально-экономического благосостояния муниципалитетов неодинаков и зависит от комплекса факторов, прежде всего, географических [3]. Поскольку задачи нашего исследования подразумевали описание полученных данных в контексте различных территорий, в выборку были включены 4 типа исследуемых территорий: город Тюмень; малые города юга Тюменской области (Тобольск, Ишим, Ялуторовск, Заводоуковск); сельские поселения центрального типа; сельские поселения периферийного типа.

В исследовании была реализована квотная выборка, объём которой составил 1200 человек – представителей

региональных семей, имеющих детей (в качестве респондентов выступали представители семей, проживающих в выбранных для эмпирического исследования муниципальных образованиях — один из родителей; взрослые члены домохозяйств опрашивались на дому), имеющих постоянную либо временную регистрацию на территории Тюменской области.

Расчёт выборочной совокупности осуществлялся на основе данных Росстата, согласно оценке которого, общая численность постоянного населения Тюменской области (без автономных округов) на 1 января 2020 г. составила 1537 416 человек. Из них городское население - 1037432 чел. (67,5%), сельское - 499984 чел. (32,5%). В структуре городского населения на г. Тюмень приходится 807271 чел. (77%), на малые города 230161 (23%). Точные статистические сведения о численности населения, проживающего в разных типах сельских поселений, отсутствуют, но по нашим оценкам их соотношение также составляет приблизительно 80/20%. В процессе формирования модели выборки мы исходили из необходимости учёта двух основных параметров: достаточности численности респондентов для сравнительного анализа, а также приблизительного учёта упомянутых выше пропорций. В результате было принято, и, в последствии реализовано, решение об опросе в Тюмени – 400 чел., малых городах – 200 чел., центральных сёлах - 400 чел., периферийных сельских поселениях – 200 чел.

Результаты и обсуждение

Блок вопросов, направленный на выявление уровня социально-политической активности, включал в себя ряд вопросов, первый из которых подразумевал выбор формы, посредством которой члены семьи респондента участвовали в общественной и политической жизни. Распределение ответов на данный вопрос показывает, что более половины семей за последний год-два в той или иной форме принимали участие общественной деятельности, а 47,2% респондентов отме-

тили, что ни в чём подобном им и членам их семей участвовать не приходилось. Следует отметить, что по результатам исследований ВЦИОМ на общероссийском уровне данные об участии населения в общественной и политической деятельности аналогичны. Так, в опросе 2021 года 45% респондентов указали, что им не приходилось заниматься ничем подобным [4].

Наиболее популярной формой активности респондентов и членов их семей является сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение. Данный вариант выбрала почти пятая часть участников опроса (18%). Десятая часть респондентов (10,1%) указала на коллективное благоустройство подъездов, домов, детских площадок, окружающих территорий. Участие в волонтёрской деятельности, как форму общественной активности выбрали 8,5%, хотя постоянное участие в деятельности общественных, в том числе и волонтёрских организаций отметили всего 1,9%. Приблизительно равное количество указали на участие в деятельности общественных организаций, а также политических партий и профсоюзных организаций – 7,6 и 6,8% соответственно. Формы активности, выявленные в нашем исследовании, также совпадают с общероссийскими. По данным уже упомянутого выше исследования ВЦИ-ОМ благоустройство подъездов/домов, выборы и сбор средств для нуждающихся представляют собой самые популярные формы участия россиян [4].

В территориальном измерении полученные ответы характеризуются тем, что семьи из крупного города заметно реже участвуют в общественной деятельности, чем селяне и жители малых городов. Так респондентов из Тюмени (Тип 1) выбравших соответствующий вариант оказалось лишь 2,6%, в то время как представителей малых городов области (Тип 2) оказалось 10,2%, жителей сельских поселений центрального типа (Тип 3) – 8,5%, а периферийных сёл (Тип 4) – 10%.

Примечательно, что сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое

положение, значительно чаще осуществляется именно жителями крупного города (24,6%), на втором месте по популярности эта форма активности характерна для периферийных сельских поселений (18,3%). В населённых пунктах 2 и 3 типа данный вариант выбрало приблизительно равное количество респондентов (15,8% и 16,8% соответственно).

Другая заметная территориальная особенность в общественной и политической активности граждан проявилась в том, что селяне в два раза чаще участвуют в волонтёрской деятельности, чем горожане. Для первых значения составили чуть более 5% (Тип 1-5,4%, Тип 2-5,6%), для вторых – более 10% (Тип 3-10,3%, Тип 4-13,0%). Также отметим, что коллективное благоустройство домов и придомовых территорий чаще осуществляют респонденты из малых городов и периферийных сёл (Тип 2-14,3%, Тип 4-13,5%) чем жители крупного города и центральных сельских поселений (Тип 1-7,7%, Тип 3-9,8%). Заметных территориальных различий в участии в деятельности общественных организаций нами не выявлено. В целом в крупном городе семьи проявляют меньшую социально-политическую активность, чем в остальных населённых пунктах.

В следующем вопросе анкеты респондентам предлагалось выразить готовность их семьи участвовать в ближайшее время в социальнообщественной деятельности. Положительно ответила пятая часть респондентов (20%), отрицательно - 16,9%, а подавляющее большинство затруднились с ответом на этот вопрос (63,1%). Респонденты, ответившие утвердительно, чаще всего отмечали, что готовы стать волонтёрами, участвовать в выборах, жертвовать личные вещи нуждающимся, осуществлять благоустройство общественных пространств. В единичных случаях участники опроса отмечали, что планируют стать донорами крови, войти в совет дома, организовать досуг детей в школе и детском саду. Среди тех, кто не планирует осуществлять об-

щественную активность, аргументы чаще всего были связаны с отсутствием времени, занятостью на работе и в семье, отсутствием интереса к подобной деятельности, наличием маленьких детей, а также пандемией коронавируса.

Территориальная специфика ответов на данный вопрос показывает, что чаще всего готовность участия в социальнополитической деятельности выражают семьи периферийных сельских поселений (Тип 1-18,2%, Тип 2-17,5%, Тип 3–12,0%, Тип 4–25,5%,); жители крупного города чаще выбирали вариант «Нет» (Тип 1-19,2%, Тип 2-10,0%, Тип 3-13,7%, Тип 4-11,0%), а семьи из малых городов и сельских поселений центрального типа чаще остальных затруднялись с ответом (Тип 1-32,0%, Тип 2-68,0%, Тип 3-69,2%, Тип 4-54,5%).

Ещё один вопрос анкеты был направлен на выявление имеющегося опыта взаимодействии респондентов и их семей с органами местного самоуправления по вопросам организации жизнедеятельности семей. Исследование показало, что подавляющее большинство (65%) не имеют соответствующего опыта, а 10,7% затруднились с ответом на этот вопрос. Примечательно, что выше всего доля тех, кто не принимал участия - в крупном городе, а в сельских поселениях периферийного типа, напротив - таких семей меньше всего (Тип 1-70,4%, Тип 2-63,5%, Тип 3–65,2%, Тип 4–55,8%).

Среди тех, кто всё же принимал участие в подобном взаимодействии, наиболее популярный ответ связан с собраниями граждан для обсуждения вопросов местного значения, его отметили 8,1% респондентов. Здесь также можно отметить респондентов из периферийных сёл, активность которых в 3 раза выше, чем в малых городах и центральных поселениях, и более чем в 4 раза выше, чем в крупном городе (Тип 1–4,6%, Тип 2–6,6%, Тип 3–7,2%, Тип 4–18,3%).

Участие респондентов и членов их семей в опросах общественного мнения, проводимых для принятия решений

органами местного самоуправления. отметили в совокупности 4,7%. Распределение ответов по типам поселений показало, что горожане чаще задействованы в этом виде взаимодействия с властью, причём в малых городах эта доля выше (Тип 1-4,9%, Тип 2-3,0%, Тип 3-5,9%, Тип 4-3,6%). В территориальном общественном самоуправлении (самоуправлении граждан в многоквартирных жилых домах и т.д.) было задействовано 4.0% от общего числа опрошенных. Здесь снова выделяются семьи из малых городов, доля которых заметно выше, чем в других типах поселений (Тип 1-4,9%, Тип 2-6,6%, Тип 3-2,8%, Тип 4-2,0%). В публичных слушаниях и общественных обсуждениях проектов муниципальных правовых актов принимали участие 4,7% опрошенных. Специфика ответов от типа поселения здесь проявилась в постепенном росте доли респондентов, выбравший данный вариант с уменьшением размера населённого пункта: самое низкое значение в крупном городе, самое высокое, напротив – в периферийных поселениях (Тип 1–3,0%, Тип 2–4,6%, Тип 3–5,1%, Тип 4-7,1%).

Наименее востребованными среди региональных семей формами взаимодействия с органами власти оказались обращения граждан в органы местного самоуправления — 1,9% и конференции граждан 1%. В первом случае чаще участвовали респонденты и члены их семей из малых городов (Тип 1–2,2%, Тип 2–1,0%, Тип 3–1,5%, Тип 4–3,0%), во втором из сельской периферии (Тип 1–0,3%, Тип 2–4,6%, Тип 3–0,3%, Тип 4–0,0%).

Отдельной подзадачей в опросе стало исследование доверия семей основным социально-политическим институтам, представленных в Тюменской области. В результате были получены следующие данные.

Судебным органам доверяют 61% опрошенных (в совокупности варианты «полностью доверяю» и «в основном доверяю»), ещё 11,3% затруднились с ответом. Таким образом, доля выразивших недоверие судебным органам состави-

ла чуть более четверти представителей региональных семей (27,7%). Чаще всего выражают недоверие жители крупного города: в Тюмени чуть менее половины респондентов выбрали варианты «не очень доверяю» и «совсем не доверяю» (Тип 1–48,0%, Тип 2–18,4%, Тип 3–17,8%, Тип 4–24,4%).

Губернатору области представители региональных семей выражают доверие значительно чаще, чем другим институтам. В нашем опросе 71,7% респондентов отметили, что доверяют ему полностью или в основном. Жители крупного города, как и в предыдущем случае продемонстрировали здесь более низкий уровень доверия (Тип 1–47,1%, Тип 2–82,2%, Тип 3–75,8%, Тип 4–76,4%), также в Тюмени самая высокая доля затруднившихся с ответом.

Профсоюзным организациям доверяют в совокупности 42,8% представителей семей региона. В крупном городе эта доля практически в два раза ниже, чем в других поселениях (Тип 1–23,2%, Тип 2–57,5%, Тип 3–49,5%, Тип 4–45,1%).

Ниже, без подробного описания, приведём значения по всем остальным социально-политическим институтам, которые были предложены респондентам для оценки:

- Областной прокуратуре 61,7% (Тип 1–41,9%, Тип 2–73,4%, Тип 3–68,8%, Тип 4–67,2%).
- Полиции 60,6% (Тип 1–38,2%, Тип 2–74,0%, Тип 3–67,5%, Тип 4–69,5%).
- Правительству области 66,7% (Тип 1–48,7%, Тип 2–75,8%, Тип 3–72,0%, Тип 4–75,4%).
- Областной думе 59% (Тип 1–37,6%, Тип 2–71,3%, Тип 3–67,2%, Тип 4–64,6%).
- Политическим партиям региона 42,6% (Тип 1–20,0%, Тип 2–55,2%, Тип 3–50,4%, Тип 4–51,3%).
- Областным СМИ (печать, радио, ТВ, сайты) – 51,9% (Тип 1–37,8%, Тип 2–66,3%, Тип 3–58,0%, Тип 4–47,7%).

- Местным органам власти 59,4% (Тип 1–40,6%, Тип 2–75,0%, Тип 3–65,2%, Тип 4–60,9%).
- Местнымпредпринимателям, бизнессообществу – 45,1% (Тип 1–34,1%, Тип 2–53,5%, Тип 3–49,2%, Тип 4–45,6%).
- Общественным организациям 51,7% (Тип 1–37,5%, Тип 2–64,3%, Тип 3–57,7%, Тип 4–49,7%)
- Церкви, религиозным организациям – 61,3% (Тип 1–46,3%, Тип 2–67,3%, Тип 3–66,8%, Тип 4–67,3%)

В целом семьи из крупного города значительно реже высказываются о доверии по отношению ко всем региональным структурам. Вариант «Доверяю полностью» респонденты из Тюмени отмечали в несколько раз реже, чем жители населенных пунктов других типов, а соответствующее значение практически не превышало 10%.

В целях дальнейшего анализа приведённые выше данные были отсортированы по убыванию и проранжированы. Это позволило нам сравнить рейтинги социально-политических институтов в различных типах поселений. Результаты показывают, что губернатор области и областное правительство занимают первые две строчки как в целом по выборке, так и во всех типах поселений (табл. 1).

Из таблицы видно, что рейтинг доверия рассматриваемым институтам имеет территориальную специфику. Так, например, в крупном городе рейтинг областного правительства на один пункт выше, чем у губернатора, церковь более авторитетна, а областная дума и полиция, наоборот находятся в рейтинге ниже, чем во всех остальных типах поселений и в целом по выборке. Небольшие города выделяются тем, что церковь и религиозные организации здесь пользуются меньшим доверием, чем в других населённых пунктах, а местные органы власти, наоборот, более авторитетны, чем где-либо ещё. В сельских поселениях центрального типа также бросается в глаза относительно низкий уровень доверия

церкви и повышенное по сравнению с остальными типами поселений доверие Тюменской областной думе. Пери-

ферийные сёла выделяются более высоким уровнем доверия к полиции и региональным политическим партиям.

Таблица 1. Рейтинги доверия семейного населения Тюменской области региональным общественно-политическим структурам

	В целом по выборке	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4
Губернатор области	1	2	1	1	1
Правительство области	2	1	2	2	2
Областная прокуратура	3	4	6	3	5
Церковь, религиозные организации	4	3	8	7	4
Судебные органы	5	5	5	4	6
Полиции	6	7	4	5	3
Местные органы власти	7	6	3	8	8
Тюменская областная Дума	8	9	7	6	7
Областные СМИ	9	8	9	9	11
Общественные организации	10	10	10	10	10
Местные предприниматели, бизнес-сообщество	11	11	13	13	12
Профсоюзы	12	12	11	12	13
Политические партии региона	13	13	12	11	9

Для оценки эффективности семейной политики, осуществляемой органами государственной и местной власти в регионе в анкете был сформулирован соответствующий вопрос – «Как Вы оцениваете деятельность органов власти региона в сфере государственной семейной политики и улучшении жизни семей в регионе?». Распределение ответов на него показывает, что две трети респондентов (66,1%) оценивают работу властей в этом направлении положительно («безусловно положительно» -15,7%, «скорее, положительно» -40,4%). Скорее отрицательно и безусловно отрицательно отметили 6,5% и 1,2% соответственно. Показательно, что довольно высокий процент респондентов (16,6%) указали, что ничего не знают об их деятельности, а 19,3% затруднились с ответом на вопрос.

В территориальном разрезе данные показывают, что жители малых городов чаще остальных положительно оценивали действия властей в семейной сфере (Тип 1–43,5%, Тип 2–72,3%, Тип 3–62,0%, Тип 4–58,3%). Жители

крупного города чаще остальных указывали, что ничего не знают о деятельности властей в сфере государственной семейной политики (Тип 1–24,3%, Тип 2–5,6%, Тип 3–13,6%, Тип 4–19,1%). Среди затруднившихся ответить больше оказалось семей из крупного города и сельских поселений центрального типа (Тип 1–21,9%, Тип 2–13,1%, Тип 3–21,6%, Тип 4–17,6%).

В ходе исследования также были выявлены направления семейной политики, которые по мнению населения являются в регионе приоритетными. Распределение ответов на соответствующий вопрос анкеты представлено в табл. 2.

Как и следовало ожидать, наиболее актуальными направлениями в решении проблем семей региона респонденты в первую очередь выделяют социально-экономический аспект (решение жилищных проблем, трудоустройство), проблему дополнительного образования детей, а также вопросы общественного здоровья (пропаганда ЗОЖ, профилактика алкоголизма и наркомании).

Социология №4 2021

Таблица 2. Мнение семейного населения относительно приоритетных направлений семейной политики региона и муниципального образования

Варианты ответа	%
Помощь в решении жилищных проблем	49,9
Решение вопросов занятости и трудоустройства	38,4
Пропаганда здорового образа жизни	32,6
Доступность дополнительного образования для детей	27,8
Профилактика алкоголизма и наркомании	19,8
Поддержка бедных и малообеспеченных семей	19,2
Развитие системы досуга семей	17,0
Решение проблем развития социальной инфраструктуры и экологии	12,3
Доступность учреждений (мест в учреждениях) дошкольного воспитания для детей	9,0
Решение вопросов самозанятости и самообеспечения семей	8,7
Развитие массового спорта	7,5
Доступность качественного профессионального образования для родителей	6,9
Поддержка семейных общественных организаций	4,1

Первая пятёрка проблем, занимающая верхние строчки рейтинга неизменна для крупного города и сельских поселений периферийного типа. У семей из малых городов и сёл центрального типа приоритеты несколько иные. В первом случае «поддержка бедных и малообеспеченных семей» вытеснила «профилактику алкоголизма и наркомании», во втором «развитие системы досуга семей» также заместила «профилактику алкоголизма и наркомании».

Заключение

Обобщая результаты проведённого исследования, следует констатировать, невысокий уровень социальной и политической активности семейного населения, не связан с решением серьёзных общественных задач. И хотя аналогичные показатели можно наблюдать и на общероссийском уровне, представляется что существующий уровень социально-

политической активности семейного населения в настоящее время не может стать драйвером каких-либо позитивных изменений, влияющих на жизнедеятельность семей. Особую озабоченность вызывает тот факт, что самыми пассивными в этом плане являются семьи из крупного города – места концентрации населения и пониженного социального контроля.

В то же время семейное население тюменского региона обладает значительным потенциалом в росте социальной и политической активности — две трети респондентов затруднились с ответом на вопрос о готовности членов их семей участвовать в ближайшее время в социально-общественной деятельности. Очевидно, необходим какой-то стимул или условия, которые мотивировали бы семьи активнее принимать участие в жизни окружающего их социума.

Также следует отметить проблему доверия семейного населения ключевым общественно-политическим институтам. Наше исследование показало, что его уровень остаётся низким. Учитывая, что доверие означает нормативный консенсус в социуме по ключевым позициям установившегося социального порядка, сомнения населения относительно действий местной и региональной власти могут стать серьёзным препятствием в реализации государственной семейной политики.

Выводы, полученные в результате нашего исследования, нельзя назвать «инновационными». Подобные тенденции характерны для большинства российских регионов и страны в целом. Однако в нашей работе была дана количественная оценка отдельных аспектов проблемы социально-политических установок в конкретном регионе. Это может быть полезно для региональных органов власти в целях принятия управленческих решений в сфере семейной политики, а также открывает новые направления исследования отдельных аспектов рассмотренной проблемы.

Литература

- 1. Тихонов В.Г. Социально-политическая активность российской студенческой молодежи: социологический анализ: дисс... канд. социол. наук. Место защиты: Краснодар. ун-т МВД России. 2011. 148 с.
- 2. Соколова И. В., Аймалетдинов Т.А. Участие семьи в общественно-политической жизни муниципального сообщества в условиях новой информационной среды // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 42–51
- 3. Шелудков А.В. Сельские муниципалитеты юга Тюменской области: пространство, статистика, власть / А.В. Шелудков, С.В. Рассказов, Ш.Ф. Фарахутдинов. Москва: Страна Оз, 2016. 184 с.
- 4. Социальная и политическая активность россиян: мониторинг // Аналитический обзор ВЦИОМ от 02 августа 2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiiobzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring
- Губницын А.В. От консультаций к диалогу: опыт Канады по участию граждан в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 3. с. 155–166.
- Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021.
 № 2. С. 87–92.
- Полюшкевич О.А. Социальное и личное пространство поколений // Социология. 2020. № 4. С. 132–148.
- Полюшкевич О.А. Жизненный сценарий поколений // Социология. 2020. № 3. С. 28–45.

SOCIO-POLITICAL ATTITUDES OF THE FAMILY POPULATION IN THE REGIONAL SPACE

Mekhrishvili L.L. Tkacheva N.A.

Tyumen Industrial University; West Siberian Branch of FCTAS RAS

The work substantiates the relevance of the problem of the participation of families in the life of socio-territorial communities. It is shown

that the direction and nature of socio-political attitudes largely determine the possibility of the family population, the formation of a favorable environment in the place of their residence. The data of a survey of families of the Tyumen region, carried out with the participation of the authors in 2020, are presented. Based on the empirical data obtained, the level of socio-political activity, willingness to participate in social and social activities was revealed. The rating of families' trust in the main social and political institutions represented in the region has been built. The assessment of the activities of the regional authorities in the field of state family policy and improving the life of families has been studied. The directions of family policy, which, in the opinion of the population, are priority in the region have been identified.

Keywords: Family, social and political activity, region, citizenship, sociological research, social policy.

References

- Tikhonov V.G. Socio-political activity of Russian student youth: sociological analysis: dissertation ... cand. sociol. sciences. Place of protection: Krasnodar. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. 148 p.
- Sokolova IV, Aimaletdinov TA Family participation in the social and political life of the municipal community in the new information environment // Woman in Russian society. 2009. No. 3. S. 42–51
- Sheludkov A.V. Rural municipalities in the south of the Tyumen region: space, statistics, power / A.V. Sheludkov, S.V. Rasskazov, Sh.F. Farakhutdinov. Moscow: Country of Oz, 2016.184 p.
- Social and political activity of Russians: monitoring // Analytical review of VTsl-OM of August 2, 2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiiobzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnostrossijan-monitoring
- Gubnitsyn A.V. From Consultation to Dialogue: Canadian Experience in Citizens' Participation in Public Administration // Issues of State and Municipal Administration. 2009. No. 3. S. 155–166.
- Polyushkevich O.A. Trust in a Changing World // Sociology. 2021. No. 2. S. 87–92.
- Polyushkevich Ö.A. Social and personal space of generations // Sociology. 2020. No. 4. S. 132–148.
- 8. Polyushkevich O.A. Life scenario of generations // Sociology. 2020. No. 3. S. 28–45.

Цифровая трансформация государственного управления

Москвитина Наталья Владимировна,

доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета E-mail: natalikm@mail.ru

В статье проводится анализ цифровых изменений современной России. Изучаются стратегии цифровизации государственного управления, перспективные задачи и слабые стороны. Приводятся результаты экспертного опроса, посвященного цифровым трансформациям государственного управления, определяются основные приоритеты и перспективы государственного развития.

Ключевые слова: цифровизация, государственное управление, экспертный опрос, социальное моделирование, стратегии управления, инструменты управления

Цифровизация социально-экономического сектора, которая в зарубежных практиках набирает популярность, тесно связана с государственной поддержкой инноваций, трансформацией государственного управления и построением цифрового правительства. Основой для цифровой трансформации правительства стали результаты стран, построивших открытые электронные правительства и добившихся слаженной работы различных ведомств при предоставлении государственных услуг, а также вовлечении граждан в решение государственных вопросов. В зарубежной литературе и практике сформированы и реализуются различные версии повесток дня цифровизации государственного управления, в том числе его цифровой трансформации, представлены версии эволюции цифровизации госуправления, подготовлены и реализуются стандарты (модели) зрелости цифрового госуправления. Новый (цифровой) этап развития имеет свои отличительные особенности, которые должны быть ясно сформулированы в контексте научных и практических достижений как в области создания электронных правительств, так и в сфере государственной информатизации в целом. Эти проблемы можно назвать слабостью Иркутской области в области цифровизации государственного управления, что является потенциальным препятствием для прогресса цифровой трансформации в достижении стратегических целей и создании условий для дальнейшего развития чиновника. Если эти проблемы будут решены, государственные и гражданские служащие получат доступ к карьерному и профессиональному росту. Из «среднего региона» мы можем обратиться к «цифровым лидерам», которые фокусируются на максимальном удовлетворении социальных сетей, сетей экологической среды, на развитии, инициа-

тивах и реализации возможностей для каждого гражданина нашей страны.

Для России в нынешние непростые времена очень важно как можно скорее трансформировать традиционную для современной экономики экономику информации, знаний и цифровую экономику. Это еще один путь развития – это план утверждённый Правительством Российской Федерации. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р). В противном случае самые экономические и социальные кризисы, следовательно, политические дисбалансы неизбежны, что, в свою очередь, может послужить позитивным ответом, который заставит страну глубоко погрузиться в технологии, а затем и социальноэкономические вернуть мир.

В этой связи развитые страны мира уделяют пристальное внимание гармоничному развитию элементов, образующих систему, таких как цифровая экономика, общество информации и экономика знаний. Однако разные страны имеют разные взгляды на масштабы цифровизации и цифровой трансформации . Поэтому в Германии в рамках концепции индустрии цифровой сдвиг в основном рассматривается как явление, связанное с формированием цифровой экономики, использованием технологий современных ИКТ, переоснащением технологий традиционных отраслей, в том числе с помощью ключевых технологий, разработанных в «индустрии» Интернете вещей, искусственном интеллекте (ИИ), дополненной реальности, «больших данных», облачных вычислениях и т.д. Следует принимать во внимание. В Германии цифровая трансформация в основном связана с промышленностью, в то время как в Японии влияние на общество в целом особенно заметно. Поэтому, согласно концепции общества, предложенной Японской бизнес-ассоциацией, цифровая трансформация должна привести к новому (пятому) этапу социального развития человека (вслед за первобытным обществом, сельскохозяйственным обществом, индустриальным (индустриальным) обществом и информационным (постиндустриальным) обществом). Также во Франции к концу 2014 года. В своем ежегодном исследовании (2017) Государственный совет Франции обратил внимание на то, что уберизация общества, экономики платформы не может не сказаться на собственной стране. Вдохновленное английским глаголом «уберизировать», «уберизация» стало использоваться, то есть, что изменение сектора деятельности с помощью инновационной экономической модели, основанной на цифровых технологиях Новым поня-

Для России в нынешние непростые времена очень важно как можно скорее трансформировать традиционную для современной экономики экономику информации, знаний и цифровую экономику. Это еще один путь развития это план утверждённый Правительством Российской Федерации. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р). В противном случае самые экономические и социальные кризисы, следовательно, политические дисбалансы неизбежны, что, в свою очередь, может послужить позитивным ответом, который заставит страну глубоко погрузиться в технологии, а затем и социальноэкономические вернуть мир.

В нынешних рыночных условиях очевидно, что существует необходимость систематического проведения реформ и действий, направленных на развитие цифровой экономики на всех отечественной социальноуровнях экономической системы. Идея цифрового переключения охватила весь мир, и сейчас это одна из самых популярных тем для обсуждения, но на самом деле это не новая концепция, и обсуждение этого продолжается уже несколько десятилетий. Несмотря на то, что рассматриваемые категории были созданы относительно хорошо, в научной сфере и деловом сообществе еще не сложилось стабильного понимания сущности и содержания термина» цифровая трансформация». В то же время важ-

но отметить, что содержание термина «цифровая трансформация» будет развиваться по мере изменения и развития технологий.

Определений цифровой трансформации сегодня существует множество. Долгое время цифровая трансформация означала оцифровку или хранение данных в традиционных формах в цифровом формате. Это также одно из основных направлений цифрового сдвига, которое трактуется в «v3ком смысле» [3]. Определив концепцию, можно сказать, что концепция заключается в том, что изменение социально-экономических отношений путем внедрения новых технологий, но это не всегда указывает на то, что основное изменение заключается в совершенствовании инструментов управления и стимулировании взаимодействия участников. В современном мире, однако, эта концепция очень важна для преобразования цифрового формата данных. Когда предприятия и организации осознают весь потенциал использования цифровых данных, они начинают разрабатывать процессы для этого. С этого момента цифровые технологии начали стремительно развиваться, и возможность их быстрого внедрения напрямую определяет конкурентоспособность организаций на рынке. Это расхождение во мнениях можно проследить по методу исследования определения цифровой экономики (оцифровки).

Начнем с того, что в понятии «цифровая трансформация» существует множество терминов, которые имеют разные толкования. Ключевые термины-это те, которые имеют тот же голос на английском языке, но имеют совершенно другое содержание, что очевидно в российских публикациях.

Оцифровка (оцифровка) — это преобразование данных «с физического носителя на цифровой». В рамках оцифровки качество и содержание информации не изменились, ее просто необходимо преобразовать в электронную форму для последующей обработки в цифровом формате, что позво-

лит улучшить существующую отрасль за счет добавления информации в цифровом формате. Оцифровка Новые продукты первоначально создавались в цифровом виде. Поэтому существенным отличием оцифровки (оцифровки) является создание нового инновационного продукта с новыми функциями и атрибутами потребителя. Если оцифровка (оцифровка) – это в первую очередь улучшение существующего бизнеса и изменение моделей бизнеспроцессов, то оцифровка (оцифровка) позволяет добиться значительных прорывов и новых конкурентных преимушеств в вашем бизнесе.

Определив концепцию, онжом сказать, что концепция заключается в том, что изменение социальноэкономических отношений путем внедрения новых технологий, но это не всегда указывает на то, что основное изменение заключается в совершенствовании инструментов управления и стимулировании взаимодействия участников. Это расхождение во мнениях можно проследить по методу исследования определения цифровой экономики (оцифровки).

Существует два способа определения термина» цифровая экономика»: один является классическим, т.е. цифровая экономика понимается как область электронных продуктов и услуг (телемедицина, дистанционное обучение, средства массовой информации о содержании продажи); а другой расширяется, т.е. цифровая экономика рассматривается как экономическая продукция, которая работает с использованием цифровых технологий в каждой отрасли или управлении областью. Авторы указывают, что процесс представляет собой взаимодействие социальных и экономических участников и различных компонентов, связанных с цифровыми технологиями в процессе использования процесса, т.е. процесс производства не является завершающим этапом оцифровки. Исходя из наблюдений, таким образом, в процессе создания и распространения цифровых технологий существует связь

между компонентами экономической и социальной деятельности, что позволяет говорить о влиянии на социальноэкономические системы его производства и социальные отношения и взаимодействия.

Успешная реализация плана приоритетов «Цифровая экономика Российской Федерации», а также ранее принятых стратегий и национальных планов, были необходимы для создания новой социально-экономической системы, основанной на цифровых технологиях. На сегодняшний день уже есть планы по созданию этой системы, и утверждены в виде создания экосистемного подхода цифровой экономики Российской Федерации.

Система отличается от существующей системы использованием данных в цифровом виде в качестве ключевого фактора производства во всех сферах социально-экономической деятельности, т.е. взаимодействия бизнеса, научного и образовательного сообществ, государства и граждан. Чтобы рассмотреть взаимосвязь между компонентами цифровой экономики, а именно приоритетными направлениями наци-

онального проекта «Цифровая экономика» 8 (кадры для цифровой экономики. информационная инфраструктура. информационная безопасность, цифровые технологии, нормативное регулирование и т.д.).), а также социальноэкономическое развитие системы, мы рассмотрим сущность прошлого. С этого момента цифровые технологии начали стремительно развиваться, и возможность их быстрого внедрения напрямую определяет конкурентоспособность организаций на рынке. Это расхождение во мнениях можно проследить по методу исследования определения цифровой экономики (оцифровки).

Цифровая экономика занимает позицию, которая растет в мире: на нее приходится более 15,5% мирового ВВП. В развитых странах на цифровую экономику приходится в среднем 18,4% ВВП (рост с 10% до 35%), в развивающихся странах-от 2% до 18%. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), доля интернетэкономики в ВВП страны составляет 3,7% [7] (рис. 1).

Рис. 1. Валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики: 2019 (млрд руб.)

К 2021 году доля России в «чистой» цифровой экономике составит 5,1% ВВП. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), с 2016 по конец 2019 года российская интернет-экономика росла в среднем на 15–20% в год. Четырьмя ключевыми сторонами отрасли являются маркетинг и реклама, электронная коммерция, ин-

фраструктура и коммуникация, а также цифровой контент. Их общий вклад в ВВП страны в прошлом году составил 4. 7 трлн а до конца 2020 года экономика Рунета в целом (включая мобильную экономику) достигла 6,4 трлн рублей, согласно обновленному в сентябре прогнозу экономического развития Рунета до конца 2020 года[43]. РАЭК прогнози-

Социология №4 2021

рует, что, несмотря на COVID-19, к концу года общий прирост вклада цифровых секторов эрба-маури в экономику страны составит 15 и 16%. В то время как кризис, вызванный COVID-19, ударил по экономике, с другой стороны, он ускорил цифровую трансформацию (DT) и заставил страны пересмотреть ранее принятые методы. В настоящее время в стране осуществляется КТ в трех областях:

 Взаимодействие с населением, в первую очередь путем создания цифровых продуктов для предоставления услуг, что особенно важно в ситуациях, когда личный контакт между людьми ограничен;

Трансформация внутренних процессов состояния механизмов, тем более создание новых платформенных решений для обеспечения внутреннего и межведомственного взаимодействия;

 Укрепление экономики путем повышения конкурентоспособности предприятий, содействия легитимности и прозрачности бизнеса, упрощения и повышения эффективности государственного контроля за деятельностью бизнеса.

Эпидемия в целом оказала положительное воздействие на государственный сектор по двум причинам.

Во-первых, необходимо осуществить давно назревшую оцифровку недостаточно эффективных процессов в форме «симуляции».

Во-вторых, скептики, которые не понимают, зачем нам нужна цифровая трансформация, видят реальные преимущества перехода процессов на цифровые форматы. Однако при внедрении инновационных технологий необходима осторожность; при всех их преимуществах они могут быть недостаточно протестированы или не полностью удовлетворить потребности заинтересованных сторон (это происходит при использовании ИИ для решения продуктов и механизмов, которые все еще управляются людьми).

Рис. 2. Вклад мировых брендов в ВВП своих стран

Мир цифровой экономики — это мир данных. Технологические компании в настоящее время правят рынком, и многие из них являются бизнесом, основанным на данных: потребительские данные собираются из различных источников и используются для расчетов. Так называемые данные компаний

(Google, Microsoft, Facebook и т.д.)¹. (рис. 2).

Зарабатывают деньги на массе потребителей: рекламе продуктов (сбор данных и многоуровневость), производят нишевые товары (для финансовых рынков), специализируются на продук-

¹ Brand finance global 5002015–2021. – URL: https://brandirectory.com/rankings/global/

тах, связанных с Интернетом вещей, искусственным интеллектом и т.д. За прошедший год в этой сфере произошли существенные изменения: все федеральные органы исполнительной власти назначили руководителей по цифровому переходу (Главного сотрудника по цифровой трансформации) [5], и аналогичные назначения производятся в этих регионах.

В государстве данные могут быть использованы для принятия решений, оценки положительных и отрицательных последствий этих решений, выявления ранее скрытых зависимостей и т.д. Но в Российской Федерации на данный момент государство может только хранить данные и предоставлять их по запросу-например, информационные справки граждан или органов власти. Основными аспектами применения данных в их государстве-члене являются согласованность и возможность использовать их в четких правилах программного обеспечения. Еще одна область применения данных в штате направлена на проекты, основанные на данных. Самым известным из этих проектов является гиперактивное предложение государственных услуг, что означает, что это не потребитель, подающий заявку на услуги, а страна, которая запускает эти услуги в ответ на события в жизни граждан (например: эти общественные).:

Увеличение туристической привлекательности района;

- Автоматизированный и автоматизированный мониторинг и аудит;
- Мониторинг потока

В рамках взаимодействия между государственными органами или ведомствами работа с данными должна быть сосредоточена под руководством одного эксперта по управлению и распространению данных, чтобы избежать чрезвычайных ситуаций, отличных от использования одной и той же даты, «вечной перетасовки «и других расхождений в формате. Основными аспектами применения данных в их государстве-члене являются согласованность и возможность использовать

их в четких правилах программного обеспечения. В то же время аналитики и эксперты из других отделов должны иметь возможность получать структурированные примеры и не агрегированные данные, которые можно обрабатывать отдельно, и вы уже можете использовать эти данные для выполнения собственных расчетов.

За прошедший год в этой сфере произошли существенные изменения: все федеральные органы исполнительной власти назначили руководителей по цифровому переходу (Главного сотрудника по цифровой трансформации) [8], и аналогичные назначения производятся в этих регионах. Был начат ряд проектов по использованию искусственного интеллекта в деятельности органов власти. Их задача-повысить качество и эффективность государственных услуг и снизить затраты на государственное управление. Его реализация связана, во-первых, с передачей государственных услуг цифровым, что также относится к контролю и надзору за деятельностью и выполнением функций государства. Цифровая трансформация состояния энергетики созрела и готова совершить качественный скачок. Эксперты считают, что это проявляется во многом: с помощью богатства проектов, создания большого количества людей, работающих в этой области, и достижения результатов. Инструментом цифровой трансформации государственного управления является совокупность решений, которые представляют собой правовой, методологический, нормативный и технический механизм обработки национальных данных. НСУД помогает решать проблемы, с которыми сталкиваются власти. Это все, что связано с управлением процессами, получением данных, доступом к этим данным и хранением. Управление данными является ключевым механизмом обеспечения эффективности. Для того, чтобы трансформация работала на эффективность государственного управления, мы очень четко определили обстоятельства, в которых использование данных окажет влияние,

и мы понимаем, что важно работать вместе.

Собственность государства, предприятия уходят вслед за государственными учреждениями или: в 2020 году число государственных предприятий, участвующих в разработке и реализации стратегий, удвоилось (с 25% до 48%). Приоритеты компании включают оцифровку бизнес-процессов, управление данными, управление опытом клиентов, а также управление стоимостью продуктов и услуг. Средний уровень оцифровки всех отраслевых процессов составляет 54%. Цифровой департамент разработал и опубликовал методические рекомендации по цифровой трансформации государственных предприятий, в том числе стандартные стратегические структуры и системы ключевых показателей эффективности [3].

Мировая практика показывает, что электронное правительство внесло значительный вклад в повышение эффективности государственного управления. Марта Лейн Фокс, интернетпредприниматель, изучила электронные услуги правительства Великобритании и обнаружила, что перевод 30% контактов, участвующих в предоставлении государственных услуг, на цифровые каналы приводит к общей го-

довой экономии более 1,3 миллиарда фунтов стерлингов, в то время как перевод 50% контактов, которые цифровые каналы увеличивают эту экономию на 2,2 миллиарда евро.

Лучшие практики цифровой трансформации государственного управления в субъектах РФ

Проникновение цифровых услуг в страну связано не только с созданием новой инфраструктуры, но и с изменением привычек российских граждан. Если инфраструктурная часть «цифрового разрыва» постепенно исчезает-даже в сельской местности проникновение домашнего интернета превышает 70%, то вопрос современного использования цифровых услуг становится все более актуальным. Готовность россиян принять новые формы обслуживания будет зависеть от личных и экологических факторов. Модели использования государственных и муниципальных онлайнсервисов также сильно различаются. Наиболее существенные различия наблюдались в использовании услуг, связанных с взаимодействием с местными учреждениями-запись на прием к врачам и решение проблем в сфере жилишнокоммунальных услуг, а не оплата штрафов, налогов, оформление документов и другие услуги.)

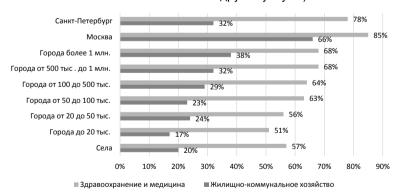

Рис. 3. Доля россиян, получивших услуги через Интернет

Только в 34 субъектах Российской Федерации планируется региональная оцифровка, и нет даже общепринятых методов и приемов. Эксперты рекомен-

дуют создать единый центр на федеральном уровне, который будет оказывать организационную, методическую и правовую поддержку регионам, ре-

шившим внедрить цифровую систему в больших масштабах. Тем более субъекты федерации, которые еще не разработали региональный план цифровизации, отметили участники круглого стола «О проекте по цифровой экономике в России в Аналитическом центре при Правительстве РФ (АС), где были представлены результаты специального опроса представителей местных органов власти.

Однако уже есть качественные примеры реализации регионального плана по оцифровке государственного управления. Технология блокчейн, а также будущее сетей 5G (до конца цифровых технологий), чтобы обеспечить эффективную работу муниципального управления. Примером использования технологии блокчейн для муниципального управления является использование этой технологии в управлении активными гражданами и городскими системами в Москве [2].

Рис. 4. Статистика пользования платформы «Активный гражданин»

Проект «Активное гражданство» это онлайн-система для градостроительства и реализации городских проектов, запущенная 21 мая 2014 года по инициативе Правительства Москвы. Основная задача проекта-получить мнение горожан по популярным вопросам, связанным с развитием Москвы. Активные граждане в опросе делятся на три категории: общегородские, отраслевые и региональные. За активное участие в опросе начисляются бонусные баллы, которые можно обменять на призы. Основные принципы проекта: Жители напрямую влияют на решения, принимаемые властями

 Обеспечить осуществление большего числа утверждений / решений по отбору

Данные открытые и прозрачные результаты голосования.

Инфраструктура для пользования услугами и электронными услугами в Москве к началу 2020 года проект насчитывает более 2,7 миллиона пользователей, собрал более 135 миллионов просмотров и проголосовал более 4,4 миллиона голосов (рис. 4)².

С помощью голосования «активных граждан» Москва помогла сформировать проекты благоустройства территории в рамках программы территориального благоустройства в непосредственной близости от улиц, районных парков, бульваров и скверов, а также водохранилища «Мой район». Благодаря проекту жители города голосуют за лучших реставраторов-участников «Москва-ремонт» и помогают разработать программу праздничных мероприятий, в том числе дней города. Проект «Активная гражданская позиция» призван обеспечить эффективное взаимодействие между гражданами и администрацией. С учетом мнений жителей столицы, изменений в городе решения, принятые в рамках голосования, гарантированно будут реализованы городом. На протяжении многих лет с помощью проекта, который был сделан:

Участвовать в программе озеленения, которая позволяет озеленить 4400 дворов столицы. Более 830 000 референдумов поддержали определенные виды растений, которые вы хотите увидеть на портале.

«Парк по месту жительства». Всего за один год-2016-в столице появилось 48 новых зеленых зон и зон отдыха. Москвичи сами выбирали адрес, ландшафтный вариант и даже название пар-

ка. В процессе горожане вложили более 4000 идей преобразования городских зеленых зон отдыха.

В рамках проекта особое внимание уделяется развитию библиотеки. В программе «Моя библиотека» горожанам пришла в голову идея обновления сети, самой популярной из которых стало голосование.

Голосуйте по самым разным вопросам в «Активных горожанах», в том числе о том, как отмечать конкретные события города. Так, например, неравнодушные горожане также участвуют в разработке планов празднования дня города. Именно они установили наиболее удобное расписание фестиваля этого места, которое является рекордом сферического кино. Согласно опросу, треть горожан рекомендовали участие в классических и современных концертах в парке, а четверть проголосовала за проведение мастер-классов.

Благоустройство по программе «Моя улица» строится с учетом чаяний москвичей. В результате 67 улиц стали совершенно новыми. Согласно данным голосования за проект, 85–88% активных граждан одобрили изменения в своем городе.

Можно также отметить, что Мурманская область единой цифровой платформы для управления регионом является первым из предложений лучших цифровых практик, направленных на повышение эффективности сектора по блокам Целей устойчивого развития. Это уникальный набор информационноаналитических систем, объединенных на единой цифровой платформе для управления регионом. Это обеспечит работу региональных органов власти: сбор и анализ информации, взаимодействие с жителями и бизнесом, повышение инвестиционной и туристической привлекательности региона. С 2019 года в Мурманской области проводится оцифровка регионального управления в рамках масштабного проекта «Умная зона» [40]. Проект направлен на обеспечение эффективной работы региональных органов власти, дочерних предприятий и повышение скорости

реагирования на проблемы и запросы жителей региона. Технологическими партнерами по реализации проекта является государственная компания «Росатом» в лице АО «Русатом Инфраструктурные решения». В составе комплекса:

«Ворота На Север»

Инвестиционная платформа «Портал Мурманской области»

«Туристический портал Мурманской области»

«Умная система учета строительства, содержания (ремонта) территории двора для населения, территории, городских объектов, расположенных на территории Мурманской области»

«Мониторинг системы очистки территории муниципальных образований Мурманской области»³.

Эти данные поступают в Единую цифровую платформу регионального управления(ЕСРМ), которая собирает, агрегирует и анализирует информацию из различных источников-ведоминформационных ственных систем, электронных баз данных и т.д. в регионе. В то же время интеграция системы с откликом платформы Регионального управления Центра, которая создается по поручению Президента России в регионах страны. В ходе реализации проекта было завершено 76% мероприятий по стандарту «умный город», в частности внедрение системы мониторинга работы коммунальной техники и общественного транспорта [5], что оказывает серьезное влияние.

С развитием Интернета вещей и компьютерного моделирования можно создать цифровую версию любого физического объекта: книги, фабрики, здания или даже целого города с инфраструктурой. Также в будущем эти проекты планируется подготовить для городов с населением более 100 тысяч человек. Первый город проекта будет реализован в Санкт-Петербурге. 7 сентября 2020 года губернатор Санкт-

³ В Мурманске начал работу Центр управления регионом, созданный при участии Росатома – URL: https://www.atomic-energy.ru/news/2020/11/11/108702

Петербурга Александр Беглов объявил о начале создания «цифрового проникновения» города, которое позволит осуществлять мониторинг состояния городских объектов [6]. С этой целью портал сети Интернет «Паспортизация объектов благоустройства Санкт-Петербурга», содержащий данные по 15 миллионам объектов городской среды, получит статус системы государственной информации (ГИС) и будет переименован в «Санкт-Петербурггородская среда».

Проблемы цифровой трансформации государственного управления в Иркутской области

Региональное развитие в современную эпоху не идет вразрез с концепцией информатизации и цифрового сдвига. Для того чтобы обеспечить улучшение основных показателей социальноэкономического развития субъекта любой территории Российской Федерации, необходимо опираться на передовые разработки в области цифр⁴. Развитие цифровой экономики сегодня является основой для выбора направления развития национальной экономики и регионального управления деятельностью. Цифровые инструменты и технологии помогают повысить конкурентоспособность региона. Это рост и увеличение использования цифровых инструментов, которые в настоящее время определяют перспективы развития организаций, предприятий и отдельных отраслей [8]. Однако их использование не должно быть легкомысленным. Не информационные технологии и устройства одинаково подходят для эффективного использования отдельными предприятиями. То же самое относится и к регионам. Если акцент будет сделан на масштабном использовании цифровых инструментов без контроля результатов, то их практическая значимость будет сведена к минимуму. Их создание связано с продвижением мероприятий по улучшению результатов конкретной работы⁵. Поэтому эти задачи должны строго выполняться. В связи с этим необходимо выявить существующие проблемы цифрового развития в условиях Иркутской области.

Ключевой и трудноразрешимой проблемой является низкая доступность элементов цифровой инфраструктуры для национальных органов власти и местных органов власти:

- Доступ в Интернет
- Отсутствие стабильной телефонно связи
- Развитие каналов широкополосной связи в сельской местности, отдаленных районах и небольших районах долгое время отставало от общего уровня. (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнение скорости широкополосной интернета в Иркутской области

Административные центры и городские	Средняя скорость за последние 3 месяца		
округа Иркутской области	Входящая (Мбит/сек)	Исходящая (Мбит/сек)	
Железногорск- Илимский	5,54	16,59	
Бодайбо	6,84	7,96	
Белореченск	16,78	18,20	
Тулун	17,53	19,82	
Саянск	25,19	32,58	
Черемхово	26,39	31,77	
Братск	28,33	28,95	
Куйтун	32,63	33,60	
Усть-Илимск	34,55	39,51	
Иркутск	44,58	50,66	
Тайшет	44,80	46,76	
Ангарск	45,23	46,24	
Усть-Кут	46,04	36,87	
Зима	66,17	78,96	
Усолье-Сибирское	73,32	84,90	
Шелехов	74,77	73,25	

⁵ Региональный проект «Цифровое государственное управление»// Портал Иркутской области: офиц. сайт. – URL: https://irkobl.ru/region/priority/digital-economy/folder/

⁴ Цифровое правительство 2020. Перспективы для России // Институт развития информационного общества: офиц. сайт. – URL: http://www.iis.ru/infosociety/

Из таблицы видно, что скорость (Железногорск-Илимский, интернета Бодайбо. Белореченск. Тулун) попрежнему ниже средней скорости административного центра Иркутской области, есть также города (Зима, Шелехов, Усолье-Сибирское) для увеличения этого показателя, однако, определяется количеством жителей региона: Ербогачен, Кутулик, Балаганск, Баяндай, Бохан, Жигалово, Залари, Казачинское, Качуг, Киренск, широкий, Нижнеудинский, Новонукутский, Еланцы, Оса. Слюдянка, Свирск, Чунский не могли быть использованы из-за отсутствия широкополосных каналов связи.

По данным Министерства жилищной политики и энергетики региона, в Иркутской области насчитывается 337 решений (60 из них не имеют проводной связи), в 29 городах региона проживает до 700 человек и в настоящее время не имеют мобильной связи.)

Климат и рельеф Иркутской области играют важную роль. Поэтому на поле – ситуация может отличаться от ожидаемой ситуации, что в основном относится к «возможному охвату» района. В горных районах, например, покрытие неизбежно, однако, из-за топографических особенностей. На ровной территории все просто, но есть небольшие отличия. Зимой продолжительный сильный снегопад является еще одной причиной нарушения сотовой связи. Они могут принести шнур питания, который питает станцию. Кроме того, любые сильные осадки поглощают и другие радиоволны. Поэтому, в зависимости от сезона, сила сигнала одного и того же поста будет разной.

Другие вопросы включают управление комплексной структурой реализации национальных проектов, которая представляет собой общую изложенную структуру управления национальными проектами с учетом принципов управления проектом, включая заинтересованные муниципалитеты, коммерческие и некоммерческие организации в качестве партнеров, усиление административных барьеров для эффективной реализации.

Стоит отметить. что нестабильность и неадекватность федеральной нормативно-правовой базы, следовательно, на региональном уровне определяют условия и возможности для развития инновационных отечественных технологий, которые используются органами государственной власти для предоставления государственных услуг физическим и юридическим лицам в электронном виде и для совершенствования межотраслевого взаимодействия, а также новых отношений. возникающих в процессе регулирования заинтересованных сторон в цифровой экономике. Отсутствие в документе стратегии должно определить приоритеты и направления долгосрочного взаимодействия между региональными властями, бизнесом, наукой и населением.

Эти проблемы можно назвать слабостью Иркутской области в области цифровизации государственного управления, что является потенциальным препятствием для прогресса цифровой трансформации в достижении стратегических целей и создании условий для дальнейшего развития чиновника. Если эти проблемы будут решены, государственные и гражданские служащие получат доступ к карьерному и профессиональному росту. Из «среднего региона» мы можем обратиться к «цифровым лидерам», которые фокусируются на максимальном удовлетворении социальных сетей, сетей экологической среды, на развитии, инициативах и реализации возможностей для каждого гражданина нашей страны.

Экспертный анализ проблем цифровизации государственного управления

В экспертном опросе приняли участие 28 человек, в возрасте 30–60 лет, отвечающие за процессы цифровизации в различных регионах РФ (руководители департаментов, отделов или комитетов по цифровизации). 22 из них мужчины и 6 женщин. Все имеют высшее образование (техническое 25, гуманитарное – 3), два высших образования –

12 человек, магистерскую степень – 18, ученую степень кандидата наук – 3. В их подчинении от 3 до 15 человек, обеспечивающих выполнение цифровизации государственного управления в разных субъектах органов власти.

Опрос проходил с января по июнь 2021 года, в виде полустандартизированного интервью, продолжительность 1,5 часа через zoom.

Обобщая результаты интервью, можно выделить ключевые положения.

Цифровизация – это условие будущего развития.

2020 год стал годом перемен – пандемия и ранее принятые решения по цифровизации государственного управления привели к тому, что все население окунулось в цифровой мир. Сейчас мы оттачиваем инструменты. Но наше будущее уже наступило. Иных альтернатив нет и не будет. Поэтому, чем лучше мы отработаем цифровизацию всей нашей жизни, в том числе и государственного управления – тем более качественно, продуктивно и эффективно мы будем жить. (И.Т., 45 лет, Хабаровск).

Важность цифровизации сложно переоценить. Будущее нашей планеты лежит в качественных технологиях развития цифрового пространства. Если в 20 веке — виртуальный, цифровой мир был миром фантастики и далекого будущего, то в 21 веке — это миры нашего настоящего, если мы не освоим их, то останемся на задворках истории. (Л.Ю., 50 лет, Екатеринбург).

Проблемы цифровизации государственного управления в слабых технологиях и мало обученных специалистах.

Наша основная проблема — это недостаток качественных технологий. Основной приоритет государства отдается оборонной промышленности, а в мирных целях цифровые технологии активизируются по остаточному принципу. И это существенно тормозит нашу страну по освоению цифровых инструментов управления. Государственное управление без цифровых платформ нельзя представить даже в настоящем, не говоря уже о будущем. (Т.А., 53 года, Красноярск).

Помимо технологического обеспечения цифровизации, что недостаточно хорошо проведена во многих регионах России, существует вторая проблема — это недостаточный уровень образования государственных и муниципальных служащих, обеспечивающих выполнение цифровых инструментов государственного управления, информационная культура муниципальных служащих страдает. (С.В., 37 лет, Владивосток).

Ресурсы цифровизации – государственные средства. Но и они же выступают ограничивающим фактором.

Наша проблема в том, что бизнесу не дают карт-бланш для развития цифровизации. Скорее из неизбежности создаются условия для цифрового бизнеса, социального обсаживания и т.д. Государство скорее выступает тормозом в продвижении цифровизации, нежели чем помощником коммерческому сектору. (О.П., 40 лет, Новосибирск).

Государственный аппарат за многими цифровыми новинками не успевает. Где-то не хватает средств, где-то информированности, где-то смелости использовать. Хорошо бы частному сектору дать больше возможностей для расширения цифрового управленческого регулирования. Конечно, при соблюдении институтов гражданского общества и социального партнерства. Но пока этот момент сильно буксует в высших эшелонах власти. (Р.А., 41 год, Кемерово).

Будущее цифрового государственного управления – в новых кадрах и обновленных технологиях.

Нам нужно уже сегодня учить цифровым технологиям тех, кто завтра будет управлять страной. Конечно, современная молодежь активна и мобильна, но это общее условие, для качественного цифрового государственного управления нужны более широко и глубоко обученные специалисты. Я полагаю, что будут разрабатываться образовательные стандарты в данной отрасли, стандарты повышения квалификации и прочих образовательных форм и стратегий повышения качества знаний сотрудников государственных и муниципальных

органов власти. (С.В., 55 лет, Нижний Новгород).

Обновление технологий и постоянное обучение кадров — это стратегические задачи для цифровизации нашего государственного управления. Для этого нужны финансы и воля руководства. Инициативу и готовность на местах искать не надо — люди сами понимают, что за цифровыми технологиями будущее и без достаточной квалификации и хорошего технического оснащения — никуда. (Б.Ю., 38 лет, Якутск).

Выводы

Цифровая трансформация государственного управления не просто автоматизация и оптимизация отдельных процессов при оказании государственных функций, в том числе при предоставлении государственных услуг, внедрение и использование тех или иных современных ИКТ в интересах обеспечения деятельности государственных органов. Цифровая трансформация призвана качественно изменить содержание государственного управления, в том числе отдельные его процедуры, стадии управленческого цикла, государственные функции, их состав и типы, причем такое изменение должно приводить к повышению качества государственного управления: обеспечению большей обоснованности государственного вмешательства (и снижению роли государства в целом), повышению результативности и эффективности деятельности органов государственной власти.

Реализация перехода к цифровой структуре российской экономики идет на различных уровнях и поэтапно. В целях реализации национальной программы была создана структура управления, состоящая из представителей федеральных государственных органов власти, специализированных организаций с участием заинтересованных государственных органов на федеральном и региональном уровнях. Также утверждены национальные правовые акты, которые закладывают основу для взаимодействия федеральных и региональных органов власти государства в области

цифровой экономики. Следующим этапом является разработка документа для субъектов регулирования Российской Федерации, который будет определять и регулировать деятельность заинтересованных сторон в цифровой экономике на их территории. В каждом подразделе программы определены конкретные задачи для получения соответствующего результата и выделены пункты с ответственными исполнителями, также определены сроки выполнения (реализации) конкретного проекта. К 2024 г. в рамках реализации федерального проекта «Цифровое государственное управление» гражданам и бизнесу будут доступны 25 цифровых комплексных сервисов нового поколения, нацеленных на решение первоочередных жизненных ситуаций в онлайн режиме.

В ходе исследования, был изучен опыт трансформации государственного управления других регионов. Реализация федеральной, государственных и региональных программ, а также лучшие практики по развитию ИТпрограмм.

Цифровизация государственного управления - достаточно широкое понятие, включающее в себя несколько составляющих. цифровизация сама по себе выступает новой моделью государственного управления. В идеале - она дает новые возможности для эффективной качественной работы государственных органов. На практике, не реализованная в полной мере и в рамках ограниченных ресурсов, пока она обладает изъянами и ограничениями, не позволяющими всегда положительно оценивать ее внедрение. Но в глобальных масштабах цифровизация государственного и муниципального управления - это шаг к новому управленческому подходу, новому управлению, новой системе развития общества. Пока недостатками цифровизации государственного и муниципального управления является ряд системных проблем:

1) низкая обеспеченность государственных органов власти и органов

местного самоуправления элементами цифровой инфраструктуры

2) сложная структура управления реализацией Национальной программой, выбивающейся из общей установленной структуры управления национальными проектами с учетом принципов проектного менеджмента

В ходе исследования, был изучен опыт трансформации государственного управления других регионов. Реализация федеральной, государственных и региональных программ, а также лучшие практики по развитию ИТпрограмм.

А также проведен экспертный опрос руководителей подразделений различных органов власти, отвечающих за процессы цифровизации государственного управления на местах — выявивший как внешние, так и внутренние противоречия и проблемы цифровизации.

Для решения данных проблем, предлагается ряд мероприятий:

1) в рамках развития цифровой инфраструктуры Иркутской области, требуется создание проекта закупок спутниковой связи, ориентированной на отдаленные муниципальные образования. На данный момент это решение позволит быстрее развивать цифровизацию государственного управления в нашей области;

2) для лучшей трансформации государственного управления органов местного самоуправления и усовершенствования организации работ в сфере развития цифровых технологий, а также стабилизации структуры управления реализации Национального проекта в Иркутской области был предложен ряд мероприятий для Правительства и компонентов исследовательской и информационной инфраструктур цифровой экономики в Иркутской области, в части создания цифровой платформы управления социально-экономическим развитием территорий, использующей исследования и разработки по направлениям «сквозных» технологий;

Предложенные нами меры по развитию цифровой трансформации государ-

ственного управления буду способствовать увеличению темпов цифровизации Иркутской области, предоставление новых ИТ-технологий откроет просторы для быстрой реализации управленческих решений, создаст возможность для повышения привлекательности региона.

Таким образом, учитывая реализованные проекты и преимущества, можно сделать вывод, что перспективы цифровой трансформации государственного управления в Иркутской области большие, С использованием этих перспективных направлений можно повысить эффективность принятия решений, оценив различные варианты политики управления, рассчитать ресурсы, необходимые для достижения поставленной цели, и обеспечить устойчивость социально-экономического развития ситуации в Иркутской области.

Поэтому основная деятельность органов исполнительной власти по решению существующих проблем, препятствующих цифровизации, с учетом этих рекомендаций, является шагом в ряду мер, препятствующих развитию региона в целях формирования цифровой экономической экосистемы и создания цифровой экономики.

Литература

- Герасимова Т.А., Москвитина Н.В. Внедрение и развитие принципов цифровой экономики в исполнительных органах государственной власти Иркутской области // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации. Материалы Международной научнопрактической конференции. Под общей редакцией И.А. Журавлевой, О.А. Полюшкевич, В.Ю. Митусова. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 65–69.
- Герасимова Т.А., Москвитина Н.В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства. материалы I Международной научно-

- практической конференции. Иркутский государственный университет; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 310–315.
- Головенчик Г. Теоретические подходы к определению понятия цифровая экономика // Наука и инновации. 2019. № 1. С. 54–59.
- Москвитина Н.В. Информационная культура муниципальных служащих (по материалам социологического исследования) // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 357–368.
- Москвитина Н.В. Информационная культура муниципальных служащих // Социология. 2020. № 3. С. 211–221.
- 6. Москвитина Н.В. Качество жизни и цифровизация государственных услуг после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. М.: МГУ, 2020. С. 109–110.
- Косоруков, А.А. Цифровое правительство в практике современного государственного управления (на примере Российской Федерации) // Тренды и управление. 2017.
 № 4. С. 81–96.
- 8. Полюшкевич О.А., Журавлева И.А., Дружинин Г.В., Москвитина Н.В. Основы цифровизации государственного и муниципального управления. Учебное пособие. Иркутск, ИГУ, 2020. 163 с.

DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

Moskvitina N.V.

Irkutsk State University

The article analyzes the digital changes in modern Russia. The strategies of digitalization of public administration, long-term objectives and weaknesses are studied. The results of an expert survey on digital transformations of public admin-

istration are presented, the main priorities and prospects of state development are determined.

Keywords: digitalization, public administration, expert survey, social modeling, management strategies, management tools.

References

- Gerasimova T.A., Moskvitina N.V. Implementation and development of the principles of the digital economy in the executive bodies of state power of the Irkutsk region // Transformation of state and municipal administration in the paradigm of digitalization. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Edited by I.A. Zhuravleva, O.A. Polyushkevich, V. Yu. Mitusova. Irkutsk, ISU, 2020. S. 65–69.
- Gerasimova T.A., Moskvitina N.V. The content of the concepts of "digital economy" and "digitalization in the field of public administration" // Social reality of virtual space. materials of the I International scientific and practical conference. Irkutsk State University; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. Irkutsk, ISU, 2019. S. 310–315.
- Golovenchik G. Theoretical approaches to the definition of the concept of digital economy // Science and innovations. 2019. No. 1. P. 54–59.
- Moskvitina N.V. Information culture of municipal employees (based on sociological research) // Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2020. S. 357–368.
- Moskvitina N.V. Information culture of municipal employees // Sociology. 2020. No. 3. S. 211–221.
- Moskvitina N.V. Quality of life and digitalization of public services after the pandemic //
 Influence of the quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials. M.: MGU, 2020. S. 109–110.
- Kosorukov, A.A. Digital government in the practice of modern public administration (on the example of the Russian Federation) // Trends and management. 2017. No. 4. P. 81–96.
- Polyushkevich O.A., Zhuravleva I.A., Druzhinin G.V., Moskvitina N.V. Fundamentals of digitalization of state and municipal administration. Tutorial. Irkutsk, Irkutsk State University, 2020.163 p.

Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства

Полюшкевич Оксана Александровна,

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук Иркутского государственного университета E-mail: okwook@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования публичного пространства в провинциальных городах. Выявляется взаимосвязь креативного и профанного как формы развития публичных мест. Пространство провинциальных городов анализируется как место взаимодействия креативного и профанного в развитии социального взаимодействия.

Ключевые слова: публичное пространство, провинциальные города, креативность, экспертный опрос, качества публичного пространства, просоциальное поведение, просоциальные практики, солидарность.

Креативное и профанное в городском пространстве выступают антиномиями социокультурного развития. О креативности городской среды можно говорить тогда, когда есть соответствующая инфраструктура: новые интерактивные музеи, медиа и арт – центры, креативные творческие пространства, публичные пространства перфоманса для вовлеченных в культурные индустрии людей. При этом, развитие малого и среднего бизнеса должно быть также включено в это феерическое действие в виде создания обслуживания тематических кафе и антикафе, ресторанов, гостиниц и других публичных мест, где люди, которые воплощают в жизнь креативные проекты могли бы поддерживать свое комфортное пребывание.

Профанное в публичных местах выступает пространном обыденности, повседневной рутинности, когда жители города, находясь в определённых местах не замечают их уникальности и ценности из-за увлечения своими процессами и делами. Профанное становится заной «невнимания» и нивелирования в общественном сознании. Только человек из другого города - может увидеть уникальность, интересность, неповторимость публичных пространств города. Или же человек, который изначально выделяет определенные публичные места как места для просоциальных практик поведения.

Публичное пространство, формируемой архитектурой и дизайном городской среды, обустройством, красотой и удобством улиц, скверов и площадей, лофтов и других пространств выступает фактическим местом реализации, воплощения креативности в жизнь. Сюда могут входить, как и культурноисторические памятники, так и заброшенные здания заводов [2]. Главное условие — заполняемость людьми, несущими дополнительные смыслы в любое пространство. Пространство, где

возможна коммуникация незнакомцев, которые вместе могут со-творить новое креативное пространство или новый креативный продукт.

Для всего этого необходима инновационная экономика и экономика услуг. Эти экономические условия являются основой для развития креативности городского публичного пространства. Места, где возможна социальная коммуникация, диалог и действие, приводящие к новым символам, процессам и продуктам. Публичные места конструируются просоциальными практиками и в целом просоциальным поведением граждан, вовлеченных в процессы социальной интеграции.

Благодаря городским креативным публичным пространствам происходит оживление городской среды, наполнение ее новыми смыслами и задачами, создание микросообществ из просоциально ориентированных людей. И в этом смысле креативное публичное пространство оздоравливает город, давая новые смыслы и символы для дальнейшего развития. Публичное креативное пространство - то место, которое объединяет людей и формирует новые сообщества по интересам, реализуя возможности для конструирвоания их просоциаьного поведения. В некоторых работах автора уже об этом говорится более подробно, на примере Иркутска и других городов России [3-6]. Профанными становятся публичные места тогда, когда не воспринимаются как знаковыми, особыми ространствами, способными внести особый колорит в жизненный мир и жизненные цели жителей городов.

Лофланд Л. Предложила использовать определенные характеристики, для анализа публичного пространства городов: удобство и приятный имидж, разнообразие использования пространства и занятий, социальность, удовольствие от взаимодействия, публичное одиночество и наблюдение за людьми, «карнавальность» — возможность игры, фестиваля, избавления от своей истинной идентичности, приобретение новых масок [1].

Эти критерии мы взяли в основу для проведения собственного исследова-

ния по оценке креативности публичного пространства провинциальных городов. В анализе участвовали такие города как: Иркутск, Красноярск, Улан-Удэ, Хабаровск, Чита. К опросу привлекались эксперты, проживающие в данных городах и имеющие отношение либо к администрации города или министерства культуры, которая организует условия для функционирования публичного пространства, представители креативных индустрий (руководители музеев, арт-выставок, галерей, коворкингцентров и проч.). Всего в опросе приняло участие 55 человек, в возрасте от 24 до 65 лет, 53% женщин и 47% мужчин. Все они заняты в процессах организации креативных публичных пространств от 3 до 30 лет, с разных сторон и в разном качестве. Интервью бралось через scape или zoom и длилось от 1,5 до 2 часов.

Мы просили оценить, предложенные Лофланд критерии применительно к анализируемым городам (по 10-ти бальной шкале, где 10 — максимально развито и 1 — минимально) и вывели средние показатели в таблице 1 и далее прокомментировать свои ответы.

Как видно из таблицы, Красноярск практически по всем показателям лидирует, только в видах деятельности отдавая первенство Иркутску. А Чита по всем показателем отстает. Иркутск стабильно на вторых позициях, хотя достаточно близок Красноярску.

Также из ответов и оценок экспертов следует, что ключевой момент реализации креативности публичного пространства - это человеческий и социальный капитал. Человеческий капитал зависит от личности тех, кто организует ту или иную информационнокреативную площадку в городе, а социальный зависит от того, кто ему в этом помогает (уровень и качество включенности администрации города, бизнеса, некоммерческих организаций и проч.). Эффективность реализации креативных публичных пространств зависит от собственной инициативы и готовности ее воплотить в жизнь и умения «открывать закрытые двери» и договариваться с разными людьми.

Таблица 1. Средние показатели оценки креативности публичного пространства, предложенные Л. Лофланд

Показатели	Иркутск	Красноярск	Улан-Удэ	Хабаровск	Чита
Удобство	6,5	7,8	6,9	6	4,2
Приятный имидж	6,8	7,5	7,5	7,5	3,2
Разнообразные пространства	7,7	7,9	6,2	5,8	3,3
Разнообразные виды деятельности	8,9	8,8	6,4	7,7	5,4
Социальность	8,5	8,5	7,1	6,6	4,3
Удовольствие от взаимодействия	7,1	7,6	7,7	7,2	3,3
Публичное одиночество и наблюдение за людьми	7,5	7,6	6,2	7,4	4,4
Карнавальность	7,2	7,4	6,7	6,6	4,1

Те, кто приходят с инициативной и готовы ее реализовать — ценятся везде. Идей множество, но вот воплотить их могут единицы, лишь те, кто по-настоящему горит своей идеей. Только от человека, готового включиться в процесс — зависит конечный результат. (Д.А., 43 года, руководитель креативного отдела Администрации г. Красноярска).

Социальный капитал при реализации создает гарантии, но человеческий капитал – обеспечивает успех или провал реализации любого публичного проекта или мероприятия. Тут важно понимать, что связи и ресурсы материальные далеко не все, чтобы реализовать творческие идеи в новом формате. (Л.О., 49 лет, руководитель программ городского развития г. Хабаровск).

Важным элементом выступает уверенность людей в том, что они делают, насколько инициативны и продуманны их идеи и мысли по реализации креативного публичного пространства города (личностный фактор).

Без огонька в глазах тех, кто организует проекты – не будет успеха ни в чем. Нужны люди, способные горы свернуть лишь бы их мысли и идеи воплотились. Мы работаем над этими идеями, всячески поддерживаем людей, которые приходят с инициативами. Наверное поэтому, наша креативная галерея успешна. (И.Ч., 30 лет, руководитель галереи, г. Иркутск).

Все определяется личностью человека. Ни деньги, ни связи не могут выдать продукта — только человеческая уникальная мысль. Мы работаем с инициативами молодежи, рассматриваем любые предложения на мозговых штурмах. Это классная работа, которая позволяет нам двигаться вперед. (А.В., 33 года, руководитель коворкингцентра, г. Иркутск).

Публичное пространство – это точка роста и развития города. И если сюда не приходит молодежь, то оно не может назваться креативным. Так как для большинства публичных мест, именно молодежь выступает главным действующим лицом. И креативное публичное пространство – это зеркало развития культуры молодежи. Одним из элементов оценки будущего развития городов может служить как раз уровень креативности молодёжи городов, уровень их включенности в функционирование городских публичных креативных мест.

Основной двигатель креативности — это молодежь. Они участники наших мероприятий на 80%. Поэтому без их интереса — мы не выживем. Нам нужны их идеи и мечты для того, чтобы сделать их реальностью, и чтобы они хотели жить в нашем городе и развивать его. (А.П., 40 лет, руководитель музея, г. Улан-Удэ).

Молодежная активность – потенциал развития креативности любого города. Если молодые люди не интересуются тем, что мы предлагаем, значит мы плохо работаем, так как не доходим до своих конечных потребителей. Ми-

нистерство по молодежной политике должно создавать все условия для развития и реализации молодежи нашего города, чтобы она развивалась и реализовывала свой потенциал на благо нашей городской среды. (М.Ц., 28 лет, руководитель Министерства по молодежной политике, г. Иркутск).

Также эксперты отмечают и то, что сами горожане не всегда понимают значимость наполняемости новыми символами ставших уже традиционными скверов и площадей. Так как может приобретать символы элементы современного искусства (стрит-арт или граффити), что может не одобряться и не приниматься разными социальными группами.

Не все наши инициативы были поняты и поддержаны горожанами. На нас писали даже заявления в полицию и в прокуратуру, когда мы организовывали флеш-моб на улицах Читы. Это говорит о том, что граждане не готовы. (Р.А., 42 года, руководитель отдела по молодежной политике г. Чита).

Вовлечение молодежи в публичные пространства — приоритетная задача развития любого бизнеса. Для общепита — меню это пол дела, важна атмосфера, программа и то, что происходит за кулисами, некая фееричность, игра, возможность быть кем-то другим. Без этого, креативность молодежи будет затухать, ей нужна среда для реализации. (О.А., 33 года, директор антикафе, г. Иркутск).

Но креативное публичное пространство выступает местом получения социального опыта. Опыта, который включен в новые сети социального взаимодействия, опирается на новые ресурсы инновационного развития. Благодаря нахождению в этих местах люди обучаются новому, наблюдают за опытом и поведением других, перенимают этот опыт, и он становится нормой для целых поколений или отдельных социальных групп. Креативное публичное пространство может стать инструментом социализации.

В публичных местах все участни-ки получают новый опыт, новые усло-

вия и ресурсы для развития. Это то место, где они могут развиваться, получая те знания и опыт, который поможет им дальше реализовать сой потенциал. (Л.А., 37 лет, руководитель арт-галереи, г. Хабаровск).

В публичных местах происходит социализация, включение в новый опыт, который нас двигает, развивает как отдельного человека, так и сообщество, в которое он включен. С личностью развивается среда, так и наоборот: благодаря развитой среде, формируется более полноценная и разноплановая личность. Этот взаимодополняемый процесс приводит ко всеобщему развитию и благу. (Д.Д., 36 лет, руководитель креативной студии развития молодежи, г. Улан-Удэ).

Также важным моментом выступает создание безопасного креативного публичного пространства. Безопасного как физически: безопасное перемещение по городу, выстроенная логистика, так и психологически: свободное взаимодействие с представителями разных социальных групп.

Важно говорить о безопасности: психологической, физической. Далеко не каждый сможет прийти туда, где будет ему или его детям может грозить опасность. Поэтому, задача администрации города наладить инфраструктуру для развития креативных индустрий в публичных местах городов. (Т.Т., 40 лет, руководитель отдела инфраструктурной политики, г. Хабаровск).

Безопасная городская среда – федеральная программа, она дает многое для любого города. Но когда мы говорим о культурных индустриях, о публичных местах, не вписывающихся в приоритеты данной программы, то тут необходимо уметь выстраивать диалог между бизнесом и властью, где каждый заинтересован в своей стороне реализации и развития публичного пространства города, где безопасность граждан является гарантом участия многих и активного их вовлечения в социальное развитие города. (О.Л., 43 года, руководитель отдела по работе с предпринимателями г. Красноярск).

Помимо этого, креативное публичное пространство города формирует толерантную среду социального взаимодействия, формируя самобытную среду самореализации горожан, развивая особое ментальное единство. Это важный элемент формирования общегородской культурной среды, который определяет перспективы развития общества.

Благодаря публичным пространствам соединяются люди, принадлежащие к разным религиям и народам. Это дает возможность быть терпимее друг к другу, узнавать друг друга лучше и формировать межкультурный диалог и более благоприятную социокультурную среду в городе. (А.А., 40 лет, руководитель национально-культурного центра, г. Улан-Удэ).

Межэтническое взаимодействие выступает приоритетом социального развития. Креативная культурная среда в публичных пространствах города выступает ресурсом развития, толчком социального моделирования общественного воспроизводства. (Д.Ю., 43 года, руководитель творческой галереи, г. Хабаровск).

В ходе исследования, мы выяснили, что помимо критериев Лофланд, есть два условия развития публичного пространства это креативность и профанность, а также механизм активизации просоциальных практик. Без этих условий уже современное городское пространство не может быть местом реализации нового потенциала для личности и сообщества. Креативное публичное пространство обладает просоциальным потенциалом, создавая условия для просоциальных практик.

Качество жизни определяется тем, насколько обыденна или эффектна, качественно наполнена жизнь жителей города, в каких проектах и мероприятиях они могут принять участия, через что могут выразить свой потенциал. (Л.К., 52 года, зам. руководителя Художественного Музея, г. Красноярск).

Ориентация на других людей, так же, как и на сам город – то место, где живем, какие есть там возможно-

сти для собственного роста, развития креативности, трансформации своей повседневно рутинной жизни – дает понимание перспектив социального развития. (О.А., 40 лет, руководитель творческой мастерской, г. Иркутск).

Развитие креативного публичного пространства является приоритетной задачей развития любого города. Без этого процесса и воплощения в реальных формах пространства нет будущего у городов, поэтому необходимо всем участникам двигаться в направлении консолидации сообществ, объединения личных и социальных ресурсов для создания совместного креативного публичного пространства.

Чем больше будут наполнятся публичные места городов профанными символами, тем меньше у жителей этих городов будет желания участвовать в социальном взаимодействии, замечать и активизировать ресурсы личного развития и социального признания, влияющие на общее социальное самочувствие горожан. Профанность уничтожает внутренний импульс к активности, социальной реализации, так как в одних случаях обесценивает, а в других нивелирует значимость пространственно-географической представленности личности и социальной группы. В данном смысле, психогеография городской среды [7-9] выступает точкой привлечения и закрепления социальных связей и возможностей горожан.

Просоциальные практики поведения в публичных местах города активизируют процессы социальной интеграции и взаимодействия, усилия консолидационный потенциал общественного воспроизводства. Регулирование и конструирование новых условий и возможностей реализации просоциальных практик поведения в публичных местах может стать стимулом для закрепления молодежи на местах, уменьшения количества тех, кто хотел бы мигрировать в более западные районы страны. Так как именно в этих практиках в публичных местах города закладывается человеческий и социальный капитал реали-

зации собственных мотивов и устремлений представителей разных групп молодежи.

Литература

- 1. Лофланд Л.А. Сфера публичности. Нью-Йорк, 1998. С. 40.
- Лэндри Ч. Креативный город. М., 2006. С. 187.
- Полюшкевич О.А. Креативная культурная среда современных городов Сибири // Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса. Материалы Первой региональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного университета и 20-летию Института социальных наук. 2018. С. 52–56.
- Полюшкевич О.А. Креативность и открытость публичного пространства Иркутска // Социология. 2019.
 № 4. С. 143–149.
- Полюшкевич О.А. Креативное измерение публичного пространства Иркутска // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Второй региональной научнопрактической конференции. 2019. С. 154–160.
- Полюшкевич О.А. Креативный город: условия развития (случай Иркутска) // Управление городом: теория и практика. 2019. № 2 (33). С. 3–8.
- Скуденков В.А. Психогеография в фокусе социальных притязаний горожан // DIXI – 2019: идеи, гипотезы, открытия в социальногуманитарных исследованиях. Сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 117–124.
- 8. Скуденков В.А. Психогеография города: от архитектуры к социальнопсихологическому самочувствию // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сбор-

- ник научных трудов. Иркутск, 2019. С. 69–79.
- 9. Скуденков В.А. Психогеография городского пространства // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2019. С. 119–122.

PROSOCIAL PRACTICES IN A PROVINCIAL CITY: CREATIVITY AND PROFANE PUBLIC SPACE

Polyushkevich O.A.

Irkutsk State University

The article examines the features of the formation of public space in provincial cities. The interrelation of the creative and the profane as a form of development of public places is revealed. The space of provincial cities is analyzed as a place of interaction between the creative and the profane in the development of social interaction.

Keywords: public space, provincial cities, creativity, expert survey, quality of public space, pro-social behavior, pro-social practices, solidarity.

References

- Lofland L.A. Sphere of publicity. New York, 1998.S. 40.
- 2. Landry C. Creative city. M., 2006.S. 187.
- Polyushkevich O.A. Creative cultural environment of modern Siberian cities // Creative industries in the regional space of social services and business. Materials of the First Regional Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of Irkutsk State University and the 20th anniversary of the Institute of Social Sciences. 2018. S. 52–56.
- Polyushkevich O.A. Creativity and openness of the public space of Irkutsk // Sociology. 2019. No. 4. P. 143–149.
- Polyushkevich O.A. The creative dimension of the public space of Irkutsk // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. materials of the Second Regional Scientific and Practical Conference. 2019. S. 154–160.

Социология №4 2021

- Polyushkevich O.A. Creative city: conditions for development (the case of Irkutsk) // City management: theory and practice. 2019. No. 2 (33). S. 3–8.
- Skudenkov V.A. Psychogeography in the Focus of Social Claims of Citizens // DIXI – 2019: Ideas, Hypotheses, Discoveries in Social and Humanitarian Research. Collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019. S. 117–124.
- 8. Skudenkov V.A. Psychogeography of the city: from architecture to social and psycho-

- logical well-being // Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2019.S. 69–79.
- Skudenkov V.A. Psychogeography of Urban Space // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. collection of scientific papers. FGBOU VO "ISU"; under total. ed. V.A. Reshetnikova, O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2019. S. 119–122

Эволюция института брака и общественное мнение

Фарахутдинов Шамиль Фаритович,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН

E-mail: fshamil@mail.ru

Устинова Оксана Вячеславовна.

доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет

E-mail: ustinovaov@tyuiu.ru

Статья посвящена трансформации общественного мнения по отношению к незарегистрированным бракам. Приведены данные всероссийских опросов общественного мнения, на основании которых сделан вывод, что сожительство в нашей стране постепенно становится самостоятельным институтом, наиболее популярным среди городской молодёжи. Проанализирована общественная дискуссия по проблеме сожительства, в результате чего выделены три ключевые точки зрения на незарегистрированные отношения в российском обществе: либеральная, консервативная и формально-юридическая. Показано, что вне зависимости от точки зрения, сегодня практически все эксперты выступают против легализации сожительства, в то время как в общественном мнении такая идея довольно популярна. Констатировано доминирование в общественном сознании нормативного отношения к вопросам незарегистрированных взаимоотношений. При этом те, кто поддерживает сожительство, акцентируют внимание на уважении к индивидуальному выбору людей, а противники указывают на несовместимость сожительства с устоявшимися нормами. В заключении сделан вывод о росте альтернативного понимания обществом сущности семейных ценностей, что свидетельствует об эволюции института семьи. Работа базируется на теоретических подходах, традиционно используемых в социологии семьи. Эмпирической базой статьи выступили материалы контентанализа, статистические данные, базы данных ведущих отечественных исследовательских центров, анализ нормативно-правовых

Ключевые слова: Брак, семья, репродуктивное поведение, сожительство, социологическое исследование, вторичный анализ данных, семейная политика.

Особое внимание к институту семьи связанно с ролью, которую он выполнял на протяжении истории человечества. Семья связана с одной из важнейших общественных ценностей, а ряд научных теорий приписывают ей ключевую роль в направлении эволюции крупных социальных систем [5]. Для подавляюшего большинства населения семья это место удовлетворения основных социальных потребностей и социализации новых поколений. Не случайно семейнобрачное состояние, наряду с этнической принадлежностью, социальным статусом и материальным положением, является ключевой социально-демографической характеристикой индивида.

Трансформация характера семейных отношений, фиксируемая отечественными исследователями в последние десятилетия, является объектом особого внимания. В частности, одной из наиболее обсуждаемых тем, постепенно перешедшей из научного в общественный дискурс является проблема изменения баланса официально зарегистрированных браков и гражданского сожительства в сторону последнего. Так, в последнее время в публичном пространстве всё чаще звучит критика незарегистрированных отношений, которые в общественном сознании фактически становятся нормой. Наиболее заметным из них являются высказывание представителя церкви протоиерея Димитрия Смирнова, который крайне негативно отозвался о женщинах, находящихся в состоянии незарегистрированного гражданского брака. Другим резонансным высказыванием стало мнение известной телеведущей на центральном канале, которая призвала наказывать россиянок «ремнём» за сожительство без официальной регистрации брака [11]. Болезненная реакция общества, последовавшая за резонансными высказываниями, является ярким симптомом того, что высказывания упомянутых деятелей идут вразрез с существующими ценностями в обществе.

Сказанное актуализирует необходимость исследования масштабов одобрения россиянами проживания вне зарегистрированного брака, вытекающей из этого степени объективированности в общественном сознании ценностей традиционной семьи, а также соотнесения актуальных тенденций в брачном поведении населения с идеями, транслируемыми ключевыми социальными институтами современной России [9,10].

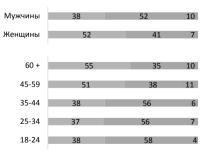
Настоящая работа базируется на теоретических подходах, традиционно используемых в социологии семьи. Так, представление о функциях социального института семьи находится в поле структурного функционализма. Фокусировка на внутреннем жизненном мире человека, выводы о продолжающейся индивидуализации характерна для феноменологического подхода и созвучна с концепцией индивидуализированного общества З. Баумана. В целом работа выстроена в эволюционноисторическом ключе, позволяющем показать трансформации в сфере брачного поведения как объективно обусловленный процесс. Эмпирический материал, лежащий в основе настоящей работы представлен контентанализом материалов в открытых источниках, анализом статистических данных, анализом социологического материала вторичного характера (работа с базами и архивами социологических исследований).

Трансформация моральной оценки возможности совместного проживания без регистрации брака прослеживается в опросах общественного мнения. В 2018 году, в рамках ежедневного проекта «спутник», реализуемого ВЦИОМ методом телефонного опроса, респондентам было задано несколько вопросов с целью выявить отношение к вопросам вступления в брак. В частности, было предложено два суждения, с которыми участники опроса выражали согласие либо несогласие. Первое - «Это нормально, когда два человека живут вместе, не намереваясь вступать в официальный брак». Второе – «Если люди хотят иметь детей они должны вступить в официальный брак». Отношение респондентов к указанным суждениям представлены на рис. 1.

"Это нормально, когда два человека живут вместе, не намереваясь вступать в официальный брак"

■ Не согласен ■ Согласен ■ Затрудняюсь ответить

"Если люди хотят иметь детей, они должны вступить в официальный брак"

■ Не согласен ■ Согласен ■ Затрудняюсь ответить

ужчины	25	67	8
енщины	20	75	5
60 +	12	80	8
45-59	20	75	5
35-44	30	64	6
25-34	31	63	6
18-24	29	69	2

Рис. 1. Частотные и социально-демографические распределения отношения респондентов к предложенным суждениям (процент от всех опрошеных)

M١

Же

Из приведённых данных видно, что практически равное количество респондентов придерживаются противоположных точек зрения - 46% считают, сожительство нормальным явлением и 45% – наоборот. Результаты исследования демонстрируют некоторые различия мнения в социальнодемографических группах. Если среди мужчин чуть более половины считают сожительство нормальным, то среди женщин эта доля составляет 38%. Возрастные характеристики также влияют на ответы респондентов – молодые люди чаще считают незарегистрированные взаимоотношения нормой. Дополнительно отметим, что более либеральных взглядов на отношения мужчины и женщины придерживаются жители Москвы, Санкт-Петербурга и городовмиллионников, а также те, кто сами состоят в незарегистрированных отношениях.

Рассматривая отношение респондентов ко второму суждению, отметим, что здесь ситуация существенно отличается. Подавляющее большинство (71%) согласны с тем, что для рождения детей, брак между мужчиной и женщиной должен быть зарегистрирован, а 23% считают, что это не обязательно. Различия ответов в половозрастных подгруппах сходны с тем, что мы наблюдали в первом случае. Аналогично, в мегаполисах и столичных городах, наблюдается более лояльное отношение к появлению детей вне брака.

Сравнивая приведённые распределения ответов по возрасту, можно отметить интересный факт. В старших возрастных группах наблюдаются более сильные колебания в мнениях респондентов, чем в младших. Если в трёх младших когортах (18-24, 25-34, 35-44 лет) выделяется относительно устойчивое ядро респондентов, придерживающихся либеральных семейных ценностей – это 30-38%, то в старших возрастных группах (45-59 и 60 + лет)этот диапазон составляет 16-55% и зависит от оцениваемой ситуации. В частности, из приведённых данных следует, что к появлению ребёнка в семье старшее поколение относится более сензитивно чем молодёжь.

Итак, учитывая высокую долю респондентов, лояльно относящихся к незарегистрированным бракам, а также их социально-демографические характеристики можно сделать вывод, что сожительство в нашей стране постепенно становится самостоятельным институтом, наиболее популярным среди городской молодёжи, наиболее ориентированной на получение образования и саморазвитие. Несмотря на то, что такие союзы не всегда будут заканчиваться официальной регистрацией и рождением детей, подобный формат отношений отвечает потребности современной молодёжи в снижении социальноэкономической неопределённости, создаёт условия для саморазвития, а также обеспечивает некоторыми преимуществами брака.

Среди экспертов существует точка зрения, что одним из ключевых факторов распространения незарегистрированных отношений среди молодёжи является наличие высокого уровня ответственности перед партнёром и рождёнными детьми при его регистрации [6]. Убедительным аргументом такой позиции является значительная доля регистрации отношений в случаях возникновения беременности. На это, в частности, указывают С.С. Бирюкова и А.О. Тындик, которые по результатам исследования статистических данных сделали вывод, что в России сохраняется широкое распространение так называемых «свадеб вдогонку», когда заявление в органы ЗАГС подается во втором триместре беременности. Авторы отмечают, что чаще это свойственно для первых браков у молодых людей. По их мнению, на фоне относительно высоких темпов распада молодых браков с детьми это является маркером традиционного демографического поведения [1].

Учитывая общую тенденцию роста брачно-партнёрских отношений в формате сожительства, логично предположить, что в перспективе их число будет возрастать. Это актуализировало в об-

щественном дискурсе проблему изменения действующего законодательства в части уравнивания прав взаимоотношений людей, не состоящих в официальном браке, но живущих вместе длительное время и тех, кто состоит в официальном браке.

В январе 2018 года в государственную думу РФ был внесён законопроект, согласно которому для признания семейного союза со стороны государства мужчина и женщина должны пять лет жить вместе и вести общее хозяйство. Срок совместного проживания сокращается до двух лет, если у пары есть общий ребенок. Эта инициатива вызывала неприятие и в Совете Федерации, в профильном комитете Государственной Думы [12]. В частности, глава комиссии Совета федерации по совершенствованию Семейного кодекса Е. Мизулина указала, что незарегистрированные отношения являются неустойчивыми, а нововведение ослабит институт семьи, вызовет рост детской беспризорности. В итоге законопроект не был принят, однако общественная дискуссия продолжилась. В февралемарте 2020 года было проведено ряд публичных мероприятий с обсуждением гипотетической возможности юридической легализации незарегистрированных отношений. Наиболее заметными из них стали круглый стол, прошедший в пресс-центре МИЦ «Известия» [6], а также дискуссия, организованная редакцией газеты «Московский комсомолец» [13].

Указанные мероприятия выступили объектом исследования автора, которое было реализовано с использованием технологии качественного контентанализа. Результаты обобщения и систематизации текстового материала, который был извлечён из видеоконтента путём транскрибирования, позволили нам выделить три ключевые точки зрения на проблему сожительства в российском обществе. Примечательно, что сторонники всех трёх позиций выступают против юридической легализации сожительства, однако социологический интерес здесь вызывают аргу-

менты, приводимые для подтверждения различных точек зрения.

Первую позицию условно можно назвать либеральной. Она заключается в том, что люди образуют семейнобрачные союзы с добровольного согласия. Соответственно, ожидания одного человека, который надеется оказаться в отношениях зарегистрированного брака со вторым партнером, не означает что второй обязан его выполнить. Предложение вступить в брак представляет собой «тонкую ткань» отношений двух людей, и, если они не приходят к ситуации официальной регистрации отношений, это их дело. При этом люди имеют полное моральное право жить вместе, что не нарушает никаких социальных норм. Чаще всего, если мужчина и женщина живут вместе и у них рождаются дети, для общества они воспринимаются семьёй. Наличие или отсутствие печати в паспорте для окружающих не является подтверждением смены их статуса, или перехода в иные отношения с обществом. Представители данного подхода не допускают внешнего вмешательства в семейные дела, ссылаясь на ст. 23 Конституции РФ, согласно которой «каждый имеет право на семейную тайну», отмечая, что хотя в отечественном законодательстве трактовка понятия «семейная тайна» размыто, данный аспект имеет место в системе охраняемых благ [4].

Подобной позиции придерживается, в частности, заместитель председателя Совета при президенте РФ по правам человека И.В. Киркора, которая отмечает, что «Решение не регистрировать свой брак не умаляет уважительного отношения, любви друг к другу двоих взрослых людей, не отменяет их договоренностей по отношениям друг с другом, и не лишает возможностей их детей на поддержку каждого из родителей» [3].

Вторую позицию, активно транслируемую религиозными институтами, а также официальными представителями органов власти можно обозначить как консервативно-традиционную.

Примечательно, что церковь принимает юридически незарегистрированные отношения в случае, если пара провела религиозный обряд бракосочетания (у православных, например, это -«венчание», у мусульман - «никах»). Таким образом можно заключить, что в консервативно-традиционном отношении к браку морально-этическая составляющая значительно важнее юридической. Основной причиной необходимости формализации отношений между парой, по мнению духовенства. является принятие ответственности. При этом духовная ответственность подразумевает заключение церковного брака, а ответственность перед государством - гражданского.

Третий подход к вопросам незарегистрированных отношений, лишён какой-либо моральной оценки и может быть обозначен как формальноюридический. Основной проблемой, связанной с легализацией сожительства, по мнению юристов может стать резкий рост нагрузки на судебные органы власти. Существуют сложности определения механизма определения совместного проживания, доказывания в суде факта совместного ведения хозяйства и наличия общего бюджета сожителей, момента начала совместного проживания, раздела имущества в случае наличия у сожителей других постоянных партнёров, признания личных долгов перед кредитными организациями общими и т.д.

Анализ современного законодательства показывает, что на сегодняшний день, у супругов после регистрации брака возникает не очень много дополнительных прав и обязанностей. Это, в основном, раздел имущества, наследственные отношения, которые могут быть нивелированы завещанием, и например, ситуация, когда один супруг может отказаться свидетельствовать против другого в случае допроса, что, скорее является исключением, и встречается в судебной практике довольно редко. Таким образом, имущественные права представляют собой основной аспект, который вызывает больше всего вопросов в проблеме различия правового регулирования зарегистрированных отношений и сожительства. Однако здесь ситуация довольно простая и понятная – сожители обладают всеми теми же правами в распоряжении имуществом, что и обычные граждане. Например, при приобретении квартиры сожители могут сами определить доли владения ею и оформить это юридически. Также определённую долю они могут оформить и на детей.

Содержательно, сожительство при условии грамотного и согласованного регулирования имущественных отношений партнёрами, мало чем отличается от зарегистрированного брака, в котором предусмотрен брачный контракт. Такое положение дел является ещё одним аргументом тех, кто выступает против законодательного приравнивания сожительств и официальных браков. Логика заключается в том, что если легализация сожительства необходима с точки зрения имущественных отношений, то в этом же поле должна и рассматриваться отмена брачных контрактов.

Относительно прав детей можно отметить, что на сегодняшний момент они защищены как в официальном браке, так и неофициальном. Отношения родителей и детей урегулированы отдельной главой семейного кодекса, и никак не связаны с наличием либо отсутствием регистрации брака родителями. Факт родительства фиксируется в свидетельстве о рождении, а в редких случаях процедурой установления отцовства.

Таким образом, с юридической точки зрения, в приравнивании сожительства к официальным бракам нет никакой необходимости, скорее наоборот – такая инициатива способна принести обществу больше вреда, чем пользы.

Ещё одним значимым юридическим вопросом в рамках рассматриваемой проблемы является отсутствие нормативного понятия семьи. Несмотря на то, что семейное право существует как самостоятельная отрасль российского права, которое, в том числе, определя-

ет понятие брака, в отечественном законодательстве нет чёткого определения термина «семья». По мнению экспертов это связанно с большой вариативностью форматов взаимоотношений, которые можно было бы назвать семьёй. Например, могут быть семьи, состоящие из мамы, бабушки и ребёнка. Также семья может включать человека, который не находится в кровном родстве, но при этом проживает вместе, любим и ценен для всех членов семьи. На сегодняшний день от общества не приходит чёткого понимания что является семьёй.

Представители консервативных взглядов также считают, что отсутствие чёткого определения не является случайностью, поскольку это открывает возможности для расширительной трактовки понятия «семья», что может способствовать легализации полигамии и однополых браков.

Юристы, в свою очередь, не видят проблемы в отсутствии чёткой формулировки, поскольку в законодательстве прописано ряд правил, анализируя которые можно сформировать определение семьи. В частности, это условия, при которых может быть заключен брак: совершеннолетие, добровольное согласие, союз должен быть между мужчиной и женщиной, нельзя состоять в ином зарегистрированном браке. Без соблюдения указанных требований отношения

зарегистрировать нельзя. В то же время понятие семьи существует в федеральном законе «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», где семья определяется как «лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство». Однако это определение нельзя считать полноценным, поскольку содержит в себе специфику документа, в котором упомянуто и выполняет вспомогательную функцию.

Как было сказано выше, не зависимо от позиции, которой придерживается тот или иной эксперт, сегодня экспертное сообщество в целом выступает против юридической легализации сожительства. Общественное мнение по рассматриваемой проблеме сильно отличается от экспертного. Здесь может быть показательным исследование ВЦИОМ, проведённое в 2018 году [2]. Отвечая на вопрос «Вы скорее поддерживаете или не поддерживаете инициативу о приравнивании незарегистрированных отношений к официальному браку?», 38% респондентов инициативу поддержали. Отрицательно высказались 50% опрошенных, а 12% затруднились с ответом на вопрос. Значительных половозрастных различий в ответах не наблюдалось. Представляет также интерес аргументация, которую респонденты приводили в открытой части вопроса (табл. 1,2).

Таблица 1. Причины одобрения инициативы о приравнивании незарегистрированных отношений к официальному браку (открытый вопрос;% от тех, кто поддерживает инициативу; не более трех ответов)

Группы мнений	Мнения респондентов	%
Восприятие долгих отношений как «семьи»	«Не обязательно регистрировать брак/ штамп в паспорте ничего не меняет (нет разницы, если люди живут вместе/ любят друг друга)»	21
	«Долгое сожительство – уже семья»	8
Восприятие незареги-	«Большинство живут так/это норма/сами так живем»	11
стрированных отношений как нормы	«Пара сама должна решать/ личная свобода выбора»	7
Возможность получать защиту законом детей, регулирование имуще- ственных и иных отношений	«Если есть дети – это уже семья/ дети должны быть защищены/ жить в полноценной семье и так далее»	11

Социология №4 2021

Окончание

Группы мнений	Мнения респондентов	%
	«Женщина должна быть юридически защищена (в том числе статус матери-одиночки)»	5
	«Равноправие при разводе/раздел имущества»	4
	«Люди уже живут вместе и у них есть общее хозяйство/ бюджет/ стабильность (в том числе легче регулировать финансовые и имущественные отношения в семье)»	4
	«Дает определенные ответственность, права и обязанности перед друг другом»	3
	«Защита пары от непредвиденных обстоятельств»	1
Традиционное воспри-	«Люди должны жить в браке/ так положено/ так правильно и т.д.	7
ятие отношений/серьезность намерений	Быстро женятся и быстро разводятся (возможность удержать семью вместе/ серьезность отношений)»	1
Упрощение процедур	«Отсутствие бюрократии при регистрации (заявления/ бумаги и пр.)»	3
регистрации отношений/ развода	«Экономия денег на свадьбе/разводе»	2
F-10-2-04-	«Так легче, чем при официальном браке»	1
	«Некие обстоятельства не позволяют пойти в ЗАГС»	1
Другое	Другие ответы, либо респондентызатруднились с ответом	25

Как видно из приведённых данных, наиболее распространённая группа мнений респондентов, одобряющих инициативу юридической легализации сожительства связана с восприятием тождественности долгих отношений с семьёй. На втором месте по популярности, высказывания, относящие незарегистрированные отношение к нормальному явлению. Далее следует группа аргументов необходимости юридической защиты детей и прав сожителей.

Аргументы тех, кто против того, чтобы приравнивать фактические отношения к зарегистрированным в большинстве своём не содержат конструктивной аргументации и являются выражением личностной внутренней установки. На втором месте суммарное мнение тех, кто считает, что незарегистрированные отношения не имеют юридической силы, то есть люди не защищены законом и поэтому им всё-таки нужно переходить в официальный статус (табл. 2.).

Таблица 2. Причины неодобрения инициативы о приравнивании незарегистрированных отношений к официальному браку (открытый вопрос;% от тех, кто не поддерживает инициативу; не более трех ответов)

Группы мнений	Мнения респондентов	%
Незарегистрированные отношения	«Брак должен быть законным/официальным (в том числе — у меня такое воспитание/ так принято и т.д.)»	36
не воспринимаются как «норма»	«Дети должны рождаться в полноценной семье»	11
•	«Сожительство – это не брак»	6
	«Сожительство – не по церковным законам»	4
	«Это обесценит понятие семьи, будет способствовать полигамии»	3
Незарегистрированные отношения не имеют юридической силы, люди и дети не защищены законом	«Брак – равные права и обязанности супругов, ответственность за семью»	10

Окончание

Группы мнений	Мнения респондентов	%
	«Равноправие при разводе/раздел имущества»	4
	«Женщина и ребенок должны быть юридически защищены»	4
	«Отсутствие штампа — бюрократические проблемы в дальнейшем»	2
	«Защита пары от непредвиденных обстоятельств»	2
Зависит от конкретного человека	«Личный выбор каждого: брак или сожительство»	8
Неоднозначное отно- шение к исследуемой	«Эта инициатива мне не понятна, отношусь к ней с недоверием (это странно/ это неправильно и т.д.)»	3
инициативе	«Продолжительность сожительства недоказуема/инициатива нереализуема»	1
Незарегистрированные	«Если люди решили официально расписаться – значит уверены в своей половинке»	2
отношения не могут удержать людей в семье	«Без регистрации человека ничего не держит в паре»	2
311-6	«Брак в какой-то мере сдерживает от развода»	1
Отсутствие уверенности	«При сожительстве нет уверенности в завтрашнем дне»	2
в незарегистрированных отношениях	«При сожительстве женщине лучше рассчитывать только на себя»	1
Другое	Другие ответы, затруднились с ответом	20

Таким образом можно констатировать доминирование в общественном сознании нормативного отношения к вопросам незарегистрированных взаимоотношений. При этом те, кто поддерживает сожительство, акцентируют внимание на уважении к индивидуальному выбору людей, а противники указывают на несовместимость сожительства с устоявшимися нормами.

Завершая рассмотрение эмпирического материала, отметим, что институт семьи эволюционирует. Выравнивание социального статуса мужчин и женщин, современные репродуктивные технологии, ориентация на личностное развитие и ряд других факторов формируют новые ценности, в которых репродуктивная составляющая отходит на второй план, а новый подход к семье разделяет всё большее число людей. Сегодня пока нельзя говорить о редукции традиционной семьи, однако сигналы, которые подаёт общественное мнение, демонстрирует формирование в России альтернативного понимания семейных взаимоотношений. Это обстоятельство должно учитываться органами, регулирующими ключевые социальные институты, чтобы избежать потенциальную социальную напряжённость.

Литература

- Бирюкова С.С., Тындик А.О. Регистрация брака и рождение ребенка в биографии россиян: анализ данных текущей статистики // Демографическое обозрение. 2014. № 3 (3). С. 32–63.
- 2. Брак и сожительство: ставим знак тождества? Пресс-выпуск ВЦИ-ОМ № 3571 от 02 Февраля 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8923 (Дата обращения 10.08.2021).
- В СПЧ сочли оскорбительным высказывание протоиерея Смирнова о гражданских женах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// www.interfax.ru/russia/695554 (Дата обращения 10.08.2021).
- Елисеева А.А. Семейная тайна: вопросы содержания и правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 71–76.
- Коротаев А.В. Семья в социальноэкономической структуре докапиталистических классовых формаций // История и филология древнего и средневекового Востока / Отв.

- ред. Д.Д. Васильев и С.В. Волков. Москва: Наука, 1987. – С. 3–11.
- Круглый стол «Гражданский брак: требуется ли изменение законодательства и приравнивание к официальному?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/ index.php?id=237&uid=10180 (Дата обращения 10.08.2021).
- 7. Кузнецова оценила поправку в Конституцию о семье и детях [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20200308/1568311444. html (Дата обращения 10.08.2021).
- Маркатун М.В. Добряков И.В. Сравнительная характеристика официального брака и сожительства (фактического брака) // Journal of Siberian Medical Sciences. 2008. № 4. С. 15.
- Полюшкевич О.А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88–92.
- Полюшкевич О.А. Семейная история и идентичность // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научнопрактической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 221–228.
- 11. Сваха из «Давай поженимся!» призвала наказывать россиянок ремнем за сожительство [Электронный ресурс]. Режим доступа: // https://lenta.ru/news/2020/03/08/syabitova/(Дата обращения 10.08.2021).
- 12. Штамп ставить некуда [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2018/01/22/senator-predlozhil-uravniat-sozhitelstvo-soficialnym-brakom.html (Дата обращения 10.08.2021).
- 13. Эксперты поспорили об официальной регистрации брака [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mk.ru/video/2020/03/05/eksperty-posporili-ob-oficialnoy-

registracii-braka.html (Дата обращения 10.08.2021).

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF MARRIAGE AND PUBLIC OPINION

Farakhutdinov Sh.F., Ustinova O.V. Tyumen Industrial University

The article is devoted to the transformation of public opinion in relation to unregistered marriages. The data of all-Russian public opinion polls are presented, on the basis of which it is concluded that cohabitation in our country is gradually becoming an independent institution, the most popular among urban youth. The public discussion on the problem of cohabitation is analyzed, as a result of which three key points of view on unregistered relations in Russian society are identified: liberal, conservative and formal legal. It is shown that regardless of the point of view, today almost all experts are against the legalization of cohabitation, while in public opinion this idea is quite popular. The predominance in the public consciousness of the normative attitude towards the issues of unregistered relationships is stated. At the same time, those who support cohabitation emphasize respect for the individual choice of people, while opponents point to the incompatibility of cohabitation with established norms. In the conclusion, a conclusion is made about the growth of an alternative understanding by society of the essence of family values, which indicates the evolution of the institution of the family. The work is based on theoretical approaches traditionally used in family sociology. The empirical basis of the article was the content analysis materials, statistical data, databases of leading domestic research centers, analysis of regulatory documents.

Keywords: Marriage, family, reproductive behavior, cohabitation, sociological research, secondary data analysis, family policy.

References

- Biryukova S.S., Tyndik A.O. Registration of marriage and childbirth in the biography of Russians: analysis of current statistics // Demographic review. – 2014. – No. 3 (3). – S. 32–63.
- Marriage and cohabitation: do we put a sign of identity? Press release VTsIOM No. 3571 dated February 02, 2018 [Electronic resource]. – Access mode: https://wciom.ru/ index.php?id=236&uid=8923 (Date of treatment 08/10/2021).

- The HRC considered the statement of Archpriest Smirnov about common-law wives as offensive [Electronic resource]. – Access mode: https://www.interfax.ru/russia/695554 (Date of treatment 08/10/2021).
- Eliseeva A.A. Family secret: issues of content and legal protection // Actual problems of Russian law. 2018. No. 4 (89). S. 71–76.
- Korotaev AV Family in the socio-economic structure of precapitalist class formations // History and philology of the ancient and medieval East / Otv. ed. D.D. Vasiliev and S.V. Volkov. – Moscow: Nauka, 1987. – S.3–11.
- Round table "Civil marriage: is it necessary to change legislation and equate it with the official one?" [Electronic resource]. Access mode: https://wciom.ru/index.php?id=237&uid=10180 (Date of treatment 08/10/2021).
- Kuznetsova appreciated the amendment to the Constitution on family and children [Electronic resource]. – Access mode: https://ria. ru/20200308/1568311444.html (Date of treatment 08/10/2021).
- Markatun M.V. Dobryakov I.V. Comparative characteristics of official marriage and cohabitation (actual marriage) // Journal of Si-

- berian Medical Sciences. 2008. No. 4. S. 15.
- Polyushkevich O.A. Family history as a social practice // Sociology. 2019. No. 3. P. 88–92.
- Polyushkevich O.A. Family history and identity // Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethno-regional identity and a positive image of a small homeland. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Responsible editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. Irkutsk, ISU, 2019. – S. 221–228.
- Matchmaker from "Let's Get Married!" urged to punish Russian women with a belt for cohabitation [Electronic resource]. – Access mode: // https://lenta.ru/news/2020/03/08/ syabitova/ (Date of treatment 08/10/2021).
- There is nowhere to put a stamp [Electronic resource]. Access mode: https://rg.ru/2018/01/22/senator-predlozhil-uravniat-sozhitelstvo-s-oficialnym-brakom.html (Date of treatment 08/10/2021).
- Experts have argued about the official registration of marriage [Electronic resource]. – Access mode: https://www.mk. ru/video/2020/03/05/eksperty-posporili-oboficialnoy-registracii-braka.html (Date of treatment 08/10/2021).

К вопросу об истине в правовой науке и различных форматах научной коммуникации как способах ее постижения

Потапова Лариса Валерьевна.

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета

E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Данная статья посвящена анализу проблем установления научной истины посредством применения различных форм коммуникации в вербальном и невербальном жанрах в научном знании в целом и применительно к праву. Показано, что истина представляется как ценность познания и науки, научная истина как цель познания и самостоятельное благо, а также как комплекс теоретических и практических задач. Показано, что научная истина достигается и постигается через научный поиск - активную, целенаправленную деятельность ученых - мыслителей. Подвергаются сравнительной оценке различные форматы научной вербальной коммуникации: от диалога до полемики. Формулируется мысль о весьма призрачном сходстве смысловых объемов имеющихся в арсенале форм научного общения; существенные различия усматриваются в тональности и характере, целях вербального коммуницирования. Исследуются вопросы изучения культуры и психологии научного знания. В заключении делается вывод о том, что становление самостоятельной отрасли научного знания обусловлено множеством факторов, ключевым из которых выступает активная позиция субъекта познания - ученого, находящегося в постоянном поиске истины, представляя ее как идеал, определяя в качестве высшего блага.

Ключевые слова: наука, научная истина, научный поиск, субъект познания, формы вербальной научной коммуникации. Согласно самому общему определению истина — категория многогранная с точки зрения ее содержательного наполнения, обусловленная во многом субъективным восприятием человека. Научная истина — это тот абсолют, достичь которого стремиться каждый ученый как субъект познания. Вопросом толкования смыслового объема конструкции «истина» задавались многие исследователи в различные времена, к настоящему времени он не утратил своей актуальности.

Наиболее раннее понимание истины восходит к Платону, согласно утверждениям которого «...тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе, – лжет...» [1]

Истина в идеальном представлении – есть тождество субъективного и объективного. Истина – это ценность познания и науки, ценность познания в науке. Любая наука вообще и наука о праве в целом или ее отдельной отрасли (например, прокурорском надзоре) в качестве своей цели намечает поиск, достижение и постижение истины. Ученые как активные субъекты, добывающие и генерирующие знание, обеспечивают своими действиями как сам поиск, так и нахождение научной истины, возводя ее в идеал, определяя ее высшим благом.

Научная истина есть производное от всеобщей истины. По мнению автора, научная истина также имеет амбивалентную природу: с одной стороны, — это цель научного познания; с другой, — самостоятельная ценность и благо, комплекс теоретических и практических задач.

Впервые философское понятие истины было использовано Парменидом (древнегреческий философ, главный представитель Элейской школы) как противостояние мнению. [2] Основным

критерием истины оставалось тождество мышления и бытия.

До настоящего времени наиболее распространенной признается концепция истины Аристотеля, в соответствии с которой истина есть соответствие веши и интеллекта.

В контексте размышлений о праве, истина транслируется через категориии: «законность» и «справедливость»; тогда, как ее антоним «ложь» в сознании неразрывно сопряжен с беззаконием и произволом.

Истина постигается через научный поиск, представляющий собой активную целенаправленную деятельность субъектов по обнаружению информации, имеющей принципиальную важность как для субъекта познания, так и для науки в целом. В упрощенном понимании научный поиск осуществляется посредством наблюдения (представляется, что наблюдение как этап научного поиска может быть активным и пассивным), выявления, систематизации, обобщения, анализа, конструирования. Накопленные знания подвергаются интеллектуальной обработке, систематизируются и дифференцируются, служат обществу и государству.

Наука о прокуратуре и деятельности прокуратуры (прокурорская наука) как разновидность гуманитарной, юридической науки переживает стадию формирования, оформления.

Мыслитель – ключевая фигура, оказывающая непосредственное воздействие на обогащение научного знания. Думается, верным будет подход к определению статуса ученого, занимающегося юридической наукой в части деятельности прокурорского надзора с позиции восприятия его в качестве исследователя. В рамках гуманитарной, юридической науки, науки прокурорской стоит настаивать на том, что ученый это человек, который посвящает анализу, изучению, осмыслению всю свою жизнь, он занимается наукой постоянно, поддерживая на высоком уровне свои знания, умения и навыки.

Ученый как субъект поиска и генерации научного знания – концепт трех

основных слагаемых: интеллекта, эмоций и воли. Каждый компонент в отдельности и все вместе образуют необходимые условия для становления человека в статусе ученого.

С позиции упрощенного подхода к сущностной характеристике, интеллект – это общий кругозор, обладание значительным массивом информации, скорость обработки информации, быстрота запоминания сведений и т.п. Ученый обладает в большей степени когнитивным типом мышления, при котором на высоком уровне находятся восприятие, логика, процессы созидания понятии и конструкций.

Эмоции - это совокупность чувств, присущая человеческому существу, с преобладанием страсти к науке, к постижению истины. Представляется ошибочным суждение об ученом как о бесчувственном субъекте, познающем мир. Одновременно с этим его задача заключается в использовании фильтрационных барьеров, абстрагировании от всех тех переживаний, которые не позволяют сосредоточиться на главном - научном поиске, все волнения ученого должны служить исключительно на благо науке.

Многим представителям мира науки свойственна развитая интуиция как созерцание идей, как разновидность непосредственного знания, которое приходит внезапным озарением, предполагающее длительную подготовку ума.

К примеру, в юридической практике весьма показательны примеры интуитивного мышления, когда субъект (следователь, прокурор или судья) неуловимо схватывают мыслью сложную ситуацию определения вины лица в нарушении закона, в дальнейшем, опираясь на интуитивное восприятие.

Воля ученого проявляется через труд: ежедневно он проделывает работу над собой и над предметом своего изучения.

Ученый — это личность, находящаяся в постоянном научном поиске. В известной мере научный поиск верно отождествлять с творческой деятельностью, предполагающей свободу

реализации мыслей во внешний мир. Процесс научного творчества как генерации идей достаточно емко и точно охарактеризован Г. Гельмгольцем: «... счастливые наития нередко вторгаются в голову так тихо, что не сразу заметишь их значение, иной раз только случайность укажет впоследствии, когда и при каких обстоятельствах они приходили: появляется мысль в голове, а откуда она — не знаешь сам.» [3]

Иллюстрирует научный поиск известное утверждение: «В споре рождается истина». Ее авторство приписывают Сократу; впоследствии он сместил акценты, подчеркнув созидательную силу именно диалога (не спора) между индивидуумами, где посредством беседы общающиеся высказывают свои мысли друг другу, ибо истина не предстает в готовом виде, для ее установления необходим поиск через дискуссии (так называемый метод Сократа).

Таким образом, способами постижения научной истины, используя научный поиск, являются споры, диалоги, дискурсы и дискуссии, диспуты, дебаты, прения, диалог, полемика

Схожесть смысловых объемов этих понятий можно обнаружить лишь на первый взгляд, присмотревшись, становятся очевидны различия, в частности: по характеру и тональности, по целям (мотивам) общения, по поведению участвующего субъекта.

Тональность коммуницирования может быть различной, она предопределена субъективными характеристиками человека, его психологическим настроем, отношением к собеседнику; варьируется от умиротворенной беседы до агрессивной словесной дуэли.

Так, полемика как разновидность научного спора представляет собой одну из крайних форм общения, предполагает непримиримое отношение к противоположной позиции, ей характерна обстановка «накала страстей», резкая тактика отстаивания собственного мнения, подавление воли оппонента.

Цели также расходятся: к примеру, идеальный результат в научном диалоге – обмен информацией по обоюдо-

интересному вопросу; обозначение актуальности дискутируемой проблемы, получение ответов на интересующие вопросы, в конечном счете — обогащение информацией себя и других участников.

В полемике, пикировке, дуэли – ключевая цель – победить оппонента, порой, любой ценой, доказать исключительную правоту своих представлений о предмете спора (одержать верх).

В диалоге и дискуссии участников общения стоит рассматривать как коллег, сторонников, единомышленников, умеющих слышать и слушать; в споре, полемике.

Сближает представленные формы научной коммуникации то обстоятельство, что все они имеют определенный, предмет обсуждения, в них участвуют носители информации, они представляют собой активную форму человеческого взаимодействия, обоюдного коммуницирования. Обозначенные форматы сотрудничества могут выступать не только в жанре вербального общения, но и в других (письменных \цифровых).

Правило состязательности в научном общении реализуется через комплекс относительно устойчивых критических стратегий и тактик. Опираясь на принцип состязательности в научной коммуникации, требуется соблюсти баланс между стремлением к объективной истине и необходимостью выражения по предмету общения собственной позиции. При этом под стратегиями коммуникации понимается план дискуссии, итогом которой выступает изменение представления о предмете диспута у оппонента. Тактика же – это набор методов и приемов, используемых для достижения поставленной цели.

Научная дискуссия всегда по природе своей состязательная. Потребность в обозначении собственного исследовательского пространства заставляет ученых в рамках академического коммуницирования использовать разнообразные риторические стратегии состязательности: от отсылок к авторитетным источникам информации до прямой критики и иронии.[4]

Логически верно выстроенная аргументация представляемой (отстаиваемой) позиции — это то, что предопределяет успех научного общения, где аргументы — это орудия коммуникации, особо звучащие при ведении агрессивных научных форматов общения: споре, полемике, пикировке, словесной дуэли.

Формы научного взаимодействия реализуются различными субъектами – учеными: индивидуальными и коллективными (от отдельного ученого – носителя авторского мнения по дискутируемому вопросу (проблеме) до научной школы).

Итак, предметом научного обсуждения становится вопрос, вызывающий интерес у собеседников, в большинстве случаев отличающийся новизной; к его решению сложились различные (противоположные) подходы. По отношению к отдельным научным направлениям он может быть сформулирован более узко, например, предмет научной беседы в рамках прокурорской науки – любая актуальная теоретическая, практическая, правовая проблема прокурорской деятельности, ставшая таковой в силу, с одной стороны, отсутствия ее должной законодательной регламентации, как следствие, многообразия теоретических суждений, вариабельность правоприменительной практики.

Зачастую научные дискуссии, дебаты, дискурсы сводятся к ненаучному спору, где используется не логика, риторика и психология, а также основанная на них способность услышать и сила убеждения, но сила голоса и подавление оппонента пропонентом любыми доступными ему методами.

Такой формат общения – конфронтационная агональность – не несет в себе позитивный заряд, не настроен на приращение новых знаний, на постижение истины и развитие науки. Аналогичный эффект имеет и демагогия – совокупность ораторских приемов полемики, в помощью которых возможно ввести в заблуждение аудиторию и склонить участников общения на свою сторону, опираясь на ложные

теоретические рассуждения, основанные на логических ошибках; демагогия подменяет собою настоящую научную коммуникацию.

Психологический аспект вербальной коммуникации дает возможность установить, что «эффективность ведения спора и продвижения к истине прямо зависят от того, насколько четко вычленяются и обозначаются фразы, этапы ведения спора, альтернативные подходы к решению проблемы и насколько четко каждая из альтернатив выдвигает свои аргументы «за» и «против» того или иного подхода к решению проблемы. [5]

Постижение научной истины – всегда непрерывный поиск особых субъектов, которые активными формами вербальной или невербальной коммуникации развивают науку.

Прокурорская наука как система составляющих ее элементов (знаний, субъектов познания, потребностей общества и т.п.), развивается в основном по общим для всех гуманитарных наук правилам. Базис, определяющий науку о прокуратуре и ее деятельности, – философия и общая теория права.

Становление самостоятельной отрасли научного знания – прокурорской науки зависит от позиции исследователей, от их открытости, желания и стремления к диалогу, от социального запроса и от потребности государства (государственного интереса).

Литература

- Канке В.А. Основы философии. Учебник \\ М., Логос. 2002. С. 169
- 2. Антонов Т.В. Парменид: путь философа к истине. АКАDHMEIA: Материалы и исследования по истории платонизма. \\ СПб., 2003. Выпуск 5, С. 3–24
- Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики \\ М., 1970. С. 146– 147
- Шилихина К.М., Соловьянова Е.В. Риторические способы ведения научной дискуссии в отечественной лингвистике \\ Вестник ВГУ

Социология №4 2021

Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016 № 4 С. 30

5. Стегачев С.Н. Психологические особенности состязательной коммуникации \\ Вестник ТГУ. 2008. Выпуск 7. С. 301

TO THE SUBJECT OF TRUTH IN (PROSECUTORIAL) SCIENCE AND VARIOUS FORMATS OF SCIENTIFIC COMMUNICATION AS WAYS OF COMPREHENDING IT

Potapova L.V.

Ural State Law University

This article is devoted to the analysis of the problems of establishing scientific truth through the use of various forms of communication in verbal and non-verbal genres in scientific knowledge in general and in relation to law. It is shown that truth is presented as the value of knowledge and science, scientific truth as the goal of knowledge and an independent good, as well as a complex of theoretical and practical tasks. It is shown that scientific truth is achieved and comprehended through scientific search - active, purposeful activity of scientists - thinkers. Various formats of scientific verbal communication are subjected to a comparative assessment: from dialogue to polemics. The idea is formulated about a very ghostly similarity of the semantic volumes of the forms of scientific communication available in the arsenal; significant differences are seen in

the tonality and character, the goals of verbal communication. The questions of the study of culture and the psychology of scientific knowledge are investigated. In conclusion, it is concluded that the formation of an independent branch of scientific knowledge is due to many factors, the key of which is the active position of the subject of knowledge – a scientist who is in a constant search for truth, presenting it as an ideal, defining it as the highest good.

Keywords: science, scientific truth, scientific search, subject of cognition, forms of verbal scientific communication.

Reference

- Kanke V.A. Fundamentals of Philosophy. Textbook \\ M., Logos. 2002. P. 169.
- Antonov T.V. Parmenides: the philosopher's path to truth. AKADHMEIA: Materials and research on the history of Platonism \\ SPb., 2003. – Issue 5, PP. 3–24.
- Hadamard J. Investigation of the psychology of the process of invention in the field of mathematics \\ M., 1970. P. 146–147.
- Shilikhina M., Solovyanov E.V. Rhetorical Ways of Conducting Scientific Discussion in Russian Linguistics \\ Vestnik VSU Series: linguistics and intercultural communication. 2016. No. 4 P. 30.
- Stegachev S.N. Psychological features of adversarial communication \\ TSU Bulletin, issue 7, 2008.P. 301.

Благотворительные организации как субъект социальной поддержки

Арефьева Анастасия Дмитриевна,

соискатель, Дирфилд Академия E-mail: Arefyeva.nasty@gmail.com

В рамках статьи рассмотрены вопросы участия благотворительных организаций в системе социальной поддержки населения. На примере анализа деятельности благотворительного фонда осуществлен анализ основных направлений социальной поддержки пожилых людей и инвалидов. Проведено социологическое исследование социального самочувствия подопечных благотворительного фонда, рассмотрены основные проблемы пожилых людей и инвалидов. В рамках статьи определена положительная роль благотворительных организаций в деле социальной поддержки уязвимых групп российского населения в условиях кризисного социально-экономического состояния общества. Отмечается слабая информированность пожилых людей и инвалидов о деятельности некоммерческих организаций по социальной поддержке населения и доминирование роли государства как субъекта социальной поддержки в представлениях респондентов. Определяются возможные перспективы дальнейшей деятельности благотворительных организаций в данной сфере.

Ключевые слова: социальная поддержка, благотворительные организации, пожилые люди, инвалиды, анкетирование.

Текущая социально-экономическая ситуация в Российской Федерации остается достаточно непростой. Сохраняются признаки кризисного состояния в экономике, вызванного коронавирусной пандемией, снижается социальноэкономическое благополучие российских домохозяйств. В подобной ситуации актуализируются вопросы оказания социальной поддержки и помощи населению, требующие особого внимания со стороны научного сообщества, как в теоретическом, так и в практическом отношении. Особенности социального развития российского общества и дальнейшая эволюция институтов гражданского общества приводят к появлению новых форм социальной поддержки населения, в функционировании которых особую роль играет не только государство, но и некоммерческие организации. Среди последних следует отметить систему благотворительных организаций, роль которых в деле социальной поддержки населения будет только возрастать в ближайшем будущем.

Социальная поддержка населения являются значимым компонентом обеспечения благополучия российского населения. В социологическом контексте категория «поддержки» подразумевает активный деятельностный компонент, направленный на оказание помощи и содействия людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации. В целом под социальной поддержкой традиционно понимается система деятельности субъектов социально-ориентированной работы, направленная на решение проблем граждан, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах [4, с. 36]. Для чего указанной группе граждан оказывается широкий перечень видов социальной поддержки от материальной и психологической до юридической помощи.

Как общественный институт социальная поддержка населения подразу-

мевает деятельность организаций социальной сферы по удовлетворению социально значимых потребностей наименее защищенных слоев российского общества. Вовлечение в круг субъектов социальной поддержки благотворительных организаций является относительно новым явлением, сопутствующим в своем развитии различным направлениям филантропической деятельности в современной России. Последовательный процесс институционализации благотворительной деятельности в России (в его движении от точечного вспомоществования частных филантропов к консолидации ресурсов в рамках предусмотренных законодательством организационно-правовых форм) предполагает возрастание роли благотворительных организаций [1, c. 140].

Социальная поддержка слабозащищенных групп российского населения предполагает обращение ориентированность работы благотворительных организаций на отдельные категории граждан, к которым относятся, в частности, пожилые люди. Пожилые люди наиболее чувствительны к кризисным явлениям в социально-экономической сфере, а социальное самочувствие пожилого человека подчас напрямую зависит от уровня и качества развития системы социальной поддержки населения. Среди проблем, волнующих пожилых людей и инвалидов, по данным социологических исследований, традиционно первостепенное значение имеют: инфляция цен на товары первой необходимости (78%), общее материальное положение (37.6%), низкое качество медицинского обслуживания (26.4%), а также проблема одиночества и социальной незащищенности (16.4%) [3, c. 24].

Объектом настоящей статьи является Благотворительный Фонд помощи пожилым людям и инвалидам «Горящее сердце» (далее — Фонд), зарегистрированной в качестве юридического лица 15 июля 2020 года в г. Москве. История возникновения Фонда и дальнейшее развитие его деятельности органич-

но связаны с возникновением у пожилых людей целого комплекса проблем социально-экономического характера в период распространения коронавирусной инфекции в 2020 г. В настоящее время генеральным направлением деятельности Фонда является содействие повышению социального благополучия и самочувствия пожилых людей и инвалидов. Поскольку уровень и качество жизни пожилого человека и инвалида складывается из комплекса параметров, в деятельности Фонда присутствует несколько направлений работы по социальной поддержке. Социальная поддержка, оказываемая Фондом в данном направлении, сосредоточена на одиноких пожилых людях и инвалидах, а также пожилых людях и инвалидах, проживающих в домах престарелых и интернатах. В рамках оказания им социальной помощи Фондом организуется работы по обеспечению пожилых людей и инвалидов продуктами питания и средствами личной гигиены. Данное направление деятельности Фонда особенно актуально в условиях запретов, введенных в период коронавирусной пандемии, когда свобода перемещения пожилых людей за пределами собственного жилья существенно ограничена.

Сотрудниками Фонда оказывается социально-психологическая поддержка пожилым людям и инвалидам. В рамках удовлетворения потребностей пожилых людей и инвалидов в соответствующем медицинском обеспечении Фондом осуществляется сбор средств на оплату лечения и реабилитации. Кроме того, Фондом приобретаются и распространяются среди пожилых людей тонометры и другим медицинские приборы. Также ресурсы Фонда привлекаются для содействия проведению ремонта жилых помещений для пожилых людей и инвалидов, а также объектов социального обслуживания.

Организация совместной работы Фонда с учреждениями социального обслуживания и домами-интернатами предполагает сбор подарков пожилым людям и инвалидам к праздникам, ока-

зание содействия по доставке товаров и медикаментов. Часть работы Фонда ориентирована на поддержание постоянного социального контакта с пожилыми людьми и инвалидами, традиционно испытывающими дефицит личного общения и внимания к себе. Оказание социально-психологической помоши со стороны сотрудников Фонда контролируется координаторами, что позволяет достичь высокого профессионального уровня в данном вопросе. Таким образом, благотворительная деятельность Фонда в рамках оказания социальной поддержки пожилым людям и инвалидам отличается широтой осуществляемой работы и высокой социальной значимостью.

В рамках изучения деятельности Фонда как благотворительной организации, осуществляющей деятельности по социальной поддержке пожилых людей и инвалидов, был произведен социологический анализ основных проектов Фонда. В настоящий момент Фонда осуществляет реализацию пяти проектов: «Коробочка Горящего сердца», «Перепеска с одинокими людьми», «Поздравления открыткой», «Телефонное волонтерство» и «Видео-волонтерство». Первый из обозначенных проектов представляет собой организацию снабжения пожилых людей и инвалидов необходимыми им предметами быта, продуктами и подарками. В рамках проекта осуществляет мониторинг социальных потребностей пожилых людей и инвалидов, на основании которого осуществляется адресная помощь подопечным Фонда. В настоящий момент реализация проекта охватывает 3.000 человек.

Проект «Переписка с одинокими людьми» ориентирован на оказание социально-психологической помощи и поддержки пожилым людям и инвалидам. В рамках проекта волонтеры Фонда осуществляют восполнение дефицита внимания к пожилым людям и фактически формируются для многих из них связь с внешним миром. Данное направление работы является важной составляющей социально-

психологического сопровождения, в рамках которого волонтеры (помимо личного участия) налаживают связь между самими пожилыми людьми и инвалидами. На текущий момент проект охватывает 753 человека.

В тесной связи с предыдущим проектом находится и проект «Поздравление открыткой». Его отличие заключается в возможности привлечения к проекту сторонних людей, желающих поздравить пожилых людей и инвалидов с приближающимся праздником с учетом предусмотренных психологических особенностей. Под контролем координаторов Фонда пожилым людям и инвалидам отправляется открытка или письмо, содержащие поздравления от лиц, обративших в сам Фонд. Данное направление работы Фонда отличается известного рода нестабильностью в количестве отправляемых поздравлений, но в прошедшем 2020 г. было отправлено 2156 поздравлений.

Два последних проекта («Телефонное волонтерство» и «Видео-волонтерство») близки по характеру оказываемой работы в рамках социальной поддержки пожилых людей и инвалидов. Данное направление работы осуществляется исключительно самими волонтерами Фонда, хотя в связи с растущим запросом на этот вид социальнопсихологической помощи и поддержки наблюдается дефицит волонтеров. На регулярной основе (это является обязательным условием) осуществляется связь примерно с 200 человек.

Исходя из вышеизложенного, можно проследить устойчивую тенденцию возрастания рабочей нагрузки на каждого отдельного волонтера Фонда. На текущий момент в штате Фонда осуществляют свою работу 45 волонтеров. Положительные отзывы со стороны обслуживаемых пожилых людей и инвалидов свидетельствуют о высокой эффективности социальной поддержки, осуществляемой Фондом. Очевидно, что в настоящее время перед Фондом стоит стратегическая задача расширения штата и развитие конструктивного взаимодействия с органами государствен-

ной власти и местного самоуправления. Интеграция благотворительных организаций в систему государственного социального обслуживания представляется весьма перспективными направлением развития социальной поддержки населения.

В рамках анализа социального самочувствия подопечных Фонда было осуществлено социологическое исследование по вопросам качества жизни пожилых людей и инвалидов. Для реализации задач исследования был применен метод анкетирования, в рамках которого было опрошено 75 человек. Полученные в результате анкетирования результаты свидетельствуют о значительном снижении уровня социального самочувствия пропорционально возрасту респондентов. Так, положительно оценивают свое материальное и эмоциональное положение только 22% опрошенных в возрасте 55-60 лет и только 5% в возрасте старше 70 лет. состояние здоровья является, наряду с материальным обеспечением, важнейшим индикатором социального самочувствия. Крайне негативные оценки собственного здоровья дали около 60% опрошенных, причем около 30% из их числа оценивают свое состояние как более болезненное по сравнению с окружающими.

Нельзя однозначно трактовать негативную оценку состояния здоровья как исключительно проблему качества медицинской помощи. По мере увеличения возраста рост числа хронических заболеваний становится неизбежным обстоятельством, хотя частота посещения врача также может оказывать позитивное воздействие на самочувствие пожилых людей и инвалидов, как в отношении медицинского обслуживания самого по себе, так и в отношении внимания к проблемам пациентов со стороны профессиональных врачей [2, с. 12].

Плохое состояние здоровья сокращает мобильность пожилых людей и инвалидов, препятствует их полноценной вовлеченности в социальную жизнь, разрушает социальные связи и приводит к десоциализации личности. Около 70% опрошенных лиц констатируют дефицит внимания к себе, отсутствие полноценного общения и возрастающее чувство одиночества. Подобные показатели могут провоцировать развитие подавленного и депрессивного состояний, что также приводит к проблемам со здоровьем. В данном аспекте деятельность Фонда по преодолению социальной изолированности пожилых людей и инвалидов в динамике позволяет существенно улучшить ситуацию. Более 90% респондентов отметили положительное влияние деятельности волонтеров Фонда для преодоления чувства одиночества. Высокие оценки получает деятельность Фонда в сфере содействия оказанию медицинской помощи (83%) и улучшению материального положения (78%).

Интерес представляют результаты анкетирования в части, касающейся субъектов социальной поддержки пожилых людей и инвалидов. Так, 70% опрошенных лиц отметили ключевую роль государства в решении проблем пожилых людей и инвалидов, еще 30% видит субъектом заботы о себе своих родственников. Эти показатели свидетельствуют о слабой информированности пожилых людей и инвалидов относительно деятельности благотворительных организаций и фондов. Игнорирование возможностей частных некоммерческих структур в данной сфере является существенных препятствием на пути повышения социального благополучия и самочувствия пожилых людей и инвалидов.

Проанализированные данные позволяют в целом очертить круг проблем, снижающих общее социальное самочувствие пожилых людей и инвалидов. Эти проблемы достаточно типичны и воспроизводятся в многочисленных социологических исследованиях по данной тематике. Пожилых людей волную вопросы своего материального положения, качества медицинского обслуживания, социальной изолированности и эксклюзии. Возрастающее значение некоммерческих организаций

в решении проблем социальной поддержки население положительно отмечается пожилыми людьми и инвалидами, на собственном опыте знакомых с работой благотворительных организаций. Однако в целом информированность о работе частных структур в сфере социальной поддержки населения остается достаточно низкой. Пожилые люди традиционно видит в числе субъектов заботы о себе государство и ближайших родственников.

Таким образом, в связи с полученными результатами социологического исследования можно констатировать возрастающее значение роли благотворительных организаций в деле социальной поддержки населения. Происходит качественное развитие каналов взаимодействия благотворительных организаций со слабозащищенными слоями населению, развивают основные формы и направления благотворительной деятельности по качественному повышению уровня социального самочувствия людей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Приоритетным направлением дальнейшего развития деятельности благотворительных организаций в качестве субъекта социальной поддержки населения является последовательная интеграция и взаимодействие с системой государственного социального обслуживания.

Литература

- Горский А.А. Частная благотворительность и деятельность благотворительных организаций: некоторые результаты опросов населения // Труд и социальные отношения. 2020. № 4. С. 138–149.
- Мороз Е.В. Стратегии включения уязвимых групп населения в общество на примере пожилых людей и инвалидов трудоспособного возраста // Социология и право. 2018. № 4 (42). С. 6–16.
- Пожилые россияне: социальное самочувствие и образ жизни. Аналитический обзор ВЦИОМ (2019— 2020). М.: Издательство ВЦИОМ, 2021. 125c.

4. Токарева Е.А. Вопросы терминологии в праве социального обеспечения. Монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД РФ, 2016. 140 с.

CHARITABLE ORGANIZATIONS AS A SUBJECT OF SOCIAL SUPPORT

Arefyeva A.D.

Deerfield Academy

Within the framework of the article, the issues of participation of charitable organizations in the system of social support of the population are considered. On the example of the analysis of the activities of a charitable foundation, the analysis of the main directions of social support for the elderly and disabled was carried out. A sociological study of the social well-being of the beneficiaries of the charitable foundation was carried out, the main problems of the elderly and the disabled were considered. The article defines the positive role of charitable organizations in social support of vulnerable groups of the Russian population in the context of a crisis in the socio-economic state of society. There is a weak awareness of the elderly and disabled people about the activities of non-profit organizations for social support of the population and the dominance of the role of the state as a subject of social support in the views of respondents. Possible prospects for further activities of charitable organizations in this area are determined.

Keywords: social support, charitable organizations, elderly people, disabled people, survey.

References

- Gorsky A.A. Private charity and the activities of charitable organizations: some results of population surveys // Labor and social relations. 2020. No. 4. pp. 138–149.
- Moroz E.V. Strategies for including vulnerable groups of the population in society on the example of elderly people and disabled people of working age // Sociology and law. 2018. No. 4 (42). pp. 6–16.
- Elderly Russians: social well-being and lifestyle. Analytical review of VTsIOM (2019– 2020). Moscow: VTsIOM Publishing House, 2021. 125c.
- Tokareva E.A. Questions of terminology in the law of social security. Monograph. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. 140c.

Борьба с бедностью в Китае: опыт и перспективы

Ван Цзяньган,

кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки ордена дружбы народов Институт Этнологии и Антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии Наук E-mail: w.j.gang2005@gmail.com

Борьба с бедностью играет важную роль в объединении различных социальных субъектов, интеграции ресурсов, координации общественных механизмов, повышении уровня благосостояния, стимулировании внутренней мотивации и улучшении системы управления в сельской местности. Данная политика направлена на искоренение бедности, в качестве движущей силы в ней используются инновации, координация, экологичность, открытость и совместное развитие. Все это направлено на построение модели борьбы с бедностью, включающей участие правительства, рынка и общества, и представляет собой «китайское решение» сокращения бедности, которое может быть реализовано во всем мире. В настоящей статье рассматривается логика политики борьбы с бедностью в Китае, анализируется практический путь ее реализации, исследуются тенденции развития политики сокращения бедности. Ввиду схожих политических механизмов России и Китая, данный опыт можно использовать и российских реалиях.

Ключевые слова: борьба с бедностью, политическая логика, практический путь, бедность в Китае, сельская местность.

Институциональная модель борьбы Китая с бедностью включает этап адресной поддержки остро нуждающихся граждан после основания Нового Китая, этап сокращения бедности в регионах в период реформ и открытости, этап сокращения бедности в целях наращивания темпов развития в период быстрого экономического роста Китая и этап окончательной ликвидации бедности в период построения общества средней зажиточности. После XVIII съезда Коммунистической партии Китая центральное правительство придало особое значение борьбы с нищетой в общем государственном управлении, были мобилизованы ресурсы, принят ряд политических мер, благодаря чему борьба с бедностью достигла максимальных в историческом периоде результатов. Во-первых, резкое сокращение количества нищих и частоты обнищания граждан - к концу 2019 года количество бедных в Китае сократилось до 5,5 млн а частота обнищания снизилась до 0,6%. Вовторых, повышение уровня общего социально-экономического развития отсталых районов и уровня жизни малоимущих слоев населения. В-третьих, формирование институциональной системы и совершенствование политической системы для борьбы с бедностью. В-четвертых, повышение внутреннего потенциала и расширение возможностей улучшения благосостояния среди малоимущих слоев населения. В-пятых, формирование в сельской местности системы социального управления на низовом уровне, значительное расширение возможностей по ликвидации бедности [Чжан Цзе, 2019: 1]. Таким образом, страна прошла специфический путь, накопив свой «китайский опыт», который оказался полезен для сокращения бедности во всем мире.

Истоки борьбы с бедностью

В 90-х годах XX века в глобальном масштабе появилось понятие «борьба»,

или дословно «governance» - «управление», и ученые придали этому термину новое значение ГЮй Кэпин. 2001:40-441. Джеймс Розенау (James N. Rosenau), один из основоположников теории управления, считает, что управление - это деятельность, поддерживаемая общей целью. В качестве основного субъекта этой управленческой деятельности не обязательно должно выступать правительство. и при этом для ее осуществления не обязательно требуется принудительная сила со стороны государства [Розенау, 1995:5]. Комиссия по глобальному управлению отмечает: «Управление – это совокупность множества способов, которыми отдельные лица и учреждения, как государственные, так и частные, управляют общим делом. Это непрерывный процесс примирения конфликтующих или различающихся интересов и принятия совместных действий, который включает в себя формальные институты и регламенты, имеющие в отношении граждан обязательную юридическую силу, а также множество различных неформальных договоренностей» [Commission on Global Governance, 1995:23]. Управление нацелено на использование власти в различных институциональных отношениях для осуществления руководства, контроля и регулирования различных действий граждан с целью максимизации общественных интересов [Юй Кэпин, 2000:5].

Концепция борьбы с бедностью зародилось в тандеме с понятием «управление». В борьбе с бедностью подчеркивается многомерный характер субъектов управления и реализуется политика адресной поддержки домохозяйств и отдельных граждан на основе точной идентификации [Хуан Чэнвэй, Ван Мэн, 2017:1-5+47+89]. Борьба с бедностью – это процесс вложения ресурсов, координации и взаимодействия правительства, рынка, социальных организаций и прочих субъектов общества, а общий эффект этого процесса заключается в сокращении бедности и улучшении социального равновесия [Ли Сюэпин, Чэнь Ай, 2016:86-91]. Эффективная борьба с бедностью способствует социально-экономическому развитию отсталых регионов, смягчению и предотвращению возникновения социальных противоречий [Су Хай, Сян Дэпин, 2015:144—148]. Борьба с бедностью — это процесс оказания точечной, профессиональной и многоплановой помощи малоимущим районам и гражданам правительственными органами, рыночными структурами, общественными организации и прочими субъектами общества на основе равноправного сотрудничества и совместного управления в целях ликвидации нищеты и достижения внутреннего развития.

Логика политики борьбы с бедностью

Борьба с бедностью в Китае базируется на принципе «каждый гражданин должен иметь доступ к плодам социального развития». Данный принцип нацелен на искоренение бедности и достижение общего процветания, его движущей силой служит внедрение инноваций, экологичное развитие, открытость и общедоступное развитие. Все это призвано служить для формирования многосубъектной модели борьбы с бедностью, включающей правительство, рынок и общество.

Субъект борьбы с бедностью

Борьба с бедностью изменила односубъектную государственную модель поддержки малоимущих граждан и инициировала участие всех сфер общества в благоустройстве и развитии отсталых регионов и создание многосубъектной модели с участием правительства, рынка и общества. Это в свою очередь открыло доступ к новым ресурсам и способствовало повышению уровня профессионализма и точности новой политики, призванной удовлетворить различные потребности малоимущего населения, состыковать ресурсы и потребности, повысить точность и эффективность работы по сокращению бедности. Можно сделать вывод, что борьба с бедностью трансформирует традиционный образ мышления «субъект-объект». Объект новой политики теперь является одновременно и субъектом, приоритетные ресурсы бедных сообществ и бедных людей задействуются в полной мере и являются важным эле-

ментом борьбы с бедностью, что приводит к более активному участию самих малоимущих групп в борьбе с бедностью.

Суть борьбы с бедностью

Борьба с бедностью осуществляется в соответствии с принципом «каждый гражданин должен иметь доступ к плодам социального развития», отправной точкой и целью развития считается содействие благосостоянию людей, мобилизуется энтузиазм, инициатива и креативность людей, эффективно повышается уровень жизни малоимущих, защищаются основополагающие интересы подавляющего большинства людей, обеспечивается доступ малоимущих граждан к плодам социального развития. Борьба с бедностью подчеркивает доминирующий статус малоимущих, уделяет внимание воспитанию у них соответствующего менталитета и способности к саморазвитию, направляет их к активному участию в социальном строительстве посредством расширения прав и возможностей, образования, обучения и занятости, стимулирует внутреннюю мотивацию и уверенность в своих силах. Эта борьба не только решает проблему материального достатка, но и стремится сделать самих бедных людей лучше. Только решив фундаментальную проблему саморазвития человека, малоимущие граждане могут полностью избавиться от нищеты и получить доступ к плодам социального развития.

Цель борьбы с бедностью

Главным противоречием в китайском обществе стало противоречие между растущими запросами людей и несбалансированностью развития. Борьба с бедностью направлена на достижение общего процветания. Ее целью является не только решение проблемы материальной, т.е. экономической нищеты, но и решение проблемы духовной и культурной бедности. Она сосредоточена не только на текущей потребности в выживании, но также нацелена на улучшение внутренней мотивации и развитии бедных, а также ликвидация бедности в корне и прекращение ее передачи из поколения в поколение. Политика борьбы с бедностью направлена на развитие отсталых регионов и включает пять аспектов — экономический, политический, культурный, социальный и экологический, что в совокупности должно ликвидировать несбалансированность и недостаточность развития, способствует достижению общего процветания.

Движущие факторы борьбы с бедностью

Очевидно, что социально-экономическое развитие - это способ решения всех проблем в современном Китае и общая движущая сила трансформации китайского общества [Жэньминь Жибао, 2012:1]. Инновационное, координированное, экологичное, открытое, совместное развитие обеспечивает постоянный импульс для борьбы с бедностью. Инновационное развитие: оптимизация промышленной структуры, преобразование и модернизация традиционного сельского хозяйства, культивирование новых отраслей и развитие сферы услуг. Координированное развитие: использование ресурсных, кадровых и технологических преимуществ восточных регионов для оказания помощи центральным и западным регионам. Экологичное развитие: внедрение экологически чистых методов развития и образа жизни, защита экологических ресурсов, сбалансированное экономическое развитие и охрана окружающей среды. Открытое развитие: укрепление обменов и сотрудничества с зарубежными странами, обмен опытом борьбы с бедностью, исследование путей международного сотрудничества и развития. Совместное развитие: сокращение разрыва в доходах между городским и сельским населением, совершенствование системы социального обеспечения, обеспечение равного доступа к основным государственным услугам.

Инновационные методы борьбы с бедностью

Государственная политика борьбы с бедностью ориентирована на политическую поддержку: «Поддержка малоимущих является и основным вопросом планирования экономического и социального развития, необходимо существен-

но увеличивать инвестиции в борьбу с бедностью, внедрять новые меры для поддержки малоимущих слоев населения и отсталых регионов, повышать социальную ориентированность рыночной экономики, усиливать социальноэкономическое инклюзивное развитие» Интернет портал Жэньминь Жибао: «Сегодня состоялся Форум по сокращению бедности и развитию 2015. Си Цзиньпин выступил с программной речью (полный текст)», http://politics.people.com. cn/n/2015/1016/c1001-27706189.html. 16 октября 2015 г. Также, данная политика ориентируется на стимулирование внутренней силы бедных районов, реализацию их преимуществ, рациональное использование внешних ресурсов, повышение их собственных возможностей развития, а также дает гарантии того, что отсталые регионы и малоимущие люди избавятся от бедности и повысят благосостояние. Борьба с бедностью творчески предлагает адресную поддержку малоимущих и использование научных, социальных, внутренних, образовательных, имущественных и прочих ресурсов. Таким образом, была укреплена система поддержки малоимущих, расширились возможности государства по работе с малоимущими регионами и хозяйствами [Люй Фан, Мэй Линь, 2017: 35-40], государство получило возможность гибко принимать соответствующие меры в зависимости от фактических условий в регионе, работы по сокращению бедности приобрела научный и точный характер, что способствует устойчивому сокращению бедности.

Практика реализации политики борьбы с бедностью

Борьба с бедностью является важной частью государственного управления и играет важную роль в его модернизации. В процессе практики Китай выработал ряд методов борьбы с бедностью, к числу которых относят следующее.

Формирование многокомпонентного субъекта и механизм взаимодействия

В течение долгого времени правительство занимало доминирующую позицию

в борьбе с бедностью. Традиционная широкомасштабная борьба с бедностью под руководством правительства имеет три основных недостатка. Во-первых, крупномасштабная борьба с бедностью под руководством правительства легко формирует заблуждение о «расширении масштабов», то есть однобокое стремление к масштабу и пренебрежение местной спецификой и различий регионов в культуре и обеспеченности ресурсами [Сян Дэпин, Хуан Чэнвэй, 2016: 14]. Во-вторых, в односубъектной государственной модели сокращения бедности существует проблема невысокой эффективности и ограниченности ресурсов. В-третьих, в условиях системы принуждения и соперничества ради служебного повышения модель борьбы с бедностью под руководством правительства приводит к негибкости и отклонению от стратегии. Следовательно, мобилизация субъектов рынка и общественных организаций для участия в борьбе с бедностью – это неизбежный путь к зрелости и совершенствованию государственной системы борьбы с бедностью. Степень совершенства и уровень возможностей системы поддержки малоимущих в значительной степени зависят от согласованности работы трех важнейших механизмов – правительства, рынка и общества. Поскольку в борьбе с бедностью делается упор на участие множества субъектов, то при доминирующем положении правительства и стимулировании рынка и общества для участия в поддержке малоимущих, взаимодействие этих трех механизмов обеспечит необходимое качество и эффективность работы по сокращению бедности.

Интеграция ресурсов, раскрытие профессиональных преимуществ

Субъекты борьбы с бедностью много-компонентны, каждый компонент обладает определенными преимуществами и ресурсами и играет свою роль в борьбе с бедностью. Правительство обладает политическими преимуществами и государственной властью. В борьбе с бедностью правительство разрабатывает

стратегию социально-экономического развития и содействует ее реализации, создает макросреду для поддержки малоимущих и увеличения доходов населения; совершенствует систему социальной политики, повышает уровень благосостояния малоимущего населения и его устойчивость к различным социальным рискам; разрабатывает и реализует целевую стратегию сокращения бедности, помогает бедным регионам, сообществам и гражданам улучшить свою внешнюю среду; поощряет рыночные субъекты и общественные организации к участию в борьбе с бедностью, а также осуществляет руководство и оказывает поддержку. Рынок обладает естественными преимуществами с точки зрения капитала, технологий и информации и может активно поддерживать отсталые регионы, предоставляя денежные средства, специалистов и оборудование для реализации проектов социально-экономического развития. Некоторые предприятия установили партнерские отношения с малоимущими деревнями и хозяйствами и предоставляют им финансовую и материальнопроизводственную поддержку, помогают в трудоустройстве, обучении и продаже продукции. Таким образом, рынок в полной мере раскрывает свою роль в борьбе с бедностью. Социальные организации обладают профессиональными преимуществами и могут профессионально, точно и гибко оперировать в областях, которые долгое время оставались вне поля зрения, таких, например, как духовная бедность, предоставлять психологические консультации, моральную поддержку, помогать налаживать отношения, повышать собственный потенциал, уверенность в жизни, способности к саморазвитию, интегрироваться в современное общество. Обладая кадровыми преимуществами, социальные организации также помогают бедным районам развивать и укреплять команду специалистов в области социальной работы посредством адресной и целевой помощи, стабильно обеспечивают их профессиональными ресурсами [Сян Дэпин, Хуа Сюньцзы, 2017:17–18].

Многовекторное сокращение бедности, повышение качества поддержки малоимущих

Категория бедности и ее составляющие эволюционировала. Понимание понятия бедности претерпело процесс развития от одного измерения ко множеству измерений, то есть от бедности по доходам к бедности возможностей, духовной бедности, юридической и культурной бедности. Таким образом, помимо сокращения бедности по доходам, цель сокращения бедности также включает содействие общему развитию бедных. Борьба с бедностью благодаря своей многовекторности призвана сократить бедность во всех ее проявлениях. Вопервых, поддержка малоимущих - это сочетание поддержки материальной и идеологической, поддержки культурной и образовательной, оказание помощи бедным районам на духовном уровне, повышение культурно-идеологического и научно-технического уровня малоимущих масс, моральное мотивирование и интеллектуальная поддержка для экономического развития бедных районов. Во-вторых, улучшение условий труда и жизни людей в отсталых регионах, строительство инфраструктуры, системы образования, здравоохранения, жилищного фонда, пенсионного обеспечения и культурно-досуговой индустрии, искоренение причин образовательного и социального плана, вызывающих нищету и возврат к бедности, содействие социальной справедливости и гармонии. В-третьих, активизация участия малоимущих слоев населения в политической жизни, расширение прав и возможностей для участия малоимущих граждан в разработке, реализации и оценке проектов по борьбе с бедностью, повышение субъективного осознания и права голоса, участие в совместном строительстве и совместном доступе к благам развития. В-четвертых, содействие участию малоимущих групп в рыночной деятельности, повышение их рыночной конкурентоспособности; поддержка за счет доходов от проектов развития, обеспечение прожиточного минимума, обеспе-

чение доступа некоторых малоимущих групп, которые не имеют производственных мощностей и не могут напрямую участвовать в рыночной деятельности, к плодам социально-экономического развития. В-пятых, раскрытие профессиональных функций социальных организаций, активное изучение психического и психологического состояния малоимущих масс, помощь в преодолении психологических барьеров, укрепление уверенности в жизни, преодоление духовной бедности посредством консультаций и обучения.

Стимулирование внутренних движущих сил, продвижение внутреннего развития

Практика показывает, что внешняя помощь не может решить проблему бедности. Для того чтобы результаты борьбы с бедностью были долговечными, необходима трансформация социальноэкономической системы как регионов, так и граждан, чтобы они сами стремились к решению проблем. Борьба с бедностью стимулирует внутреннюю мотивацию к повышению благосостояния и способствует внутреннему развитию во многих направлениях. Во-первых, активное создание низовых партийных организаций, раскрытие функций партийных отделений и комитетов в сельской местности, обучение низовых партийных кадров, создание из низовых партийных организаций сильного ядра по руководству и поддержанию стабильности в сельской местности и повышения благосостояния населения. Во-вторых, улучшение качества инфраструктуры в бедных районах, строительство сельских дорог, обеспечение безопасной питьевой водой, модернизация электросетей в сельских районах, улучшение жилищных условий, развитие медицины и образования, создание аппаратной поддержки для саморазвития отсталых районов. В-третьих, поощрение стремления малоимущих к развитию, их внутреннее мотивирование, оказание интеллектуальной поддержки, повышение уровня профессионального образования и способностей к саморазвитию. В-четвертых,

оказание помощи отсталым районам в создании механизмов поддержки малоимущих за счет промышленного и финансового секторов, а также сокращение бедности посредством маркетизации [Чжэн Чжицзе, 2017:1].

Повышение качества управления в сельской местности

Одна из важных задач борьбы с бедностью - это повышение качества управления и подъем сельской местности. В настоящее время в сельском управлении Китая существуют некоторые проблемы, которые проявляются, главным образом, в следующих аспектах: усиливается тенденция к централизации структуры власти, полномочия партийной структуры и ответственных лиц не обладают необходимыми противовесами и ограничениями; крайне недостаточное участие граждан в политической жизни на фоне растущей осведомленности сельчан о своих правах и растущих требований к участию в политических процессах [Сяо Танбяо, 2014:1-11]; ослабление организационного фундамента, отставание в развитии партийных организаций, серьезное опустошение экономической организации и низкий уровень развития прочих организаций [Го Миньюань, 2007:66-68]. Борьба с бедностью помогает усовершенствовать систему управления в сельской местности. Борьба с бедностью - это процесс социальной мобилизации, реорганизации и перестройки. Борьба с бедностью способствует совершенствованию системы социального управления и управленческих возможностей в сельских районах. Участие множества субъектов в борьбе с бедностью и активизация внутренних сил в сельском обществе способствуют повышению качества управления и исправлению таких негативных явлений, как склонность к «администрированию» и применение насильственных методов управления, увеличение социального капитала, улучшение межкадровых отношений [Сюй Линь, Фань Юкай, 2017:29-36]. Борьба с бедностью активно способствует автономии сельских жителей, расширяет участие и право голоса

фермеров в общественном и сельскохозяйственном строительстве; объединяет разрозненные хозяйства, снижает расходы на сокращение бедности, а также издержки при проведении сделок между разрозненными мелкими хозяйствами, оживляет внутренние ресурсы сельских общин, интегрирует ресурсы сообществ и ресурсы для борьбы с бедностью, способствует постепенному формированию благоприятного механизма для совершенствования управления [Ян Шуай, Вэнь Тьецзюнь, 2014:118—123].

Тенденции развития борьбы с бедностью

В 2020 году сельские жители Китая существенно повысили свое благосостояние, однако локальная ликвидация бедности в регионах не означает полную победу над ней. Из-за несбалансированного развития регионов, уязвимости средств к существованию малоимущих граждан в сельской местности и неполной обеспеченности прожиточным минимумом закрепление результатов борьбы с бедностью и предотвращение возврата к ней является важной задачей. В то же время социально-экономическое развитие. трансформация модели экономического роста, эволюция социальной структуры, развитие урбанизации и т.д. – все это окажет влияние на проблему благосостояния, придав борьбе с бедностью новые характеристики.

В целом, модель борьбы претерпит трансформацию после решения основных проблем обеспечения благосостояния населения, которая проявится, главным образом в следующем: переход от широкомасштабной борьбы к закреплению результатов; переход от борьбы с бедностью по доходам к многовекторной борьбе; переход от борьбы с абсолютной бедностью к борьбе с относительной бедностью; переход от внешней поддержки малоимущих к стимулированию их внутренних ресурсов; переход от государственного регулирования к рыночным драйверам и социальному участию; переход от политической мобилизации к оптимизированной модели управления; переход фокуса внимания со скорости сокращения бедности на качество борьбы с бедностью и созданию долгосрочного устойчивого механизма сокращения бедности; переход фокуса внимания с бедности в сельской бедности на всестороннее сокращение бедности в сельской и городской местности. Таким образом, китайское общество, по мнению автора, должно адаптироваться к этим изменениям и внедрять инновационные методы борьбы с бедностью с учетом новых реалий.

Китай добился больших успехов в борьбе с бедностью и является первой развивающейся страной, которая достигла Целей развития тысячелетия — сокращение бедного населения вдвое, а также страной, которая в наибольшей степени сократила численность бедного населения. Опыт Китая в борьбе с бедностью имеет большое значение не только для построения общества средней зажиточности и модернизации систем управления, но и для помощи другим развивающимся странам в глобальном искоренении бедности и содействии развитию.

Литература

- 1. Чжан Цзе, «Новая глава о борьбе с бедностью в новую эру», China Social Science News, 2019, стр. 1.
- 2. Юй Кэпин, «Борьба и справедливое управление: новые рамки политического анализа», Nanjing Social Sciences, 2001, выпуск 9, стр. 40–44
- 3. Дж. Розенау, «Борьба без правительственного управления», Cambridge University Press, 1995, стр. 5.
- Совет по глобальному управлению, «Наше глобальное партнерство», Oxford University Press, 1995, стр. 23.
- 5. Юй Кэпин, «Борьба и справедливое управление», издательство Social Science Literature Press, 2000, стр. 5.
- 6. Хуан Чэнвэй, Ван Мэн, «Исследование многомерной борьбы с бедностью с точки зрения идеи «пятиступенчатой» адресной поддержки ма-

- лоимущих», «Вестник университета Хэхай (Издательство философской и социально-научной литературы)», 2017 г., выпуск 5, стр. 1–5+47+89.
- 7. Ли Сюэпин, Чэнь Ай, «Борьба с бедностью на фоне социального управления», «Гуйчжоуское издательство социально-научной литературы», 2016 г., выпуск 4, стр. 86–91.
- 8. Су Хай, Сян Дэпин, «Особенности действий и инновация путей сокращения бедности социальными рычагами», «Вестник Южно-Центрального университета национальностей (Издательство гуманитарной и социально-научной литературы)», 2015 г., выпуск 3, стр. 144–148.
- 9. «Развитие главный приоритет, стабильность — главный долг», People's Daily, 2012, стр. 1.
- 10. Люй Фан, Мэй Линь, «Что не является «адресной поддержкой малоимущих»? Сокращение бедности в сельских районах на фоне трансформации сельских районов Китая», «Новое видение», 2017 г., выпуск 2, стр. 35–40.
- 11. Сян Дэпин, Хуан Чэнвэй, «Серия книг для магистров в области социальной работы. Сокращение бедности и развитие», Издательство социально-научной литературы, 2016 г., стр. 14.
- 12. Сян Дэпин, Хуа Сюньцзы, «Профессиональные преимущества в борьбе с бедностью», «Социальная работа Китая», 2017 г., выпуск 25, стр. 17–18.
- Чжэн Чжицзе, «Секрет из пяти иероглифов» для стимулирования внутренней мотивации борьбы с бедностью», Economic Daily, 2017, стр. 1.
- 14. Сяо Танбяо, «Наблюдения и размышления о сельском управлении в Китае за прошедшее десятилетие», Журнал Центрально-Китайского педагогического университета (Издательство гуманитарной и социально-научной литературы), 2014 г., выпуск 6, страницы 1–11.

- Го Миньюань, «Проблемы строительства и меры по развитию сельском строительстве», «Хубэйское издательство социально-научной литературы», 2007 г., выпуск 8, стр. 66—68.
- 16. Сюй Линь, Фань Юкай, «Политический эффект и выбор пути адресной поддержки малоимущих с точки зрения справедливого управления в сельских районах», «Учеба и практика», 2017 г., выпуск 6, стр. 29–36.
- Ян Шуай и Вэнь Тецзюнь, «Исследование организации постоянного сельского населения и долгосрочных инвестиций в сельские общественные блага», «Гуйчжоуское издательство социально-научной литературы», 2014 г., выпуск 10, страницы 118–123.

FIGHTING POVERTY IN CHINA: EXPERIENCE AND PROSPECTS

Wang Jiangang

Federal State Budgetary Institution of Science of the Peoples' Friendship Order, N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

Poverty reduction plays an important role in bringing together different social actors, integrating resources, coordinating social mechanisms, increasing the level of well-being, stimulating intrinsic motivation and improving governance in rural areas. This policy is aimed at eradicating poverty and uses innovation, coordination, sustainability, inclusiveness and shared development as a driving force. All of this is aimed at building a model of poverty reduction that includes government, market and society, and represents a "China solution" to poverty reduction that can be implemented around the world. This article examines the logic of the poverty reduction policy in China, analyzes the practical way of its implementation, examines the development trends of the poverty reduction policy. In view of the similar political mechanisms of Russia and China, this experience can be used in Russian realities.

Keywords: Poverty reduction, political logic, practical path, poverty in China, rural area.

Социология №4 2021

References

- Zhang Jie, "Writing a New Chapter for Poverty Alleviation in the New Era", China Social Science News, 2019, p. 1.
- Yu Keping, "Governance and Good Governance: A New Political Analysis Framework", Nanjing Social Sciences, 2001, Issue 9, pp. 40–44.
- Rossina, "Governance Without Government", Cambridge University Press, 1995, p. 5.
- Global Governance Committee, "Our Global Partnership", Oxford University Press, 1995, p. 23.
- Yu Keping, "Governance and Good Governance", Social Sciences Literature Press, 2000, p. 5.
- Huang Chengwei, Wang Meng, "Study on Multidimensional Poverty Governance from the Perspective of "Five Batches" of Targeted Poverty Alleviation Thought", "Journal of Hohai University (Philosophy and Social Sciences Edition)", 2017, Issue 5, Numbers 1–5 +47+89 pages.
- Li Xueping, Chen Ai, "Poverty Governance from the Perspective of Social Governance", "Guizhou Social Sciences", 2016, Issue 4, pp. 86–91.
- Su Hai, Xiang Deping, "Action Characteristics and Path Innovation of Social Poverty Alleviation", "Journal of South-Central University for Nationalities (Humanities and Social Sciences Edition)", 2015, Issue 3, pp. 144–148.
- "Development is the first priority and stability is the first responsibility", People's Daily, 2012, p. 1.

- Lu Fang and Mei Lin, What Isn't "Poverty Alleviation with Precision"? ——China's Rural Poverty Governance from the Perspective of Rural Transformation, "New Vision", 2017, Issue 2, pp. 35–40.
- Xiang Deping, Huang Chengwei, "Master of Social Work Professional Series: Poverty Reduction and Development", Social Science Archives, 2016, p. 14.
- Xiang Deping, Hua Xunzi, "Give full play to professional advantages to help fight poverty", "China Social Work", 2017, No. 25, pp. 17–18.
- 13. Zheng Zhijie, "Five-character tactics to stimulate endogenous motivation for poverty alleviation", Economic Daily, 2017, p. 1.
- Xiao Tangbiao, "Observations and Reflections on Rural Governance in my country in the Past Decade", Journal of Central China Normal University (Humanities and Social Sciences Edition), 2014, Issue 6, Pages 1–11.
- Guo Minyuan, "Construction Problems and Development Countermeasures of Village Organizations in the Construction of New Countryside", "Hubei Social Sciences", 2007, Issue 8, pp. 66–68.
- Xu Lin, Fan Youkai, "The Political Effect and Path Choice of Targeted Poverty Alleviation from the Perspective of Good Governance in Rural Areas", "Learning and Practice", 2017, Issue 6, pp. 29–36.
- Yang Shuai, Wen Tiejun, "Research on the Organization of Left-behind Groups in Rural Areas and Long-term Investment in Rural Public Goods", "Guizhou Social Sciences", 2014, Issue 10, pages 118–123.

Взаимосвязи терминальных и инструментальных ценностно-мотивационных смыслов в деятельности работников

Потемкин Валерий Константинович,

д.э.н., профессор, ЗДН РФ, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» E-mail: socupr@list.ru

Вельмисова Дарья Владимировна,

к.с.н., старший преподаватель кафедры социологии и управления персоналом, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

E-mail: daria-babiy@yandex.ru

В статье изложены результаты теоретикоэмпирического исследования нальных и инструментальных ценностномотивационных смыслов работников организаций финансово-кредитного тора. Представленное исследование было проведено в период с 2016 по 2021 гг. и охватило 290 респондентов, являющихсотрудниками коммерческих банков в Северо-Западном регионе РФ. Для изучения ценностно-мотивационных смыслов применялся метод опроса на основе авторской методики. В результате были выявлены корреляционные взаимосвязи между терминальными смыслами-целями и инструментальными смыслами в деятельности, отражающими представления работников о поведенческих моделях достижения профессионального успеха. Работа представляет интерес для ученых, занимающихся проблематикой ценностных и смысловых аспектов саморегуляции деятельности работников, а также для практикующих специалистов и руководителей служб персонала в контексте усовершенствования управленческих практик в организациях.

Ключевые слова: ценностно-мотивационные смыслы, мотивация, финансово-кредитный сектор, смысловая саморегуляция.

Введение

Ценностно-смысловые аспекты мотивации трудовой деятельности в настоящее время рассматриваются в качестве важнейшей побудительной силы в диспозиционной структуре личности, направляющей поведение работников, лежащей в основе саморегуляции деятельности человека. В работах Д.А. Леонтьева [9], В.Ю. Котлякова [8], М.С. Яницкого и А.В. Серого [13; 14], Н.М. Кадякиной [7], Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова, О.В. Сорокина [5] освещаются отдельные аспекты смысловой саморегуляции жизнедеятельности человека. В исследованиях процессов развития личности работника и достижения целей в профессиональной деятельности обращается внимание на то, что «развитие личности невозможно без самоуправляемого воздействия на собственную волю, представляющую собой не что иное как свойство человека и его способности воздействовать на свои черты характера, сознательно корректировать свое поведение и поступки, учитывать профессиональную и общественную среду, в которой человек позиционирует себя как единица общественных отношений» [11]. И далее, «согласованность внутренних смыслов, которые человек стремится реализовать в труде и целей его деятельности в организации, их успешная реализация, как результат, приводит к росту удовлетворенности трудом, общеобразовательного и профессионального уровня работников, оптимизации социальнопсихологического климата в коллективе, росту социального самочувствия» [11]. Не случайно, смысловые аспекты саморегуляции трудового поведения рассматриваются во взаимосвязи со степенью удовлетворенности трудовым процессом работников различных статусных, профессионально-квалификационных и возрастных групп [2]. В ряде научных

исследований решается задача анализа взаимосвязи уровня осмысленности жизни в целом со структурой мотивации работников и уровнем их удовлетворенности трудом [1]. Так, установлено, что для испытуемых, имеющих высокий уровень осмысленности жизни, наиболее значимыми являются мотивы стремления к достижениям и самосовершенствования. Ранее авторами были выявлены смысловые противоречия по различным группам работников, по признакам статусной и профессионально-квалификационной принадлежности [4]. С одной стороны, было зафиксировано несоответствие ценностно-мотивационных смыслов работников требованиям и тенденциям развития общественных отношений и отрасли, а, с другой стороны, внутренняя противоречивость смысловой направленности деятельности работников различных групп, их несогласованность. На практике это выражается в профессиональном дисбалансе, отставании профессиональной адаптации работников, несоответствии моделей поведения требованиям эффективности выполняемых задач, снижением показателей коллективной трудовой деятельности, конфликтизацией социально-трудовых взаимоотношений. Проблема профессионального дисбаланса особенно актуализируется в контексте модернизации общественных отношений, трансформации принятых социальных практик в цифровом пространстве. Промышленность, финансовый сектор, энергетика являются отраслями-флагманами в диджитализации бизнес-процессов и, как следствие, изменении требований к знаниям и компетенциям (цифровым, аналитическим и др.) специалистов и руководителей. Основой для формирования компетенций как поведенческих моделей, позволяющих эффективно реализовывать полученные знания на практике, являются внутренние смысловые предпосылки, направляющие поведение человека.

Постановка проблемы

Как следствие, в современных условиях возрастает интерес к изучению ценностно-смысловых аспектов профес-

сиональной деятельности работников. Учеными отмечается, что от современного работника «требуется больше осмысленной и мотивированной трудовой деятельности» [15]. Преодоление внутриличностных конфликтов в трудовой деятельности становится возможным через волевую регуляцию работниками собственного поведения, осознания конструктивных и неконструктивных моделей, осмысления различных характеристик профессионального поведения как vспешных или неприемлемых. И нельзя не согласиться с тем, что «волеизъявление человека само по себе не реализуется, либо становится «мыльным пузырем» без роста общих и профессиональных компетенций, без проявления инициативы и предприимчивости, без самооценки, самоорганизации и саморазвития, без контроллинга поведения и его результатов, без соотношения своей деятельности с социальной, экономической и организационно-правовой ответственностью» [11].

Методы исследования

Анализ основан на результатах социологического исследования ценностномотивационных смыслов (на примере финансово-кредитной сферы, N 290), проведенного в форме опроса с использованием авторской методики диагностики. Сбор эмпирических данных осуществлялся по выборке, репрезентативной для финансово-кредитного сектора РФ. Опросник включал в себя 71 вопрос, основным диагностическим конструктом в методике являлись ценностномотивационные смыслы терминального и инструментального ряда.

Выборочная совокупность включала в себя различные социально-демографические, статусные и профессионально-квалификационные группы работников. Распределение респондентов по возрасту: 9,0% 18–22; 35,0% – 23–30; 39,0% – 31–40; 13,0% – 41–50; 3,0% – 51–60; 1% – старше 61. По гендерному составу: 68,0% – респонденты женского пола; 32,0% – мужского пола. По образованию: высшее образование (84,0%), 8,0% – неполное выс-

шее образование: 7.0% два и более высших образования, 1,0% - кандидаты наук. В выборке были представлены три уникальные профессиональноквалификационные группы, отражающие специфику организационной структуры финансово-кредитных организаций: специалисты и руководители фронт-линии (46,0%); сотрудники бэк-офиса (37,0%); сотрудники нефинансовых сопровождающих подразделений (17,0%). Различие между указанными группами состоит в содержании и характере работы, показателях эффективности, требованиях к квалификации персонала, роли в реализации бизнеспроцессов. По статусной принадлежности респонденты рассматривались в составе двух групп: рядовые работники (62,0%) и руководители (38,0%).

Ценностно-мотивационные смыслы были исследованы в рамках двух групп: терминальные и инструментальные. Терминальные смыслы отражают представления различных групп работников относительно значимости целей трудовой деятельности. Разработанный в методике перечень включал в себя 22 терминальных смысла, каждых из которых был реализован двумя эмпирическими индикаторами. Инструментальные смыслы отражают представления работников о качествах и поведенческих характеристиках успешного профессионального поведения. Для их диагностики перед респондентами ставилась задача оценить каждое качество/ свойство по степени значимости для работника предприятия в современных условиях (по шкале Лайкерта).

В процессе исследования данные консолидировались в группы по типологическим признакам: профессиональноквалификационным, статусным, социально-мотивационные смыслы диагностировались на основе ранжирования (по выборке и по классификационным признакам). Среднегрупповой ранг является результатом расчета среднего арифметического по группе. Наиболее значимые смыслы получали ранг 1, далее по убыванию значимости.

Одна из гипотез исследования состояла в предположении о наличии взаимосвязи между структурой терминальных и инструментальных ценностномотивационных смыслов. Для проверки данной гипотезы о связях между переменными был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования

В результате корреляционного анализа был выявлен ряд статистически значимых взаимосвязей между терминальными и инструментальными ценностномотивационными смыслами. Это позволило подтвердить гипотезу о том, что модели поведения, реализуемые индивидами в трудовой деятельности взаимосвязаны с теми смыслами-целями, к которым работники стремятся. Выявленные взаимосвязи позволяют расширить научное понимание процессов смысловой саморегуляции человека, взаимной детерминированности между целями деятельности и представлениями о характеристиках успешного профессионального поведения.

Наибольшее количество значимых взаимосвязей было обнаружено по следующим инструментальными смыслам (от 4 и более статистически значимых связей): воспитанность; жизнерадостность (позитивный взгляд на жизнь); образованность; ответственность (чувство долга, умение держать слово); чуткость; толерантность к ситуации неопределенности; смелость в отстаивании своего мнения и взглядов; самоконтроль (сдержанность, самодисциплина); эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе); инициативность (энергичность, готовность работать с энтузиазмом); (способность конструктивно действовать в ситуации постоянных перемен).

В процессе исследования было зафиксировано, что перечисленные инструментальные смыслы имеют взаимосвязи со многими терминальными смыслами-целями. Следовательно, данные качества и характеристики поведения воспринимаются большинством работников финансово-кредитного сек-

Социология №4 2021

тора как способствующие достижению целей в профессиональной сфере и необходимые современным специалистам. Однако, для уточнения полученных данных и корректной смысловой интерпретации нами был проведен анализ каждой выявленной взаимосвязи. В Таблице 1 конкретизированы результаты корреляционного анализа и отражены связи, имеющие достаточно высокую статистическую значимость (р≤0.01, р≤0.001). В столбце № 1 приводится терминальный ценностномотивационный смысл, в столбце № 2 инструментальные смыслы, связанные с ним, в столбце № 3 указана сила корреляционной связи и уровень ее статистической значимости.

Корреляционная зависимость между инструментальными и терминальными смыслами свидетельствует о том, что в сознании работников фиксируется связь между перечисленными характеристиками поведения и направленностью поведения на достижение терминальных смыслов-целей. Другими словами, выявление взаимосвязей позволяет проанализировать, какие характеристики поведения воспринимаются как эффективные в достижении тех или иных целей деятельности.

Таблица 1. Корреляционные связи терминальных и инструментальных ценностно-мотивационных смыслов

Терминаль- ные ценностно- мотивационные смыслы	Инструментальные ценностно-мотивационные смыслы	Коэффициент корреляции Спирмена, знач. двусторонняя
Активная деятельная жизнь	жизнерадостность (позитивный взгляд на жизнь, чувство юмора)	r = 0,34; p = 0,0004
	исполнительность (дисциплинированность)	r = 0,37; p = 0,0001
	ответственность (чувство долга, умение держать слово)	r = 0,41; p = 0,00002
	самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	r = 0,39; p = 0,00004
	твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	r = 0,33; p = 0,0006
	широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)	r = 0,37; p = 0,0001
	эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	r = 0,36; p = 0,0002
	инициативность (энергичность, готовность работать с энтузиазмом)	r = 0,37; p = 0,0001
Интересная работа	воспитанность (хорошие манеры)	r = 0,40; p = 0,00002
	жизнерадостность (позитивный взгляд на жизнь, чувство юмора)	r = 0,35; p = 0,0004
	образованность (широта знаний, высокая общая культура)	r = 0,42; p = 0,00001
	самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	r = 0,35; p = 0,0003
	смелость в отстаивании своего мнения, взглядов	r = 0,34; p = 0,0005
	эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	r = 0,37; p = 0,0001
Продуктивная жизнь	жизнерадостность (позитивный взгляд на жизнь, чувство юмора)	r = 0,38; p = 0,00009
	ответственность (чувство долга, умение держать слово)	r = 0,37; p = 0,0001
	самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	r = 0,45; p = 0,00005
	твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	r = 0,42; p = 0,00001
	эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	r = 0,44; p = 0,0001

Социология №4 2021

Окончание

Терминаль- ные ценностно- мотивационные смыслы	Инструментальные ценностно-мотивационные смыслы	Коэффициент корреляции Спирмена, знач. двусторонняя
	чуткость (заботливость)	r = 0,39; p = 0,00007
	инициативность (энергичность, готовность работать с энтузиазмом)	r = 0,43; p = 0,00002
	толерантность к ситуации неопределенности (способность конструктивно действовать в ситуации постоянных перемен)	r = 0,34; p = 0,0006
Власть	воспитанность (хорошие манеры)	r = 0,35; p = 0,0003
	высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания)	r = 0,34; p = 0,0005
	жизнерадостность (позитивный взгляд на жизнь, чувство юмора)	r = 0,42; p = 0,00001
Развитие	воспитанность (хорошие манеры)	r = 0,389; p = 0,00006
	исполнительность (дисциплинированность)	r = 0,41; p = 0,00002
	непримиримость к недостаткам в себе и других	r = 0,33; p = 0,0007
	ответственность (чувство долга, умение держать слово)	r = 0,40; p = 0,00004
	самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	r = 0,45; p = 0,00002
	твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	r = 0,42; p = 0,00001
	широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)	r = 0,35; p = 0,0003
	эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	r = 0,43; p = 0,0002
	чуткость (заботливость)	r = 0,36; p = 0,0002
	инициативность (энергичность, готовность работать с энтузиазмом)	r = 0,40; p = 0,00003
Познание	образованность (широта знаний, высокая общая культура)	r = 0,39; p = 0,00005
	самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	r = 0,43; p = 0,0002
	инициативность (энергичность, готовность работать с энтузиазмом)	r = 0,40; p = 0,00004
	толерантность к ситуации неопределенности	r = 0,49; p = 0,0002

Так, смысл в достижении «власти» коррелирует с такими качествами работника как «высокие запросы» (p = 0,34; r = 0,0005), «позитивный взгляд на жизнь» (p = 0.42; r = 0.00001) и «воспитанность» (p = 0.35; r = 0.0003). Вместе с тем, не обнаружено значимых взаимосвязей между смыслом «власть» и такими качествами сотрудника как «образованность», «инициативность», «эффективность а делах» и рядом других, отражающих объективные задачи общественного развития. Содержательный анализ взаимосвязей смысла «власть» с инструментальными характеристиками отражает отсутствие

понимания работниками финансовокредитной сферы образа современного руководителя, нацеленного, прежде всего, на непрерывное образование, эффективность в делах, проявление инициативы в деятельности.

Смысл «познание», который подразумевает стремление работника к расширению своего профессионального кругозора, углублению знаний, освоению смежных функциональных областей — коррелирует со стремлением реализовать в поведении такие качества как «образованность» (р = 0,39; r = 0,0005), «самоконтроль» (р = 0,43; r = 0,0002), «инициативность», «толе-

рантность к ситуации неопределенности». Особенно значима последняя корреляция (r = 0.49). Познание новых областей деятельности, внедрение инноваций, с одной стороны, зачастую подразумевает работу в ситуации перемен и неопределенности, готовность гибко адаптироваться, а с другой стороны, образованность как следствие процесса познания нового, широкий спектр профессиональных знаний - позволяют более эффективно трудиться в ситуации неопределенности, т.е. взаимосвязь имеет двусторонний характер. Однако, стоит отметить, что, несмотря на прифинансово-кредитного надлежность сектора к отраслям-флагманам цифровизации, в ранговом распределении терминальных смыслов «познание» имеет низкие позиции (12-15 ранги из 21).

Значительное количество связей обнаружено с терминальным смыслом «развитие», который был определен такими индикаторами как: возможности личностного и профессионального развития; наличие задач, заставляющих личностно и профессионально развиваться, выходить из «зоны комфорта». В данном контексте стоит отметить, что «развитие» относится к категории смыслов высшего порядка, наряду с самоактуализацией, возможностью полной самореализации, и совершенно неслучайно соотносится респондентами с такими разнонаправленными и многочисленными инструментальными смыслами как «воспитанность», «ис-«непримиримость полнительность», к недостаткам в себе и других», «ответственность», «самоконтроль», «твердая воля», «широта взглядов», «эффективность в делах», «чуткость», «инициативность». Очевидно, что все перечисленные качества необходимы для реализации возможностей профессиональной самоактуализации работника в труде. Вместе с тем, «развитие» в ранговом распределении терминальных смыслов находится на 9-10 рангах, т.е. является не приоритетной и сложно достижимой целью, для реализации которой необходим комплекс инструментальных смыслов, воплошенных в поведении работника. Причем, наиболее сильные статистические взаимосвязи смысла «развитие» обнаружены с «самоконтролем» (r = 0,45), «твердой волей» (r = 0.42) и стремлением к «эффективности в делах, трудолюбие, продуктивность в работе» (r = 0,43). Обращает на себя внимание отсутствие взаимосвязей смысла «развитие» с «образованностью», несмотря на то, что работники финансово-кредитной сферы характеризуются высоким уровнем профессиональной подготовки: 84,0% респондентов имеют высшее образование, 7,0% - имеют два высших образования.

Реализация смысла *«интересная работа»*, т.е. соответствие характера и содержания работы личным интересам в наибольшей степени соотносится в сознании респондентов с такими качествами как *«образованность* (широта знаний, высокая общая культура)» — r = 0,42; p = 0,00001 и *«воспитанность* (хорошие манеры)» — r = 0,40; p = 0,00002.

Во многом сходятся представления работников о качествах, которые необходимы для реализации целей «активная деятельная жизнь» и «продуктивная жизнь». Однако выявлен и ряд различий. Необходимо пояснить, что в рамках представленного исследования, смысл «продуктивная жизнь» в социально-трудовом контексте интерпретируется как возможность достижения сложных целей и решения нестандартных задач и стремление работать в организации, поощряющей максимально продуктивных работников. А реализация в социально-трудовом контексте смысла «активная деятельная жизнь» подразумевает стремление к возможности эмоциональной и интеллектуальной самореализации на работе; нацеленность на динамичную работу. Выявлено, что реализация и достижение продуктивности в работе связывается работниками с рядом инструментальных смыслов, в том числе с «толерантностью к ситуации неопределенности» r = 0.34, p = 0.0006, «не-

примиримостью к недостаткам в себе и других» r = 0.33, p = 0.0007. В то время как со смыслом достижения «активной деятельной жизни» перечисленные качества не коррелируют, а вместо них обнаруживаются взаимосвязи с «исполнительностью» r = 0.37, p = 0.0001и «широтой взглядов (умением понять чужую точку зрения») r = 0.37, р = 0,0001. В остальном инструментальные смыслы, связанные с активной деятельной жизнью и с продуктивной жизнью совпадают. Это отражает понимание «продуктивности» работниками финансово-кредитной сферы как результата, достигаемого посредством адаптивного поведения в достаточно турбулентной и неопределенной среде, в т.ч. с учетом непримиримого отношения к чужим ошибкам и недостаткам.

Выявлено, что «общественное признание» коррелирует с такими социально одобряемыми качествами как «позитивный взгляд на жизнь» (p = 0,5; r = 0.0004), «воспитанность (хорошие манеры)» (p = 0.35; r = 0.0003), «образованность» (p = 0.36; r = 0.0002), «честность» (p = 0.38; r = 0.00008), «смелость в отстаивании своего мнения» (p = 0,36; r = 0,0002). Несмотря на то, что работфинансово-кредитной сферы не стремятся к достижению цели «общественного признания» (13-19 ранги из 21), однако образ работника, признаваемого в коллективе характеризуется социально значимыми чертами и конструктивными качествами.

В данном контексте интерес представляет исследование С.А. Баркова, который, сопоставляя актуальные для современных работников профессиональные и личные качества, справедливо отмечает, что «в современных малоуровневых и матричных структурах (в отличие от иерархических) способность привлекать к себе людей, нравиться им, вызывать симпатию и доверие превращается из второстепенного в одно из главных качеств работника. От этого качества в немалой степени зависит членство во всяческих временных комиссиях, комитетах, занятых решением наиболее сложных и неординарных вопросов. От этого зависит круг общения человека, что в немалой степени начинает определять его статус в неиерархической системе отношений» [3]. Несмотря на то, что организации финансово-кредитной сферы относятся к иерархически выстроенным структурам с четкой вертикалью управления, однако, учитывая коллективный характер работы, принадлежность к сфере услуг и невозможность оказания этих услуг одним специалистом, для данного сектора экономики актуализируется значимость личностных качеств работников, позволяющих эффективно работать над решением межфункциональных и проектных задач. Совершенно не случайно, терминальный смысл «продуктивная жизнь» помимо ответственности, твердой воли и инициативности, соотносится и взаимосвязан с такими качествами как «чуткость» и «жизнерадостность (позитивный взгляд на жизнь)», которые позволяют достигать продуктивности не только благодаря личному трудолюбию и ответственности, но и выстраивая благополучные отношения с коллегами.

Обращает на себя внимание, что ряд терминальных смыслов, имеющих наиболее высокий ранг значимости (в среднем по профессиональноквалификационным группам 1-7 ранги, т.е. смыслы, к которым стремится большинство работников) – материально обеспеченная жизнь, безопасность, бытовой комфорт и удобство, свобода оказались вне взаимосвязей с инструментальными смыслами. Следует отметить, что несколько иные аспекты данной проблемы были освещены в межстрановом исследовании под руководством В.С. Магуна, в частности, ученые зафиксировали, что «средний россиянин крайне высоко ценит безопасность, защиту со стороны сильного государства, сильно привержен ценностям богатства и власти» [9]. Однако, «сильное стремление к личному успеху и богатству не сочетается в сознании россиян со столь же выраженной готовностью к действиям, выходящим за пределы исполнительской

-дэне хиннешивоп мишоубэдт и инитуа гетических и эмоциональных затрат» [9]. Нами зафиксировано, что в сознании большинства работников финансовокредитного сектора работа действительно имеет инструментальный смысл, т.е. является источником дохода, стабильности, безопасности. Но, вместе с тем, высокая значимость «материального благосостояния», «свободы», «безопасности», «бытового комфорта и удобства» не взаимосвязана с представлениями работников о своей личной роли и значимости своего собственного поведения для их реализации. Следовательно, перечисленные смыслы выступают в качестве пассивных ожиданий работника к той среде, в которой осуществляется его жизнедеятельность и не соотносятся с готовностью предпринимать активные личные усилия для их воплощения в жизнь. Предположительно, это можно объяснить высокой степенью турбулентности внешней среды на протяжении прошедших 30 лет, составляющих длительность целого поколения, в результате чего не сформировалась устойчивая ценностно-смысловая модель поведения, гарантирующего успешное достижение указанных целей. Справедливо утверждение о том, что «процесс общественного развития - это процесс взаимодействия человека и окружающей его среды: производственной, экономической, политической и социальной, в которых формируются стандарты поведения, нормы и ценности, реальные потребности и механизмы их удовлетворения в общественной практике» [10]. Трансформации, захватившие российскую экономику, культуру, общество с 90-х гг. прошлого века, привели к необходимости изменения в сознании россиян представлений о характеристиках поведения, которое бы способствовало реализации значимых смыслов в своей деятельности и переориентацию на «действия сообразно обстоятельствам».

Заключение

Проведенное исследование расширяет понимание смысловых аспектов мотивации работников современных финансово-

кредитных предприятий. Выявленные взаимосвязи между терминальными смыслами-целями и инструментальными смыслами, определяющими модель достижения профессионального успеха. позволяют говорить о наличии деятельной позиции личности работников, ее направленности на реализацию в работе таких смыслов как активная деятельная жизнь, общественное признание, продуктивная жизнь, творчество, развитие, познание. Процесс реализации этих смыслов в жизнедеятельности непосредственно связан в сознании работников с важностью проявления в поведении ряда качеств как воспитанность, позитивное отношение к жизни, образованность, эффективность в делах и трудолюбие, самоконтроль, твердая воля, ответственность, инициативность, составляющих в комплексе с компетенциями, знаниями, навыками, психофизиологическими характеристиками трудовой потенциал работника.

Литература

- 1. Андреева Е.А., Вишневская М.Н. Психологический смысл труда для жителей современного города // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiy-smysl-truda-dlyazhiteley-sovremennogo-goroda (дата обращения: 13.05.2021).
- Ахтырский А.А. Исследование удовлетворенности трудовым процессом педагогических работников сиротских учреждений // Российский научных журнал Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 1. С. 65–71.
- Барков С.А. Личные качества как фактор успеха в постиндустриальных социально-экономических реалиях// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 2. С. 178–192.
- 4. Вельмисова Д.В. Ценностномотивационные смыслы работников финансово-кредитной сферы в условиях модернизации общественных отношений /под ред. В.К. По-

- темкина. СПб.: Изд-во Инфо-Да, 2019. 187 с.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И., Сорокин О.В. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2021. С. 38–59;
- Кадякина Н.М. Психологические особенности смысловой саморегуляции банковских служащих среднего звена в период экономического кризиса: дисс. ... к. психол.н.: 19.00.13. Ростов-на-Дону, 2009.
- 7. Котляков В.Ю. Методика «Система жизненных смыслов» //Вестник Кемеровского государственного университета, 2013. № 2 (54). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-sistema-zhiznennyh-smyslov (дата обращения: 25.06.2021).
- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. М.: Смысл, 1999.
- 9. Магун В.С. Базовые ценности 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами: Препринт WP6/2010/03 / В.С. Магун, М.Г. Руднев; М.: Изд. дом. Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 52 с.
- Потемкин В.К. Коллективная деятельность как фактор преодоления негативных общественных трансформаций // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 1. С. 62–68.
- Потемкин В.К. Развитие личности как основание для достижения поставленных целей в профессиональной деятельности // Социология и право. 2017. № 4 (38). С. 20– 26.
- Потемкин В.К. Социальные проблемы человекоориентированного управления предприятиями и организациями: сборник избранных научных статей (2016–2021 гг.) /В.К. Потемкин. СПб.: Изд-во «Инфо-Да»., 2021. 320 с.
- 13. Серый А.В., Яницкий М.С. Ценностно-смысловая сфера личности –

- Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999.
- Серый А.В., Яницкий М.С. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика, – Кемерово, 2004.
- Сизова И. Л., Григорьева И.А. Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. Том. 25. № 1. С. 48–71.
- Kesternich I., Schumacher H., Siflinger B., Schwarz S. Money or meaning? Labor supply responses to work meaning of employed and unemployed individuals, European Economic Review, Volume 137, 2021. DOI: https://doi.org/10.1016/j. euroecorev.2021.103786.

INTERRELATIONS OF TERMINAL AND INSTRUMENTAL VALUE-MOTIVATIONAL MEANINGS IN THE ACTIVITIES OF EMPLOYEES

Potemkin V.K., Velmisova D.V.

Saint-Petersburg State Economic University

The article presents the results of a theoretical and empirical study of terminal and instrumental value-motivational meanings of employees in the financial and credit sector. The presented study was conducted in the period from 2016 to 2021 and covered 290 respondents who are employees of commercial banks in the North-West region of the Russian Federation. To study the value-motivational meanings, a survey method was used based on the author's methodology. As a result, correlations were revealed between terminal meanings-goals and instrumental meanings in activities, reflecting the ideas of employees about behavioral models of achieving professional success. The work is of interest for scientists dealing with the value aspects of self-regulation of employees' activities, as well as for practicing specialists and heads of personnel services in the context of improving management practices in organizations.

Keywords: value-motivational meanings, motivation, financial and credit sector, self-regulation.

References

 Andreeva E.A., Vishnevskaya M.N. The psychological meaning of labor for residents of a modern city // World of Science. Pedagogy

Социология №4 2021

- and psychology. 2019. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiysmysl-truda-dlya-zhiteley-sovremennogo-goroda (date of access: 05/13/2021).
- Akhtyrsky A.A. Study of satisfaction with the labor process of pedagogical workers of orphanages // Russian scientific journal Teleskop: journal of sociological and marketing research. 2021. – No. 1. – P. 65–71.
- Barkov S.A. Personal qualities as a factor of success in postindustrial socio-economic realities // Vestn. Moscow University. Ser. 18. Sociology and political science. 2020. Vol. 26.No. 2. P. 178–192.
- Velmisova D.V. Value-motivational meanings of employees of the financial and credit sphere in the conditions of modernization of social relations / ed. V.C. Potemkin. SPb.: Publishing house Info-Da, 2019. 187 p.
- Zubok Yu.A., Chuprov V.I., Sorokin O.V. Semantic self-regulation of youth life: gender differences in the world of work // Woman in Russian society. 2021. P. 38–59;
- Kadyakina N.M. Psychological features of semantic self-regulation of middle-level bank employees during the economic crisis: diss.... to. psychol. n.: 19.00.13. – Rostovon-Don, 2009.
- Kotlyakov V. Yu. Methodology "System of life meanings" // Bulletin of the Kemerovo State University, 2013
- Leontiev DA Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality / D.A. Leontiev. M.: Meaning, 1999.
- Magun V.S. Basic Values 2008: Similarities and Differences between Russians and

- Other Europeans: Preprint WP6 / 2010/03 / V.S. Magun, M.G. Rudnev; State un-t Higher School of Economics. M.: Higher School of Economics, 2010. 52 p.
- Potemkin V.K. Collective activity as a factor in overcoming negative social transformations // Economics and Management. 2020.Vol. 26.No. 1. P. 62–68.
- Potemkin V.K. Personality development as a basis for achieving goals in professional activity // Sociology and law. 2017. No. 4 (38). P. 20–26.
- Potemkin V.K. Social problems of humancentered management of enterprises and organizations: a collection of selected scientific articles (2016–2021) / V.K. Potemkin. – SPb.: Publishing house "Info-Da"., 2021. – 320 p.
- Seryy A. V., Yanitskiy M.S. The valuesemantic sphere of personality – Kemerovo: Kemerovo State University, 1999.
- Seryy A. V., Yanitskiy M.S. The system of personal meanings: structure, functions, dynamics, – Kemerovo, 2004.
- Sizova I.L., Grigorieva I.A. Fragility of labor and employment in the modern world // Sociological journal. 2019. Vol. 25. No. 1. S. 48–71.
- Kesternich I., Schumacher H., Siflinger B., Schwarz S. Money or meaning? Labor supply responses to work meaning of employed and unemployed individuals, European Economic Review, Volume 137, 2021.
 DOI: https://doi.org/10.1016/j.euroecorev. 2021.103786.

Анализ социального положения и перспективы развития городов Арктической зоны России

Запьянцев Александр Анатольевич,

магистрант, кафедра «Государственное и муниципальное управление», НИУ «Высшая школа экономики»

E-mail: aazapyantsev@edu.hse.ru.

Плошадь Арктической зоны России составляет 3 млн кв. км (около 18% всей территории страны), что ввиду наличия колоссальных объемов природных богатств, полезных ископаемых, особого стратегического статуса и перспективных морских транспортных путей делает эти территории крайне важными для хозяйственного освоения и развития. Однако неблагоприятные климатические условия на протяжении всего периода активного проникновения человека и изучения Арктики делали эту территорию крайне сложной для создания постоянных населенных пунктов, что после кризисных явлений конца двадцатого века также побудило значительную часть граждан от числа постоянно проживающего населения к переселению в другие регионы России.

В настоящей статье рассматривается текущая социально-экономическая ситуация в субъектах Арктической зоны Российской Федерации, изучается проблематика, с которой в работе сталкиваются муниципальные образования Арктической зоны, мобильность населения данных регионов и ее препятствия, практика муниципального управления моногородами, на основе которых сформированы предложения по развитию субъектов Арктической зоны Российской Федерации и городских муниципальных образований.

Целью статьи является анализ региональных программ снижения доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума и подготовка предложений по их доработке.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, Арктическая зона Российской Федерации, практики муниципального управления, территориальное развитие, региональные программы, миграционная политика, повышение благосостояния граждан.

Наиболее активное освоение пространств Арктической зоны России началось в период советской индустриализации, именно в этот период были заложены многие крупные города данного региона (обозначение регион используется в условном смысле — Арктическая зона распространяется на территории ряда субъектов Российской Федерации), являющегося стратегически важным с точки зрения военного комплекса, военно-морского флота, рыбопромысловых, научно-исследовательских направлений.

Несмотря на наличие различных стимулирующих льгот и уровня заработной платы выше среднероссийского уровня в силу различных факторов в нем наблюдаются негативные тенденции в сфере уровня жизни населения, дифференциации его доходов, а также социально-демографической ситуации.

К примеру, в среднем по показателю уровня реальных денежных доходов населения субъектов Арктической зоны за 2020 год в сравнении с 2019 годом наблюдается падение на 0,8%.

Ключевыми сдерживающими факторами роста уровня реальных денежных доходов населения являются возрастающий объем обязательных платежей, в том числе процентов за предоставленные кредиты, реальные инфляционные изменения.

Значения показателя уровня бедности субъектов Арктической зоны за период 2017—2020 гг. не претерпевали существенных улучшений, сохраняя превышение значения в целом по Российской Федерации на 1,1%.

Основным сдерживающим фактором существенного снижения уровня бедности является в том числе следствием опережающего роста показателя прожиточного минимума на душу населения по сравнению с индексом потребительских цен. Величина прожиточного минимума на душу на-

селения в среднегодовом исчислении по субъектам Арктической зоны увеличилась на 4,3% (с 15332 руб. в 2018 года до 15997 руб. в 2019 году), а годовая инфляция за 2019 год составила 3%.

При этом в 2021 году сохраняются риски роста численности малоимущего населения, снижения деловой активности, повышения численности безработных граждан и дальнейшего снижения реальных денежных доходов населения в связи с продолжающейся экспансией коронавирусной инфекции на территорию Российской Федерации, борьба с которой приняла затяжной характер.

В этой связи рядом субъектов Арктической зоны утверждены региональные программы снижения уровня бедности в целях достижения целевого показателя «снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года» национальной цели развития Российской Федерации на период до 2030 года «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» и целевого показателя «обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции» национальной цели развития субъекта Российской Федерации на период до 2030 года «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Данные программы являются инструментом оценки достижимости поставленных национальных целей и для этого консолидируют в своем составе ряд показателей из государственных программ, подпрограмм, федеральных проектов и иных программно-целевых инструментов, но имеют привязки к финансовому обеспечению.

Так, к примеру, распоряжением Правительства Красноярского края от 30 декабря 2020 г. № 989-р утверждена региональная программа Красноярского края «Снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума» [3], задачами которой являют-

ся повышение уровня доходов граждан и превышение темпов роста доходов граждан, в том числе заработной платы, над темпом роста инфляции; развитие системы социальной помощи нуждающимся гражданам; развитие системы социального контракта; организация социальной адаптации малоимущих граждан.

В рамках данной программы поставлены задачи по повышению уровня дохода граждан, развитию систем адресной социальной помощи гражданам и социального контракта, организации социальной адаптации малоимущих граждан, которые реализуются через 78 мероприятий.

Необходимо отметить, что некоторые мероприятия ввиду своей направленности отрицательно воздействуют на достижение целей и задач региональной программы и требуют дополнительного обоснования при включении в её состав.

Такими примерами могут стать мероприятия 1.6.1-1.6.2. «Строительство автодорожного моста через р. Енисей в районе п. Высокогорский в Енисейском районе Красноярского края», «Реконструкция магистральной рулежной дорожки в аэропорту Красноярск», направленные на развитие транспортной системы Красноярского края, повышению доступность авиауслуг для населения региона, что может соответствовать поставленной задаче по достижению показателей указанных наццелей при условии дополнительного обоснования влияния указанных мероприятий на повышение уровня доходов граждан и превышение темпов роста доходов граждан, в том числе средней заработной платы, над темпом роста инфляции и его вклада в достижение целевых показателей региональной программы.

В целом ряд необходимо отметить, что не все показатели региональной программы анализируются за период с 2017 года (не смотря на заданный период в показателях наццелей), отсутствуют общие выводы о взаимосвязи основных показателей, характеризующих социально-экономическое разви-

тие региона, и их влияние на доходы населения и уровень бедности, следствием чего видится проблематичным выделение из представленной программы наиболее эффективных инструментов социальной поддержки, способствующих скорейшему выходу семей и одиноко проживающих граждан из трудной жизненной ситуации, сформулировать соответствующие выводы, и проведение оценки возможности перераспределения ресурсов в пользу нуждающихся граждан на основе существующих мер социальной поддержки.

Схожая проблематика также наблюдается в утвержденных региональных программах Республики Коми и Мурманской области.

Наиболее обширные стагнационные процессы социального характера наблюдаются в г. Воркута Республики Коми, включённого в категорию моногородов, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения [1].

Данный город основан в 1936 году благодаря найденным залежам полезных ископаемых при исследовании большого каменноугольного бассейна вблизи р. Печоры. В период промышленного подъема и вплоть до распада СССР город пиковые значения постоянного населения (не считая вахтовиков и заключенных) достигало около 120 тыс. человек. После распада СССР и последовавшего кризиса добывающей промышленности (в особенности коснувшегося Арктической зоны) и закрытия части каменноугольных рудников население города стало резко сокращаться. В 2020 году численность ныне живущего населения составляет не более 52 тыс. человек, которая вероятно сократится после прогнозируемого спада добычи градообразующим предприятия «Воркутауголь» с 11,8 миллиона тонн в 2023 году до 0,2 миллиона тонн в 2037 году [7].

С целью текущий момент повышение качества жизни, благосостояния и численности населения г. Воркута участвует в реализации мероприятий национальных и федеральных проек-

тов по направлениям развития малого и среднего предпринимательства, развития инфраструктур и социально-демографического развития, имеется возможность приобретения статуса территории опережающего социального-экономического развития.

Также продолжающийся отток населения заставляет муниципальных властей предпринимать достаточно уникальные меры по сокращению расходов на обслуживание инфраструктурных объектов - ведется переселение населения по программе «управляемого сжатия» [5] из-за небольшого количества проживающих в многоквартирных домах и необходимости обслуживания всех объектов инфраструктуры при проживании там людей. Благодаря этому методу властям удается организовать экономию на масштабе обсуживаемой инфраструктуры и перенаправить высвободившиеся ресурсы на приоритетные направления развития действующих районов города.

Близким по периоду основания (1935 г.), но более положительным примером развития городов Арктической зоны является г. Норильск Красноярского края, являющейся одной из крупнейших промышленных зон, с постоянным притоком постоянного городского населения. Градообразующим предприятием в данном случае является ПАО «Норильский никель» (далее – компания), на предприятиях которого занято 2/3 экономически активного населения.

Как и в случае с г. Воркутой здесь сложные климатические условия жизни и компанией реализуется программа субсидирования переселения населения старше трудоспособного возраста [9]. Фактически, компания выкупает действующий объект в собственности физических лиц-сотрудников компании (тем самым избавляет себя от необходимости строительства дополнительного жилого фонда для прибывающих жителей) и/или предоставляет льготные условия кредитования в ряде банков при переезде в другие субъекты Российской Федерации. Также компания софинансирует расходы на санаторно-

курортное лечение, отпуска и билеты по данным направлениям.

В промышленности города регулярно происходят циклы автоматизации, но сотрудников высвободившихся рабочих мест зачастую перепрофилируют на другие направления, так как подбор квалифицированных кадров в подобные субъекты до настоящего момента является сложным процессом.

Заключая, перспективы развития городов Арктической зоны выглядят крайне неоднозначно, так как в ряде населённых пунктов наблюдается регулярный отток населения, а в других сосредоточение профильных кадров различной промышленной направленности. На смену советской стационарной системе работы и жизни приходят комбинированная и вахтовая, малолюдные схемы и внедрение автоматизированных комплексов [8]. В целом наблюдаются широкие тенденции старения и смертности населения, замещения трудоспособного коренного населения приезжими трудовыми мигрантами, замедленного развития технологий (планы по развёртыванию сетей 4G являются приоритетными в стратегических документах) [2] миграционного оттока и оставление недействующей промышленной инфраструктуры, что мгновенно сказывается на числе населения.

На глобальной повестке дня остается неурегулированность стратегии развития Арктической зоны и низкое исполнение действующих стратегических планов [4], неопределенность развития Северного морского пути, регулирование рыболовецкой отрасли в данном районе, нормирование нанесения ущерба экологии, деятельности трудовых мигрантов и вахтовиков, обеспечение действия прозрачных экономических и социальных линий взаимодействия с другими регионами России, поддержание высокого уровня жизни.

По мнению автора, перспективы развития будут очевидны после решения указанных проблем. На данный момент векторами развития являются либо уже сложившиеся — дальнейшее освоение промышленных районов, раз-

витие связанных с этим отраслей, создание и поддержание действующих военной инфраструктуры. объектов развитие морских грузоперевозок, поднаучно-исследовательских держание инициатив, развитие приграничного сотрудничества, либо - кардинальная замещение и смена векторов развития, создание различных ИТ- и бизнескластеров и других отраслей, не имеющих необходимости к географической привязке и больших требований в сушествующей инфраструктуре. Важным фактором при обоих сценариях развития должно являться финансовое. фискальное и налоговое регулирование, а также разработка моделей развития при непосредственном взаимодействии федеральных и региональных властей.

Литература

- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.07.2014
 № 1398-р «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/(дата обращения: 13.08.2021).
- 2. Указ Главы РС (Я) «О Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года». URL: https://minimush.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3205069 (дата обращения: 02.08.2021).
- Распоряжение Правительства Красноярского края от 30.12.2020
 № 989-р. URL: http://www.krskstate. ru/docs/0/doc/73294/print/yes (дата обращения: 29.07.2021).
- 4. Павленко В.И.Ильич, Меламед И.И., Куценко С.Ю., Тутыгин А.Г., Авдеев М.А., Чижова Л.А. Основные принципы сбалансированного социально-экономического развития территорий Арктической зоны Российской Федерации // Власть. 2017. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsipy-sbalansirovannogotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-territoriy-

- arkticheskoy-zony-rossiyskoyfederatsii (дата обращения: 24.08.2021).
- Сжимающаяся Воркута: Депопуляция и упадок российских городов в Арктике/Научно-образовательный портал IQ НИУ ВШЭ. URL: https://iq.hse.ru/news/484160025.html (дата обращения: 14.08.2021).
- 6. Единая межведомственная информационно-статистическая система URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 24.07.2021).
- 7. Станет ли шахтерская Воркута городом-призраком/Российская газета. URL: https://rg.ru/2021/04/01/reg-szfo/stanet-li-shahterskaiavorkuta-gorodom-prizrakom.html (дата обращения: 04.08.2021).
- 8. Автоматизированный газовый промысел. Технические требования к технологическому оборудованию и объёмам автоматизации при проектировании и обустройстве на принципах малолюдных технологий/Стандарт организации ПАО «ГАЗПРОМ». URL: https://www.researchgate.net/profile (дата обращения: 16.08.2021).
- 9. Правительство Российской Федерации, Красноярский край, Норильск и «Норникель» подписали пакет документов о социально-экономическом развитии Норильска/Официальный сайт Норникеля. URL: https://www.nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/pravitelstvo-rf-krasnoyarskiy-kray-norilsk-i-nornikel-podpisalipaket-dokumentov-o-sotsialno-ekonomicheskom-razvitii-norilska/(дата обращения: 20.08.2021).

ANALYSIS OF THE SOCIAL SITUATION AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CITIES IN THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA

Zapyantsev A.A.

National Research University Higher School of Economics

The area of the Arctic zone of Russia is 3 million square meters. km (about 18% of the entire

territory of the country), which, due to the presence of colossal volumes of natural resources, minerals, a special strategic status and promising sea transport routes, makes these territories extremely important for economic development and development. However, unfavorable climatic conditions throughout the entire period of active human penetration and exploration of the Arctic made this territory extremely difficult to create permanent settlements, which, after the crisis phenomena of the late twentieth century, also prompted a significant part of the population from the number of permanent residents to resettlement to other regions of Russia.

This article examines the current socioeconomic situation in the constituent entities of the Arctic zone of the Russian Federation, studies the problems faced by the municipalities of the Arctic zone, the mobility of the population of these regions and its obstacles, the practice of municipal management of monotowns, on the basis of which proposals for the development of the constituent entities are formed. Arctic zone of the Russian Federation and urban municipalities

The purpose of the article is to analyze regional programs to reduce the share of the population with incomes below the subsistence level and prepare proposals for their revision.

Keywords: socio-economic development, The Arctic zone of the Russian Federation, municipal management practices, territorial development, regional programs, migration policy, improving the welfare of citizens.

References

- Order of the Government of the Russian Federation dated July 29, 2014. № 1398-r "On approval of the list of single-industry municipalities of the Russian Federation (single-industry towns)". URL: http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW 166540/ (date of access: 13.08.2021).
- Decree of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) "Strategies for the socio-economic development of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia) for the period up to 2035". URL: https://minimush.sakha.gov.ru/ news/front/view/id/3205069 (date accessed: 02.08.2021)
- Order of the Government of the Krasnoyarsk Territory dated 30.12.2020 No. 989-r. URL: http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/73294/ print/yes (date of access: 07/29/2021).
- 4. Pavlenko V.I. Ilyich, Melamed I.I., Kutsenko S. Yu., Tutygin A.G., Avdeev M.A.,

Социология №4 2021

- Chizhova L.A. Basic principles of balanced socio-economic development of the territories of the Arctic zone of the Russian Federation // Power. 2017. No. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyeprintsipy-sbalansirovannogotsialnoekonomicheskogo-razvitiya-territoriyarkticheskoy-zony-rossiyskoy-federatsii (date accessed: 24.08.2021).
- Shrinking Vorkuta: Depopulation and Decline of Russian Cities in the Arctic / IQ Research and Education Portal of the Higher School of Economics. URL: https://iq.hse.ru/news/484160025.html (date of access: 14.08.2021).
- Unified interdepartmental information and statistical system URL: https://fedstat.ru (date of access: 24.07.2021).
- Will the miners' Vorkuta become a ghost town / Rossiyskaya Gazeta. URL: https:// rg.ru/2021/04/01/reg-szfo/stanet-li-

- shahterskaia-vorkuta-gorodom-prizrakom. html (date accessed: 04.08.
- Automated gas field. Technical requirements for technological equipment and volumes of automation in the design and arrangement on the principles of low-manned technologies / Organization standard of PJSC "GAZ-PROM". URL: https://www.researchgate. net/profile (date accessed: 16.08.2021).
- The Government of the Russian Federation, Krasnoyarsk Territory, Norilsk and Norilsk Nickel signed a package of documents on the socio-economic development of Norilsk / Official site of Norilsk Nickel. URL: https://www.nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/pravitelstvorf-krasnoyarskiy-kray-norilsk-i-nornikel-podpisali-paket-dokumentov-o-sotsialnoekonomic news-razvitii-norilska / (date of access: 20.08.2021).

Управление социальным капиталом российских организаций: социологические аспекты

Игумнов Олег Александрович,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра экономической теории и менеджмента, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

E-mail: oleg_igumnov@mail.ru

Статья посвящена социологическим аспектам управления социальным капиталом, определённым в ходе исследования социального капитала российских организаций. Социальный капитал рассматривается как ресурс управления, измеряемый социологическими методами. Предложены рекомендации по социологическому обеспечению процессов формирования социального капитала и управления им с учётом приоритетности развития конкретных типов социального капитала организации. Отмечена важность формирования рыночного типа социального капитала как наименее развитого в российских организациях. Описаны индикаторы диагностики социального капитала с использованием социологического инструментария и с учётом специфики анализа данных и расчёта сводных индикаторов. Создание корпоративной медиа-среды и информатизация предложены в качестве одного из основных методов формирования социального капитала. Полученные результаты формируют социологическую повестку для развития актуальных управленческих инструментов в организации.

Ключевые слова: социальный капитал, управление, организация, организационный ресурс, аффилиационный социальный капитал, рыночный социальный капитал, когнитивный социальный капитал.

Социальный капитал является самостоятельным и ценным организационным ресурсом, источником организационных преимуществ и повышения эффективности, что позволяет рассматривать его как объект целенаправленного управления. Социальный капитал является объектом осознанного инвестирования, в основе которого лежит ожидание будущих выгод от увеличения и использования его как накопленного ресурса.

С точки зрения социологических аспектов практический интерес к управлению социальным капиталом обусловлен следующими обстоятельствами.

Социальный капитал, являясь комплексным, многокомпонентным организационным феноменом, оказывает множественные эффекты на различные аспекты функционирования организации, значимые для её продуктивности и эффективности. При этом социальный капитал относится к числу наиболее универсальных видов капитала, подобно финансовому и человеческому и в отличие от производственного, интеллектуального или природного. Это означает, что управление социальным капиталом является значимой сферой управления в организациях разного типа.

Во-вторых, есть основания полагать, что в современной российской экономике объективные предпосылки для формирования социального капитала являются, скорее, неблагоприятными, чем в большинстве развитых стран. Это означает, что управление социальным капиталом для российских организаций является более востребованной и актуальной задачей, чем для организаций в странах с высоким уровнем развития.

Поскольку управление социальным капиталом имеет практическую значимость для российских организаций, представляется целесообразным рас-

смотреть эти рекомендации на двух уровнях: стратегическом и инструментальном.

На стратегическом уровне управления социальный капитал рассматривается нами как самостоятельная область и объект стратегического менеджмента. Анализ результатов исследований позволяет сделать вывод о том, что представление о стратегической ценности социального капитала пока ограничено преимущественно академическими исследованиями [8, с. 205–238]. Однако в практике стратегического менеджмента как самостоятельная область управления и инвестирования он практически не рассматривается.

Содержательно социальный капитал интерпретируется в широком смысле в связи с устойчивым развитием, корпоративной социальной ответственностью и репутацией компании в глазах общественности.

Понятие «социального» в современном стратегическом менеджменте, в том числе практическом, используется почти исключительно в смысле деятельности, направленной на оказание поддержки определённым социальным группам, внутри либо вне организации. Однако содержание понятия социального капитала, безусловно, представляет собой совершенно самостоятельный круг проблем. Как показало наше исследование, социальная политика и КСО действительно способствуют развитию организационного социального капитала, однако именно как факторы его формирования, не являясь при этом его компонентами.

Социальный капитал пронизывает все организационные отношения и рабочие процессы, и никоим образом не может рассматриваться как своего рода «непрофильный актив», являющийся нагрузкой по отношению к основным бизнес-процессам. Социальный капитал определяет эффективность организационных коммуникаций, способность коллективно решать рабочие задачи, генерировать и реализовывать инновации, то есть эффекты, играющие фундаментальную роль в ор-

ганизационной продуктивности и эффективности. Его формирование в качестве интегрального феномена зависит от широкого спектра организационных условий: от характера организации труда до типа корпоративной культуры. Это легитимирует отношение к социальному капиталу как к самостоятельному объекту стратегического управления, не сводимому ни к КСО или социальной политике, ни даже к управлению человеческими ресурсами в широком смысле.

Интеграции социального капитала в систему стратегического управления способствует не только опыт внедрения концепций КСО, устойчивого развития, стратегического НЯ-менеджмента, но и распространение идеологии сбалансированной системы показателей, которая обосновала необходимость отражать в системе стратегического менеджмента не только финансовые цели и показатели, но и ряд других, в том числе связанных с развитием человеческого капитала [3]. Включение аспектов формирования и развития социального капитала представляется логичным развитием этой идеологии, хотя и требующим серьёзных усилий по взаимоувязке целей различного типа.

Все сказанное выше не означает, что организации не осуществляют фактического воздействия на социальный капитал или не используют его в стратегических целях. С точки зрения сущности социального капитала организации, управленческое воздействие может осуществляться на его отдельные компоненты в рамках HR-менеджмента, корпоративной культуры, социальной политики, управления организационными коммуникациями и т.д. Вместе с тем, целостное представление о социальном капитале как объекте стратегического управления в настоящее время в российских организациях не сложилось.

Включение социального капитала организации в качестве самостоятельной области стратегического управления в силу указанных обстоятельств является главной практической реко-

мендацией, которая может быть сформулирована по итогам проведённого нами исследования. На стратегическом уровне управления компанией требует решения как минимум трёх взаимосвязанных вопросов:

- определение стратегических целей в области управления социальным капиталом и их увязка с другими стратегическими целями;
- определение основных направлений реализации этих целей;
- разработка системы индикаторов для измерения целей в области управления социального капитала и фактически достигнутых результатов.

В российском реальном секторе экономике актуальна проблема, сформулированная Э. Фроммом в процессе исследования феномена конформизма проблемы встраивания новых форм отношений в сложную систему, обладающую собственными ядром и периферией, институтами, организационными механизмами, ресурсной базой [5]. При этом речь идёт о динамическом встраивании управленческих практик формирования социального капитала в условиях трансформации российского общества и процессов повышения «текучести» общества (согласно положениям исследований З. Баумана).

Детализация управленческих решений и процедур, связанных с формированием социального капитала, является чрезвычайно широкой научной задачей. Тем не менее, сформулируем некоторые соображения в отношении каждой задачи, основанные на социологическом анализе полученных результатов.

Общая стратегическая цель, применимая к компаниям любого типа и отраслевой принадлежности, связана с увеличением социального капитала организации. Однако сложная внутренняя природа социального капитала и выявленных механизмов его накопления в организации и использования требует также более специфичного целеполагания в зависимости от особенностей организации. Применительно

к российским организациям было выявлено, что их главным «слабым звеном» является рыночный социальный капитал, охватывающий горизонтальными связями работников в пределах всей организации. Это означает, что большинству российских организаций целесообразно уделить особое внимание развитию этого типа социального капитала.

Особенно актуальной эта рекомендация является для крупных компаний со сложной организационной структурой и высоким уровнем взаимозависимости бизнес-процессов в масштабе организации. Инвестиции в рыночный социальный капитал способны существенно сократить величину транзакционных издержек в таких организациях.

Обеспечение сбалансированного развития социального капитала может рассматриваться как универсальная рекомендация при формулировании стратегических целей российских компаний. Наше исследование выявило наличие в российских организациях дисбалансов как с точки зрения относительной выраженности компонентов социального капитала, так и с точки зрения разных его типов. Было выявлено также, что организации, имеющие более сбалансированный социальный капитал, в целом, получают возможность получить большую отдачу от его использования. Поэтому идентификация и преодоление разрывов в структуре социального капитала должны рассматриваться как общее условие стратегического целеполагания в данной сфере управления.

В развитие предыдущей рекомендации, обратим внимание на особую важность преодоления разрыва между рыночным и аффилиационным социальным капиталом. Такой ситуация означает концентрацию содержательных социальных связей внутри небольших групп или коллективов при усилении антагонистических отношений между ними, что создает риски устойчивости организационной структуры.

При определении более специфичных целей в управлении социальным

капиталом может быть использована следующая матрица соответствия функциональных областей управления и приоритетных составляющих организационного социального капитала, составленная на основе анализа полученных нами данных (табл. 1).

Таблица 1. Приоритетность развития различных типов социального капитала (СК) в зависимости от категорий стратегических задач

Категории стра- тегических задач	Аффилиа- ционный СК ческий СК		Рыноч- ный СК	
Привлечение человеческих ресурсов	3	2	1	
Сохранение человеческих ресурсов	2	1	3	
Развитие человеческих ресурсов	2–3	2–3	1	
Инновационный потенциал	1	2	3	
Трансфер знаний	2–3	2–3	1	
Эффективность бизнес- процессов	3	2	1	

Примечание: цифрами обозначен ранг типа СК по степени приоритетности

Приведённая в таблице матрица не включает в себя полный перечень факторов, однако иллюстрирует различия в целевых установках, которые необходимо делать в зависимости от того, какие функциональные области менеджмента в компании имеют большее стратегическое значение.

В терминах сбалансированной системы показателей социальный капитал имеет связь, прежде всего, с двумя функциональными областями стратегического менеджмента: обучением и развитием, с одной стороны, и внутренними бизнес-процессами, с другой. Связь социального капитала с финансовыми показателями и эффективностью, по мнению автора. требует дополнительных исследований.

Относительно более высокая ценность рыночного социального капитала связана не только с тем, что в российских компаниях он является наименее развитым, но и с тем, что его формирование требует более сфокусированных и целенаправленных управленческих усилий. Эти усилия обеспечивают качественно иной уровень доступности организационных ресурсов при осуществлении рабочих задач и возможности получения выгод от эффекта агломерации в масштабах организации.

Наличие альтернативных концептуальных подходов к определению самого понятия социального капитала на уровне организации, а также методологические проблемы объективно затрудняют управление этим видом организационных ресурсов. Следует ожидать, что лишь накопление фактического опыта измерения социального капитала социологическими инструментами в практике менеджмента позволит обеспечить тот уровень разработанности и консенсуса, который сейчас сложился, например, в отношении КСО. Тем не менее, и на данном этапе могут быть сформулированы определённые предложения по методике измерения социального капитала российскими организациями.

Как показало наше исследование, социальный капитал имеет сложную внутреннюю структуру, а разные его элементы вовлечены в разные действующие механизмы. В практическом плане инструментарий управленческой диагностики должен позволять фиксировать разные компоненты социального капитала и каждый из его типов.

По мнению автора, наиболее простая и универсальная система измерения организационного социального капитала основана на использовании опросного метода с выборочным либо сплошным охватом персонала.

Предлагаемый набор индикаторов может быть адаптирован для целей управленческой диагностики внутриорганизационного социального капитала. Примерный набор индикаторов видится следующим (табл. 2).

Таблица 2. Примерные индикаторы диагностики социального капитала (СК)

Тип социального капитала	Индикаторы				
структурный СК	оцениваемая возможность обратиться к другим сотрудникам с неформальным вопросом, сообщением, просьбой, обращением; участие в рабочих мероприятиях (рабочие группы, встречи, круглые столы, семинары, совещания и т.п.), организуемых предприятием; среднее число коллег, с которыми поддерживаются регулярные социальные контакты разной степени близости; среднее число контактов с другими сотрудниками (включая руководителей) за единицу времени (день, неделя, месяц); наличие в организации доступных коммуникаторов или информационных брокеров — сотрудников, которые могут обеспечить связь с другими работниками и руководителями компании				
когнитивный СК	осведомленность относительно корпоративной истории, организационных целей, ценностей и принципов; степень различий в понимании организационных ценностей, целей работников и компании; степень идентификации работников с коллективом на уровне отдельного подразделения/ на уровне всей компании				
реляционный СК	оцениваемая степень доверия работников друг другу и руководителям; готовность обратиться к другим сотрудникам или руководителям за помощью различного типа (получение информации, совета, доступа к ресурсам, материальной поддержки, правовой поддержке и др.); степень соответствия организационных практик и социального поведения работников ууниверсалистским нормам; степень выраженности в организации норм взаимности и справедливости; степень приемлемости нарушений общих социальных норм				

Приведённый перечень индикаторов является общим ориентиром при разработке корпоративных диагностических средств и может модифицироваться и дополняться. Принципиальное значение имеет включение достаточного числа индикаторов для измерения каждого из трёх компонентов социального капитала и каждого из трёх типов социальных отношений, аппроксимируемых отношениями работника внутри своего подразделения или рабочей команды (в зависимости от типа организационной структуры), с прочими сегментами организации, а также отношениями между руководителями и подчинёнными.

Измерение социального капитала на основе сплошного или выборочного опроса сотрудников одной компании требует изменений в методиках анализа данных и расчёта сводных индикаторов. Ключевые особенности заключаются в следующем:

1. Используемые шкалы должны допускать возможность нормирования и последующего сопоставления и расчёта сводных индексов.

2. Поскольку, в соответствии с логикой теории социального капитала организации, значение имеет не только его общая величина, но и степень сбалансированности, при расчётах сводных показателей необходимо учитывать не только обобщённые данные по всей организации, но и показатели сбалансированности социального капитала.

С методической точки зрения это означает, что если показатели, основанные на средних (нормированных) значениях могут использоваться для оценки общего уровня социального капитала, то показатели, основанные на дисперсии или величине стандартного отклонения, позволяют оценить неоднородность и неравномерность распределения структурных возможностей, когнитивных моделей, просоциальных установок и других составляющих социального капитала. Степень этой неоднородности является самостоятельным типом показателей, имеющим стратегическое значение.

Показатели, основанные на оценке степени вариации, также подлежат

нормированию при расчёте сводных индексов, в соответствии с логикой: «чем выше вариация, тем ниже уровень социального капитала».

- 3. При оценке когнитивного социального капитала могут использоваться те же самые альтернативы, что и при оценке корпоративной культуры. Предполагая, что корпоративная культура фиксирует усилия по продвижению определённых символических конструкций и организационных практик, смысл использования соответствующих описаний в данном случае заключается в оценке степени сходства их восприятия и описания разными категориями сотрудников. В качестве показателя когнитивного социального капитала воспринимаемое содержание корпоративных целей и ценностей имеет значение исключительно с точки зрения различий такого восприятия, то есть как показатели вариации.
- 5. При проведении корпоративного обследования целесообразно использовать различные инструменты для линейного и руководящего персонала.
- 6. При оценке нормативного компонента реляционного социального капитала используются аллоцентричные оценки, характеризующие фактические нормы поведения в организации в целом, а не нормативные ориентации конкретных индивидов. Это связано с тем, что нормы (как часть социального капитала) являются групповым феноменом и имеют смысл именно как регуляторы коллективного поведения. При этом нормативный компонент, непосредственно регулирующий поведение в коллективе, необходимо отличать от нормативного компонента корпоративной культуры, отражающего ценностные ориентиры представлений менеджмента, транслируемые по управленческой иерархии.

Использование приведённого перечня базовых индикаторов в ходе регулярных корпоративных обследований выступает основой для построения сводных индексов, которые и являются средством мониторинга стратегических целей в области социального капитала.

Мы полагаем, что в рамках стратегического целеполагания и аудита целесообразно использовать следующие обобщающие показатели: состояния отдельных компонентов социального капитала: структурного когнитивного, реляционного (основанные на обобщённых нормированных средних значениях отдельных индикаторов); состояния отдельных типов социального капитала: аффилиационного, иерархического, рыночного (основанные на обобщённых нормированных средних значениях отдельных индикаторов и взвешенных по трём компонентам); сводного индекса социального капитала (основанный на обобщённых нормированных средних оценках всех индикаторов); сбалансированности социального капитала по компонентам, типам, а также категориям работников (основанные на обобщённых нормированных оценках вариации индивидуальных либо групповых значений индикаторов).

В зависимости от результатов диагностики и стратегических целей компании, непосредственной основой для формулирования целевых показателей могут выступать различные показатели. Хотя в общем случае, целесообразно ориентироваться на показатели в) и г) как наиболее универсальные, организация может сформулировать стратегические цели, связанные с развитием каких-либо более частных составляющих социального капитала, например, структурного компонента или рыночного типа.

Высокий уровень доступности информации позволяет применить и другие методические подходы, как в дополнение, так и в качестве альтернативы опросу. Наиболее значительными диагностическими возможностями обладают организации с высоким уровнем информатизации бизнес-процессов и, прежде всего, организационных коммуникаций.

Мониторинг сетевого взаимодействия позволяет использовать инструментарий современного сетевого анализа для выявления не только структуры социальных сетей, но и содержатуры социальных сетей.

тельных аспектов социального взаимодействия. Такие подходы, однако, применимы не для каждой организации и требуют глубоких компетенций в области анализа данных. Более универсальными в связи с этим являются опросные средства диагностики.

Третий ключевой элемент стратегического управления, обеспечивающий связь с инструментальным уровнем, это определение основных способов достижения целей. Наше исследование позволило выявить некоторые группы факторов, контролируемых организацией и обеспечивающих воздействие на различные компоненты социального капитала. Хотя этот перечень, очевидно, не является исчерпывающим, он позволяет определить некоторые возможные стратегические направления развития. Перечень основных направлений развития социального капитала, в порядке уменьшения значимости, выглядит следующим образом:

- корпоративная культура;
- КСО и социальная политика;
- информатизация;
- функциональная взаимозависимость.

На инструментальном уровне управления социальным капиталом эти общие направления могут быть конкретизированы. Анализ результатов исследования позволяет сформулировать рекомендации, касающиеся развития социального капитала. Наиболее универсальное и ощутимое воздействие на формирование социального капитала оказывают мероприятия в области корпоративной культуры и КСО.

В сфере корпоративной культуры компаниям рекомендуется, в первую очередь, формировать образ организации, ориентированной на работника. Трансляция системы корпоративных ценностей, в которых компания признает и уважает интересы и потребности работников, а также поощрение соответствующих организационных практик, оказывает существенное и универсальное положительное воздействие на развитие всех компонентов социального капитала.

Для российской деловой культуры характерна исключительно высокая роль целей и ценностей руководителей и, соответственно, их восприятия работниками [1]. Менеджмент, заинтересованный в развитии социального капитала, с учётом указанной особенности должен демонстрировать символически и подтверждать на практике отказ от сугубо технократического, функционального восприятия работников, признавая их интересы и ожидания. Учитывая, что ориентация на работника не является распространённым типом корпоративной культуры в российских организациях, следование данной рекомендации требует, в первую очередь, изменения установок высшего руководства, по крайней мере, на декларативном уровне.

Российским организациям, заинтересованным в росте социального капитала, также можно рекомендовать повышение уровня открытости и уменьшение жёсткости контроля. Содействие нормам открытости может осуществляться за счёт роста информированности персонала о корпоративных вопросах, процедурах и результатах управленческих решений; поддержания оптимального темпа притока новых кадров, в том числе за счет горизонтальной ротации; интенсификации взаимодействия с внешней средой (партнёрами, потребителями, местными сообществами, СМИ, НКО, профессиональными сообществами); использования планировочных решений, обеспечивающих большую доступность контактов с коллегами из различных сегментов организации.

Ценности менеджмента организаации являются главным ограничивающим условием для развития корпоративной культуры, способствующей развитию социального капитала. Изменение транслируемых норм может потребовать кардинальных трансформаций в восприятии организационных систем и управленческой иерархии, что достаточно сложно по психологическим причинам. В свою очередь, изменения, которые затрагивают исключительно де-

кларативный, символический уровень корпоративной культуры, не будут эффективными, если не будут подкрепляться на уровне этоса.

Корпоративные мероприятия – один из тех аспектов корпоративной культуры, которые неоднозначно воспринимается в российском обществе [2, с.294—298]. Навязанное участие, с контролируемым присутствием и вовлечением в различные виды активности, игнорируя склонности и желания сотрудников, могут вызвать отчуждение и отторжение со стороны персонала. Особенно ценным этот инструмент является для развития рыночного социального капитала.

В области управления социальной сферой рекомендации по развитию социального капитала связаны, прежде всего, с внедрением и кодификацией принципов КСО, социальной политики и созданием механизмов урегулирования внутриорганизационных конфликтов. Эти управленческие решения на практике воплощают принципы корпоративной культуры, ориентированной на работника, как они воспринимаются в российской деловой культуре. В этом смысле корпоративная культура и социальная политика взаимно дополняют друг друга, создавая социальную среду, которая воспринимается как комфортная и способствующая позитивным отношениям в коллективе.

Для управления социальным капиталом посредством корпоративной культуры главным ограничивающим фактором является изменение установок и практик менеджмента; использование инструментов КСО при этом ограничено, прежде всего, потребностью в финансовых и организационных ресурсах.

Важным и доступным для большинства организаций способом развития социального капитала являются информатизация и создание корпоративной медиа-среды, позволяющей сотрудникам взаимодействовать посредством электронных коммуникаций. Хотя большинство современных компаний используют те или иные способы

информатизации внутренних процессов, не все они имеют равное значение с точки зрения развития социального капитала.

Информатизация — важная часть управленческой эффективности, однако лишь косвенно связанная с задачами развития социального капитала. Последнему способствуют, прежде всего, корпоративные социальные технологии — средства, позволяющие осуществлять не только и не столько вертикальные и однонаправленные, сколько горизонтальные и интерактивные коммуникации, носящие не только формальный, но и неформальный характер, что отражает одну из наиболее важных тенденций в современном менеджменте [4:6:7].

Внедрение корпоративных социальных информационно-коммуникационных технологий обеспечивает воздействие на различные компоненты социального капитала:

- структурный (создавая новые простые возможности контактов и виртуальное пространство взаимодействия для сотрудников);
- когнитивный (обеспечивая формирование единого информационного и смыслового пространства и создавая условия для преодоления возможных различий в языке, перспективе и восприятии организационной среды, снижая значимость многих потенциальных коммуникативных барьеров);
- реляционный (повышая гибкость коммуникативных стратегий и тактик, обеспечивая большую прозрачность коммуникаций, снижая возможный стрессовый характер личных контактов).

Особенно ценной информатизация организационных коммуникаций является для развития социального капитала в рыночных и иерархических отношениях. Преимущества корпоративных социальных информационных ресурсов дополняются сравнительно низкими затратами на внедрение. Исключительное значение имеют высокая гибкость и адаптивность социальных информа-

ционных ресурсов, позволяющие разрабатывать решения с учетом особенностей компании и стратегических задач в области социального капитала.

Потенциальными барьерами при использовании этого типа инструментов являются преодоление возможного сопротивления сотрудников, обеспечение их функциональной грамотности, необходимость поддержки со стороны руководства, минимизация негативных последствий использования корпоративных медиа для контроля. Тем не менее, расширение доли «интернетпоколений» в численности персонала является объективной предпосылкой для усиления роли и ценности этого инструмента.

Использование инструментария повышения уровня взаимозависимости, является наиболее сложным способом роста социального капитала с управленческой точки зрения. Это потребует перестройки бизнес-процессов организации таким образом, чтобы увеличить степень взаимной зависимости работников при выполнении функциональных обязанностей.

основанная Организация труда, на принципе взаимозависимости, предполагает, что успешное выполнение профессиональной функции требует координации и кооперации, тем самым способствуя ограничению эгоистической мотивации, повышению чувствительности к интересам и точке зрения коллег, развитию навыков совместной деятельности, формированию общей идентичности. Такие социальнопсихологические эффекты достигаются при условии, что зависимость носит взаимный характер и не является асимметричной.

В крупных организациях естественные условия для совместной деятельности, как правило, ограничиваются непосредственным трудовым коллективом (например, внутри отдела), способствуя развитию отношений аффилиации. Большую значимость в связи с этим имеет создание условий, повышающих взаимозависимость за пределами такого коллектива.

Все перечисленные инструменты развития социального капитала, так или иначе, входят в систему современного менеджмента, а потому сами по себе не являются чем-то новым для него. Практическая новизна заключается в их целенаправленном использовании и «настройке» в качестве средства развития социального капитала.

Эти же вопросы являются ключевыми при разработке решений, направленных на развитие социального капитала. Отдельные решения могут быть направлены на решение какой-то одной задачи; развитие же сбалансированного социального капитала потребует множества решений, относящихся ко всем его компонентам и типам. Примерами подобных отдельных решений, комбинация которых может способствовать развитию социального капитала, могут быть: создание тематических групп по обмену опытом и лучшими практиками среди сотрудников разных подразделений; организация курсов по развитию коммуникативных навыков; отказ от планировочных решений, направленных на дистанцирование руководства от сотрудников (например, организация рабочего места руководителя подразделения по принципу openspace).

Многообразие возможных решений является основой для управленческого экспериментирования и поиска баланса между развитием социального капитала и другими целями и задачами компании. Основополагающее значение для успешной деятельности организации имеет ясное восприятие социального капитала как самостоятельного ресурса организационного развития и понимание ценности его сбалансированного развития.

Литература

- Аналитический обзор по результатам исследования «Ценностные основы социальной деятельности российского предпринимательства».
 М.: Новард, 2015. 85 с.
- 2. Крючков О.М. Инструмент командообразования, или четыре «болевые

- точки» корпоративного мероприятия // Управление развитием персонала. 2011. № 4. С. 294–298.
- 3. Нортон Р.С., Каплан Д.П. Сбалансированная система показателей: От стратегии к действию. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. 294 с.
- Сипатова М.В. Корпоративные социальные сети как бизнесинструмент // Управление человеческим потенциалом. 2014. № 1. С. 28–39.
- 5. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 272 с.
- Bughin J., Chui M. and Harrysson M. How social tools can reshape the organization / McKinsey & Company Survey Report, 2016. – URL: http://www.mckinsey.com/businessfunctions/digital-mckinsey/our-insights/how-social-tools-can-reshapethe-organization;
- Chui M. et al. The social economy: Unlocking value and productivity through social technologies. – McKinsey Global Institute, 2012.
- Hahapiet J. Capitalizing on connections: social capital and strategic management / Social Capital: Reaching Out, Reaching In. Ed. by V.O. Bartkus, J.H. Davis. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2009. P. 205–238.

RUSSIAN ORGANIZATIONS SOCIAL CAPITAL MANAGEMENT: SOCIOLOGICAL ASPECTS

Igumnov O.A.

Moscow state pedagogical University

The article is devoted to the sociological aspects of social capital management, determined during the study of Russian organizations social capital. Social capital is considered as a management resource measured by sociological methods. Recommendations on the sociological support of social capital formation processes and its management are proposed taking into account the priority of social capital organization specific types development. The importance of

forming a market type of social capital as the least developed in Russian organizations is noted. The indicators of social capital diagnostics are described using sociological tools and taking into account the specifics of data analysis and calculation of summary indicators. The creation of a corporate media environment and informatization are proposed as one of the main methods of social capital forming. The obtained results form a sociological agenda for the development of relevant management tools in the organization.

Keywords: social capital, management, organization, organizational resource, affiliation social capital, market social capital, cognitive social capital.

References

- Analytical review based on the results of the research "The value foundations of the social activities of Russian entrepreneurship." M.: Novard, 2015.85 p.
- Kryuchkov OM Team building tool, or four "pain points" of a corporate event // Personnel development management. 2011. No. 4. S. 294–298.
- Norton R.S., Kaplan D.P. Balanced Scorecard: From Strategy to Action. – M.: CJSC "Olymp-Business", 2003. 294 p.
- Sipatova M.V. Corporate social networks as a business tool // Human potential management. 2014. No. 1. S. 28–39.
- 5. Fromm E. Escape from freedom. Moscow: Progress, 1990. 272 p.
- Bughin J., Chui M. and Harrysson M. How social tools can reshape the organization / McKinsey & Company Survey Report, 2016. – URL: http://www.mckinsey.com/ business-functions/digital-mckinsey/ our-insights / how-social-tools-can-reshape-theorganization:
- Chui M. et al. The social economy: Unlocking value and productivity through social technologies. – McKinsey Global Institute, 2012.
- Hahapiet J. Capitalizing on connections: social capital and strategic management / Social Capital: Reaching Out, Reaching In. Ed. by V.O. Bartkus, J.H. Davis. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2009. P. 205–238.

Региональные проблемы внутренних и международных миграций (на материалах Республики Бурятия)

Комбаев Алексей Викторович,

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

E-mail: kombaev@mail.ru

Данная статья посвящена изучению общественного мнения о проблемах внутренних и международных миграций в Республике Бурятия.

На основе проведённого социологического исследования, автор выявляет причины миграции и отношение местного населения к мигрантам и то, как миграционные процессы влияют на социальную структуру общества, осуществляет прогноз экономических последствий миграции в регионе на ближайшую перспективу.

В работе показано, что данная тема не теряет своей актуальности, проблемы миграционных потоков являются неотъемлемой частью как региональных, так и международных социальных процессов. Миграция оказывает влияние на социально-демографические и экономические показатели как всей страны, так и отдельного региона.

Исследование данной проблемы имеет большую важность, поскольку каждый раз мы можем наблюдать тот факт, что жители Бурятии стремятся покинуть регион в поисках лучшей жизни, работы, учебы и т.д., следовательно, результаты проведенного исследования помогут выявить причины, которые влияют на активные протекающие в нашем регионе миграционные процессы.

Ключевые слова; миграция, демография, экономика, уровень жизни, социальные установки.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Об исследовательских процедурах

Целью настоящего исследования стало определение особенностей общественного мнения по поводу внутренних и международных миграций в Республике Бурятия.

Для повышения репрезентативности выборочной совокупности для изучения объектов, на основе генеральной совокупности – общих данных по количеству населения, проживающих в Бурятии, было определено необходимое количество респондентов, которые и стали главными участниками проведения нами анкетного опроса.

Так, в ходе проведения массового опроса жителей Республики Бурятия было опрошено 200 человек (93 — мужчины, 107 — женщины), выбор которых был основан на использовании социально-демографических характеристик: половой принадлежности, возрастной группы, национальности, места жительства: город или район республики.

Причины переезда людей из региона

Оценивая социально-экономическую ситуацию в регионе, большая часть жителей республики (46%), считают, что она находится на уровне ниже среднего. Данный факт указывает, очевидно, на то, что жители республики испытывают пессимизм по поводу возможных изменений в сферах общественной жизни. Более того, многие жители отмечают, что в области экономики и социальной сферы наблюдается некоторое ухудшение ситуации, что подкрепляет мнение жителей региона.

Далее, респондентам предлагался вопрос, который позволил им выразить отношение к собственным условиям жизни и их семьи в настоящее время. Ответы распределились следующим образом: 39% — «скорее недовольны»

и всего малая часть от общего числа, а это 9% выбрали вариант — «полностью довольны». На такие результаты, вероятно, влияет такой показатель, как уровень дохода в семье, зависящий от многих факторов, составляющих общий уровень жизни региона, в котором проживает человек.

Так, исходя из предыдущихвыводов, стоит обратить внимание на то, какие ответы давали респонденты, отвечая на вопрос по поводу того, какой должна быть сумма дохода на одного человека, позволяющая прожить в нашем регионе. Больше половины опрошенных жителей Бурятии (54,5%) определили доход, который варьируется от 26 тысяч до 50 тысяч рублей. Так, стоит предположить, что люди оценивают стоимость товаров и услуг в республике на среднем и выше среднего уровне.

Оценка миграционной ситуации в регионе

По результатам проведенного опроса можно сделать следующие выводы: жители своими ответами обозначили 3 наиболее популярных аспекта миграций, наблюдаемых в Бурятии:

- 1. Отъезд местного населения (38%);
- 2. Распространение работы вахтовым методом (36%);
- 3. Отток высококвалифицированных специалистов и выпускников вузов в другие регионы (46%).

Далее, респонденты выражали свое отношение по поводу мигрантов. Было установлено, что у жителей нашей республики наблюдается нейтральное отношение к людям, приезжающим из зарубежных стран. Это позволяет говорить о том, что сегодня, в современных условиях существования людей, формируется толерантное отношение к другим национальностям.

Отвечая на вопрос – «Нужно ли ограничивать приезд иностранцев в Россию?», были получены следующие результаты:

- 1. 41,5% всех жителей высказывали свое отношение в пользу ответа «да»;
- 2. 27% выбрали вариант «затрудняюсь ответить»;

3. 23.5% людей ответили «нет».

На такие результаты, очевидно, повлиял тот факт, что большинство опрошенных, а это 57%, считают, что иностранные мигранты оказывают отрицательное воздействие на проблему безработицы в регионе, тогда как на такие стороны общественной жизни, как экономика, политика, экология, медицина, образование, по мнению респондентов, их влияние отсутствует.

Так, далее, в исследовательской анкете были вопросы, где жители республики должны были указать те регионы России и зарубежные страны, из которых приезжают мигранты в наш регион. Исходя из ответов определились наиболее распространенные регионы:

- 1. Монголия, Китай, Узбекистан, Азербайджан, Таджикистан, Кыргызстан. Вероятно, были определены данные страны в силу того, что во многих среднеазиатских государствах существует проблема безработицы и крайне низкие заработные платы.
- 2. Регионы России: Иркутск / Иркутская область, Забайкальский край / Чита, Республика Хакасия и Тыва.

Можно предположить, что население данных регионов, в основном это касается молодежи, которая приезжает в Бурятию с целью получить образование и найти хорошую работу.

Последним в данном блоке стал вопрос, показывающий отношение респондентов к наличию региональной проблемы оттока населения из сельской местности в города. Были определены следующие результаты:

- 1. «Да, такая проблема есть» 53,5%;
- 2. «Это очень большая проблема для нашего региона» 22%;
- 3. «Затрудняюсь ответить» 17%.

С высокой долей уверенности можно сказать, что утверждение — «В городе лучше, чем в деревне» на сегодня, по-прежнему остается значимым.

Миграционные настроения жителей региона

Для выявления миграционных настроений респондентам предлагался вопрос — «Задумываетесь ли Вы о переезде в дру-

гой регион России или другую страну?». Анализ результатов показал:

- 45% жителей республики выбрали ответ – «Нет, не хочу и не собираюсь переезжать»;
- 2. 21,5% отметили вариант «Хотел бы переехать, но пока ничего не предпринимал;
- 3. 15% выбрали «Иногда думаю о переезде».

Вероятно, нежелание переезжать может быть обусловлено тем, что в Бурятии у респондента есть уже условия жизни и социального окружения — работа, семья, дети, друзья, которые, как в совокупности влияют на отсутствие у него стремления переехать в другой регион или страну.

Далее, стоит привести результаты по поводу того, почему же некоторая часть населения все-таки задумывается переехать. Были определены 3 наиболее распространенных причины, указанных респондентами:

- Низкий уровень жизни в целом 28,5%;
- Низкая зарплата 21,5%;
- 3. Отсутствие нормальной работы 19,5%.

Следующий вопрос позволил определить главные цели, по которым люди хотят переехать:

- Заработать больше денег 30,19%;
- 2. Найти постоянное место жительства 18,87%;
- Посмотреть мир 14,15%.

Исходя из этого, можно сказать, что некоторая часть жителей считает, что в Республике Бурятия нет хорошей работы, а следовательно, достойной заработной платы, позволяющие обеспечить человеку и его семье достойные условия жизни.

Далее, предлагался вопрос — «При каких условиях Вы бы остались жить и работать в районе Вашего проживания?». На основе анализа результатов можно определить 3 наиболее распространенных ответа:

- 1. При обеспечении достойной заработной платы – 29,7%;
- При решении вопроса занятости, обеспечения карьерного роста – 16,97%;

 При развитии социальной инфраструктуры, мест досуга и отдыха – 11.52%.

Большая часть того населения, которая задумывается переехать из региона, на вопрос – «Как скоро Вы планируете переезд?» выбрала вариант – «Не решил определенно» (51,85%).

Вероятно, люди пока только рассматривают данный вопрос, но реальной возможностью пока не обладают.

Респонденты указали те страны и регионы России, в которые хотят переехать:

- Регионы России: Москва, Краснодар / Краснодарский край, Санкт-Петербург, Иркутск / Иркутская область.
- 2. Зарубежные страны: Канада, Чехия, Финляндия и США.

В качестве дополнительных стран были выделены Южная Корея и Монголия.

Выбор данных стран был обусловлен несколькими причинами:

- 1. Хорошая возможность для работы и учебы;
- 2. Проще получить гражданство;
- 3. Доступность образовательных программ;
- 4. Высокий уровень социальной инфраструктуры;
- Большие возможности и стабильность;
- 6. Высокий уровень жизни;
- Мечта.

Из полученных нами результатов видно, что люди оценивают жизнь на Западе лучше, чем в регионе своего проживания и стране в целом.

Меры по улучшению миграционной ситуации

Для определения мнения респондентов по поводу того, какие меры необходимо предпринимать в республики, чтобы люди, прежде всего молодежь, перестала уезжать, было установлено 3 самых распространенных ответа:

- Создавать новые рабочие места 64.5%;
- Развивать промышленность и сельское хозяйство – 47,5%;

3. Развивать инновационные отрасли экономики – 36%.

Так же стоит привести дополнительные ответы респондентов по поводу данного вопроса:

- 1. Смена региональной власти;
- 2. Создание положительного образа Бурятии для населения:
- 3. Создание бренда региона;
- 4. Повышение заработной платы;

Анализируя ответы, можно предположить, что молодая часть населения перестанет покидать республику при условии, если будут создаваться рабочие места, обеспечивающие каждому выпускнику вуза возможность найти работу по специальности; будет обеспечена хорошая заработная плата, позволяющая быть довольным своими условия жизни; будет создаваться общими усилиями всего населения положительный образ Бурятии, который не заставит покидать республику.

Для установления мнения респондентов по поводу того, какие меры надо предпринимать, чтобы в регион приезжали молодые и квалифицированные мигранты, были определены наиболее распространенные ответы:

- 1. Предлагать рабочие места 53,5%;
- Предлагать социальное жилье -38%;
- 3. Выделять квоты для студентов 32.5%.

В качестве дополнительных ответов респондентов стоит отметить следующие меры:

- Гарантировать экономическую стабильность и карьерный рост;
- 2. Предлагать достойную заработную плату;
- 3. Улучшить условия жизни в районах республики.

Так же, необходимо обратить внимание на то, что есть люди, которые высказывают мнение о том, что мигранты в регионе не нужны и лучше направлять свои усилия на развитие собственной демографии и улучшение социально-экономических условий жизни.

Таким образом, в ходе проведения исследования была достигнута цель — определены особенности общественно-

го мнения по поводу внутренних и международных миграций в Республике Бурятия, на основе которых были определены наиболее важные результаты проведенного социологического исследования.

Результаты показали, что в Республике Бурятия проблема миграционных процессов имеет особое значение, на это указывает тот факт, что значительная часть населения, недовольная условиями жизни в регионе, стремится сменить место жительства для поиска лучшей жизни. Следовательно, на основе этого, стоит сделать вывод, что региону необходимо обратить свое внимание на данный вопрос и направить силы на эффективную разработку и реализацию необходимых мер по повышению уровня жизни в республике.

Очевидно, что оптимизация миграционных процессов в республике Бурятия возможна только при комплексной миграционной политике, направленной на закрепление молодых трудоспособных лиц и привлечение в регион потенциальных мигрантов.

Комплекс мер должен быть направлен и на установление благоприятных связей Республики Бурятия с другими регионами РФ и зарубежными странами, а также на создание возможностей для самореализации молодежи и предоставление благоприятных условий для миграционного притока людей с целью удовлетворения потребностей рынка труда.

Литература

- 1. Социально-политический портрет рабочего эмигранта в Бурятии Комбаев А.В. В сборнике: Время больших перемен: политика и политики материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Российский университет дружбы народов; Под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. 2017. С. 188–189.
- Анализ конфликтного и интеграционного потенциала межэтнических и миграционных отношений в Республике Бурятия. Комбаев А.В.

- В сборнике: Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в. Материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 109–113.
- 3. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего востока России. Степанов В.В., Старченко Р.А., Смирнова Т.Б., Аткунова Д.А., Бубликов В.В., Ермак Г.Г., Кальмина Л.В., Комбаев А.В., Родионова Е.В., Тюхтенева С.П., Черникова В.В., Шабаев Ю.П., Шевцова Е.В. Экспертный доклад за 2018 год / Под общей редакцией академика В.А. Тишкова. Москва-Омск, 2019.

REGIONAL PROBLEMS OF INTERNAL AND INTERNATIONAL MIGRATION (BASED ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

Kombaev A.V.

Dorzhi Banzarov Buryat State University

This article is devoted to the study of public opinion on the problems of internal and international migration in the Republic of Buryatia.

Based on the conducted sociological research, the author identifies the reasons for migration and the attitude of the local population towards migrants and how migration processes affect the social structure of society, predicts the economic consequences of migration in the region in the near future.

The work shows that this topic does not lose its relevance, the problems of migration flows are an integral part of both regional and internation-

al social processes. Migration affects the sociodemographic and economic indicators of both the entire country and a particular region.

The study of this problem is of great importance, since every time we can observe the fact that the inhabitants of Buryatia tend to leave the region in search of a better life, work, study, etc., therefore, the results of the study will help to identify the reasons that affect active flow migration processes in our region.

Keywords: migration, demography, economy, standard of living, social attitudes.

References

- Socio-political portrait of an emigrant worker in Buryatia Kombaev A.V. In the collection: Time of Great Changes: Politics and Politics. materials of the All-Russian scientific conference of the RAPN. Peoples' Friendship University of Russia; Edited by O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov, L.N. Timofeeva. 2017. S. 188–189.
- Analysis of the conflict and integration potential of interethnic and migration relations in the Republic of Buryatia. Kombaev A.V. In the collection: Social and political challenges of modernization in the XXI century. Materials of the international scientific and practical conference. 2018. S. 109–113.
- Interethnic relations and the migration situation in the regions of the Center, North-West, Siberia and the Far East of Russia. Stepanov V.V., Starchenko R.A., Smirnova T.B., Atkunova D.A., Bublikov V.V., Ermak G.G., Kalmina L.V., Kombaev A.V., Rodionova E V.V., Tyukhteneva S.P., Chernikova V.V., Shabaev Yu.P., Shevtsova E.V. Expert report for 2018 / Edited by Academician V.A. Tishkov. Moscow-Omsk, 2019.

Неформальные ресурсы социальной поддержки многодетных семей

Романова Анастасия Вячеславовна,

аспирант факультета социальных технологий, Северо-Западный институт управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации E-mail: Romanova.upgrade@gmail.com

Исследуются неформальные ресурсы поддержки многодетных семей России, представленные в виде территориальных некоммерческих объединений, негосударственных социальных организаций и функционирующих на их основе клубов, центров, а также сообществ в сети Интернет. Неформальные ресурсы поддержки способствуют многодетным родителям в формировании практических компетенций, вследствие применения которых они принимают решения в вопросах планирования, рождения, воспитания и социализации своих детей. В обществе возникает потребность создания определенных ресурсов и сетей социальной поддержки семей с целью оказания той помощи, которой семьям недостаточно от государства. На основе изученного материала автор приходит к выводу, что неформальная поддержка многодетных семей способна предупредить и разрешить множество проблем, которые не всегда возможно оперативно решить с помощью государственных учреждений.

Ключевые слова: семья; многодетная семья; поддержка многодетной семьи; ресурсы поддержки многодетной семьи; общественные организации.

Введение

Новая волна демографического спада в России, появившаяся после повышения рождаемости в 2000-х годах, вызвана особенностями современных семей – к этому времени в России преобладающим типом стала нуклеарная семья с одним или двумя детьми. Основная масса семей ориентирована на рождение одного-двух детей, но главным ресурсом воспроизведения населения является многодетная семья, так как только она может обеспечить поддержку воспроизводства населения и должна быть в приоритете поддержки семейной политики.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года в Российской Федерации 40,7 миллионов семей состоит из 2 и более человек. Семей с детьми, которым еще не исполнилось 18 лет -17,3 млн то есть 43% от общего количества семей, а многодетных семей всего 2,5 процента. По оценке экспертов, ухудшение уровня жизни семей, возникающее после рождения детей, возрастает по мере увеличения числа детей в семье и составляет 50% среди полных семей с 3 детьми и более [1]. По представленным данным на сайте Федеральной службы государственной статистики (Росстат) суммарный коэффициент рождаемости из расчета числа детей по отношению к одной женщине в 2015 году равен 1,777 (учитывая сведения по Республике Крым и г. Севастополь), в 2018 году коэффициент равнялся 1,579, а в 2019-1,504. Для простого замещения поколения родителей детьми показатель коэффициента должен иметь значение примерно 2,15-2,17. Данные суммарного коэффициента с 2012 года представлены в таблице 1.

Такой низкий коэффициент рождаемости (1,5–1,6) на одну женщину не приведет к преодолению демографического кризиса. Сегодня три и бо-

лее ребёнка скорее редкость среди семей. На рождаемость в России влияют следующие факторы: увеличение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка, наличие медицинских проблем репродуктивной системы здоровья, переход от традиционного типа семьи к партнёрскому, изменение позиции женщины на рынке труда и др. [Журавлева, Гаврилова, 2017]. В мас-

штабах государства только многодетные семьи, имеющие от трех и более детей, способны помочь преодолеть демографический кризис. Однако многодетные семьи сталкиваются с многочисленными проблемами и трудностями, для преодоления которых необходимы не только государственная поддержка, но и негосударственные формы помощи.

Таблица 1. Суммарный коэффициент рождаемости в России 2012–2019 гг.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Число родившихся детей в расчете на 1 женщину	1,691	1,707	1,750	1,777	1,762	1,621	1,579	1,504
Начиная с 2014 г. данные с учетом сведений по Республике Крым и г. Севастополь.								

Источник: Суммарный коэффициент рождаемости / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения 15.02.2021).

Специфические проблемы многодетных семей

Основные проблемы, с которыми сталкиваются многодетные, зачастую одинаковые у такого типа семей, однако стоит разделить проблемы благополучных и социально неблагополучным относят семьи с низким уровнем социальной и педагогической культуры, имеющих аддикции (алкогольная, наркотическая, игровая зависимость), аморальное поведение. Такие семьи имеют сильное негативное влияние на детей, что создает угрозу для жизни и здоровья ребёнка.

Социальные проблемы благополучных семей (общие проблемы):

1. Проблемы экономического характера возникают из-за дефицита денежных средств вследствие увеличенной иждивенческой нагрузки. По данным статистического бюллетеня Росстата «Социальноэкономические индикаторы бедности» самый высокий уровень бедности отмечен среди детей из многодетных семей — более половины детей растут в бедности [2].

- 2. Нехватка жилой площади для многодетных является острой проблемой. Жилищные условия могут быть недостаточно комфортны для единовременного выполнения домашних дел и по хозяйству, уроков, работы на дому, досуга и т.д. Число многодетных семей в стране, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях на 2018 год, составляло 132323 семей, что на 3116 семей больше по сравнению с 2016 годом [3].
- 3. Ухудшение репродуктивного здоровья, позднее вступление в брак с последующим поздним рождением детей вызывают различные медицинские проблемы, которые могут проявиться как в здоровье родителей, так и детей. Средний возраст матери при рождении первого ребенка 26,6 лет по данным за 2015—2017 г., для сравнения за 1995—1999 года средний возраст был равен 21,4 [4].
- Отсутствие достаточной правовой информированности семей о мерах социальной поддержки и способах их получения, на которые они имеют право по законодательству. Некоторым семьям неизвестно о предо-

- ставляемых им денежных выплатах, льготах, пособиях, а так как почти вся поддержка имеет заявительный характер, то многодетные семьи не получают поддержки в достаточной мере.
- Также у многодетных могут обостряться бытовые проблемы (покупка продуктов, уборка, приготовление еды, помощь в выполнении уроков с детьми и т.д.) при распределении ролей в связи с большой хозяйственной нагрузкой на мать и финансовой нагрузкой на отца.
- 6. Психологические проблемы могут быть связаны с недостатком свободного и личного времени, усталости родителей. Из-за повышенной загруженности матери дети могут получать внимания меньше, чем им действительно необходимо. В семьях, где большое количество детей (4 и более) может быть обострена проблемы снижения границы социального возраста: старшие дети быстрее взрослеют из-за появления ответственности в отношении младших братьев и сестер, помощи по хозяйству и быту родителям, а иногда и вынужденному устройству на работу и пропуску занятий в образовательном учреждении, если семья будет испытывать острую нехватку денежных средств [5, c. 52–53].
- Проблема досуга многодетных семей тесно связана с наличием свободного времени для проведения его с детьми и денежных средств, необходимых для приобретения билетов в места отдыха (кино, театры, детские аттракционы), посещение детских курсов и занятий (некоторые спортивные секции, дополнительное образование), покупка сладостей.
- Влияние пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 году на внутреннюю обстановку в семье: вынужденная изоляция дома родителей и детей на длительное время внесла коррективы в привычный режим – родители не ходили на ра-

боту, а дети не посещали образовательные учреждения (детский сад, школа и др.). Отсутствие внешних прямых контактов, живого общения, досуга и развлечений, длительное нахождение в условиях неопределенности привело к кризису внутрисемейных отношений [6]. На материальное положение многодетных семей оказало влияние снижение или полное отсутствие дохода в период изоляции у родителей, а также перевод детей школьного возраста многодетных семей на дистанционный формат обучения, требующий качественного интернет-соединения. персонального компьютера смартфонов на каждого ребёнка для продолжения процесса обучения. Проблемным фактором являлось отсутствие возможности обеспечения детей необходимыми условиями для дистанционной учёбы.

Неблагополучные многодетные семьи в силу своей асоциальности склонны к педагогической несостоятельности и имеют следующие специфические проблемы социального характера:

- 1. Отсутствие средств к существованию и иждивенческая позиция у родителей, их незаинтересованность в поиске работы и обеспечения детей. Выплаты на детей используются как единственный семейный доход, что создает бедственное положение семьи.
- Отсутствие контроля за детьми, вследствие чего дети предоставлены большую часть времени сами себе, прибегают к бродяжничеству, становятся беспризорными, совершают правонарушения.
- Асоциальный образ жизни родителей, таких как алко-, наркозависимых, аморальное поведение приводят к нарушениям психофизиологического состояния детей, особенно в отношении младших.
- 4. Применение насилия, постоянные конфликты в семье в отношении детей затрудняют их нормальное психическое и физическое развитие.

Разрешение перечисленных блем, с которыми сталкиваются многодетные семьи – как благополучные, так и неблагополучные, находится под контролем государства. Поддержка реализуется через предоставление социальных услуг, участие в региональных и федеральных программах, организацию работы социальных учреждений, в том числе центров социального обслуживания населения, центров помощи семье и детям, кризисных центров. Государство оказывает помощь как в натуральном виде (организация бесплатного питания, предоставление продуктов, одежды, обуви, выдача школьных принадлежностей и др.), так и, преимущественно, денежного характера: выплата регионального и федерального материнского капитала, пособий, государственной социальной помощи, предоставление скидки на услуги ЖКХ, организация поездок в детские оздоровительные лагеря. Однако только лишь государственной поддержки недостаточно. Возникает потребность создания и развития определенных ресурсов и сетей социальной поддержки семей с целью оказания той помощи, которую многодетные семьи получают недостаточно от государства. Чаще всего такая помощь выражается в поддержке, общении внутри определенного социума, то есть с такими же многодетными семьями с примерно одинаковыми трудностями, разрешении общих для многодетных проблем, например, через сбор средств для многодетных семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, срочную адресную натуральную помощь в виде продуктов, одежды, обуви, медикаментов без долговременной процедуры оформления документов, бесплатные занятия для всех членов семьи в творческих студиях, культурные и туристские походы, поездки в лагеря и др. Безусловно, некоторую помощь государства сети социальной поддержки напрямую дополняют: постоянная материальная помощь, выплата субсидий и различных пособий. Обострение проблем организации отдыха и досуга не только детей, но и родителей, срочная помощь попавшим в экстренную ситуацию, отсутствие правовой информированности о различных мерах помощи государства ввиду невозможности оказания индивидуальной поддержки каждой многодетной семье — все это стимулирует к привлечению помощи дополнительных ресурсов в виде неформальных форм поддержки многодетных семей.

К сетевым ресурсам поддержки

можно отнести окружение семьи, сообщества поддержки многодетных семей, государственные социальные учреждения, интернет-сообщества по интересам и т.п. Под сетями понимаются группы людей со схожими интересами, поддерживающие контакт и оказывающие взаимную поддержку, а также системы социальных связей, которые и образуют социальное окружение семьи. Близкие люди (родственники, родители, друзья) - основной ресурс, который может дать семье поддержку, понимание и оказать взаимопомощь. Взаимная поддержка чрезвычайно важна не только для того, кто в ней нуждается, но и необходима самому помогающему. Однако многодетная семья может сталкиваться с трудностями, которые не сможет решить с помощью близкого окружения. В разрешении распространённых проблем многодетных семей источником помощи может являться такая же многодетная семья, которая уже справилась с трудностями и может поделиться опытом преодоления проблем. При поддержке происходит обмен ресурсами между как минимум двумя участниками отношений - тем, кто оказывает помощь и тем, кто её получает. Так создается социальный капитал и укрепляются социальные связи, используемые в последствие многодетными семьями между собой в кризисных ситуациях. Чем лучше и прочнее сетевое развитие социальных взаимоотношений между многодетными, чем больше количество таких семей, к которым нуждающиеся могут обратиться за помощью и, что немаловажно, получить эту помощь, тем более велика возможность воспроизведения социального капитала.

Сетевые ресурсы поддержки многодетных семей в России

Социальная поддержка семей в России реализуется в основном в двух направлениях. Первое – это реализация социальной политики государства через поддержку при преодолении проблем, при этом помощь оказывается через государственные организации в масштабе страны, региона, города или района. Второе направление является неформальным и представляет собой ближайшее окружение семьи (родственники, друзья) или общественные организации, готовые помогать нуждающимся, негосударственные социальные организации, интернет-сообщества единомышленников [7, с. 80-86]. В этом направлении стоит отметить немаловажный акцент на менталитете, уровне культуры, образования, готовности и желании близкого окружения делиться практическими навыками решения проблем. К примеру, в неформальных структурах поддержки среди благополучных многодетных семей отмечается более ответственное отношение к вступлению в брак, рождения и воспитания детей [8, с. 66]. Наоборот, среди социально неблагополучных многодетных семей, у которых присутствует неблагоприятный семейный опыт, низкое материальное обеспечение, могут наблюдаться негативные жизненные установки и позиции по отношению к браку, детям. Семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации, не имеющие социальной поддержки, уязвимы, так как не имеют достаточно сил для того, чтобы решить все возникшие проблемы самостоятельно и принять важные жизненные решения. Согласно концепции Дж. Морено, семьи, не имеющие взаимопомощи и поддержки со стороны таких же семей, могут оказаться в позиции «отверженных» [9, с. 120-122]. Такие многодетные нуждаются в прямой помощи со стороны государства, а также в поддержке неформальными объединениями.

Неформальные ресурсы поддержки способствуют многодетным родителям в формировании практических компетенций социальной сферы, вследствие применения которых они принимают решения в вопросах планирования, рождения, воспитания и социализации своих детей. Информацию о практической составляющей в таких вопросах семьи получают через социальные сети поддержки многодетных. Содействие таких сетей семьям предполагает разрешение различных вопросов по следующим направлениям:

- популяризация целевых и семейных ценностей человеческой жизни, определяющих действия и намерения членов семьи - автономная некоммерческая организация «Семья России» пропагандирует традиционные семейные ценности, способствует духовно-нравственному развитию семей через издание учебных пособий, методических разработок и просветительской продукции, освещающих семейные ценности. выпускает Организация научнопопулярный журнал «Семья России» и еженедельную электронную газету «Сольбинская весточка», реализует социальный проект «Демография и нравственность», а также с 2013 года для семей с детьми создает просветительские наборы с видео- и аудиоматериалами, которые включают в себя DVD-сборники с болеем чем 200 фильмов о семейных ценностях и нравственных ориентирах [10];
- психологическая поддержка (конпомощь сультации, экстренная в кризисных ситуациях, организация тематических встреч многодетных родителей, а в период действующих ограничений на очные мероприятия из-за пандемии COVID-19 – оказание помощи в онлайн-формате на платформе Zoom) – автономная некоммерческая организация Центр помощи многодетным семьям «Многомама» в рамках проекта «Семейный клуб «Многомир» помогает многодетным, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, испытывающих сложности в детскородительских отношениях и подвергшимся эмоциональному выго-

- ранию. За 2020 год психологическая помощь была оказана 1271 семье [11];
- осуществление помощи в виде конкретных действий и услуг в отношении семьи (юридическая помощь, организация досуга, благотворительные фестивали, сбор средств на помощь конкретным семьям, адресная бытовая помощь, помощь по хозяйству и др.) - AHO «Центр помощи многодетным семьям «Многомама» поддерживает многодетные семьи по всей России, в которых от 3 до 16 детей. В 2020 году организация оказала помощь 1500 семей: продуктовую помощь получили 14107 семей, ноутбуки для дистанционного обучения получили 700 семей, вещевая помощь предоставлена 10199 семьям, в экскурсиях и мастер-классах приняли участие 19488 семей, подарки на дни рождения детей получили 552 семьи, бытовую технику получили 200 семей, мебель получили 50 семей, юридическая помощь оказана 315 семьям [12];
- поддержка в рамках сетевого взаимодействия между многодетными родителями в семейных объединениях, организациях, центрах и других сообществах - в 2019 году были реализованы следующие проекты: «Бизнес инкубатор» - поддержка бизнес-идей многодетных семей, «МногоДом» – решение актуальных вопросов обеспечения многодетных семей доступным жильем с помощью экспертов в области земельного строительства, «МногоМама-**Еда»** – объединение многодетных с предпринимателями для совместных закупок и индивидуальных заказов еды, три автомобильных пробега «Километры добрых дел» с культурно-досуговыми мероприятиями [13];
- социальное предпринимательство сбор и передача одежды, проездных, подарочных карт в продуктовые магазины, обуви, книг, детских вещей, средств гигиены, техниче-

- ских средств реабилитации (инвалидных колясок, костылей, тростей и др.), организация семейных групп поддержки благотворительный фонд "Теплый дом" ежегодно поддерживает семьи с детьми. За 2019 год 156 семей, проживающих в Санкт-Петербурге, получили комплексную помощь, 759 подарочных карт продуктового магазина «Лента» и 135 проездных билетов «Подорожник» [14];
- медицинская помощь многодетным семьям – Санкт-Петербургская благотворительная общественная организация граждан «Благо и дело» реализует программы «Шаг к здоровью» и «Новые горизонты», в рамках которых в 2019 году был организован медицинский осмотр детей из многодетных семей, социальная помощь 50-ти многодетным семьям к началу учебного года и Дню матери, а также ремонт технических средств реабилитации для детей с инвалидностью. Организация помогает ассоциации «Петербургская многодетная семья», ГБОУ школе № 627 Санкт-Петербурга, где обучаются дети с нарушением опорнодвигательного аппарата, Петербургской региональной общественной организации «Ника Плюс» (помощь семьям, имеющим детей с инвалидностью) и Центру содействия семейному воспитанию № 5 в Санкт-Петербурге [15];
- формальная практическая помощь в конкретных ситуациях, определение алгоритма действий при взаимодействии с государственными учреждениями – благотворительный фонд «Родительский мост» осуществляет подготовку родителей по индивидуальной программе в случае необходимости экстренного оформления опеки и попечительства с одновременным оказанием кризисной помощи всем членам семьи и детям, создает сеть организаций, специализирующихся на семейном устройстве и социальной включенности детей, совместно

с детьми под официальной опекой, также организует сопровождение семей с детьми. В рамках программы «Ангелы со сломанными крыльями» в 2019 году 2122 родителей получили помощь и поддержку [16]:

взаимодействие в сети Интернет (общение на тематических форумах, поиск решений различных вопросов совместно с другими многодетными семьями) - с развитием информационных технологий и активного и использования сети интернет многодетные объединяются в информационном пространстве в социальных сетях - популярные группы в социальной сети Вконтакте «Многодетные семьи Санкт-Петербурга и Ленинградской области», «Многодетные очередники Санкт-Петербурга», а также сайты и форумы по интересам - форум на сайте уполномоченного по правам ребёнка в Санкт-Петербурге, форум «Петербургские МНОГОдетки», сайт питерских родителей «Littleone», крупнейшее сообщество родителей «Бэбиблог», форум православных многодетных родителей «МегаДеток».

Самоорганизованные объединения уникальны сами по себе, их исключительный опыт является примером и опорой для преодоления трудностей и разрешения жизненных ситуаций нуждающихся в помощи многодетных семей. Неформальная поддержка многодетных семей способна предупредить и разрешить множество проблем. Однако стоит учитывать, что среди таких объединений многодетных семей могут быть так называемые «отрицательные», способствующие негативному воздействию на формирование социального капитала семьи. Например, отдельные объединения семей, проживающих на одной территории (коммунальная квартира, деревенская местность, малонаселённый пункт), где наблюдаются деструктивное воздействие одних родителей на других, вовлечение друг друга в различные зависимости, навязывание определенных социальных практик (одинокое материнство, практика аборта и отказа от новорожденных или детей младшего возраста). К таким результатам может привести невыполнение обещаний, отсутствие поддержки или её переизбыток, неумение предоставить ожидаемую помощь так, как комфортно было бы воспринять эту помощь нуждающейся в ней семье. Нежелание самостоятельно находить информацию о возможности предоставления поддержки (экономического, правового, социального характера) многодетным семьям или незнание источников такой предоставления информации в силу незаинтересованности в решении собственных проблем приводит к обострению напряженности отношений как внутри семьи, так и с другими акторами. Дестабилизирующее влияние круга общения может привести к критическим последствиям не только для родителей, но и детей – аддиктивное поведение, развитие негативных социальных установок и обмен этой практикой с другими семьями.

В последнее время в России в целом социальные сети поддержки семьи начинают активно развиваться. В систему поддержки входят не только государственные центры помощи семье и детям, клубы будущих, многодетных родителей, женские консультации, но и многочисленные некоммерческие организации содействия семьям, воспитывающим детей, региональные общественные организации, общественные благотворительные фонды и др., где многодетные родители объединяются с такими же семьями, как они. Успешно функционируют клубы при государственных учреждениях социальной защиты, что помогает новым обратившимся контактировать с опытными специалистами в сфере семейной политики. В Санкт-Петербурге существует множество организаций в сети поддержки многодетных и женщин, имеющих детей, которые оказывают различную помощь нуждающимся в ней семьям. Важным является тот факт, что в современной демографической обстановке недопустимо уменьшение внимания общества к многодетным се-

мьям и отсутствие посильной поддержки государственными и муниципальными органами власти некоммерческих организаций, фондов, центров и проектов, направленных на улучшение положения многодетных.

Заключение

Рост значимости государственных организаций для многодетных обусловлен превалированием иждивенческой позиции у некоторых семей, которая заключается в стремлении к получению льгот, денежных выплат, пособий, а не к самопомощи и взаимоподдержки. Текущая модель социальной практики должна быть ориентирована на самостоятельность и ответственность семей в рамках своей трудовой деятельности и быта, а не на иждивенческий образ жизни, который приведёт семью к попаданию в группу риска. Стоит отметить, что для разрешения данного противоречия необходимы нововведения в подходах к деятельности государственных социальных учреждений и служб, которые будут заключаться в развитии активных форм социальной помощи семьям и ухода от пассивных форм. Общественные организации для многодетных достаточно маневренны и способны реализовывать разнообразные практики поддержки многодетных. Среди активных форм помощи многодетным родителям можно отметить такие, как оказание посильной помощи родителям – сбор вещей, электронной техники, продуктов питания, оказание юридических и психологических консультаций, сопровождение семей в разрешении различных вопросов, поддержка в сообществах и форумах в сети Интернет, работа семейных групп взаимопомощи, содействие в создании и реализации деятельности общественных организаций, ассоциаций и объединений. Особенно важно организация и обеспечение помощи дистанционно в связи с продолжающимися ограничениями из-за пандемии COVID-19.

Таким образом, общественные организации дополняют деятельность государственных учреждений и помогают родителям и их детям в ре-

шении и предупреждении различных проблем, возникающих у многодетных семей. Основу благополучия семей составляют собственные внутренние ресурсы, позволяющие самостоятельно разрешать проблемы, но и благополучие должно быть поддержано как со стороны государственных учреждений, так и общественных объединений, совместно реализующих системный подход. Задача состоит в том, чтобы «спровоцировать» многодетные семьи к новым контактам, для чего необходимо привлекать всех членов семьи, как равноправных участников. Интеграция членов семей в общественные отношения, развитая взаимопомощь, самостоятельность, ответственная жизненная позиция, высокий уровень информационной и правовой осведомлённости, духовно-нравственная позиция – всё это также является результатом деятельности неформальных ресурсов поддержки многодетных. Примечательно, что развитие неформальной помощи хоть и имеет прогресс, однако существует общая проблема – недостаточная информированность населения о возможностях оказания услуг сетью социальной поддержки. Кроме этого, сети необходимо развивать и помогать с распространением информации среди многодетных различными способами (социальная реклама, буклеты, листовки, таргетированная реклама в сети Интернет и др.).

В виду того, что привлечение неформальных ресурсов не является частью деятельности социальной поддержки государства, реальная существующая польза поддержки семей силами неформальной сети достаточно не изучена. Особый интерес для дальнейшего исследования проблемы представляют вопросы вовлечения родителей, имеющих трех и более детей, к различным общественным организациям и неформальным объединениям, организация взаимопомощи в отношении друг друга многодетных семей, а также побуждение семей к активной позиции в рамках деятельности социальной сети поддержки.

Литература

- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014
 № 1618-р Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.
- 2. Статистический бюллетень «Социально-экономические индикаторы бедности в 2009–2018 годах» / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc1252310752594 (дата обращения 15.06.2021).
- Предоставление жилых помещений / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13706 (дата обращения 15.06.2021).
- Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/freedoc/new_site/RPN17/reports.html (дата обращения 15.06.2021).
- Лазуренко С.Б., Мазурова Н.В., Намазова-Баранова Л.С. Многодетная семья: медико-психологопедагогический аспект изучения // Российский педиатрический журнал. 2012. № 2. С. 51–56.
- 6. Опекина Т.П., Шипова Н.С. Семья в период самоизоляции: стрессы, риски и возможности совладания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 3. С. 121–128. DOI: 10.34216/2073–1426–2020–26–3–121–128
- 7. Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей / Пер. с англ. Н.А. Леушкиной, Н.В. Романовского. Социологические исследования. 2000. № 6. С. 78–88.
- Штейнберг И.Е. Процесс институционализации сетей социальной поддержки в межсемейных и дру-

- жеских обменах // Экономическая социология. 2009. № 2. C. 62–74.
- Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. А. Боковикова, под ред. Золотовицкого Р.А. М.: «Академический проект», 2001.
- Автономная некоммерческая организация «Семья России». URL: http://semyarossii.ru/ (дата обращения 15.06.2021)
- 11. Автономная Некоммерческая Организация Центр Помощи Многодетным семьям «МногоМама». Отчёт за 2020 год URL: http://mnogomama.com/otchety (дата обращения 12.06.2021)
- 12. Автономная Некоммерческая Организация Центр Помощи Многодетным семьям «МногоМама». URL: http://mnogomama.com/actions/semeynyy (дата обращения 12.06.2021)
- 13. Автономная Некоммерческая Организация Центр Помощи Многодетным семьям «МногоМама». URL: http://mnogomama.com/actions/semeynyy (дата обращения 12.06.2021)
- 14. Благотворительный фонд «Тёплый дом» URL: https://www.domgdeteplo.ru/ (дата обращения 15.06.2021).
- Санкт-Петербургская благотворительная общественная организация «Благо и дело» URL: http:// blagoidelo.ru/ (дата обращения 15.06.2021).
- Санкт-Петербургский общественный Благотворительный фонд «Родительский мост». URL: https://rodmost.ru/ (дата обращения 15.06.2021).

INFORMAL RESOURCES OF SOCIAL SUPPORT FAMILY WITH MANY CHILDREN

Romanova A.V.

North-West Institute of Management, branch of RANE-PA

The article is devoted to the informal resources for supporting families with many children in Russia, presented in the form of territorial

non-profit associations, non-governmental social organizations and clubs, centers functioning on their basis, communities on the Internet. Informal support resources help parents with many children in the formation of practical competencies, as a result of which they make decisions in planning, birth, upbringing and socialization of their children. In society there is a need to create certain resources and networks of social support for families in order to provide the assistance insufficient from the state. Based on the material studied, the author comes to the conclusion that informal support for families with many children is able to prevent and resolve many problems which are not always possible to be quickly solved with the help of state institutions.

Keywords: family; family with many children; support for a family with many children; family with many children support resources; public organizations.

References

- Order of the Government of the Russian Federation of August 25, 2014 No. 1618-r On approval of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025.
- Statistical Bulletin "Socio-economic indicators of poverty in 2009–2018" / Official site of the Federal State Statistics Service. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc1252310752594 (date of access June 15, 2021).
- Provision of living quarters / Official website of the Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13706 (date of treatment 06/15/2021).
- Selective observation of reproductive plans of the population in 2017 / Official website of the Federal State Statistics Service. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_ site/RPN17/reports.html (date of access 06/15/2021).
- Lazurenko S.B., Mazurova N.V., Namazova-Baranova L.S. Large family: medical-

- psychological-pedagogical aspect of the study // Russian pediatric journal. 2012. No. 2. pp. 51–56.
- Opekina T. P., Shipova N.S. Family in the period of self-isolation: stress, risks and coping opportunities // Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2020.Vol. 26, No. 3, pp. 121–128. DOI: 10.34216 / 2073– 1426–2020–26–3–121–128
- Wellman B. The place of relatives in the system of personal ties / Per. from English ON THE. Leushkina, N.V. Romanovsky. Sociological research. 2000. No. 6. pp.78–88.
- Steinberg I.E. The process of institutionalization of social support networks in interfamily and friendly exchanges // Economic sociology. 2009. No. 2. pp. 62–74.
- Moreno Ya.L. Sociometry: Experimental method and science of society / Per. from English A. Bokovikova, ed. Zolotovitsky R.A. M.: "Academic project", 2001.
- Autonomous non-profit organization "Family of Russia". URL: http://semyarossii.ru/ (date of treatment 06/15/2021)
- Autonomous Non-Profit Organization Center for Helping Large Families "MnogoMama". Report for 2020 URL: http://mnogomama. com/otchety (date of access 06/12/2021)
- Autonomous Non-Profit Organization Center for Assistance to Large Families "MnogoMama". URL: http://mnogomama.com/actions/ semeynyy (date accessed 06/12/2021)
- Autonomous Non-Profit Organization Center for Helping Large Families "MnogoMama". URL: http://mnogomama.com/actions/semeynyy (date accessed 06/12/2021)
- Charitable Foundation "Warm House" URL: https://www.domgdeteplo.ru/ (date of treatment 06/15/2021).
- St. Petersburg Charitable Public Organization "Good and Deed" URL: http://blagoidelo.ru/ (date of treatment 06/15/2021).
- 16. St. Petersburg Public Charitable Foundation "Parent's Bridge". URL: https://rodmost.ru/ (date of access 06/15/2021).

Задачи управления миграцией в Российской Федерации

Чумак Елена Васильевна.

кандидат наук по государственному управлению, доцент, Уральский государственный экономический университет

E-mail: lena22021977@yandex.ru

В статье рассматривается влияние миграционных процессов на развитие государства в разных его сферах (зонах.) Зоны влияния миграционных процессов: демографическая, военно-стратегическая, мобилизационная, экономическая, политическая, организационно-управленческая, социальная (социокультурная), подробно описаны, с учетом характера миграционных потоков, которые представлены в виде авторской классификации. Сформулированы направления влияния миграционных процессов (демографическое, военно-стратегическое, мобилизационное экономическое (пром.), (агро.) политическое, экономическое организационно-управленческое, социальное (социокультурное)) на виды трудовой миграции: невозвратную и маятниковую, а также влияния внешней и внутренней миграции на представленные в исследовании зоны. Выявлено, что сложной для управления является социальная (социокультурная) зона влияния, поскольку для коррекции в социокультурной зоне требуется комплексное влияние лингвистических, культурологических, религиозных и прочих факторов. Очерчены задачи управления миграцией, миграционными процессами и факторы, требующие от системы государственного администрирования миграционных процессов РФ особого внимания. В процессе исследования выявлено, что современные миграционные процессы в большинстве своем носят позитивный экономический характер. Однако для отдельных аспектов экономического, политического и военно-стратегического развития российского общества могут представлять и дополнительную нагрузку. Таким образом, система государственного администрирования миграционных процессов должна быть посвящена задачам недопущения подобной нагрузки на государство.

Ключевые слова: миграция, миграционные потоки, миграционные процессы, зоны влияния миграционных процессов, государственное администрирование.

Говоря о задачах управления миграцией, необходимо отметить, что для Российской Федерации (далее РФ) данная проблема уходит корнями во времена Ивана 4 (Грозного). Детальный исторический экскурс данной проблемы ранее проведен в наших исследованиях. Оценивая современные историкодемографические процессы в историческом контексте можно констатировать, что для РФ, вопросы управления миграционными процессами стоят намного более многогранно, по сравнению с другими странами, данная проблема для РФ носит принципиально многоаспектный характер. Считаем целесообразным выделить для РФ, следующие зоны влияния миграционных процессов:

- демографическая;
- военно-стратегическая; мобилизационная;
- экономическая (создающая предпосылки для развития промышленности и аграрной сферы);
- политическая;
- организационно-управленческая;
- социальная (социокультурная).

Приведенный перечень безусловно требует существенного обоснования, особенно с учетом того, что для каждого из указанных направлений, разные по характеру миграционные процессы оказывают различное влияние. Задачами управления миграцией является устранение проблем, постоянно или периодически возникающих в зонах влияния миграционных процессов. При этом бесконтрольный рост миграции мы не считаем однозначно негативным, поскольку характер влияния может быть оценен только через его воздействие на конкретную зону влияния. Так же, по нашему мнению, возможен и нейтральный эффект (в случае наложения позитивных и негативных составляющих. Описание связи перечисленных направлений с характером миграционных потоков, приведено в табл. 1.

Таблица 1. Направления управления миграционными процессами

Nº	Направления влияния миграционных процессов	Внешняя г	ииграция	Внутренняя миграция		
		невозврат.	маятник	невозврат.	маятник.	
1	демографическое;	+	0	+	0	
2	военно-стратегическое;	-+	0	+	+	
3	мобилизационное	+	0	0	-	
4	экономическое (пром.);	+	+	+	+	
5	экономическое (агро)	+	+	-	-	
6	политическое;	-+	0	+	0	
7	организационно-управленческое;	0	+	0	+	
8	социальное (социокультурное).	-	-	+	+	

Объяснения требуют указанные нами в табл. 1 обозначения. «+» - мы рассматриваем как показатель, который характеризует повышение (улучшение) заявленного направления регулирования в результате увеличения миграционного потока. «-» - означает негативное влияние роста миграционных потоков на данный показатель; «0» – означает нейтральной влияние. «-+» в нашем понимании означает амбивалентность влияния на миграционные процессы в зависимости от эффективности управленческого воздействия.

Для разработки эффективной стратегии управления рассмотренными потоками, считаем необходимым указать авторское понимание приведенных выше зон влияния. Под демографической составляющей, мы понимаем успешную реализацию демографической политики государства, которая «направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране» [1]. Соответственно увеличение внутренней и внешней миграции может позитивно сказаться на улучшении (росте численности) населения страны. Маятниковая миграция на указанные процессы влияния не имеет.

Под военно-стратегической безопасностью мы понимаем две состав-

ляющие с одной стороны, в соответствии с Военной доктриной РФ «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения...» [2], в частности пункты к) растущая угроза глобального экстремизма (терроризма); л) наличие (возникновение) очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности. С другой стороны, сформулированную А. Кылгыдай: «Население приграничных районов имеет специфические, зависящие от социально-экономических условий функции: демографическую олицетворяющую своим присутствием принадлежность территории к соответствующей стране; трудоресурсную по обслуживанию контактной роли границы» [3]. В этом контексте, сложившаяся на сегодняшний день в РФ внешняя миграция создает существенные угрозы в рамках Военной доктрины, однако, при условии перенаправления миграционных потоков в приграничные районы могла бы играть указанные А. Кылгыдай функции. В подтверждение нашей мысли можно привести высказывание В. Сакаева, о том, что «в приграничных районах России интенсивно формируются иностранные общины, особенно это касается регионов Сибири и Дальнего Востока, а также Северного Кавказа [4, с. 216]. Внутренняя миграция указанных недостатков не имеет. Маят-

никовая миграция иностранцев, в большинстве случаев, мало отражается на данной составляющей влияния.

Частично вытекающей из предыдущего направления регулирования, мы видим и влияние миграции на мобилизационные процессы. Внутренняя миграция принципиально не в состоянии повлиять на указанные процессы. Негативное влияние внутренней маятниковой миграции на мобилизационные процессы мы связываем с тем, что, работая в условиях маятника (как правило вахтой) здоровье работников подвергается существенным нагрузкам в силу чего организм быстрее изнашивается. При этом отказ от данной политики связан с тем, что внешние мигранты не ориентированы на маятниковую занятость, выполняемую мигрантами внутренними. Говоря о внешней миграции, следует отметить, что ее мобилизационный потенциал видится больше в поколенческом, чем в текущем ключе. В большинстве своем «новые» граждане в армии не служили (старше призывного возраста), а к переподготовке на территории РФ они не привлекаются, в силу чего их мобилизация позволит изменить количественно, но некачественно состав вооруженных сил. Последнее не соответствует отечественной военной доктрине, в частности ст. 37. «Основная задача строительства и развития Вооруженных Сил...» п. «в» - повышения качества оперативной, боевой, специальной и мобилизационной подготовки [2]. Следует отметить, что по данным источников считается, что в случае начала широкомасштабных боевых действий, необходимый уровень мобилизационного потенциала государства оценивается от 10 до 20% [5]. Исходя из этого номинальный рост численности частично позволяет повысить мобилизационный потенциал государства. Следует отметить, что частично, внутренняя миграция снижает мобилизационный потенциал, что связано с тем, что значительная часть внутренней миграции происходит не контролировано, а соответственно учетно-мобилизационные

органы не имеют возможности точно контролировать перемещение военнообязанных.

Рассматривая влияние управления миграционными процессами на развитие экономики можно констатировать, что оно неоднозначно. Неоднозначность заключается в 2-х аспектах. Основными маятниковыми мигрантами, в РФ являются жители из сельской местности Средней Азии [6, с. 76]. Более 50% безвозвратных мигрантов, так же выходцы из села [6, с. 71]. Однако, указанные люди едут преимущественно в город, где, обладая крайне низкой квалификацией, не могут существенно повлиять на эффективность промышленного производства, занимая вакансии в сфере коммунального обслуживания и подсобных работ в строительстве. Однако, такая миграция высвобождает часть населения РФ из сферы коммунального обслуживании, переориентируя на поиск работы в промышленности. Так же позитивно влияют на развитие промышленных предприятий оба вида внутренней миграции, чего нельзя сказать об экономике аграрных предприятий.

Рассматривая влияние миграционных процессов на экономику аграрных предприятий можно заключить, что в современном российском селе наблюдается существенный отток, обусловленный урбанистической миграцией местного населения [7]. Соответственно повышение темпов такого оттока (за счет внутренней миграции по типу «село-город») создает угрозы развитию аграрной сферы. Привлечение внешних мигрантов для работы в сельской местности видится нам достаточно сложным по причине, отмеченной С. Даниловой: «Заработная плата в сельском хозяйстве, которая является основным источником семейного бюджета, составляет около 60% от средней по экономике» [8]. Правда, по данным Е. Максимова, «оценочно, около 7% трудовой миграции в Россию - это сельскохозяйственные рабочие» [9]. Автор приводит данные, согласно которым в 28 районах Алтайского края их (авт. мигрантов) чис-

ленность крайне мала, лишь в четырех районах масштабы трудовой миграции достигли значительной величины, в том числе в двух районах (в Ненецком национальном и Смоленском) трудовые мигранты составляют более половины сельских жителей [10]. Все сказанное выше, позволяет говорить о том, что внешняя маятниковая и невозвратная миграции несут в себе позитивный экономический эффект для аграрной экономики. При этом внутренняя миграция, в большинстве своем негативно сказывается на экономике села, поэтому, основной акцент деятельности должен быть смещен на рост внешней и снижение внутренней миграции.

Говоря о политической составляющей миграции необходимо отметить, что ряд ученых рассматривают политические факторы несколько уже, чем целесообразно. Так, О. Громцев, политические факторы (алгоритм обеспечения и контроля трудоустройства, страховая поддержка, наличие социальных гарантий и развитой законодательной базы в отношении мигрантов и местного населения). [11, с. 19]. По нашему мнению, указанная составляющая - инструментальная составляющая управмиграционными процессами. Однако, существует и собственно политическая. При обретая статус резидента, создает определенные политические угрозы. Так, поскольку большинство мигрантов – в центральной России и Сибири – выходцы из Средней Азии, а на Дальнем Востоке – представители Китая и Северной Кореи, можно констатировать их достаточно высокий уровень сплоченности (по этническому или религиозному признаку). При определенной (не подавляющей) массе лиц, получивших гражданство возникает потенциальная возможность политического доминирования консолидированного меньшинства представителей указанных этносов на исконно русских территориях. Именно в этом, по нашему мнению, скрыта необходимость внешней регламентации данного направления. Следует учесть и еще одну угрозу, образующую политическую составляющую, внутренних миграционных процессов. В табл. 1, мы не указывали существования проблем, поскольку они не настолько выражены по сравнению с другими. Тем не менее, в ряде регионов РФ, в силу миграции продолжается усиление моноэтничности. Мы полностью согласны с А. Шпаровым, который считает данный факт угрозой деформации государственно-цивилизационного каркаса РФ [12]. Следует отметить и еще одну, проблему, связанную с маятниковой миграцией — фактическое ограничение в избирательном праве (в период пребывания «на вахте»).

Рассматривая необходимость управления миграционными потоками с организационно-управленческих позиций, можно констатировать, что именно указанная составляющая регулирования миграционных процессов приобрела в отечественной литературе наибольшую популярность. Исходя их данных МВД России и Федеральной миграционной службы, на территории страны находится от 5 до 15 миллионов незаконных мигрантов, которые не только создают угрозу национальному рынку труда, но и благоприятствуют развитию теневой экономики. [13]. Следует отметить и чисто криминальные составляющие являющиеся результатом недостаточно эффективно управляемых миграционных процессов. Изучение данной проблемы нашло отражение в трудах различных авторов [14; 15].

Достаточно сложной для управления является социальная (социокультурная) зона влияния. Если социальные, демографические, экономические процессы в зонах, рассмотренных выше, могут быть скорректированы путем рычагов ГМУ, то для коррекции в социокультурной зоне требуется комплексное влияние лингвистических, культурологических, религиозных и прочих факторов. Н. Ткачева отмечает, что «... значимой научно-прикладной проблемой является рассмотрение региональной специфики миграционной политики, обеспечивающей формирование гражданской идентичности, конструирование новой социокультурной реальности, опреде-

ляемой интенсивными миграционными процессами, как важного фактора безопасности личности, общества и государства» [16, с. 6]. Риски в следствии неэффективного управления указанными процессами вполне удачно сформулировал А. Шпаров: «Происходящие изменения могут либо укреплять целостность и единство общества, либо вести к дезинтеграции, обособлению и конфронтации социальных групп и общностей. Политико-культурные риски заключаются в усилении дезинтеграционных тенденций, утрате идентичности базовых социальных групп, насаждении ценностей чуждых российскому обществу» [12]. В. Сакаев так же отмечает, что в результате иммиграции меняется конфессиональная структура российского общества [4, с. 217]. Полностью соглашаясь с предложенными рисками, считаем, что определенное культурное разнообразие общества не является критичным, а наоборот повышает разноплановость и делает национальные культуры даже богаче (о чем свидетельствует опыт Советского Союза). Однако, как отмечает Н. Ткачева, «дифференциация возможна и необходима при стремлении к различной степени интеграции социальных групп, их ценностей, потребностей, интересов [16, с. 141]. Современная же миграционная политика в РФ не обеспечивает достаточного взаимопроникновния культур, и они развиваются параллельно. При этом, культуры большинства въезжающих этносов закрываются и существуют независимо (как, например, культуры народов Средней Азии) либо полностью растворяются в российской (как культуры Украины, Молдавии, Белоруссии). Полная ассимиляция с потерей национальной идентичности нам также не видится позитивным фактором, в силу чего считаем, что негативное влияние социокультурного плана существует для постоянной и маятниковой внешней миграции независимо от страны исхода. С другой стороны, расширение внутренней миграции, также связано с тем, что социокультурные модели коренного населения РФ итак же не гомогенны. Однако, в большинстве своем, социокультурные модели данной категории мигрантов более открыты, что является основанием для их более высокой интеграции с культурной средой принимающего региона.

Подводя итог проведенному теоретизирования, необходимо конституировать, что современные миграционные процессы в большинстве своем носят позитивный экономический характер. Однако для отдельных аспектов экономического, политического и военностратегического развития российского общества могут представлять и дополнительную нагрузку (угрозу). Задачам недопущения подобной нагрузки и должна быть посвящена вся система государственного администрирования миграционных процессов РФ. При этом, самопроизвольные (спонтанные) процессы миграции, даже направленные на решение экономических или иных вопросов, так же не всегда могут быть ожидаемо эффективными без надлежащего регулирования. Все сказанное выше делает миграционные процессы важным и крайне необходимым объектом администрирования со стороны государства, которое не может носить односторонний характер и должно рассматриваться в контексте соблюдения интересов как принимающей стороны, так и самих мигрантов для чего обязательным условия является налаживание эффективного социального диалога между всеми участниками миграционных процессов

Литература

- Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) / Гарант рук: Информационно деловой портал URL: https://base.garant.ru/191961/53f894 21bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/
- 2. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. N Пр-2976) Гарант рук: Информационно дело-

- вой портал URL: https://base.garant.ru/70830556/
- 3. Кылгыдай А.Ч. Демографическая ситуация в приграничных регионах Южной Сибири // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-situatsiya-v-prigranichnyh-regionah-yuzhnoy-sibiri (дата обращения: 01.07.2020).
- Сакаев В.Т. Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социальнополитические риски. В.Т. Сакаев / ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Том 155, кн. 1. – 2013
- Русанов Иван. Мобилизационный потенциал населения России в случае тотальной войны без применения ядерного оружия Социальная сеть Макс парк URL: https://maxpark. com/community/13/content/5023348
- 6. Брусина Мигранты из Средней Азии в России: этапы и причины приезда, социальные типы, организации диаспор // Вестник Евразии. 2008. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migranty-iz-sredney-azii-v-rossii-etapy-i-prichiny-priezda-sotsialnye-tipy-organizatsii-diaspor (дата обращения: 01.07.2020)
- Носов А.В., Позубенкова Э.И. ПРО-БЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИ-ТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ // Вестник ОрелГАУ. 2019. № 5 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ problemy-kompleksnogo-razvitiyaselskih-territoriy (дата обращения: 01.07.2020)
- 8. Данилова С.Н. Комплексное развитие сельских территорий: проблемы, тенденции, перспективы / Территориальный орган Федеральной государственной службы статистики по Саратовской области [Электронное издание] URL: https://srtv.gks.ru/storage/mediabank/Данилова%20С.Н.%20доклад.pdf
- 9. Максимова Е. Агросектору не хватает мигрантов. Елена Максимова, Татьяна Кулистикова / Агроинвестор 4 апреля 2020 [Электронное изда-

- ние] URL: https://www.agroinvestor. ru/analytics/news/33497-agrosektorune-khvataet-migrantov/
- 10. Сергиенко Алиему Стафаевна, Гончарова Наталья Петровна Трудовые мигранты в сельском хозяйстве: практики взаимодействия с местными сельскими жителями приграничного аграрного региона // Известия АлтГУ. 2015. № 3 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudovyemigranty-v-selskom-hozyaystve-praktiki-vzaimodeystviya-s-mestnymiselskimi-zhitelyami-prigranichnogoagrarnogo-regiona (дата обращения: 01.07.2020). С. 191
- 11. Громцев, Олег Владимирович. Политические и правовые аспекты регулирования транснациональной трудовой миграции: сравнительный опыт России и стран Западной Европы: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Громцев Олег Владимирович; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. Санкт-Петербург, 2016. 22 с
- 12. Шапаров Александр Евгеньевич Управленческие риски миграционной политики России // Вестник ПАГС. 2008. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskie-riski-migratsionnoypolitiki-rossii-1 (дата обращения: 01.07.2020). С. 35
- 13. Резник Г.А., Амирова Д.Р. Миграция как угроза национальной безопасности страны: международные и национальные аспекты // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 8, № 6 (2016) http://naukovedenie.ru/PDF/82EVN616.pdf
- Ксения Боришполец, Алишер Бабаджанов Аналитические записки. Миграционные риски стран Центральной Азии / Научно координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России Центр постсоветских исследований выпуск 2(22) (февраль 2007). Москва. МГИМО 2007., с. 32
- 15. Касьянов Валерий Васильевич, Мерзаканов Сергей Айтечевич,

Самыгин Сергей Иванович специфика современных миграционных процессов в России: анализ рисков социальной миграции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sovremennyhmigratsionnyh-protsessov-v-rossiianaliz-riskov-sotsialnoy-migratsii (дата обращения: 01.07.2020) и др.

 Ткачева Н.А. Миграционная политика и безопасность личности, общества и государства: Н.А. Ткачёва, М.Л. Белоножко. – Тюмень: Тюм-ГНГУ. 2013. – 228 с.

TASKS OF MIGRATION MANAGEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Chumak E.V.

Ural State University of Economics

The article examines the influence of migration processes on the development of the state in its various spheres (zones). Zones of influence of migration processes: demographic, militarystrategic, mobilization, economic, political, organizational and managerial, social (socio-cultural) flows, which are presented in the form of the author's classification. The directions of the influence of migration processes (demographic, military-strategic, mobilization economic (industrial), economic (agro.) Political, organizational and managerial, social (socio-cultural)) on the types of labor migration: irretrievable and migration to the zones presented in the study. It was revealed that the social (sociocultural) zone of influence is difficult for management, since correction in the sociocultural zone requires the complex influence of linguistic, cultural, religious and other factors. The tasks of managing migration, migration processes, factors that require special attention from the system of state administration of migration processes in the Russian Federation are outlined. In the course of the study, it was revealed that modern migration processes are mostly of a positive economic nature. However, for certain aspects of the economic, political, and military-strategic development of Russian society, they can also pose an additional burden. Thus, the system of state administration of migration processes should be devoted to the tasks of avoiding such a burden on the state.

Keywords: migration, migration flows, migration processes, zones of influence of migration processes, state administration.

References

- Decree of the President of the Russian Federation No. 1351 of October 9, 2007 "On approval of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the period up to 2025" (with amendments and additions) / Garant ruk: Information and business portal URL: https://base.garant. ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/
- Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014 N Pr-2976) Garant ruk: Information and business portal URL: https://base.garant.ru/70830556/
- Kylgydai A. Ch. Demographic situation in the border regions of Southern Siberia // National interests: priorities and security. 2014. No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/demograficheskaya-situatsiya-vprigranichnyh-regionah-yuzhnoy-sibiri (accessed: 01.07.2020).
- Sakaev V.T. Migration in the Russian Federation in the XXI century: socio-political risks.
 V.T. Sakaev / scientific notes of the Kazan University. Humanities. Volume 155, book 1. 2013
- Rusanov Ivan. The mobilization potential of the Russian population in the event of a total war without the use of nuclear weapons Social network Max Park URL: https://maxpark.com/community/13/content/5023348
- Brusina Migrants from Central Asia in Russia: stages and reasons of arrival, social types, organizations of diasporas // Bulletin of Eurasia. 2008. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migranty-iz-sredney-aziiv-rossii-etapy-i-prichiny-priezda-sotsialnyetipy-organizatsii-diaspor (accessed: 01.07.2020)
- Nosov A.V., Pozubenkova E.I. PROBLEMS OF INTEGRATED DEVELOPMENT OF RU-RAL TERRITORIES // Vestnik OrelGAU. 2019. No. 5 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kompleksnogorazvitiya-selskih-territoriy (accessed: 01.07.2020)
- Danilova S.N. Complex development of rural territories: problems, trends, prospects / Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Saratov region [Electronic edition] URL: https://srtv.gks.ru/storage/mediabank/Данилова%20С.Н.%20 доклад.pdf
- Maksimova E. The agricultural sector lacks migrants. Elena Maksimova, Tatyana Kulis-

Социология №4 2021

- tikova / Agroinvestor April 4, 2020 [Electronic edition] URL: https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/33497-agrosektoru-ne-khvataet-migrantov/
- 10. Sergienko Aliemu Stafaevna, Goncharova Natalia Petrovna Labor migrants in agriculture: practices of interaction with local rural residents of the border agricultural region // News of AltSU. 2015. No. 3 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudovyemigranty-v-selskom-hozyaystve-praktikivzaimodeystviya-s-mestnymi-selskimizhitelyami-prigranichnogo-agrarnogoregiona (accessed: 01.07.2020). p. 191
- 11. Gromtsev, Oleg Vladimirovich. Political and legal aspects of regulating transnational labor migration: comparative experience of Russia and Western European countries: abstract of the dissertation of the Candidate of Political Sciences: 23.00.04 / Oleg Gromtsev; [Place of defense: St. Petersburg State University]. – St. Petersburg, 2016. – 22 p
- Shaparov, Alexander E. Managerial risks of the migration policy of Russia // Vestnik PAGS. 2008. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskie-riskimigratsionnoy-politiki-rossii-1 (accessed: 01.07.2020). p. 35

- Reznik G. A., Amirova D.R. Migration as a threat to the national security of the country: international and national aspects // Online journal "SCIENCE STUDIES" Volume 8, No. 6 (2016) http://naukovedenie.ru/PD-F/82EVN616.pdf
- Ksenia Borishpolets, Alisher Babadzhanov Analytical notes. Migration risks of Central Asian Countries / Scientific Coordination Council for International Studies of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia Center for Post-Soviet Studies issue 2 (22) (February 2007). Moscow. MGIMO – 2007., p. 32
- 15. Kasyanov Valery Vasilyevich, Merzakanov Sergey Aitechevich, Samygin Sergey Ivanovich the specifics of modern migration processes in Russia: analysis of the risks of social migration // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. No. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifikasovremennyh-migratsionnyh-protsessovv-rossii-analiz-riskov-sotsialnoy-migratsii (date of application: 01.07.2020), etc.
- Tkacheva N.A. Migration policy and security of the individual, society and the state:
 N.A. Tkacheva, M.L. Belonozhko. Tyumen: Tsogu, 2013. 228 p.

Особенности образовательного фактора профессиональной социализации курсантов и слушателей Академии ГПС МЧС России

Яковлева Ольга Ивановна,

аспирант, Институт социально-экономических проблем народонаселения E-mail: Olga200663@gmail.com

Профессиональная социализация работников спасательных служб имеет комплексный, многокомпонентный характер и множество специфических особенностей, определяемых требованиями профессии. В настоящее время факторы успешной профессиональной социализации в системе МЧС изучены недостаточно и фрагментарно. Одним из потенциально значимых факторов является качество профессионального обучения. В статье приводятся результаты мониторингового исследования курсантов (N=381) и преподавателей (N=120) Академии ГПС МЧС России, выполненного методом социологического опроса. Согласно полученным результатам, качество обучения является вторым по значимости фактором профессиональной социализации в рамках получения профильного образования, уступая лишь роли авторитетных и уважаемых профессионалов. При этом курсанты оценивают качество обучения выше, чем преподаватели, и демонстрируют высокий общий уровень удовлетворенности, который снижается по мере перехода к старшим курсам. Студенты младших курсов склонны также завышать свой уровень понимания особенностей службы в МЧС, однако постепенная коррекция своих представлений свидетельствует об успешности профессиональной социализации в ходе обучения. По итогам анализа сделан вывод, что, хотя в вузах ГПС МЧС сложились базовые условия для профессиональной социализации, существуют значительные возможности для повышения ее успешности за счет роста качества обучения.

Ключевые слова: профессиональная социализация; высшее образование; качество подготовки; МЧС России; противопожарная служба; курсанты.

Введение

Усложнение современного общества, технологическое развитие и увеличение разнообразия социально-экономических отношений приводят к увеличению запроса на профессионализм и высокую квалификацию в большинстве областей человеческой жизни. Формирование современного профессионала, способного поддерживать высокое качество экономической деятельности или функциональность социальных институтов, не ограничивается овладением специальными навыками или знаниями, и сопровождается формированием особых психологических и личностных качеств, принятием социальных ролей и интернализацией институциональных норм, жизненной ориентацией на определенную профессию. Освоение комплекса черт, необходимых для готовности человека к роли профессионала принято называть профессиональной социализацией.

Процесс профессиональной социализации является важным социальным процессом как для индивида, так и для социальных институтов. В первом случае она связана с возможностями и успешностью профессиональной карьеры, простотой адаптации, выбором жизненной стратегии и субъективным благополучием. С точки зрения институтов и организаций, профессиональная социализация определяет воспрочеловеческого изводство капитала, способность привлекать и удерживать квалифицированные кадры, эффективность общественных затрат на подготовку. Процесс профессиональной социализации является универсальным для различных областей, однако его конкретное содержание и проблемы во-многом определяются спецификой различных профессий. Профессия спасателя, в частности работника противопожарных служб, представляет собой

уникальный сплав характеристик, отличающих ее как от гражданских профессий, так и от большинства «силовых» видов службы. Например, в отличие от последних, спасатели имеют дело не с «врагами», а с чрезвычайными ситуациями.

Уникальность профессии спасателя делает затруднительным прямой перенос знаний о содержании и факторах профессиональной социализации, полученных применительно к другим сферам деятельности. При этом дефицит эмпирических исследований не позволяет в настоящее время надежно установить, при каких условиях профессиональная социализация спасателя оказывается успешной. Общетеоретические модели профессиональной социализации описывают большое число потенциально значимых факторов, действующих в том числе во время профессионального обучения, которое оказывается ключевым для социализации периодом [1]. Роль отдельных факторов в социализации спасателей изучена в гораздо меньшей степени. В наиболее полном и систематичном исследовании, проведенном к настоящему времени, В.А. Шубин выделил три группы факторов, влияющих на успешность профессиональной социализации в вузах государственной противопожарной службы (ГСП): индивидуальноличностные, образовательные, социально-профессиональные [2].

С точки зрения эффективности социальных институтов, и развития наибольший интерес представляют факторы, на которые можно повлиять непосредственно внутри институтов. К их числу относятся факторы, связанные с деятельностью подразделений МЧС России, а также характером обучения в профильных вузах. В ряде предыдущих работах были выявлены некоторые факторы в рамках всей системы МЧС России [3], а также роль отдельных аспектов обучения в вузах МЧС России [4-6]. Однако до сих пор практически не освещена роль одного из ключевых параметра профессионального образования - качества обучения. Настоящее исследование отчасти устраняет этот пробел, изучая влияние фактора качества обучения в вузе на профессиональную социализацию курсантов вузов ГПС МЧС РФ.

Методы

Эмпирическую базу исследования составили результаты мониторингового социологического исследования, проведенного в Академии ГПС МЧС России в 2018 г. и посвященного вопросам качества и эффективности обучения. Исследование было проведено методом социологического анкетного опроса, в котором приняли участие 381 курсант 1–5 курсов обучения, с квотированием по признаку курса обучения, и 120 преподавателей различных кафедр.

Измерение качества обучения основывалось на оценках образовательного процесса, данных как курсантами, так и преподавателями вуза. Измерение успешности профессиональной социализации основано на понимании курсантами особенностей профессии пожарного, а также оценке значимости различных факторов профессионального становления.

Результаты

Интегральным показателем качества обучения выступает уровень удовлетворенности курсантов. Согласно результатам опроса, большинство курсантов, в целом, удовлетворены своим обучением, хотя существует выраженная тенденция к снижению уровня удовлетворенности по мере перехода к старшим курсам (таб. 1).

Сопоставимые результаты были получены при оценке отдельных компонентов образовательной среды, таких как удовлетворенность техническим оснащением и применением мультимедийных средств: более 70% респондентов выражают полную удовлетворенность. Относительно высокий уровень удовлетворенности обучением соответствует данным, полученным В.А. Шубиным [1, с.16], который назвал цифру более 70% курсантов. Вместе с тем обратим внимание на более критичную

позицию курсантов старших курсов. По всей видимости, на начальном этапе действует эффект новизны, который способствует более высоким оценкам удовлетворенности, тогда как в даль-

нейшем курсанты в большей степени соотносят результаты и процесс своего обучения с ожиданиями относительно профессиональных требований на службе.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы своим обучением в Академии в целом?»% от общего числа респондентов

Варианты ответа	Курс						
	1	2	3	4	5	Всего	
Да	70,4	43,6	29,5	36,3	36,5	40,9	
Скорее да, чем нет	25,8	43,6	49,5	32,5	52,7	42,0	
Скорее нет, чем да	1,9	7,7	14,7	18,8	4,1	10,2	
Нет	-	1,3	3,2	5,0	2,7	2,6	
Затрудняюсь ответить	1,9	3,8	3,2	7,5	4,1	4,2	

Удовлетворенность обучением зависит от множества факторов, не все из которых имеют прямое отношение к качеству. Более непосредственной мерой являются оценки интереса к отдельным видам занятий. Как показали результаты опроса, наибольинтерес вызывают практикоориентированные виды занятий: практические занятия и деловые игры, которые оценили как «очень интересные», соответственно, 68,5% и 68,3% респондентов. Напротив, основной тип занятий в российских вузах – лекционный – был оценен более скептично; менее половины опрошенных (40,4%) считают их очень интересными, тогда как 12,9% малоинтересными. У курсантов существует выраженный запрос на перераспределение учебного времени между видами занятий.

Оценки качества обучения, данные преподавателями, носят более сдержанный характер. Относительное большинство преподавателей (47,1%) считают качество обучения в вузе средним, чуть более трети (36,1%) — высоким, еще 8,4% — низким. Такие оценки свидетельствуют о существовании значительных резервов повышения качества обучения и косвенно подтверждают, что удовлетворенность и эффективность профессиональной социализации могут зависеть и от других аспектов об-

учения, в частности, связанных с отношениями курсантов друг с другом, преподавателями и командирами.

Поскольку профессиональная социализация является многоуровневым и многокомпонентным процессом, для оценки ее успешности могут использоваться различные показатели. В рамках настоящего исследования таким показателем выступило понимание особенностей профессии пожарного и его динамика с течением времени. Ретроспективные оценки уровня своих представлений о профессии пожарного, данные курсантами, показывают, что на младших курсах они склонны завышать свой уровень понимания особенностей профессии. Так, если среди первокурсников 53,7% заявили, что хорошо представляли себе профессию пожарного перед поступлением, то на 5 курсе таких оказалось лишь 37%. Поскольку очевидно, что профессиональная социализация в вузе приводит к постепенному увеличению знаний и пониманию особенностей службы в МЧС, такие различия в субъективном восприятии свидетельствуют именно об успешности профессиональной социализации. По мере становления курсанты начинают лучше понимать особенности будущей службы и, соответственно, более критично оценивать свои первоначальные представления. Подтверждением

этому выводу служит и тот факт, что число курсантов, чьи представления о профессии не изменились за время учебы, снижается с 42,6% на 1 курсе до 29,7% на последнем, а число тех, чьи представления, наоборот, очень сильно изменились, увеличивается с 9,3% до 16,2%, соответственно. Можно также предположить, что некоторое снижение удовлетворенности обучением в Академии при переходе к старшим курсам отчасти объясняется коррекцией своих

представлений о профессии и неоправданностью ряда ожиданий, сопровождающих процесс профессиональной социализации.

Одним из наиболее прямых способов оценить влияние качества обучения на профессиональную социализацию является анализ результатов ответов курсантов на вопрос о роли отдельных факторов, влияющих на их профессиональное становление (таблица 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что в большей мере оказывает влияние на профессиональное становление курсантов?»,% от общего числа респондентов

Вариант ответа		Курс					
	1	2	3	4	5	Всего	
Влияние известных и заслуженных ра- ботников ГПС МЧС	50,0	25,6	33,7	35,4	30,1	34,0	
Воспитательная работа командиров	16,7	17,9	8,4	10,1	16,4	13,5	
Личный пример командиров	7,4	9,0	8,4	5,1	15,1	9,0	
Профессионализм преподавателей	14,8	24,4	12,6	25,3	26,0	20,6	
Образовательная среда Академии	9,3	7,7	15,8	13,9	2,7	10,3	
Соревновательная атмосфера между курсантами	1,9	9,0	4,2	2,5	2,7	4,2	
Затрудняюсь ответить	-	6,4	16,8	7,6	6,8	8,4	

Как следует из представленных данных, основным фактором профессионального становления курсанты считают влияние известных и заслуженных работников ГПС МЧС России. Представляет интерес сравнение этих результатов с оценками, приведенными В.А. Шубиным. Согласно данным аналогичного опроса, проведенного 10 лет назад в нескольких вузах ГПС МЧС России, наиболее значимыми факторами были признаны: личный пример командиров (19,9%), воспитательная работа командиров (16,1%), престиж профессии (15,0%), образовательная среда вуза (11,4%) и влияние авторитета известных и заслуженных военных (11,3%) [7, с.91]. Как можно видеть, за прошедшее десятилетие произошло снижение роли внутриорганизационных социально-поведенческих факторов. связанных с влиянием личного примера командиров, и значительное увеличение внешних социально-статусных факторов, связанных с влиянием известных профессионалов системы МЧС России. При этом практически идентичными являются достаточно высокие оценки роли воспитательной работы внутри вуза. Следует отметить, что прямое сравнение результатов двух опросов должно проводиться с осторожностью, поскольку формулировки вопросов и перечень вариантов ответов несколько различались.

Характеристикой роли качества обучения как фактора социализации в рамках проведенного нами исследования выступает оценка курсантами профессионализма преподавателей и роли образовательной среды вуза. Эти факторы занимают, соответственно, 2 и 4 место среди всех вариантов ответа, что позволяет оценить их роль как

умеренно высокую. Если обобщить два названных варианта в качестве общего показателя «качество обучения», то он становится вторым по значимости после фактора социального влияния авторитетных профессионалов. При этом этот фактор играет относительно меньшую роль на 1 курсе, после чего возрастает, достигая пика к 4 курсу, когда курсанты осваивают наиболее сложные и важные с профессиональной точки зрения дисциплины.

Полученные данные позволяют утверждать, что качество обучения должно рассматриваться как один из важнейших факторов успешной профессиональной социализации в системе подготовки пожарных. Одновременно следует указать на заметные расхождения в оценках, данных курсантами из различных под выборками, косвенно указывают на возможную роль дополнительных факторов, влияющих на процесс и результаты профессиональной социализации. Необходимы дальнейшие, более глубокие исследования, посвященные внутри вузовским условиям эффективной профессиональной социализации.

Заключение

Успешная профессиональная социализация работников спасательных служб требует комплексного подхода, включающего меры по профилированию и профориентации абитуриентов, поступающих в ведомственные вузы. развитию благоприятных условий внутри вуза, адаптационные меры в подразделениях МЧС России. Понимание точного комплекса и взаимосвязи факторов успешной профессиональной социализации в настоящее время находится лишь на начальной стадии и нуждается в дополнительных исследованиях. Однако уже сейчас можно утверждать, что хотя в вузах ГПС МЧС России сложились базовые условия для профессиональной социализации, существует значительный резерв и потенциал для их дальнейшего развития, в том числе за счет повышения качества обучения. Возможные меры для

решения этой задачи включают в себя повышение содержательного качества и актуальности лекционного материала, увеличение доли интерактивных, практико-ориентированных занятий, более активное вовлечение курсантов в научно-исследовательскую работу, а также привлечение к обучению профессионалов системы МЧС, пользующихся авторитетом и имеющих высокую репутацию.

Литература

- Шубин В.А. Профессиональная социализация курсантов вузов государственной противопожарной службы. Автореф. дисс... канд. соц. наук. Пенза, 2011. 22с.
- Клименко В.А. Профессиональная социализация студентов: структурно-функциональная модель // Социологический альманах. 2012.
 № 3. С. 92–102.
- 3. Порошин А.А., Бобринев Е.В., Кондашов А.А. и др. Разработка математической модели оптимизации процесса профессионального становления молодого специалиста в системе МЧС России // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2018. № 4. С. 67–73.
- Яковлева О.И. Психологическая готовность курсантов к несению службы в подразделениях ГПС МЧС как показатель уровня профессиональной социализации // Гражданская оборона на страже мира: Материалы IV МНПК, 28.02.2020. Ч. 3. М.: Академия ГПС МЧС России, 2020. С. 87–95.
- Власова Г.И. Особенности первичного профессионального самоопределения студентов младших курсов педагогических специальностей вуза МЧС // Психологопедагогические проблемы становления личности сотрудника МЧС России и преподавателя ОБЖ: сб. трудов секции № 17 XXIX МНПК «Предотвращение. Спасение. Помощь», 21.03.2018. Химки: ФГБВОУ ВО АГЗ МЧС России, 2019. С. 8–13.

- 6. Грибова М.Н. Особенности профессиональной социализации курсантов вузов государственной противопожарной службы МЧС России. Автреф. дисс... канд. психол. наук. М., 2014. 26 с.
- Шубин В.А. Факторы профессиональной социализации курсантов вузов государственной противопожарной службы МЧС России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 3. С. 85–93.

INFLUENCE OF THE QUALITY OF TRAINING ON THE PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF THE RUSSIAN EMERCOM ACADEMY OF STATE FIRE SERVICE CADETS

Yakovleva O.I.

Institute of Socio-Economic Problems of Population

Professional socialization of rescue services officers is a complex, multi-component process dependent of many specific features determined by the requirements of the profession. At present, the factors of successful professional socialization in the Russia's EMERCOM system have been studied only fragmentarily. One of the potentially significant factors is the quality of professional training. The article presents the results of a monitoring survey of cadets (N=381) and faculty (N=120) of the Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. The study revealed that the quality of education is the second most important factor in professional socialization within the EMERCOM educational system, following the role of recognized and respected professionals. Cadets have high satisfaction with their educational experience, albeit decreasing during the time, and a better evaluation of the quality of learning as compared to the faculty staff. Undergraduate students are also inclined to overestimate their level of understanding of the characteristics of service in the EMERCOM system. However, a gradual correction of their perceptions indicates the success of professional socialization during training. The study concludes that although the EMERCOM institutions provide basic conditions for professional socialization, there are significant opportunities for increasing its efficiency by increasing the quality of learning.

Keywords: professional socialization; higher education; quality of training; EMERCOM; fire service; cadets.

References

- Shubin V.A. Professional socialization of cadets of universities of the state fire service. Abstract of thesis. diss ... cand. social sciences. Penza, 2011. 22 s.
- Klimenko V.A. Professional socialization of students: structural and functional model // Sociological almanac. 2012. No. 3. S. 92– 102
- Poroshin A.A., Bobrinev E.V., Kondashov A.A. and others. Development of a mathematical model for optimizing the process of professional development of a young specialist in the EMERCOM of Russia // Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the modern world. 2018. No. 4. S. 67–73.
- 4. Yakovleva OI Psychological readiness of cadets to serve in the units of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations as an indicator of the level of professional socialization // Civil defense on guard of the world: Materials of the IV MN-PK, 02/28/2020. Part 3. Moscow: Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2020, pp. 87– 95.
- 5. Vlasova G.I. Features of the primary professional self-determination of junior-year students of pedagogical specialties of the higher educational institution of the Ministry of Emergencies // Psychological and pedagogical problems of the formation of the personality of an employee of the Ministry of Emergencies of Russia and a teacher of life safety: collection of works. Proceedings of Section 17 of the XXIX MNPK "Prevention. The rescue. Help ", 03/21/2018. Khimk: FGBVOU VO AGZ EMERCOM of Russia, 2019.
- Gribova M.N. Features of professional socialization of cadets of universities of the state fire service of the EMERCOM of Russia. Author. diss ... cand. psychol. sciences. M., 2014. 26 p.
- Shubin V.A. Factors of professional socialization of cadets of universities of the state fire service of the EMERCOM of Russia // Izvestia of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. 2010. No. 3. S. 85–93.

Сциентизация социальных практик в большом городе: векторы социальных изменений

Лагутин Юрий Викторович,

аспирант кафедры социологии коммуникативных систем Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: lagutinyury@gmail.com

Практически все действия жителя крупного города в России и за рубежом базируются на научных инновациях. Очистка воздуха в квартире, уборка с помощью роботовпылесосов, измельчение бытовых отходов, раздельный сбор мусора, сигнализация, коммуникационные технологии и гаджеты, правильное питание и другие здоровьесберегающие технологии прочно вошли в обыденную жизнь человека, проживающего в мегаполисе, в отличие от натуральной жизни в редких местах сельской глубинки, где она еще сохранилась.

Статистические данные свидетельствуют о возрастающих темпах миграции сельского населения в город и урбанизационных процессах (сноска). Люди голосуют выбором места поселения за удобство, эргономичность, оснащенность жилья, рабочего места и жизненного пространства вокруг.

Ежегодные аналитические отчеты крупных компаний, основанных или использующих инновационные информационно-коммуникативные технологии свидетельствуют о возрастании потребления разнообразных гаджетов населением, развитии рынка робототехнических устройств в России, востребованности новых средств передвижения (электросамокаты, сигвеи) в обновленных пространствах городов.

Ключевые слова: сциентизация, анализ, социальное окружение, социальные изменения, социум, урбанизация, мегаполис, социальные практики, город, человек, информация, инфраструктура, идентичность, индивидуальность, культура, общество.

1. Городская проблематика рассматриваемой проблемы сциентизации быта диктует необходимость рассмотрения различных аспектов взаимодействия жителей современного мегаполиса с изменившимся социальным окружением на фоне реализации концепции «умного города» с учетом характера взаимодействия основных социальных акторов: граждан, органов власти и бизнеса.

«Умный город» (Smart city) – город с развитыми информационными системами, включающих коммуникативные и информационные технологии с интернетом вещей для эффективного управления городской инфраструктурой [18], [28], [30]. Основная цель внедрения концепции «умного города» - улучшение уровня жизни жителей с помощью ІТ-решений. При всем многообразии подходов к изучению «умных городов» и лежащих в их основе исследовательских действий, ограничимся рассмотрением тех элементов инфраструктуры или сопутствующих явлений, которые непосредственно воздействуют на повседневную жизнь людей и устойчивые социальные практики, позволяющие сконструировать актуальные социальные проблемы.

Прежде всего, отметим явные психологические издержки, связанные как с жизнью в большом городе, так и с использованием информационных технологий: это, прежде всего, повышенный уровень стресса, связанный с переходом из комфортной среды виртуального взаимодействия в реальные общественные пространства, а также проблема возрастания замкнутости в своем мире и усугубляющегося одиночества в результате развертывания неудачных сценариев социализации в условиях мегаполиса [1].

Внутренний контур «умного города», связанный с индивидуальным жилищем, приводит нас к проблематике

«интернета вещей» и в пределе «умного дома» как совокупности предметов, связанных в единую сеть и управляемых специальным алгоритмом и / или искусственным интеллектом в зависимости от задач, сформулированных пользователем. В настоящее время в научной литературе преобладает позитивный настрой в отношении данного класса технологий повседневной жизни, главным аргументом при этом является удобство, экологичность и психологический комфорт. «бесшовность» взаимодейтвия с техническим окружением и невидимой инфраструктурой за пределами «умного дома» [21].

Внешний контур «умного города» обусловлен государственной политикой и политикой городских властей во взаимодействии с представителями бизнесструктур, заинтересованных в росте экономики услуг и большей вовлеченности пользователей в цифровые социальные транзакции. Исходя из этого, центральисследовательской проблемой в этом отношении становится проблема развития цифровых сервисов, с одной стороны повышающих удобство их использования, а с другой – усиливающие тенденции, связанные с разобщенностью людей и формированием эмоциональной зависимости от высокотехнологичных устройств повседневного использования. В имеющихся обзорах и рейтингах технологий умных городов акцент сделан именно на удобстве пользователя, а не на возможных негативных последствиях от взаимодействия (зачастую аддиктивного) с подстраивающейся под нужды и потребности пользователя системы [33], [32], [34].

Отдельного внимания в связи с этим заслуживает развитие экономики совместного пользования, демонстрирующей высокую зависимость от масштаба территории и реализующихся в условиях мегаполиса с наименьшими издержками и с непременным использованием информационных технологий (каршеринг, велошеринг, посуточная аренда жилья) [12].

Отдельного внимания заслуживает невидимая и незаметная сторона су-

ществования «умного города» – сбор и использование «больших данных» (Від data) о людях и неодушевленных объектах в процессе их повседневного взаимодействия независимо от места нахождения [31]. Общим мнением является признание большого потенциала использования «больших данных» для оптимизации управления городом через предотвращение социальных катаклизмов (предиктивный анализ) и более эффективное планирование будущего развития (стратегический анализ) [22], [25], [29].

При этом неявный, скрытый и непубличный характер сбора данных о жизни горожан (зачастую - без их информированного согласия), аргументированный заботой об их безопасности и комфорте с одной стороны усиливает психологический дискомфорт от осознания наличия «всевидящего ока», а с другой – способен усилить противоправную активность, связанную со стремлением (и приобретением необходимых компетенций) обойти системы слежения и сбора информации, вплоть до «технолуддитства». Поэтому возможным решением может стать «активное вовлечение граждан в процесс формирования целостной картины о жизни города: сообщения на сервисах по вопросам благоустройства, работы организаций жилищно-коммунального хозяйства, информация о правонарушениях, дорожных заторах и авариях, последствиях стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций [2].

Указанный аспект, связанный с осознанием своей пассивности и беспомощности [3] позволяет выделить еще один важный момент социальных практиках жителей мегаполиса, обусловленный, помимо прочего, технологизацией повседневной деятельности и социальных отношений. Речь идет, прежде всего, о технологических возможностях для эффективной самоорганизации и совместной деятельности людей в городском пространстве посредством общедоступных информационных технологиях и связанных с ними устройств. Речь идет, прежде всего, о соседском взаи-

модействии внутри многоквартирного дома (группы в социальных сетях), объединении вокруг общегородских (районных) проблем посредством электронного взаимодействия и координации деятельности, а также взаимодействие с органами власти по вопросам формирования комфортной городской среды [15], [17], [24], [7].

Отдельным направлением для развития встречной гражданской активности в рамках реакции на сциентизацию повседневной жизни становится городское фермерство и огородничество, демонстрирующее как опору на традиционные агрокультурные, так и на инновационные технологии. Указанный формат совместной деятельности, по мнению ряда авторов, может служить основой для преодоления большинства негативных явлений, связанных с технологизацией быта современного жителя мегаполиса [5], [13], [27].

Подводя итог рассмотрению подходов к анализу проблем по теме исследования, связанных с городским измерением жизни социальных групп и отдельных индивидов, отметим элемент, красной нитью проходящий через все публикации, а именно – искусственный интеллект и перспективы его использования. Отмечая в настоящий момент недостаточный уровень его проникновения в повседневную жизнь людей, вопросы его развития и влияния на отношения «человек - машина», «человек вещь» и «человек - человек» следует отнести, скорее, к сфере ближайшего или отдаленного будущего.

2. Последняя исследовательская область по проблеме сциентизации быта в современном мегаполисе связана, прежде всего, с определением векторов социальных изменений в будущем с учетом изменений во взаимодействии человека с техническими средствами / техническим окружением.

Прежде всего, отметим заметную футурологическую составляющую в работах, посвященных предметному и жизненному миру человека будущего. Так, ряд исследователей отмечает вероятность полного исчезновения физи-

ческого взаимодействия между людьми и даже опосредованного техническими средствами [19].

При этом люди и «умные машины» смогут стать равноценными партнерами, которым придется выстраивать взаимодействие на новых принципах, отличных от дихотомии «пользователь / владелец – вещь» [14].

Дизайн, согласно Э. Данну и Ф. Рэби, будет играть еще большую роль, связанную с проектированием не только поведения граждан в настоящем, но и в будущем, что неизбежно повлияет и на развитие политических систем и политической сферы [6].

Отдельный вопрос – изменение в будущем характера социальных связей (личных, деловых, культурных) вследствие развития цифровой экономики и новых форм взаимодействия на основе распределённых вычислений («блокчейн»). Общее настроение рассматривающих этот вопрос исследователей, связано с появлением новых возможностей для демократизации и реализации наиболее жизнеспособных принципов социальных утопий [11], [4].

Наконец, говоря о будущем повседневности и роли в ней информационных технологий, нельзя не упомянуть проблему постчеловека и его частичного или полного слияния с кибернетическими организмами (киборгизация) [16], [10].

При этом перспектива трансгуманизма и отхода от принятых в настоящее время этических норм и правил, становится достаточно ощутимой и способна повлиять на принятие решений представителями власти и ИТ-бизнеса.

Обобщая сказанное выше в отношении перспектив развития технологизации повседневной деятельности человека в будущем, становится возможным зафиксировать два полюса в оценке перспектив, возможностей, угроз, рисков и ограничений, связанных с продолжением тенденций, наметившихся в последней трети XX века и в начале XXI столетия: технооптимизм и технооптимизм [20]. Наличие столь явно выраженных позиций позволяет совре-

менному исследователю сформировать собственное видение рассматриваемых вопросов в зависимости от характера анализируемых социальных явлений и практик.

Подводя итог рассмотрению степени научной и экспертной разработанности проблемы сциентизации быта и технологизации повседневной деятельности жителя современного мегаполиса, отметим необходимость, вследствие подвижности и актуальности рассматриваемых вопросов, постоянного научного поиска и реконфигурации исследовательских подходов в рамках междисциплинарного анализа. Подход, связанный с конструированием социальных проблем предполагает гибкое реагирование на изменения, происходящие с исследуемым объектом и новые данные и научные исследования будут в конечном счете способствовать более обоснованным и практически значимым выводам и рекомендациям.

Литература

- Адли М. Стресс в большом городе / пер. с англ. Ю. Брянцевой, М. Исаева. М.: Moscow Urban Forum, 2019.
- 2. Афанасьев К.С., Степанова Е.С. Возможности и ограничения использования анализа больших данных для оптимизации процессов управления городом // Цифровая трансформация государственного управления: материалы Международной научно-практической конференции 25–27 сентября 2019 г. / Под общ. ред. С.Н. Большакова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 135–142.
- Виловатых А.В. Манипулирование социальным поведением в условиях цифровой среды // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 149–164.
- Винья П., Кейси М. Машина правды. Блокчейн и будущее человечества / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. С. 272–275.
- Гусева А.В. Сельское хозяйство и урбанизация: опыт Японии по сохранению многофункциональных

- городских ландшафтов // Academia. Архитектура и строительство. 2013. № 2. С. 90–94.
- Данн Э., Рэби Ф. Спекулятивный мир / пер. с англ. М.: Strelka Press, 2017. С. 203–206.
- 7. Ильина И.Н., Овденко Е.Н. Городское развитие в период пандемии COVID-19. Исследования по повестке форума «Сильные идеи для нового времени». М.: Агентство стратегических инициатив, 2020.
- Кибакин С.В. От антропоцентризма к социологии вещей и цифровой социологии // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 1. С. 10–16.
- 9. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
- Кутырёв В.А. Постчеловеческая революция как результат технологизации человеческого мира // Наука. Мысль. 2017. № 1–3. С. 45–49.
- Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа: наше цифровое будущее / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 278–279.
- Мангер М. Завтра 3.0. Трансакционные издержки и экономика совмест- ного использования / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. С. Щукиной. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
- Монтгомери Ч. Счастливый город. Как городское планирование меняет нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
- Норман Д. Дизайн вещей будущего / пер. с англ. М: Strelka Press, 2013. С. 141–143.
- Полищук Л. Ждать начальства или скинуться самим: социальный капитал в жизни города // Стимулы. Парадоксы. Провалы. Город глазами экономистов. / Под ред. В. Аузана. М.: Stelka Press, 2015. С. 112–135.
- 16. Реброва А.Д. Киборгизация тела человека как реализация современных инновационных технологий // Политехнический молодежный журнал. 2018. № 2. С. 1–7.
- 17. Смирнова И.Н. «Живущие рядом»: Соседские взаимоотношения в го-

- родском пространстве // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2016. № 1. С. 56–63.
- Таунсенд Э. Умные города: большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии / пер. с англ. А. Шоломицкой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
- Урри Д. Как выглядит будущее? / пер. с англ. А. Матвеенко. М.: Дело, 2018. С. 218–220.
- 20. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: 1 преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.
- 21. Юдина М.А. Интернет вещей: проблемы социальной экспертизы // Коммуникология. 2017.Том 5.№ 2. С. 50–67.
- Elhoseny H., Elhoseny M., Riad A.M., & Hassanien A.E. A framework for big data analysis in smart cities // International Conference on Advanced Machine Learning Technologies and Applications. 2018. PP. 405–414.
- International Conference on Information Management & Management Science. 2018. PP. 99–104.
- Lozano E. Density in communities, or the most important factor in building urbanity. In: Larice M., Macdonald E. (eds) Urban design reader. Second edition. London; New York: Routledge, 2013. PP. 399–414.
- Mergel I., Rethemeyer R., Isett K. Big Data in Public Affairs // Public Administration Review. 2016. № 76. PP. 928–937.
- Ngumbi E. Growing Urban Agriculture // Stanford Social Innovation Review. 2017. Winter. PP. 17–21;
- Owen D. Green Metropolis: Why Living Smaller, Living Closer, and Driving Less Are theKeys to Sustainability. N.Y.: Riverhead books, 2011.
- Picon A. Smart Cities: a spatialised Intelligence. L.: Wiley, 2015. Smart Urbanism: Utopian Vision or False Dawn? / Ed. by S. Marvin, A. Luque-

- Ayala and C. McFarlane. L.: Routledge, 2016.
- Sarker M.N. I., Hossin M.A., Frimpong A.N. K., & Xiaohua Y. Promoting information resource management for e–government through big data approach // Proceedings of the 2018.
- Smart Urbanism: Utopian Vision or False Dawn? / Ed. by S. Marvin, A. Luque-Ayala and C. McFarlane. – L.: Routledge, 2016.
- 31. Города, управляемые данными: от концепции до прикладных решений. М.: PWC, 2016; Analytical Report 4: Open Data in Cities // European Data Portal [Электронный ресурс]. 2016. Режим доступа: https://www.europeandataportal.eu/sites/default/fies/edp_analytical_report_n4_-_open_data_in_cities_v1.0_fial.pdf.
- 32. Индекс IQ городов, Минстрой России [Электронный ресурс] Режим доступа: https://minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-predstavil-pervyy-indeks-iq-gorodov-/.
- 33. Цифровая жизнь российских мегаполисов. Модель. Динамика. Примеры // Институт исследований
 развивающихся рынков бизнесшколы «Сколково» (IEMS) [Электронный ресурс]. 2016. Режим доступа:
 https://iems.skolkovo.ru/ downloads/
 documents/SKOLKOVO_IEMS/
 Research_Reports/SKOLKOVO_
 IEMS Research 2016—11—30 ru.pdf.
- 34. Smart cities Ranking of European medium-sized cities. Vienna University of Technology, 2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.smart-cities.eu/download/smart_cities_final_report.pdf.

CONSIDERATION OF RESEARCH AREAS OF ORIENTATION: ANALYSIS OF ASPECTS OF INTERACTION OF MEGALOPOLIS RESIDENTS WITH THE CHANGED SOCIAL ENVIRONMENT AND DETERMINATION OF VECTORS OF SOCIAL CHANGES

Lagutin Yu.V.Lomonosov Moscow State University

Almost all the actions of a resident of a large city in Russia and abroad are based on scientific innovations. Cleaning the air in the apartment, cleaning with the help of robot vacuum cleaners, shredding household waste, separate garbage collection, alarm systems, communication technologies and gadgets, proper nutrition and other health-saving technologies have firmly entered the everyday life of a person living in a megalopolis, in contrast to natural life in the rare places of the rural hinterland, where it is still preserved. Statistical data indicate an increasing rate of rural-urban migration and urbanization processes (footnote). People vote by choosing a place of settlement for the convenience, ergonomics, equipment of housing, workplace and living space around.

Annual analytical reports of large companies founded or using innovative information and communication technologies indicate an increase in the consumption of various gadgets by the population, the development of the market for robotic devices in Russia, the demand for new vehicles (electric scooters, segways) in the updated spaces of cities.

Keywords: socialization, analysis, social environment, social changes, society, urbanization, megapolis, social practices, city, person, information, infrastructure, identity, individuality, culture, society.

References

- Adli M. Stress in the big city / translated from the English by Yu. Bryantseva, M. Isaeva. Moscow: Moscow Urban Forum. 2019.
- Afanasyev K. S., Stepanova E.S. Opportunities and limitations of using big data analysis to optimize city management processes / / Digital transformation of public administration: materials of the International Scientific and Practical Conference on September 25–27, 2019 / Under the general editorship of S.N. Bolshakov. St. Petersburg: Pushkin State University, 2020. pp. 135–142.
- Vilovatykh A.V. Manipulation of social behavior in a digital environment / / Scientific journal "Discourse-Pi". 2020. № 2 (39). Pp. 149–164.
- Vigna P., Casey M. The Truth Machine. Blockchain and the future of humanity / trans. from English M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2018. pp. 272–275.
- Guseva A.V. Agriculture and urbanization: Japan's experience in preserving multifunctional urban landscapes / / Academia. Ar-

- chitecture and construction. 2013. No. 2. pp. 90–94.
- Dann E., Raby F. Speculative world / trans. from English M.: Strelka Press, 2017. pp. 203–206.
- Ilina I. N., Ovdenko E.N. Urban development during the COVID-19 pandemic. Research on the agenda of the forum "Strong Ideas for a New Time". Moscow: Agency for Strategic Initiatives, 2020.
- Kibakin S.V. From Anthropocentrism to the sociology of things and digital sociology / / Digital Sociology. 2019. Vol. 2. No. 1. pp. 10–16.
- Kleinenberg E. The Life of Solo. The new social reality / trans. from English M.: Alpina non-fiction. 2014.
- Kutyrev V.A. Posthuman revolution as a result of the technologization of the human world. Nauka. Thought. 2017. No. 1–3. pp. 45–49.
- Mcafee E., Brynjolfson E. Machine, platform, crowd: our digital future / trans. from English M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. pp. 278–279.
- 12. Manger M. Tomorrow 3.0. Transaction costs and the economy of joint use / translated from the English by Yu. Kapturevsky; under the scientific editorship of S. Shchukina. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021.
- Montgomery Ch. Happy city. How urban Planning changes our lives. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019.
- Norman D. Design of things of the future / trans. from English: Strelka Press, 2013. pp. 141–143.
- Polishchuk L. Wait for the authorities or chip in yourself: social capital in the life of the city // Incentives. Paradoxes. Failures. The city through the eyes of economists. / Edited by V. Auzan. M.: Stelka Press, 2015. pp. 112–135.
- Rebrova A.D. Cyborgization of the human body as the implementation of modern innovative technologies / / Polytechnic Youth Journal. 2018. No. 2. pp. 1–7.
- Smirnova I. N. "Living nearby": Neighborly relations in the urban space / / Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Natural and Social Sciences. 2016. No. 1. pp. 56– 63.
- Townsend E. Smart Cities: big Data, civilian hackers and the Search for a new utopia / translated from the English by A. Sholomitskaya. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2019.

Социология №4 2021

- Urri D. What does the future look like? / translated from the English by A. Matveenko. M.: Delo, 2018. pp. 218–220.
- Khalin V. G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: 1 advantages, challenges, threats and risks / / Management consulting. 2018.
 No. 10. pp. 46–63.
- Yudina M.A. Internet of things: problems of social expertise / / Kommunikologiya. 2017.
 Volume 5. No. 2. pp. 50–67.
- 22. Elhoseny H., Elhoseny M., Riad A.M., & Hassanien A.E. A framework for big data analysis in smart cities / / International Conference on Advanced Machine Learning Technologies and Applications. 2018. pp. 405–414.
- 23. International Conference on Information Management & Management Science. 2018. PP. 99–104.
- 24. Lozano E. Density in communities, or the most important factor in building urbanity. In: Larice M., Macdonald E. (eds) Urban design reader. Second edition. London; New York: Routledge, 2013. PP. 399–414.
- 25. Mergel I., Rethemeyer R., Isett K. Big Data in Public Affairs // Public Administration Review. 2016. № 76. PP. 928–937.
- Ngumbi E. Growing Urban Agriculture // Stanford Social Innovation Review. 2017. Winter. PP. 17–21;
- Owen D. Green Metropolis: Why Living Smaller, Living Closer, and Driving Less Are theKeys to Sustainability. N.Y.: Riverhead books, 2011.
- Picon A. Smart Cities: a spatialised Intelligence. L.: Wiley, 2015. Smart Urbanism:

- Utopian Vision or False Dawn? / Ed. by S. Marvin, A. Luque Ayala and C. McFarlane. L.: Routledge, 2016.
- Sarker M. N. I., Hossin M.A., Frimpong A.N. K., & Xiaohua Y. Promoting information resource management for e–government through big data approach // Proceedings of the 2018.
- Smart Urbanism: Utopian Vision or False Dawn? / Ed. by S. Marvin, A. Luque Ayala and C. McFarlane. – L.: Routledge, 2016.
- 31. Data-driven cities: from concept to applied solutions. Moscow: PWC, 2016; Analytical Report 4: Open Data in Cities / / European Data Portal [Electronic resource]. 2016. Access mode: https://www.europeandataportal.eu/sites/default/fies/edp_analytical_report_n4_-_open_data_in_cities_v1.0_fial.pdf.
- The IQ index of cities, the Ministry of Construction of Russia [Electronic resource] Access mode: https://minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-predstavil-pervyy-indeks-iq-gorodov-/.
- Digital life of Russian megacities. Model. Dynamics. Examples / / Institute for Research of Emerging Markets of the Skolkovo Business School (IEMS) [Electronic resource].
 Access mode: https://iems.skolkovo.ru/ downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2016-11-30_ru. pdf.
- 34. Smart cities Ranking of European mediumsized cities — Vienna University of Technology, 2017 [Electronic resource] Access mode: http://www.smart-cities.eu/download/ smart_cities_final_report.pdf.

Социальный театр как способ преодоления социальной эксклюзии

Шеремет Александр Николаевич,

кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории социальноэкономических проблем человеческого развития Института социально-экономических проблем народонаселения ФГБУН ФНИСЦ РАН E-mail: 201071sh@gmail.com

Целью развития всякого общества является повышение качества жизни населения. Люди и их возможности должны являться окончательными критериями для оценки развития любой страны мира, любого региона. [14] В связи с этим сохраняет свою актуальность проблема социальной эксклюзии, появление ее новых видов и поиска новых путей ее преодоления.

Статья посвящена анализу теоретических аспектов социальной эксклюзии как феномена, процесса и механизма социального исключения. Целью статьи является уточнение основных видов, проявлений, распространенности социальной эксклюзии в современных обществах, а также анализ особенностей социальной эксклюзии в России. Отмечены негативные тенденции социального, экономического и политического развития в мире в течение последнего десятилетия, среди которых: глобальные проблемы дефицита ресурсов, падение жизненного уровня, экономическая и социальная нестабильность, военные действия и вынужденная миграция и т.п. Исследование теоретических аспектов социальной эксклюзии как социальной исключенности стимулирует поиск практических путей преодоления нищеты, бедности, сиротства, неравенства и несправедливости, проявлений социальной депривации, различных социальных барьеров, ограничивающих доступ тех или других групп людей к культурным благам, а также эффективной защиты прав и свобод человека. В статье рассмотрены основные способы и социальные практики преодоления социальной эксклюзии в России и в мире, включая социальное искусство в целом и социальный театр в частности. Уточнены основные аспекты деятельности социального театра в ракурсе практики социальной инклюзии.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, социальное исключение, социальная депривация, социальное неравенство, социальная инклюзия, социальный театр.

Определить понятия и сущности социального привлечения или социальной инклюзии, социального отторжения или социальной эксклюзии уже длительное время пытаются ученые разных стран. Социологический анализ проблем социального отторжения и его преодоления базируется на теориях зарубежных ученых, в частности К. Маркса и М. Вебера (теория социальной стратификации), Н. Лумана (системная теория), Э. Гидденса (теория структурации), Х. Силвера (теория социального отчуждения и солидарности), Дж. Дэвиса (теория возникновения социальных революций) и др. [13] Определение понятия социального отторжения, анализ его форм и причин, обоснование различных методологических подходов к исследованию отторжения содержат работы П. Абрахамсона, Н. Кабира, Р. Ленуара Р. Листера, Х. Сильвер, А. Турена и многих других британских и французских исследователей. Вопросам определения понятия социального привлечения (инклюзии) посвятили свои работы такие зарубежные ученые, как Р. Аткинсон, Р. Дименштейн, Г. Эндрювайт, Р. Левитас, Е. Марлье, Л. Уилсон, Э. Фелпс и др. Не оставили без внимания эту проблему и современные российские исследователи. Исследованию социальной политики в категориях эксклюзии / инклюзии, выделению важнейших признаков этого процесса и состояния посвящены работы таких ученых, как М. Астоянц, Ф. Бородкин, М. Ефлова, И. Ларинова, Н. Ловцова, Л. Корель, Д. Мохов, Н. Тихонова, Ш. Рамон, П. Романов, И. Россихина, Л. Солдатова, В. Шмидт и др. Отметим, что на сегодняшний день постоянных русскоязычных аналогов категорий «social inclusion» и «social exclusion» не существует. В русскоязычной литературе используются как синонимичные термины «инклюзия» и «эксклюзия», «включение» и «выключение»,

«отторжение» и «привлечение», которые являются аналогами англоязычных терминов «inclusion» и «exclusion» [6].

Концепция социального привлечения неразрывно связана с теорией социальной эксклюзии (отторжения), которая сформировалась в начале 70-х гг. XX в. во Франции. Рене Ленуар определил социально исключенные группы как группы людей из всех социальных категорий, которые не были охвачены системой социальной защиты [9]. Социальная эксклюзия трактуется в современной социологии как процесс исключения человека или группы людей из определенной системы социальных отношений, которые дают доступ к социокультурным благам и гарантируют удовлетворение индивидуальных и социальных потребностей. Указанный процесс и механизм восстановления социальных различий, социального неравенства и несправедливости, социальной депривации, нарушения прав и свобод человека стали актуальным направлением современных исследований.

Депривация является процессом сокращения или лишения возможностей удовлетворять основные жизненные потребности отдельных индивидов или даже определенных социальнонаселения демографических групп в результате разрушения социальных связей. Оценить ее можно на основе показателей уровня жизни, а к основным ее проявлениям относятся следующие: состояние социального дискомфорта. разнообразные психические расстройства личности, нарушения или деформация социальных связей. Это вызывает социальную напряженность, неустойчивость массовых настроений и общественного мнения по различным социально-экономического вопросам развития страны и т.д. [4]

Для любого современного общества характерна поляризация социальных групп в экономической, политической, социальной, культурной и других сферах их жизнедеятельности. Процесс социальной эксклюзии анализируется как последовательность обстоятельств,

при которых лицо (группа лиц) переходят из обычного состояния в состояние социальной эксклюзии (относительной депривации). Как правило, характерными чертами социального исключения признают: низкие уровни потребления и дохода индивидов или групп, ограниченный доступ к общественным механизмам повышения благосостояния, преимущественно пассивный тип взаимодействия с обществом. Кроме того, решение проблемы социального включения невозможно без понимания структуры современного общества. Современная социальная теория в этом контексте базируется на идеях российско-американского ученого П. Сорокина. Структура общества – это иерархия статусов, которые являются неравными по отношению друг к другу. Люди определенного статуса имеют больше власти, чем лица других статусов. Статус одних позволяет иметь материальных благ и власти больше, чем у других. В то же время эта иерархия в современном обществе не является постоянной, но постоянно меняется. Одни люди (индивидуальная мобильность) или группы (групповая мобильность) поднимаются по ступеням социального неравенства (восходящая мобильность), другие опускаются (нисходящая мобильность). При этом некоторые люди (или группы лиц), оставляя свою социальную группу, то есть теряя свой предыдущий социальный статус, вследствие различных причин уже не могут войти в другие социальные группы, то есть получить новый статус. В таком случае лица вообще выпадают из социальной иерархии [13].

Несколько последних десятилетий в России и в мире глобализация повлияла на технологические процессы; трансформацию существующих идеологий; демографическую ситуацию; миграцию, приведшую к превращению однородных национальных обществ в мультикультурные с рядом статусных изменений внутри многих стран. Необходимо обратить внимание, что именно эти процессы в сочетании с экономическими кризисами, техногенными ката-

строфами и Covid пандемиями последних лет способствуют увеличению количества лиц. входящих в группы риска. По расчетам специалистов Высшей школы экономики, риск социального исключения актуален для 13,1% жителей и 19,8% домохозяйств в России. Наибольшие риски ограничения доступа к экономической и социальной сферам в стране имеют безработные (36,2%) и многодетные семьи (22%) [10]. Основными проявлениями и формами социальной эксклюзии в современном мире выступают бедность, субординация в системе социальных идентичностей, дискриминация по состоянию здоровья, по социальным позициям, демографическим характеристикам и др. Социальные барьеры являются проявлением процесса и механизма социальной эксклюзии. Они искусственно формируют социальные фильтры и ограничения в доступе людей к тем или иным социокультурным благам и таким образом восстанавливают неравенство, иерархию и несправедливость. В связи с этим для воплощения эффективной государственной социальной политики, характеризующейся бережным отношением к особо уязвимым группам населения и активным вовлечением их в экономическое, социальное, культурное и политическое жизни общества, важен особый подход в форме отдельных видов инклюзивной социальной политики [2].

Социальное включение может происходить двумя путями. Во-первых, путем повышения социального статуса лица или группы лиц (восходящая мобильность), при условии, что новый статус даст им большее влияние на все стороны жизни общества. Во-вторых, путем возвращения лица или группы лиц к общепризнанной социальной иерархии. В любом случае речь идет о попытке получить новый социальный статус, войти в новые социальные группы. Именно в этом и заключается сложность социального включения, ведь каждая социальная группа сопротивляет-СЯ ВХОЖДЕНИЮ В НЕЕ НОВЫХ ЧЛЕНОВ, «ВЫставляя» так называемые «социальные барьеры». Такими барьерами, в зависимости от группы, могут быть деньги (определенный их объем), уровень культуры, уровень образованности, профессиональные навыки, стиль жизни и т.д. Для их преодоления лицо должно, кроме желания, иметь еще и достаточные ресурсы, и готовность преодолевать эти барьеры [5].

Дальнейшие научные исследования в области социальной политики привели к изменению отношения к решению проблемы социального отторжения населения. механизмы борьбы с которым отличаются от концепции бедности и заключаются теперь в создании системы социальных услуг, направленных на социальное привлечение (инклюзию), что должно находить свое отражение в национальной стратегии социально-экономического развития страны. Изучение и анализ подходов к пониманию сущности социального привлечения показывает, что в его определении, как правило, применяется смешанный подход, когда оно объясняется и как процесс, и как социальные связи, и как способность сообщества к формированию собственной идентичности и т.д. Процессы общественных трансформаций, безусловно, предусматривают преодоление социальных барьеров и противопоставление механизмов социальной инклюзии проявлениям социальной эксклюзии. Это является одним из путей уменьшения социальной напряженности, социальных противоречий и конфликтов. [6].

Одной из сфер человеческой жизнедеятельности, существенно влияющей на становление личности и ее социализацию, является искусство. Оно вместе с другими общественными институтами и формами включает личность в систему интересов и потребностей общества. Как известно, социальная значимость искусства определяется уровнем воздействия на систему потребностей, ценностей, ценностных ориентаций, мотиваций личности. Социальная сущность искусства прежде всего проявляется в его цели и предмете. Целью искусства является совершенствование человека и общества, в котором

этот человек существует. Данная сфера связана с поисками человеком различных форм и средств самовыражения, реализации себя. Искусство является весомым механизмом воздействия на личность, на внутренний мир человека, на формирование его идеалов, правил поведения. Оно дает человеку возможность и средства самореализации, нахождение собственной индивидуальности [5].

Интеграционным видом искусства, объединяющим в себе различные средства воздействия на личность, что нашло эффективное применение в социальной практике, является театр. Театральное искусство – один из самых древних и значимых видов творческой деятельности человека. Театр, в первую очередь как социальный институт, является средством адаптации и ориентации отдельного человека в обществе, позволяет овладеть системой социальных ценностей, повышает значимость и роль личности. Современная социология театра рассматривает его как систему социально значимых действий, где происходит овладение системой социальных ролей, социальным опытом, что и определяет функцию театра как способа регулирования социальных процессов и освоение общей культуры и коммуникации. Театр как один из распространенных видов искусства проносит через века специфику своего влияния на личность. Театр влияет на осознание личностью своих поступков, духовно обогащает внутренний мир благодаря возможности сопереживания героям, перевоплощению в разные персонажи. Будучи социальным институтом, театр имеет комплекс культурных норм и норм поведения, принципов, охватывает определенную совокупность людей (зрителей), обеспечивая относительную устойчивость социальных отношений [7].

Начиная с XIX века, в искусстве появляются направления, в которых поиск жизненной правды выходит на первое место. Эти поиски отражаются в театре и вырисовывается его новый вид документальный. Документальный театр очень похож на документальный фильм. Большинство практиков документального театра работают с архивными материалами, оригинальными документами, судебными протоколами, интервью, статистикой и исследовательскими отчетами, чтобы создать сценарий, который по сути является научно-популярным. Они также используют биографический театр, местный театр и формы реконструкции. Один из наиболее известных документальных театральных проектов в США -«Проект Ларами», который фокусируется на реакции на убийство на почве ненависти студента колледжа-гея Мэтью Шепарда. Спектакль основан на интервью с членами сообщества, публичных репортажах и личной реакции членов труппы. Кристин Ампфенбах снимает документальный театр, посвященный социальным и политическим реалиям городов. Часто источником вдохновения для ее работ является историческое событие, социальнополитическая тема (например, миграция, бездомность или неравенство) или исторически значимое место. Хотя ее произведения освещают индивидуальный опыт, они предназначены для того, чтобы пролить свет на опыт более широкой группы или определенного политического, или исторического периода

В театре «нового поколения» (XX в.) К.С. Станиславский и его последователь Е.Б. Вахтангов активно развивали и пропагандировали метод импровизации, опираясь на принципы и механизмы, задействованные в итальянской комедии «дель арте». Впрочем, перенос их на новую почву и другие реалии в корне изменило принципы импровизации, в результате чего возник уникальный феномен - синтез импровизационного и психологического театра. Отбросив устаревшие виды импровизации, К.С. Станиславский довел этот метод до технического совершенства в тандеме с внутренней духовной наполненностью актера. Новая интерпретация К.С. Станиславским этого понятия была основана на том, что чело-

век (а. следовательно, и актер на сцене) не может повторить любые действия дважды абсолютно одинаково. Таким образом, если актер исполняет свои действия на сцене вполне правдиво, то каждая репетиция и спектакль будут проходить в свободной импровизации, или, как говорят, в «импровизационном самочувствии» [11]. По утверждению Станиславского, начальный уровень в овладении искусством актера заключается в его умении создать в себе на сцене абсолютно естественное человеческое мировосприятие. Б. Брехт, которого считают основателем эпического («диалектического») театра, хотел создать театр, который побудил бы зрителя к размышлениям и рассуждениям, а не к состраданию. Для этого он «отстранил» игру актеров, чтобы сделать ее похожей на обычную жизнь («эффект отчуждения») [3]. По сравнению с К.С. Станиславским, Б. Брехт обращается к эстетическим вопросам с идеологической позиции, которая, тем не менее, должна всегда быть готовой приспособить менее четко очерченный материал к театральной практике. К этому можно добавить: оба стремятся к тому, чтобы и режиссер, и исполнитель задавали себе вопрос: «Что происходит в пьесе?».

Театр «вырос» из специфических потребностей прошлых поколений, являясь формой выражения чувств, средством общения и формой удовлетворения многих потребностей. Беря тему из повседневной жизни человека, театр со временем выполнял все больше социальных, образовательных, эмоциональных и эстетических функций. Выполняя эти функции в сменяющие друг друга эпохи, он становился важным инструментом социальной практики: в процессах обучения и воспитания, познания действительности, формирования моральных установок и системы ценностей, как в прошлом, так и в настоящее время.

Развитие инклюзивного театра в России начинается в 1960-е годы. В 1962 году в Москве создаётся Театр мимики и жеста, который становится

первым в мировом опыте профессиональным театром для неслышащих актеров. В 1997 г. создан Интегрированный театр-студия «Круг II» (Москва), а в 2005 г. открыл свои двери для всех желающих театр «ШедЭврика» (Санкт-Петербург), в 2014 г. создан «Театр равных» (Воронеж), в 2015 г. – театр-студия «Ога» (Екатеринбург), в 2015 г. – театр «Особенный ТИП» (Новосибирск) и др. В статье А.Э. Еваевой и соавт. подробно рассмотрены социальные проекты и работы театральных деятелей, таких, например, как: Борис Юхананов (работает с людьми с синдромом Дауна), Евгений Миронов с социокультурным проектом «Прикасаемые» по интеграции слепоглухих людей в творческую среду и др. [5]

Уличный театр – это одна из наиболее эффективных форм социальной работы в условиях открытого пространства. Важны исторические и теоретические труды исследователей уличного театра: М.М. Евреинова, А.Д. Силина, Д.М. Генкина, П. Пави, Ж.К. Круза, Б. Мейсона и др. Уличный театр – это не только специфическая форма эстетической культуры, но достояние театрального искусства в целом. Уличный театр не только эстетически, но и социально, психологически и морально, хотя бы на время объединяет, сплачивает людей, инициирует коллективное ощущение и проявление единодушия. В этом смысле уличный театр играет важную и универсальную роль социокультурной коммуникации, и имеет свою целостную зрелищную культуру с такими аспектами, как эстетичность, художественность, зрелищные формы, имеющиеся в человеческой культуре

В 80-х годах в Великобритании возник театр Вербатим, постепенно распространяясь в материковой Европе и Северной Америке. В 2000 году вербатим, благодаря драматургическим семинарам лондонского театра «Ройял Корт» проник и в Россию. Вербатим — одновременно и технология создания пьесы, и жанр современного документального театра. Получил рас-

пространение и Плейбек-театр или «театр воспроизведения» - разновидность интерактивного театра импровизации, состоящий из двух основных комплементарных практик: рассказы зрителями личных историй на публику и мгновенной инсценировки актерами этих рассказов в специфических формах. У каждого зрителя есть возможность стать соавтором и героем спектакля, в буквальном смысле увидеть себя со стороны и вместе со всеми пережить настоящий катарсис. В плейбек-театре инсценизируются не литературные произведения (в отличие от театра репертуарного) и не личные содержания исполнителей (в отличие от театра чистой импровизации), а индивидуальные истории присутствующих на спектакле зрителей, то есть любых случайных людей. Действие плейбек-театра обычно называют «перформансом», поскольку в нем акцент не на результате, а на процессе творчества, из чего следует непосредственная ценность художественных действий участников в режиме реального времени: и рассказы зрителей, и игра актеров, музыкантов, других создателей, и реакции ведущего и всех присутствующих являются во многом непредсказуемыми, спонтанными. Плейбек-театр часто используется как инструмент социальных изменений на уровне малых и средних закрытых и открытых, однородных и неоднородных групп. Комплексный социальнопсихологический эффект, который испытывает на себе группа, объясняется концептом «нарративной ретикуляции», предложенным автором идеи и основателем плейбек-театра Джонатаном Фоксом. Плейбек-театр возник в США в 1975 году, сегодня существует в том или ином виде в 63-х странах мира. В 1990 году была создана международная организация («Сеть») плейбектеатров, в 1993-м – школа («Центр») подготовки практиков тренеров И по собственным стандартам, в 2017-м – независимый блог плейбек-театра, существуют общие ресурсы в социальных сетях; проводятся исследования; печатается собственный журнал («IPTN

Journal»), выходят статьи, методические пособия и монографии, проводятся городские, национальные, международные и другие встречи, конференции, семинары, фестивали и т.п.

Бразильским режиссером и политиком Аугусто Боалем в 60-х годах XX века во время диктатуры в Бразилии была создана театральная методика «Театр угнетенных». С помощью ее Боаль стремился создать безопасное пространство для участия каждого в творческом процессе и обсуждения и решения социально-экономических проблем людей, страдающих от угнетения и несправедливости. Методика представляет собой систему упражнений, игр и техник, которые работают с телом, чувствами и личным опытом участников с целью создания возможностей для диалога, критической рефлексии социальной реальности и активного поиска низовых решений социальных проблем. Как интерактивная форма театра, основанная на соучастии, она помогает людям провести репетицию действий и найти в безопасном пространстве театра различные возможности, которые позже могут быть реализованы в жизни.

Форум-театр является методикой интерактивной работы среди различных слоев общества, направленная на решение социальных проблем. Целевые группы, с которыми работает форум-театр, включают: угнетенных лиц, попавших в сложную ситуацию и страдающих от различных форм насилия или собственной зависимости. Не менее важна работа с лицами, которые должны улучшить ситуацию в обществе путем проведения предупреждающих мероприятий и оказания помощи людям, страдающим от угнетения - социальные работники, медики, правоохранители и т.д.

М.В. Крупник, рассматривая практики работы с незащищенными группами, приводит наиболее яркие институции/проекты/спектакли и примеры социального театра. Спектакль «Пока ты здесь» труппы Liquid Theatre, который использует приемы визуального, физи-

ческого, танцевального театра, онлайнвидео и документальный материал. Спектакль «Акын-опера» дает зрителю возможность услышать голос мигрантов для того, чтобы начать разбираться, какие именно эти люди. Спектакль «Отдаленная близость» — театральный проект социально-творческой реабилитации детей и молодежи с отклонениями в развитии и их семей «Круг» (РОО СТР «Круг») и театра «Центр драматургии и режиссуры». Сенсорный спектакль «Четыре ветра» и др. [7]

По итогам I Форума-фестиваля социального театра «Особый взгляд» опубликованы разработки инклюзивных проектов, спектаклей с участием подростков, заключенных, мастерклассы и т.д. Социальные спектакли и мастер-классы рассказывают, с какими трудностями сталкиваются люди с особенностями, и позволяют им быть услышанными. Союз театральных деятелей РФ при участии проекта «Разговоры» представил новую инициативу в виде театра по телефону «Алло». Главным партнёром театра в этом случае является воображение зрителя. Театр всегда показывает «не всё», самый визуально богатый спектакль больше утаивает, чем высказывает, и наиболее интенсивный диалог зритель ведёт с самим собой, своим воображением, интеллектуальными установками или эмоциональной памятью. Во время пандемии необходимо вспомнить, что театр определяется не формой подачи, а фактом непосредственного чувственного переживания зрителем сюжета представления [1].

Выводы. Социальная эксклюзия сопровождает общество на протяжении всей его истории, формируя сложные процессы воспроизводства социального неравенства, иерархии и несправедливости. И хотя экслюзия как социальное явление существует в любом обществе, ей может противостоять политика социальной инклюзии, основанная на ценностях гуманизма и демократизма, социальной справедливости, интеграции, солидарности, социального партнерства и взаимопомощи.

Независимо от типа театра (классический, альтернативный или любительский), можно полноценно участвовать общественной жизни, конструировать позитивные образы и «корректировать» / акцентировать негативные явления в повседневном социальном пространстве. Ценность социального театра заключается в том, что он базируется на активном взаимодействии актеров и зрителей, которые имеют возможность не только увидеть проблему со стороны, но и благодаря собственным ресурсам разработать алгоритм, создать модель успешного поведения в сложной, на первый взгляд, безвыходной, ситуации. Таким образом, социальный театр становится эффективной формой предотвращения и компенсации негативных последствий социальной эксклюзии.

Литература

- 1. «Алло» театр по телефону // Режим доступа: http://stdrf.ru/news/2633/
- 2. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. N_{\odot} 2. C. 158–168.
- 3. Брехт Б. Театр: Пьесы. Статьи. Высказывания: в 5 т. Москва: Искусство, 1965. Т. 5/1. Коммент. И. Фрадкина. 527 с.
- Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 3. С. 74–91.
- 5. Еваева А.Э. Инклюзивный театр. Социальный проект или искусство // Актуальные вопросы в науке и практике. Самара: Общество с ограниченной ответственностью Дендра, 2019. С. 109—116.
- 6. Ефлова М.Ю. Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе (стратегии институционализации и опыт интеграции): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук Саранск, 2015. 22 с.

Социология №4 2021

- Крупник М.В. Концептуальный компас социального театра // Шаги/ Steps. 2017. № 3.
- Матюшкина Е.А., Ушаков А.Л. Социальный театр – актуальный социокультурный институт современной России // Искусство и образование в современном мире: сб. науч. тр. Международной научнопрактической конференции «Искусство и образование в современном мире». – Тюмень, 2012. – С. 192– 195.
- 9. Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2019. 25 (4), 124–153.
- Смирнов С.Н., Капустин А.К. Статистика социальной исключенности в РФ // Социально-трудовые исследования. 2018. № 4(33). С. 93–98.
- Станиславский К.С. Статьи. Речи. Беседы. Письма. Москва: Искусство, 1953. 240 с.
- 12. Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. Социология. Этнология. 2003. Т. 12. № 1. С. 36–84.
- Чукреев П.А. Социальная эксклюзия: теоретические и прикладные аспекты исследования // Вестник БГУ. 2010. № 6.
- 14. Локосов В. В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения // Народонаселение. 2019. Том. 22. № 4. С. 4–17.

SOCIAL THEATER AS A WAY TO OVERCOME SOCIAL EXCLUSION

Sheremet A.N.

ISESP FCTAS RAS

The goal of the development of society is to improve the quality of life of every person. People and their capabilities should be the ultimate criteria for assessing the development of any country in the world. In this connection, the problem of widespread social exclusion in modern society, the emergence of its new types and

the search for ways to overcome it still does not lose its relevance.

The article is devoted to the analysis of the theoretical aspects of social exclusion as a phenomenon, process and mechanism of social exclusion. The purpose of the article is to clarify the main types, manifestations, prevalence of social exclusion in modern societies, as well as to analyze the features of social exclusion in Russia. Negative tendencies of social, economic and political development in the world over the past decade are noted, including: global problems of resource scarcity, uncontrolled decline in living standards, economic and social instability, military operations and forced migration, which are intensifying the processes of degradation and marginalization of society.

It is noted that the study of the theoretical aspects of social exclusion as social exclusion stimulates the search for practical ways to overcome poverty, poverty, orphanhood, unevenness and injustice, overcoming manifestations of social deprivation, various social barriers that restrict the access of certain groups of people to cultural benefits, as well as effective protection of the rights and freedoms of all people without exception. The article examines the main methods and social practices of overcoming social exclusion in Russia and in the world, including social art in general and social theater in particular. The main aspects of the application of social theater from the perspective of the practice of social inclusion have been clarified.

Keywords: social exclusion, social exclusion, social deprivation, social inequality, social inclusion, social theater.

References

- «Hello» theatre on the phone // http://stdrf. ru/news/2633/
- Abrahamson P. Social exclusion and poverty // Social sciences and modernity. 2001. – № 2. – p. 158–168.
- Brecht B. Theatre: Plays. Articles. Statements: in the 5th t. Moscow: Art, 1965.
 T. 5/1. I. Fradkin's comment. 527 p.
- Vershynina I.A., Marthinenko T.S. Inequality in modern world: review of the international reports// Vestnik of the Moscow university. Series 18: Sociology and politology. 2016. № 3. p. 74–91.
- Evaeva A.E. Inclusive theatre. Social project or art // Relevant questions in science and practice. Samara: LLC Dendra, 2019. – p. 109–116.

Социология №4 2021

- Eflova M.U. Social exclusion of deprived groups(drug addicts and people, loving with HIV) in Russian society(strategies of institutionalization and experience on the integration): autoabstract and thesis on the application of PhD of sociology – Saransk, 2015. – 22 p.
- Krupnic M.V. Conceptual compass of social theatre// Steps. 2017. № 3.
- Matushkina E.A., Ushakov A.L. Social theatre relevant socially-cultural university of the modern Russia// Art and education in the modern world: сб. науч. тр. International science and practical conference «Art and education in the modern world». Tyumen, 2012. p. 192–195.
- Osipova N.G. Social inequality in the modern world. Vestnik of the Moscow University. Series 18. Sociology and politology,2019. 25 (4), 124–153.

- Smirnov S.N., Kapustin A.K. Statistics of the social exclusion in Russia // Social and labour researches -. - 2018. - № 4(33). p. 93–98.
- 11. Stanislavsky K.S. Articles. Speeches. Talks. Letters. Moscow: art, 1953. 240 p.
- Tikhonova N.E. Phenomenon of social exclusion in circumstances of Russia // World of Russia. Sociology. Ethnology. 2003. T. 12. № 1. p. 36–84.
- 13. Chukreev P.A. Social exclusion: theoretical and applied aspects of the research // Vestnik PGS. 2010. № 6.
- Lokosov V. V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V. Clustering of Russian regions by indicators of quality of life and quality of population // Population. 2019. Volume. 22. No. 4. pp. 4–17.

Особенности генезиса латиноамериканской философии освобождения: становление самобытного философского сознания

Басманов Алексей Владимирович,

соискатель кафедры истории философии, преподаватель дополнительного образования кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов E-mail: basmalex1983@mil.ru

Цель философии освобождения – используя существующие философские концепты, выразить особенности и реалии истории, социальной и политической жизни Латинской Америки, создать аутентичные категории и понятия, отражающие сущностные характеристики автохтонного сознания. Исследуя процесс становления философского сознания на континенте, аргентинский философ А.А. Роиг развивает идеи своих предшественников Л. Сеа, Х. Васконселоса. Роиг применяет понятийный и методологический аппарат классической философии для обоснования закономерности становления национального самосознания на континенте, способного на революционную борьбу за политическую свободу, и последующего его преобразования в философское сознание, готовое противопоставить себя эпистемологической колонизации, осуществленной европейским разумом. Роиг демонстрирует, что латиноамериканский философский субъект, рожденный из осознания своей инаковости и борьбы за свою свободу, должен иметь в своей основе рациональность.

Ключевые слова. Латинская Америка, колонизация, зависимость, инаковость, национальное самосознание, философия освобождения.

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН (Российский Университет дружбы Народов, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6)

Введение

Являет общепризнанным положение о том, что с начала своего появления «философия освобождения» претендовала на выражение континентального сознания. «Философия освобождения» нацелена на то, чтобы оттолкнуться от наиболее значимых концепций европейских философов, и через них открыть путь для разработки новых интерпретативных категорий, позволяющих «дать слово» латиноамериканской обыденной реальности. Система понятий «философии освобождения» должна стать специфической онтологией, раскрывающей особенности становления автономного мыслящего субъекта в конкретных исторических условиях. В связи с этим «философия освобождения» представляется своего рода фундаментальной философией.

Целью данного исследования является выявление позиции аргентинского философа А.А. Роига в отношении особенностей формирования латиноамериканского философского сознания, а также сравнение его интерпретации этого процесса с интерпретациями, принадлежащими более ранним известным латиноамериканским мыслителям.

В исследовании мы пытаемся показать, как особенности исторического развития континента и его культурное своеобразие закономерно порождают автономного и отличного от других философствующего субъекта. Особое внимание мы уделяем позиции А.А. Роига, в связи с тем, что он является одним из наиболее ярких современных представителей «философии освобождения». Он хорошо известен международной философской общественности, однако его философская позиция малоизвестна в России. В целом философия Роига ориентирована на историю

континента, при этом в ней отсутствует характерный для латиноамериканской философии популизм и существенным ее преимуществом является аналитический, взвешенный подход к исследованию реалий истории и современности Латинской Америки.

Основная часть

Конкиста в Латинской Америке в частности и колониализм в целом - это не просто завоевание и порабощение, это утверждение особых правил «хорошей и праведной жизни» для местного населения. Это выразилось в том, что с открытием новых земель и последующим их политико-экономическим подчинением, нередко сопровождавшимся уничтожением населяющих их людей, европейский человек неизбежно порождал новые формы порабощения, одной из которых стала эпистемологическая колонизация. Будучи проявлением европоцентризма, эта форма доминирования нашла свое выражение в том. что появился массив наук о человеке, которые стоят «на позициях превосходства модерности над всеми остальными путями развития и рассматривают акт необходимого приведения всех культур к модерности путем аккультурации как неизбежность» [1, с. 143].

Вместе с конкистадорами в регион начинают проникать и философские идеи. Вторжение европейского человека в Новый Свет нарушило естественные формы существования его культуры. Импортированная из Европы философская мысль разрывает внутренний процесс становления философской традиции в регионе, застопорив ее на стадии, которую по меркам европейского человека можно определить как «протофилософия» [2, с. 52-57] Бондарь О.Ю. в своей работе убедительно показывает, что мысль доколумбовой Америки имела ресурсы для преодоления мифологического единства субъекта и объекта, но в целом была тесно связана с религиозным и мистическими поэтическими элементами культуры, что не позволяет ее назвать «философией».

Оставим в стороне дискуссии о существовании философии в регионе до прибытия Колумба. Для нас важно отметить, что европейская философская мысль, инородная по своим корням Латинской Америке, становится началом, определяющим ее духовную и социально-политическую жизнь, легитимируя, таким образом, новый формат ее существования, начавшийся с приходом конкистадоров. Популярные в метрополиях философские идеи, начинают распространяться в Новом Свете.

Исходя из своих целевых установок «философии освобождения» требуется выход на историю, точнее на исторические особенности конкретного региона. Именно поэтому цель Роига – показать и доказать возможность становления самостоятельного философствующего субъекта из посылок латиноамериканской истории. Для этого он использует идейный инструментарий западноевропейской классической философии в применении к особым историческим условиям континента. Это позволяет ему выявить не только объективные предпосылки появления на континенте самостоятельной, суверенно действующей философии, но и обосновать необходимость ее существования. К тому же историко-культурное своеобразие континента, по его мнению, закономерно порождает автономного и отличного от других философствующего субъекта.

Важной особенностью этого субъекта является то, что процесс его становления базируется на рациональной основе, однако он сам все же предстает как чуждый европейскому разуму. Субъект европейской философии основным своим источником имел разум. Однако его разум по сути своей тотален, он полагает себя единственным и неповторимым, в отличном от себя он видит лишь объект своего действия. Существование объекта в принципе полагается им из собственного существования. Это порабощающий разум, претендующий на монопольное владение истиной бытия. В описании этого процесса применительно к латиноаме-

риканской действительности Роиг опирается на историко-философскую концепцию Гегеля, которая, как известно, наиболее четко выразила логицистскотеологичесую интерпретацию мирового историко-философского процесса. «Диалектический подход, являясь по своей сути универсалистским, предполагает, что в лице общего в этом процессе выступает некая вечная, единая для всех времен и народов философия как некая надкультурная универсалия, разновидности которой существуют в других культурах... «Универсальное», «мировое» как абстрактная всеобщность в итоге скрывает европейское «эго» [3, с. 18-19]. Важную роль в становлении европейского разума именно в таком виде сыграла религия. Христианские корни породили претензии европейца на то, что только его «Логос» способен обеспечить общение с Божественным. Иными словами, только христианская религия ведет к Богу.

Такой разум выступал для латиноамериканской мысли как разум угнетателей, подавляющий личностное начало культуры. Естественно, что субъект латиноамериканского философствования не моготождествлять себя с этим разумом.

Для иллюстрации процесса становления вышеуказанного субъекта в истории Роиг использует сюжет из гегелевской «Феноменологии духа», повествующий о взаимоотношениях господина и раба [4]. Сознание рождается из рефлексии, а «для этой рефлексии необходимы оба момента – страх и служба вообще» [5, с. 106]. Благодаря страху сознание «снимает свою привязанность к естественному наличному бытию и отделывается от него» [5, с. 104], а «благодаря труду оно (сознание) приходит к самому себе» [5, с. 105]. Страх перед угнетателем и рабский труд дают начало процессу рефлексии, из которой потом должно родиться самосознание. Очевидно, что в колониальную эпоху страх, «служба и труд» были «в изобилии» у латиноамериканцев. Это подняло их до того уровня, когда они обрели самосознание и были готовы пожертвовать им и своей жизнью, подобно «господину», который становиться самим собой после того, как его наличное бытие перестало быть для него ценностью, и он стал готов встретиться лицом к лицу в борьбе с другим самосознанием. Начало наднационального освободительного движения 19 века (С. Боливар, Х. Сан Мартин и др.) представляет собой момент, когда сознание уже созрело до претензии на «господство» и вышло на противостояние с чуждым разумом угнетателя.

Описанное становление латиноамериканского сознания Роиг называет «антропологическим априори». Оно имеет процессуальный характер и занимает около трех веков с момента открытия Латинской Америки. Итак, наличие «антропологического априори» дает Роигу основание предположить необходимость становления философского сознания на континенте. Ибо достижение человеком стадии спекулятивного мышления ведет к появлению метафизики, которая, в свою очередь, является «природной склонностью человека» [4]. Историческая же специфика порождает национальное мышление, способное к автономной деятельности, а потому претендующее на независимость. Для Роига становление субъекта напрямую связано с историческими условиями жизни человека, и именно они в случае Латинской Америки сформировали субъекта, отличного от европейского.

Этого же мнения придерживаются многие другие известные латиноамериканские авторы. Например, Х. Васконселос тоже считает, что «...сознание имеет связь со своим миром» [6, с. 1206], и «всякая философия предполагает особый способ мышления, проистекающий из коллективной жизни» [6, с. 1205]. Латиноамериканский дух, по его мнению, характеризуется своей универсальностью и тем, что он основан на чувстве красоты, любви, эмоциональных переживаниях. Другой латиноамериканский философ, Л. Сеа, в качестве особенности латиноамериканского сознания видит тот факт, что прошлое не выступает для него опытом, традицией. Чувствуя отсутствие прошлого в на-

стоящем, отмечая, что прошлая история не оставила корней в новом мире, латиноамериканцы ошущают себя вне истории и считают свои связи с ней, по сути, случайными [7, с. 35]. Основой такого сознания становиться «постоянное ожидание, ощущение бытия, не реализованного полностью» [8, с. 206]. Взаимоотношение такого сознания с бытием Сеа называет «всегда-ещене-бытие». Таким образом результатом развития сознания в конкретных исторических условиях стали потерянность. чувственность, эмоциональность латиноамериканского сознания, но только не его ориентация на разум. Роиг согласен с тем, что латиноамериканское мышление не может быть ориентировано на разум в его западноевропейской интерпретации. Вместе с тем основой любого сознания для Роига может быть только рациональность, аналогичная рациональности кантианского трансцендентального субъекта.

Заключение

В исследовании мы показали, как, используя риторику и методологию Гегеля. Роиг демонстрирует становление автохтонного континентального самосознания вообще и философского сознания в частности. Весь комплекс исторических событий, формирующих национальное своеобразие латиноамериканского философствующего субъекта, Роиг обозначает понятием «антропологическое априори». В отличие от своих именитых предшественников (Л. Сеа, Х. Васконселос), которые в своем описании сущности латиноамериканского философского сознания были в определенной мере поэтичны, Роиг стремиться дать явлениям рациональное объяснение, использует инструментарий классической западной философии и применяет его к анализу исторических событий. Для него такие характеристики латиноамериканского сознания, как универсальность, чувственность, эмоциональность, оторванность от корней, потерянность, приводимые его предшественниками - это реальные особенности, отличающие латиноамериканский этнос в целом от других этносов. Однако основной характеристикой автохтонного философского сознания Роиг все же считает рациональность, но без западноевропейской тотальности и эгоцентризма.

Литература

- Тлостанова М.В. Множественная идентичность в контексте концепции транскультурации // Личность. Культура. Общество. – 2010. – № 4.
- 2. Бондарь О.Ю. О протофилософии Латинской Америки // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2003. № 1 (9). Также см. Maffie J. Pre-Columbian Philosophies // A Companion to Latin American Philosophy. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2010. P. 9–22; Aztec philosophy / The Internet Encyclopedia of Philosophy (IEP) [Электронный ресурс] // The Internet Encyclopedia of Philosophy. URL: http://www.iep.utm.edu/aztec/#H2 (дата обращения 02.01.2019).
- 3. Петякшева Н.И. Латиноамериканская «философия освобождения» в контексте компаративистики. М.: «Уникум-центр», 2000.
- Roig A.A. Teoría y crítica del pensamiento latinoamericano (1981). [Электронный ресурс] // Proyecto Ensayo Hispánico. – URL: http://www. https://www.ensayistas.org/filosofos/ argentina/roig/teoria/ (дата обращения – 02.08.2021).
- 5. Гегель Г.В.Ф. «Феноменология духа». – СПб: «Наука», 1999.
- Vasconcelos J. Obras completas, t. II, Mexico, 1958–1961.
- Vallenilla E.M. El problema de America. Caracas. 1959.
- Кромбет Г.Г. Концепция «национальной» философии Л. Сеа. // Из истории философии Латинской Америки XX века. М.: Наука, 1988.

FEATURES OF THE GENESIS OF THE LATIN AMERICAN PHILOSOPHY OF LIBERATION: THE FORMATION OF AN ORIGINAL PHILOSOPHICAL CONSCIOUSNESS

Basmanov A.V.

Peoples' friendship University of Russia

Социология №4 2021

The goal of the philosophy of liberation is, using existing philosophical concepts, to express the features and realities of the history, social and political life of Latin America, to create authentic categories and concepts that reflect the essential characteristics of autochthonous consciousness. Exploring the process of the formation of philosophical consciousness on the continent, the Argentine philosopher A.A. Roig develops the ideas of his predecessors L. Cea, H. Vasconcelos. Roig uses the conceptual and methodological apparatus of classical philosophy to substantiate the regularity of the formation of national identity on the continent, capable of a revolutionary struggle for political freedom, and its subsequent transformation into a philosophical consciousness, ready to oppose itself to the epistemological colonization carried out by the European mind. Roig demonstrates that the Latin American philosophical subject, born out of the awareness of his otherness and the struggle for his freedom, must be based on rationality.

Keywords: Latin America, colonization, dependence, otherness, national identity, philosophy of liberation.

References

Tlostanova M.V. Multiple identity in the context of the concept of transculturalism // Personality. Culture. Society. – 2010. – No. 4.

- Bondar O. Yu. On the protophilosophy of Latin America // Bulletin of RUDN. Ser. Philosophy. – 2003. – No. 1 (9). See also Maffie J. Pre-Columbian Philosophies // A Companion to Latin American Philosophy. – Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2010. – P. 9–22; Aztec philosophy / The Internet Encyclopedia of Philosophy (IEP) [Electronic resource] // The Internet Encyclopedia of Philosophy. – URL: http://www.iep.utm.edu/aztec/#H2 (date of access – 02.01.2019).
- Petiaksheva N.I. Latin American "philosophy of liberation" in the context of comparative studies. – M.: "Unicum Center", 2000.
- Roig A.A. Teoría y crítica del pensamiento latinoamericano (1981). [Electronic resource] // Proyecto Ensayo Hispánico. URL: http://www.https://www.ensayistas.org/filosofos/argentina/roig/teoria/ (date of access 02.08.2021).
- 5. Hegel G.V.F. "Phenomenology of Spirit". SPb: "Science", 1999.
- Vasconcelos J. Obras completas, t. II, Mexico, 1958–1961.
- Vallenilla E.M. El problema de America. Caracas. 1959.
- Crombet G.G. The concept of "national" philosophy L. Sea. // From the history of philosophy of Latin America of the XX century. Moscow: Nauka. 1988.

Проблемы междисциплинарной интеграции в проектной деятельности

Васильева Ольга Игоревна,

зам. начальника отдела международных научных и внешнеэкономических связей, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

E-mail: vasilieva_oi@spbstu.ru

Междисциплинарность является часто употребляемым термином в различных сферах деятельности. Между тем, существует разрыв между заявляемой значимостью междисциплинарности и ее реальным применением в научной, академической, инженерной области. В литературе также отмечается, что препятствием к организации междисциплинарной деятельности в различных областях является расплывчатость понятия «междисциплинарность» и отсутствие его четкого понимания у акторов. В статье рассмотрены основания растущей роли междисциплинарности в проектной деятельности и барьеры для междисциплинарного проектирования в контексте философского анализа и системного подхода с позиции трех измерений: проект как деятельность; проект как продукт; проект как проблема. Это поможет лучше понять специфику методологии организации междисциплинарных проектов, что в свою очередь повысит осознанность акторов проектной деятельности при их выполнении. Такая осознанность будет содействовать взращиванию культуры междисциплинарности в контексте проектной деятельности, которая способствует переходу к качественно новому уровню интеграций. Делается вывод о том, что применение междисциплинарной методологии в проектировании на различных уровнях становится необходимым условием, как реализуемости проекта и достижения прагматических целей его эффективности, так и основой этикогуманитарного подхода к созданию техники и обеспечения ее гармоничного сосуществования с человеком и природой.

Ключевые слова: междисциплинарность проектной деятельности, цифровая технокультура, сетевое информационное общество, субъектные интеракции в проектной деятельности.

Введение

На сегодняшний день междисциплинарность является часто употребляемым термином в научной и академической литературе, в области инноваций. Востребованность междисциплинарных исследований и проектов закрепляется на международном уровне.

Так популярная в последние годы концепция устойчивого развития базируется именно на междисциплинарном подходе. Для достижения принятых ООН целей устойчивого развития (ЦУР) таких, как искоренение бедности, качество жизни, климатическая устойчивость необходимо развитие партнерств, что также прописано в ЦУР и обеспечивает взаимосвязь различных целей [1]. Более того, достижение какой-либо одной цели зачастую является невозможным без преодоления других. При этом в современном мире решение проблем устойчивого развития требует комплексного рассмотрения крупных природных систем (например, исследование Арктики), искусственного мира окружающего человека (например, транспортные сети или городские пространства), понимания социальных вопросов поведения людей, их ценностей и моральных ориентиров. Инженерная сфера все больше связывается с дизайном социотехнических и экосистемных проектов.

В науке все большее распространение получает финансирование междисциплинарных исследований. Так Европейская Программа Horizon Europe в своих программных документах делает значительных акцент на междисциплинарность [2].

Последствия техники, в особенности развитие информационных технологий в последнее время, угрозы глобальных катастроф и так называемые «большие вызовы» [3] повышаю актуальность развития человекоориентированных технологий, которые подразу-

мевают объединение подходов и специалистов разных дисциплин и даже подключение непрофессионалов.

Между тем, существует разрыв между заявляемой значимостью междисциплинарности и ее реальным применением в научной, академической, инженерной сфере.

В науке среди барьеров междисциплинарности называются особенности организации науки как социального института, где наблюдается разделение на научные подразделения и школы [4], количественные метрики оценки успешности науки, когнитивные трудности в соединении различных дисциплин [5].

В образовании к указанным выше препятствиям к широкому применению междисциплинарных подходов добавляются строгие учебные программы [4] и консервативные взгляды преподавателей [6].

Область проектирования в индустриальной сфере также встречается с вызовами в вопросе междисциплинарности. Среди них – проблемы защиты интеллектуальной собственности и конфиденциальности, опасения в отношении имиджа компании [7].

В литературе также отмечается, что препятствием к организации междисциплинарной деятельности в различных областях является расплывчатость понятия «междисциплинарность» и отсутствие его четкого понимания у акторов. Приводится различные значения термина междисциплинарность от интегрированного взаимодействия различных дисциплин, их концепций, методов терминологии до просто коммуникации между носителями знаний из различных областей; от соединения дисциплин, независимо от вовлеченности людей, до понимания междисциплинарности исключительно в контексте командной работы [3].

Между тем проектирования на современном этапе стало одним из важнейших видов продуктивной деятельности человека и вошло в различные сферы жизни.

П. Вермаас пишет, что «развитие методологии проектирования предпо-

лагает, что инженерия трансформируется из дисциплины, которая создает и применяет технологии для решения проблем, в дисциплину, в которой люди и общество исследуются для выявления и решения различных проблем, которые варьируются от коммерческих инноваций, меняющих рыночные «правила игры» до продуктов, отвечающих потребностям людей и решающих устойчивые социальные и экологические проблемы» [8, с. 148]. Таким образом задачи и ответственность проектировщика приобретают более высокий уровень. Ученый считает, что так формируется тренд к пониманию проектирования не просто как поставщика технических решений, но как общей практики решения проблем методами дизайн-мышления.

В литературе множество статей посвящены междисциплинарности в науке и образовании [5] и гораздо меньше комплексному рассмотрению вопроса междисциплинарности в проектировании. В научной области рассмотрены вопросы междисциплинарности в части совместной работы специалистов разных дисциплин, эпистемологии и этики науки. В образовании междисциплинарность изучается в учебном процессе, направленном на подготовку ответственного этичного инженера [9].

В философской литературе значительный объем статей, материалы которых представляют интерес при рассмотрении междисциплинарности проектирования, посвящены этическим вопросам ответственных инноваций [10], корпоративной социальной |11|, ценностно ответственности ориентированному и заботливому проектированию [11]. Часто эти вопросы анализируются в рамках конкретных областей знаний и отраслей производства.

Основная цель данной статьи проанализировать основания растущей роли междисциплинарности в проектной деятельности и барьеры для междисциплинарного проектирования с позиции системной методологии. Мы рассмотрим различные аспекты междис-

циплинарности проектной деятельности в контексте философского анализа и системного подхода. Это поможет лучше понять специфику методологии организации междисциплинарных проектов, что в свою очередь повысит осознанность акторов проектной деятельности при их выполнении. Такая осознанность будет содействовать взращиванию культуры междисциплинарности в контексте проектной деятельности, которая способствует переходу к качественно новому уровню интеграций.

Методология

Учитывая распространение проектирования в различных областях деятельности и его холистическую природу для написания данной статьи были проанализированы материалы по вопросам междисциплинарности в научной сфере, в области подготовки инженерных кадров, в контексте разработки инновационных решений и проектирования технических систем.

Полученные из литературных источников данные систематизированы в соответствии с тремя измерениями проектирования.

Выбор трех предложенных измерений основан на особенностях проектирования как сферы деятельности. С одной стороны, методология проектирования понимает его как создание вещи. Современное социотехническое проектирование [12] подразумевает, что его результатом является продукт или услуга с их социальным применением. С другой стороны, проектирование всегда предполагает социальный заказ [12] и базируется на выявлении общественных проблем [8], в таком случае проект понимается как проблема. Третье измерение связано с пониманием проектирования как деятельности по организации работы различных участников (индивидов, коллективов, организаций), отвечающих за разные составные части проектирования: разработка, производство, внедрение, вывод из эксплуатации [8]. Российский философ и методолог П.Г. Щедровицкий предлагает рассматривать любой проект с трех подобных позиций: проект как вещь; проект как деятельность; проект как проблема [13].

Поэтому в данной статье проанализирован вопрос междисциплинарности проектирования с позиции этих трех измерений: проект как деятельность; проект как продукт; проект как проблема.

При рассмотрении объекта проектирования мы обратились к противоречию концепции технологического инструментализма и представлений философов постмодернизма таких как Хайдеггер и Латур об активной природе техники. Трансформации объекта проектирования рассмотрены в дихотомии гуманизма и трансгуманизма.

В основе исследования деятельностного аспекта проектирования лежит теория мыследеятельности, которая в первую очередь рассматривает проектирование как деятельность по управлению деятельностью различных коллективов. Приведены взгляды последователей этого направления (Генисаретский, Глазычев, Степин) на междисциплинарную составляющую проектирования.

Проблемное поле проектирования проанализировано через призму прагматического подхода, который видит главной целью проекта решение проблемы потребителя/общества, а также с этической стороны учета моральных норм общества, личных ценностей человека и недопущения опасных рисков развития техники, которые рассмотрены в контексте концепции общества риска Бехманна.

Междисциплинарность проектирования с позиции проекта как вещи

Развитие междисциплинарной составляющей проектной деятельности во многом связана с усложнением и изменением природы объекта проектирования с распространением цифровой технокультуры.

Во-первых, он становится более масштабным, а его структура значительно усложняется. Такими примерами в инженерной сфере могут быть проекты атомных станций, в дизай-

не – проектирование городов. Эти проекты предполагают работу большого количества крупных и малых коллективов, между которыми распределены отдельные дисциплинарные модули проектирования и которые находятся в постоянном взаимодействии внутри сети проектных коммуникаций. Таким образом, сложность технических систем заключается не столько в технологических, сколько в социальных факторах. «Система становится настолько сложной, что не в состоянии не только управлять своей деятельностью и развитием, но и предсказывать негативные сценарии такого развития и способы их преодоления» [14]. Как следствие важнейшее значение в проектировании приобретает прогнозирование рисков, которые инновации могут нести для общества и окружающей среды, а также междисциплинарная оценка их возможных последствий.

Предметом проектирования становятся не просто технические устройства, но человеко-машинные системы. Распространение киберфизических технологий ставит вопросы киберэтики и кибербезопасности, связанные с сохранностью индивидуальных прав, свобод, духовной и физической защищенности личности при осуществлении информационных взаимодействий в цифровом пространстве [15]. Преодоление таких угроз находится не только в поле деятельности специалистов по защите информации, но и в области правовых отношений, государственного управления, духовной сфере. Вектор технологического прогресса, направленный в сторону модификации человеческих возможностей посредством конвергенции информационных и биотехнологий, накладывает дополнительную социальную и моральную ответственность на процесс проектирования новаций в данном контексте.

Технологии искусственного интеллекта применяются для воплощения идеи бессмертия, которая по мнению В.А. Лекторского может иметь несколько вариантов реализации. Первый — это разработка нанороботов для постоян-

ного «ремонта» человеческого организма. Второй – копирование и запись эмоций, мыслей, поступков человека для перенесения в другое тело [16].

Еще одна проблема технических артефактов заключается в возможности их использования с нарушением заданных функций, а также злоупотребление функционалом технологий заинтересованными группами. Примерами такого неверного использования может быть применение технологий кибербезопасности для слежения за людьми и ограничения свободы, социальных сетей для манипулирования общественным мнением [17]. С одной стороны, такое нарушение заданного функционала продукта проектирования может быть вызвано поведением потребителей [18], с другой стороны в философском дискурсе поднимается вопрос о влиянии самой техники на ее использование человеком. Технологии не нейтральны, а способны к активной позиции и влиянию на действия людей. Основания такого понимания уходят в исследования Хайдеггера [19], акторно-сетевую теорию Латура [20]. В современной литературе некоторые ученые опровергают уверенность в том, что только человек может определять цели использования техники. Идэ говорит о распространенной ошибке проектировщика, которая заключается в уверенности в том, что эффекты технологий могут быть целенаправленно заданы ее дизайнером [10]. Также ошибочно убеждение о том, что соответствие или нарушение заданных целей артефакта происходят исключительно под воздействием пользователей. Более взвешенным представляется мнение о том, что одна и та же технология может иметь разный смысл в зависимости от социальных, временных и культурных условий [10].

Эти факторы повышают этическую составляющую проектирования, которая может быть воплощена только в единстве технических, гуманитарных наук и философии.

Кроме того, создание комплексных артефактов, обладающих сложной структурой, гибридными свойствами,

способностью проявлять субъектность и даже заменить функции человека связаны с организацией работы множества крупных и малых коллективов, каждый из которых отвечает за отдельные модули проектирования и взаимодействует с другими в рамках коммуникативной сети проекта. Данный вопрос будет рассмотрен в части «Проект как деятельность»

Междисциплинарность проектирования с позиции проекта как деятельности

В российском философском дискурсе большой вклад в развитие деятельностного подхода к проектированию внесли методологи школы мыследеятельности, лидером которой выступил Г.П. Щедровицкий, наработки этой школы также способствовали обоснованию междисциплинарной природы проектной деятельности.

Георгий Щедровицкий сформулировал концепцию «деятельности над деятельностью», разделив проектирование на две составляющих: непосредственно инженерную работу по созданию проекта и управление данными работами. Ученый подчеркивает, что проектирование - это область социальной деятельности человека, для организации которой важно понимать особенности присутствия человека в материальном окружении, а значит проектирование обязательно включает вопросы социологии, социальной психологии, эстетики, семиотики, эргономики. «Получилось так, что в ходе своей работы он (инженер – курсив автора статьи) вышел на явления, которые до сих пор традиционно изучались гуманитариями, а именно: человек с его поведением и деятельностью, коллективы действующих людей, сложные социальные системы и так далее... возникла ... задача объединения инженерии с гуманитарными и социальными науками, потому что только там можно было почерпнуть соответствующие сведения, знания, методы разработки этого материала» [21].

Развивая мысль о том, что проектируется не только техническая систе-

ма. но и деятельность по ее созданию и обеспечению функционирования в течение всего периода жизненного цикла, Петр Щедровицкий утверждает, что проектирование состоит из отдельных операций, которые разделены во времени и пространстве, что соответствует разделению труда между различными проектными организациями, ответственными за те или иные этапы работ. Кроме того, необходимо включение в проектную деятельность представителей смежных специализаций, например, специалист по требованиям, специалист по вопросам экологии, по техносферной безопасности. Это происходит до начала изготовления объекта уже на ранних стадиях проектирования. В современном мире такая деятельность носит сетевой характер, и в ее организации важное значение имеют сетевые информационные технологии и матричные способы управления [13].

В.Л. Глазычев метафорично отмечает, что проектная деятельность представляет собой «работу с человеческими машинами» [22], подчеркивая роль взаимодействий при организации проектирования. При этом в своевременном мире основывается проектная работа на сетевом принципе, то есть на формировании сети «человеческих машин» (групп, коллективов, организаций), которые будучи разнесенными на значительные расстояния взаимодействуют между собой напрямую. Управлять такой сетью на основе линейного принципа невозможно. Глазычев считает, что в такую сеть можно лишь вбросить «импульс», эффект которого часто тяжело предугадать. В этом ученый видит отличие современного проектирования от его классического досетевого восприятия.

Генисаретский считает, что проектировщики часто оказываются отделены от субъекта проектирования (заказчика, инициатора, властных структур в случае стратегического проектирования) и четко проводит границы между принятием решения о запуске проекта, непосредственно проектированием и реализацией. В связи с этим важней-

шей составляющей предпроектной работы является постановка задачи и ее прояснение проектировщиком для понимания замысла субъекта [23]. Так происходит разделение в вопросе принятия решений.

Не смотря на сложности организации междисциплинарной деятельности проектирования, исследования отмечают более высокую эффективность мультидисциплинарных команд в поиске инновационных решений проектных проблем [8].

В следующем разделе мы рассмотрим междисциплинарность проектирования в позиции проблемной составляющей проекта.

Междисциплинарность проектирования с позиции проекта как проблемы

Современное инженерное проектирование преодолевает рамки создания материальных объектов, и приобретает значение универсального способа решения социально значимых проблем [8].

В связи с этим важно проанализировать междисциплинарную специфику проблемного контекста проектирования.

Проблемная стороны проектирования имеет двоякую природу, так как с одной стороны проектировщику необходимо выявить проблему, существующую на данный момент в обществе, и предложить наиболее эффективное ее решение, с другой стороны, внедряя данное решение, проектировщик не должен допустить возникновения новых проблем, которые могут стать последствиями проекта и быть более серьезными, чем исходная.

Поэтому мы рассмотрим место междисципланрности при выявлении проектной проблемы и создании наиболее соответствующего потребностям потребителей продукта, а также междисциплинарность этического поля проектирования.

Устоявшееся понимание проектирования трактует его в первую очередь как создание продуктов для решения проблемы клиентов. За последние

полвека развития проектирования понимание субъекта постановки проблемы претерпело несколько поэтапных изменений: вначале оно было связано с решением проблемы, которую диктовал заказчик; позднее проектировщики взяли на себя функцию трансформации проблемы сформулированной заказчиком для достижения максимального соответствия желаниям потребителя. Современное проектирование самостоятельно определяет проектные проблемы и затем предлагает их решение клиентам [8, 12]. Выходит, что правильно выявленная проблема является ядром, вокруг которого собирается весь проект.

Коммерческие цели и конкурентная среда толкают проектировщиков на поиск инновационных неординарных решений. Работа в междисциплинарных командах помогает более быстро приходить к новым вариантам удовлетворения потребностей пользователей, так как не дает замыкаться отдельным специалистам внутри методов и подходов своей дисциплины. Наиболее востребованные продукты проектирования основываются на удовлетворении скрытых не осознаваемых большинством потребностей потребителей, для чего в проектирование вовлекаются сами пользователи, а также исследователи передовых трендов общественных предпочтений [8].

Проектирование, предполагающее участие, включает не только выявление потребностей пользователей его результатов, но и делает значительный акцент на ценностную сферу и стремится сократить расстояние между проектировщиками и пользователями. Методология такого проектирования строится на принципах, подразумевающих морально этическую основу. Это принципы равенства властных отношений, демократия доверия и права голоса всех заинтересованных, апелляция к ситуативному опыту повседневной жизни человека, взаимное обучение, человекоориентированные методы и инструменты со-участия, поддержание альтернативных взглядов. Этическим стержнем

проектирования становится вопрос создания лучшего будущего для всех [24].

При этом учет ценностей, с одной стороны, предполагает фиксированные моральные принципы, задаваемые на ранних этапах проектирования. Этой областью занимается проектирование, чувствительное к ценностям, оперируя такими общепринятыми ценностями как благосостояние, конфиденциальность, экология и др. (всего 13 ценностей). Другой подход к этической составляющей предполагает совещательные способы с привлечение максимального количества заинтересованных сторон. Так выявляются динамические ценности - те, которые артикулируются или трансформируются в ходе непосредственно процесса проектирования. Причем здесь речь идет о взаимном уважении ценностей различных сторон: проектировщиков, потребителей, заказчиков и т.д. Это позволяет рассматривать этику не просто как граничные условия проектирования новых технологий, но как аутентичный интегративный компонент проекта [6].

Проблемная составляющая проектирования тесно связана с прогнозирование рисков. Бехманн подчеркивает, что на современном этапе общество вынуждено функционировать в рамках высокой неопределённости, становясь обществом риска. Последний рассматривается ученым как отложенные последствия решений, принимаемых человечеством в настоящем, особое место здесь занимают риски технологического развития. Ученый выделяет некоторые особенности последних, характерные для текущего этапа цивилизационного развития. Так опасности техногенных трансформаций теряют временные и пространственные границы, нося все более глобальный характер. Ответственность за наступление угроз выходит за рамки индивидуальной и становится коллективной. Многие риски могут быть детектированы только научным способом, так как являются невидимыми и нематериальными, что дает возможность манипулировать содержанием рисков через средства массовой информации. Экономические последствия рисков в силу их потенциальной масштабности могут превышать положительные экономические эффекты от производства. В связи с высокой интегрированностью технических инноваций в социальные структуры общество становится своеобразной экспериментальной лабораторией, а риски определяется, в первую очередь, социально [25].

Вышеперечисленные факторы в совокупности с информационной перенасыщенностью сетевого коммуникативного пространства приводят к возрастающей роли экспертного знания в организации проектной деятельности, которое позволяет обеспечить разностороннюю оценку разрабатываемых проектов, а также тестовую апробацию элементов проекта в профессиональном сообществе.

Бехманн предостерегает от возможной предвзятости профессиональных экспертных сообществ, которые могут использоваться в качестве структур, лоббирующих те или иные экономические и политические выгоды. Ученый вводит термин «глобальное научнотехническое правительство экспертов», понимая его как транснациональную коалицию профессиональных экспертов. По этой причине обязательной составляющей социальной оценки техники, по мнению Бехмана, должно быть подключение ненаучных знаний - широкая общественная экспертиза, привлекающая независимые от лоббистских установок слои населения, которых в первую очередь касаются инновационные трансформации, а также общественные организации и специалистов из сферы политики и экономики.

Преодоление предвзятости экспертных оценок возможно в рамках вовлечения в процесс проектирования сетевых экспертных сообществ, работающих по принципам технологий коллективного интеллекта [26].

Заключение

В рамках анализа показано, что основания междисциплинарной природы лежат

глубоко в сущности проектирования и обнаруживаются в «вещевой», деятельностной и проблемной составляющих проекта.

В части проекта как материального артефакта необходимость применения междисциплинарных подходов диктуется усложнившейся комплексной структурой объекта и грандиозными масштабами, гибридными характеристиками, сочетающими элементы живого и искусственного, а также способностью самих артефактов выступать в качестве субъектов, способных по-разному влиять на общество и проявлять иногда противоречивый функционал в зависимости от контекста. Делается вывод, что создание подобных систем обязательно подразумевает этическую основу и привлечение гуманитарных и философских подходов.

Специфика проектирования как вида деятельности со сложной архитектурой разделения труда между междисциплинарными командами обнажает вопросы управления распределенной во времени и пространстве активностью участников проекта и организации эффективных интеракций. Решение данных проблем кроется в приоритете сетевого сотрудничества над вертикальными иерархиями, поддержании неформальных отношений и доверия.

Проблемный контекст проектирования предполагает с позиции прагматического подхода междисциплинарных взаимодействий для поиска неординарных решений и удовлетворения потребностей клиентов, что заключено в методологии дизайн-мышления. С точки зрения недопущения негативных последствий для окружающего мира и духовного мира человека как его составляющей проектирование требует всесторонней социальной оценки с этических позиций, а также организации взаимодействия с эпистемическими сообществами и широкими слоями заинтересованных сторон на основе принципов равенства, эмпатии, сотрудничества и уважения.

Таким образом, применение междисциплинарной методологии в про-

ектировании на различных уровнях становится необходимым условием, как реализуемости проекта и достижения прагматических целей его эффективности, так и основой этикогуманитарного подхода к созданию техники и обеспечения ее гармоничного сосуществования с человеком и природой.

Литература

- Craps M. (2019) Transdisciplinarity and Sustainable Development. In: Leal Filho W. (eds) Encyclopedia of Sustainability in Higher Education. Springer. Cham.
- 2. Horizon Europe. Programme Guide. Version 1.0. https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/docs/2021–2027/horizon/guidance/programme-guide_horizon_en.pdf
- Lindvig, K., Hillersdal, L. Strategically Unclear? Organising Interdisciplinarity in an Excellence Programme of Interdisciplinary Research in Denmark. Minerva 57, 23–46 (2019).
- Elwell M. (2019) Transdisciplinarity as a Core Value: The Richmond Institute for Design and Innovation. In: Chung W., Shin C. (eds) Advances in Interdisciplinary Practice in Industrial Design. AHFE 2018. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol 790. Springer, Cham.
- MacLeod, M. What makes interdisciplinarity difficult? Some consequences of domain specificity in interdisciplinary practice. Synthese 195, 697–720 (2018).
- Self, J.A., Evans, M., Jun, T. et al. Interdisciplinary: challenges and opportunities for design education. Int J Technol Des Educ 29, 843–876 (2019).
- Flipse, S.M., van der Sanden, M.C.A. & Osseweijer, P. Setting Up Spaces for Collaboration in Industry Between Researchers from the Natural and Social Sciences. Sci Eng Ethics 20, 7–22 (2014).
- 8. Vermaas P.E. (2015) Design Methodology and Engineering Design. In: Christensen S., Didier C., Jamison A.,

- Meganck M., Mitcham C., Newberry B. (eds) Engineering Identities, Epistemologies and Values. Philosophy of Engineering and Technology, vol 21. Springer, Cham.
- Guntzburger, Y., Pauchant, T.C. & Tanguy, P.A. Ethical Risk Management Education in Engineering: A Systematic Review. Sci Eng Ethics 23, 323–350 (2017).
- Kiran, A.H. Responsible Design. A Conceptual Look at Interdependent Design-Use Dynamics. Philos. Technol. 25, 179–198 (2012).
- Cenci, A., Cawthorne, D. Refining Value Sensitive Design: A (Capability-Based) Procedural Ethics Approach to Technological Design for Well-Being. Sci Eng Ethics 26, 2629–2662 (2020).
- 12. В. С. Стёпин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. Философия науки и техники. М., 1999. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 27.12.2010. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5348/5361
- П.Г. Щедровицкий, Лекция в бизнес-школе Сколково (16 апреля 2013 г.). Лекция «Проектирование и оргпроектированиев контексте увеличения глубины разделения труда» // YouTube. 31 июля 2013 (https://www.youtube.com/ watch?v=qxorh5uNYo0). Просмотрено 03.06.2021
- В. Г. Горохов: Эволюция инженерии: от простоты к сложности (в авторской редакции). М., Институт философии Российской Академии наук, 2015.
- А. В. Тонконогов. Кибернетическое общество как реальность XXI века // Закон и право. 2018. № 9. С. 23–26.
- 16. В. А. Лекторский. Цифровизация жизни как глобальный антропологический вызов // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб.: СПбГУП, 2019. 632 с.

- Pelton J.N., Singh I.B. (2019)
 Protecting Privacy from Internet
 Abuses in the Smart City. In: Smart
 Cities of Today and Tomorrow.
 Copernicus. Cham.
- Del Frate, L. Failure of Engineering Artifacts: A Life Cycle Approach. Sci Eng Ethics 19, 913–944 (2013). https://doi.org/10.1007/s11948-012-9360-0
- Heidegger, M. (1977). The question concerning technology. In Heidegger (Ed.), The question concerning technology and other essays (pp. 3–35). New York: Harper & Row.
- Latour B (2005) Reassembling the social: an introduction to actornetwork-theory. Oxford University Press, Oxford/New York
- 21. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., Издательство Школы культурной политики, 1994. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 20.02.2011. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/3961/3985
- 22. Глазычев В.Л. Методология проектирования. http://www.glazychev. ru/courses/lecture_metodology_ projecting.htm
- 23. О.И. Генисаретский Лекция «Философия проектирования» http://www.shkp.ru/lib/archive/second/2001–1/2
- 24. Ambrose D. (2017) Large-Scale Interdisciplinary Design Thinking for Dealing with Twenty-First Century Problems and Opportunities. In: Darbellay F., Moody Z., Lubart T. (eds) Creativity, Design Thinking and Interdisciplinarity. Creativity in the Twenty First Century. Springer, Singapore.
- 25. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М., 2010. 248 с.
- 26. Славин Б. Б., Славин А.Б. Организация сетевой общественной экспертизы на основе технологий коллективного интеллекта. Управленческие науки. 2018;8(2):106–114. DOI: 10.26794/2404–022X-2018–8–2–106–114

THE PROBLEMS OF INTERDISCIPLINARY INTEGRATION IN PROJECT ACTIVITY

Vasilieva O.I.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Interdisciplinarity is a frequently used term in various fields of activity. Meanwhile, there is a gap between the declared importance of interdisciplinarity and its real application in the scientific, academic, engineering field. The literature also notes that an obstacle to the organization of interdisciplinary activities in various fields is the vagueness of the concept of "interdisciplinarity" and the lack of a clear understanding by the actors. The article examines the foundations of the growing role of interdisciplinarity in design and barriers to interdisciplinary design in the context of philosophical analysis and a systems approach from the standpoint of three dimensions of design: project as an activity; project as a product; project as a problem. This will help to better understand the specifics of the methodology for organizing interdisciplinary projects, which in turn will increase the awareness of the actors of project activity. Such awareness will contribute to the cultivation of a culture of interdisciplinarity in the context of project activity, which supports the transition to a qualitatively new level of integration. It is concluded that the use of interdisciplinary methodology in design at various levels becomes a necessary condition for both the feasibility of the project and the achievement of pragmatic goals of its effectiveness, and the basis of an ethical and humanitarian approach to creating technology and ensuring its harmonious coexistence with man and nature.

Keywords: Interdisciplinarity of project activity, digital technoculture, network information society, subject interactions in project activity.

References

- Craps M. (2019) Transdisciplinarity and Sustainable Development. In: Leal Filho W. (eds) Encyclopedia of Sustainability in Higher Education. Springer, Cham.
- Horizon Europe. Programme Guide. Version 1.0. https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/docs/2021–2027/horizon/guidance/programme-guide_horizon_en.pdf
- Martí, I. Transformational Business Models, Grand Challenges, and Social Impact. J Bus Ethics 152, 965–976 (2018).

- Elwell M. (2019) Transdisciplinarity as a Core Value: The Richmond Institute for Design and Innovation. In: Chung W., Shin C. (eds) Advances in Interdisciplinary Practice in Industrial Design. AHFE 2018. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol 790. Springer, Cham.
- MacLeod, M. What makes interdisciplinarity difficult? Some consequences of domain specificity in interdisciplinary practice. Synthese 195, 697–720 (2018).
- Self, J.A., Evans, M., Jun, T. et al. Interdisciplinary: challenges and opportunities for design education. Int J Technol Des Educ 29, 843–876 (2019).
- Flipse, S.M., van der Sanden, M.C.A. & Osseweijer, P. Setting Up Spaces for Collaboration in Industry Between Researchers from the Natural and Social Sciences. Sci Eng Ethics 20, 7–22 (2014).
- Vermaas P.E. (2015) Design Methodology and Engineering Design. In: Christensen S., Didier C., Jamison A., Meganck M., Mitcham C., Newberry B. (eds) Engineering Identities, Epistemologies and Values. Philosophy of Engineering and Technology, vol 21. Springer, Cham.
- Guntzburger, Y., Pauchant, T.C. & Tanguy, P.A. Ethical Risk Management Education in Engineering: A Systematic Review. Sci Eng Ethics 23, 323–350 (2017).
- Kiran, A.H. Responsible Design. A Conceptual Look at Interdependent Design–Use Dynamics. Philos. Technol. 25, 179–198 (2012).
- Cenci, A., Cawthorne, D. Refining Value Sensitive Design: A (Capability-Based) Procedural Ethics Approach to Technological Design for Well-Being. Sci Eng Ethics 26, 2629–2662 (2020).
- Stepin V.S., Gorokhov V.G., Rozov M.A. Philosophy of science and technique. M. 1999 // Electronic publication.
 Center of humanitarian technologies. 27.12.2010. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5348/5361 (in Russian)
- 13. Shchedrovitskiy P.G. Lecture in Skolkovo Business-school (16.04.2013). Лекция "Design and organizational design in the context of increasing labor division" // YouTube. 31.07. 2013 (https://www.youtube.com/watch?v=qxorh5uNYo0). Просмотрено 03.06.2021 (in Russian)
- Gorokhov V.G.: Evolution of engineering: from simplicity to complexity (author version). – M., Institute of Philosophy of Rus-

- sian Academy of Sciences, 2015. (in Russian)
- Tonkonogov A.V. Cybernetic society as reality of XXI century // Law and Justice. 2018.
 № 9. P. 23–26.
- Lektorsky V.A. Digitalization of life as a global anthropological challenge // Plenary Session "Global Development: Challenges of Predictability and Manageability" // The 19th International Likhachov Scientific Conference 23–24 May 2019. https:// www.lihachev.ru/chten_eng/2019/reports/ 19.07.2021
- Pelton J.N., Singh I.B. (2019) Protecting Privacy from Internet Abuses in the Smart City.
 In: Smart Cities of Today and Tomorrow.
 Copernicus, Cham.
- Del Frate, L. Failure of Engineering Artifacts:
 A Life Cycle Approach. Sci Eng Ethics 19, 913–944 (2013). https://doi.org/10.1007/ s11948-012-9360-0
- Heidegger, M. (1977). The question concerning technology. In Heidegger (Ed.), The question concerning technology and other essays (pp. 3–35). New York: Harper & Row.
- Latour B (2005) Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory. Oxford University Press, Oxford/New York

- Shchedrovitskiy G.P. Selected Works. M., Publishing of the School of Cultural Policy, 1994 // Electronic publication: Center of Humanitarian Technologies. – 20.02.2011. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/3961/3985
- Glazychev V.L. Methodology of design. http://www.glazychev.ru/courses/lecture_metodology_projecting.htm 19.07.2021
- Genisaretskiy O.I. Lecture «Philosophy of design» http://www.shkp.ru/lib/archive/second/2001–1/2 19.07.2021
- 24. Ambrose D. (2017) Large-Scale Interdisciplinary Design Thinking for Dealing with Twenty-First Century Problems and Opportunities. In: Darbellay F., Moody Z., Lubart T. (eds) Creativity, Design Thinking and Interdisciplinarity. Creativity in the Twenty First Century. Springer, Singapore.
- Bekhmann G. Modern society: risk society, information society, society knowledge/ – M Lagos, 2010. – 248 p.
- Slavin B.B., Slavin A.B. Organizing network public expertise on the basis of collective intelligence technologies. Management Sciences. 2018; 8(2):106–114.

Представления о личности в творчестве русских мыслителей А.Я. Кожевникова и епископа Августина (Гуляницкого)

Сизинцев Павел Васильевич,

кандидат богословия, выпускник аспирантуры МПДА.

E-mail: sizinpash@yandex.ru

Статья посвящена анализу представлений о личности в творчестве русских мыслителей А.Я. Кожевникова и епископа Августина (Гуляницкого) с психолого-персоналистическим осмыслением всех элементов его произведений (с учетом привлеченных источников, рассматриваемых тенденций мышления, оценки применяемых им критериев, критического разбора его идей нравственности). Изучения взаимоотношений психологии и педагогики, задача личностно-психологического анализа поведения учеников школ, приемы умственной нагрузки на учащихся, разумная организация учебы были объектами серьезных размышлений. Анализируя воздействие на учащихся со стороны учителя, делался вывод о том, что косвенное воздействие учителя на ученика наиболее эффективно, и более способствует его обучаемости и успеваемости. Это вызвало внимание и огромный резонанс, для многочисленных исследований психологического направления. Особо исследовался феномен «бессознательной душевной жизни» человека. А также представления и чувства, стремления и действия, ощущения и восприятия, внимание и умозаключения. Отдельными аспектами его исследования были элементы человеческой личности - эстетика, нравственность, свобода воли. Такой подход был характерен и для других философов-психологов -И.А. Сикорского, П.Ф. Каптерева, благодаря чему в психологической науке получило признание понятие идеала развитой, гармонической личности.

Ключевые слова: Личность, общество, нравственность, философско-критический подход, человек, достоинство, психология, анализ, поведение, ученики, учитель, успеваемость.

К числу историков-социологов, оказавших влияние на русскую мысль XIX— XX века допустимо причислить профессора МГУ, председателя Московского общества невропатологов и психиатров, основателя Московской неврологической [4, 388] школы [5, 334] А.Я. Кожевникова (1836—1902). Окончив курс медицинского факультета (1858) МГУ, где стал (1865) доктором медицины, защитив диссертацию о прогрессивной двигательной атаксии, А.Я. Кожевников далее 3 года изучал за границей нервно-психические болезни.

Весной в 1869 году был избран Моуниверситетом СКОВСКИМ доцентом по нервным и душевным заболеваниям и с нового учебного года принялся читать лекции по предметам «психиатрия» и «нервные болезни». Тогда же ему доверили организацию кафедры и клиники нервных заболеваний, создание которых положило начало выделению в российской медицинской науке предмета «невропатология» в особую дисциплину. Потом (1871–1874) он стал заведующим на кафедре частной патологии и терапии как ординарный профессор (1873). И организовал (1901) «Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова». А.Я. Кожевников, по воспоминаниям своих современников, отличался «живым умом, пытливостью и любовью к труду». Он учился в период расцвета в Европе идей дарвинизма, занимаясь вопросами гистологии, патологической анатомии и физиологии в Вюрцбурге, Берлине, Мюнхене и Вене, а также проходил практику в Париже. И изучал связанность клеток коры мозжечка у человека с большими пирамидами коры головного мозга. Русский невролог систематически посещал многие психиатрические клиники европейских городов, наблюдая там душевнобольных пациентов и само ор-

ганизационное устройство психиатрических заведений.

Читая свои лекции в палатах московских клиник А.Я. Кожевников совмещал теорию для студентов с их практическими занятиями, а численность студентов, посещавших его курсы, доходила до нескольких сотен человек. В сами клиники попадали больные, страдающие не только прогрессивным параличом, но и острыми психозами. В их излечении русский невролог принимал самое живое участие, ибо его всегда интересовал живой человек, его физическое и душевное состояние, причины психической деформации его личности, включая анализ его способностей, общественных черт поведения и личных талантов. Этот врачебный опыт создал ему репутацию крупного психиатра, которого приглашали даже в качестве судебного эксперта «при случаях сомнительных душевных состояний» [7, 7], полагаясь как на его знания, так и на его интуицию. Под интуицией в данном контексте понимаются «нормальные, обычные способы восприятия и умозрения» человеком психического состояния другого человека. с последующей целью «дать положительное истолкование и метафизическому умозрению, и научному наблюдению и религиозному опыту». Интуиция полезна как «натуралистам, так и религиозным мистикам» [6, 113]. Благодаря ей сторонники мистицизма получают дополнительные аргументы защиты против упреков в том, что мистики существуют в жизненном пространстве собственной субъективноиллюзорной среды. А также в том, что мистическая созерцательность представляет собой внутреннее проникновение в метафизическую сферу высшего божественного мироздания. В кругозоре человеческого сознания и в безднах его подсознательного и глубинного бессознательного отражаются все грани социальной действительности, как особого уровня бытия. Иными словами, человеческое сознание объемлет не просто индивидуально-душевные состояния человека-субъекта, но и внешний мир посредством эмпирических переживаний в физической, социальной и культурно-духовной сферах. Налицо особое отношение связи человека и воспринимаемого им предмета, как раз и лежащее в основе функции сознания.

А.Я. Кожевников рассматривал аспекты «целостности человека, тесной взаимосвязи душевных и телесных свойств» человеческого «существа», останавливая внимание анализа «на ступенях и закономерностях развития и роста в процессе онтогенеза» [3, 425]. В определенном смысле слов его работа носила характер не только неврологически-психиатрических следований, но и философский. Имея в первую очередь ввиду, что «философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный мир» [12, 482]. А.Я. Кожевников, как прогрессивный, но глубоко православный человек своего времени прекрасно осознавал, что для полноценного процесса жизни имеет огромное значение «вера, символизирующая свободу личности». Ведь люди, попробовав яблоко с Древа знания добра и зла «потеряли связь с корнями жизни. Абсолютизация познания ведет к релятивизму и обесцениванию бытия жизни и личности» [11, 387]. Это в определенной степени ведет к индивидуализму, который «обособляет человека, отделяет его от всего остального» (М. Бубер).

Человек рассматривается в своей атомизированности» [10, 276]. Все эти философско-личностные обстоятельства учитывал в своей жизнедеятельности профессор-судебный эксперт. Первые 10 лет своей преподавательской деятельности он еженедельно консультировал больных и врачей Старо-Екатерининской больницы. И регулярно участвовал в совещаниях не только по нервно-психическим, но и по внутренним болезням человека. Изучая анатомический материал А.Я. Кожевников исследовал боковой амиотрофический склероз, нервы и мускулы продолговатого и спинного мозга. А исследования головного мозга позволили

успешно завершить его врачебную концепцию о пирамидальном пути в физиологическом отношениях на всем его протяжении, включая атрофию пирамидальных клеток в двигательной области коры [7, 9]. Во второй половине своей жизни ученый-невролог изучал алкогольный паралич и процессы эпилепсии. Его сообщение на публичном заседании Московского общества невропатологов и психиатров «Расстройство кровообращения под влияние душевных волнений», описывало случай выздоровления от сикоза, то есть от гнойничкового заболевания кожи. В основе развития сикоза находятся нейроэндокринные нарушения, которые изменяют чувствительность фолликулов. Изучив случай исцеления человека в Лурде (Франция) на базе огромного числа имевшихся документов, А.Я. Кожевников пришел к медицинским выводам причин «чудесного» исцеления человека. Но это повлекло в отношении его нелепые обвинения в религиозном неверии и попытке якобы с его стороны ставить под сомнение факт католического чуда. При этом в неверии его обвиняли представители российского православия и даже в отсутствии у него религиозности в принципе. Симптоматично, что реальная «вина» русского ученого заключалась лишь в том, что он в силу своей практической деятельности давно привык разграничивать категории и процессы неврологической науки от терминов и событий религиозного характера. Он был, говоря языком советских философа M.K. Мамардашвили И филолога А.И. Пятигорского «омерзительный наблюдатель», научный шпион, который в ходе своей работы следил за тем как человек думает. Причем, сам процесс думания как осуществления мыслительного акта, А.Я. Кожевников рассматривал на основании того, что человеком выражено в поведении и словах, написано в статье или сказано в межличностном разговоре, запомнено и зафиксировано в его памяти или документировано в наблюдениях за ним. Как опытный невролог и православный

человек, изнутри знающий душу, личность и природу, он понимал, что «дома. с детских лет в сознание ребенка входит ряд религиозных понятий и образов, когда ребенок наиболее впечатлителен, ибо его сознание словно чистый лист бумаги, на котором можно написать что угодно» [9, 436-438]. Например, по Н.О. Лосскому, в каждом уме новая система философии вырастает органически изнутри человека как проявление культурно-религиозного развития. В таком состоянии сознания в него успешно ложатся православные понятия, и нравственные ценности, библейские представления, которые формируют в нем не отвлеченные рассуждения а являются частью конкретно-реального бытия, в котором как живое личное Существо присутствует Сам Бог, олицетворяемый образом жизни и деятельностью богочеловека Иисуса Христа. При этом «речь идет не только о каких-то изменениях в поведении, и даже в нравственном отношении. Подразумеваются перемены онтологического характера, на уровне бытия» [8, 505]. Ученый крайне ценил в своих сотрудниках стремление к самостоятельной работе и любовь к своей специальности. Он создавал кружки и научные общества неврологов и психиатров в которых практиковался обмен мыслями по поводу работы, конкретных случаев исцеления, обсуждения научных российских и заграничных статей, серьезный анализ рефератов и своих печатных работ. Для него профессора и студенты составляли одну университетскую семью, жившую общим интересом, любовью к науке, идеалам добра и справедливости. Его ученики нему обращались (1894), подчеркивая, что не раз в будущем «когда мы выступим на практическую деятельность, в тяжкие минуты жизни ваша нравственная личность будет служить нам поддержкой на тяжелом и ответственном посту врача» [7, 27]. А.Я. Кожевников понимал душевный склад окружающих его людей, как и истинные пружины их психики, направляющие жизнедеятельность каждого человека.

благодаря этому качеству он славился справедливым и гуманным отношением с подчиненным. Он пытался создавать гармонию в общении с людьми, руководствуясь достижением наибольшей пользы для осуществляемого общего дела. Ибо им руководила любовь к истине, желание оказания помощи больным. Поэтому он стремился не обращать внимания на мелкие человеческие конфликты или проявления естественных слабостей в коллективах, призывая всех своих коллег к возвышенным целям бытия. Он учитывал и идеи А. Бергсона о взаимосвязи душевных процессов с телесными. Ибо раздраженность органов чувств и процессы физиологии, само-ощущаемые человеком в его центрах нервной системы, воспринимались А. Бергсоном в качестве стимулирования состояния человеческого «Я» для активизации восприятия и припоминания. Широко известно было беспристрастие А.Я. Кожевникова и строгая объективность в решениях любых вопросов. При всей его социальной доступности профессора по отношению к студентам и коллегам, он не терпел никакой фамильярности в обращении, умея даже выполняющих рутинную работу людей, настроить на высокую степень их личной ответственности за порученное им дело. Ибо воздействовал на людей прежде всего своим личным примером и сознательным чувством своего долга, человеколюбием, приветливостью и бескорыстием. Тратя на свою работу массу энергии и времени, А.Я. Кожевников не демонстрировал личные притязания на карьеру или власть авторитета. Его корректность создавала не чувство обиды у человека, а наоборот, желание исправления своих ошибок и стремление к дальнейшему совершенствованию в профессии. «Ум его господствовал над другими качествами души» [7, 29] и это было главным качеством выдающегося ученого. Он не возражал против той точки зрения, что познавательные акты человека и составляют комплекс его индивидуально-психических переживаний сознания в конкретный миг настоящего, текущего момента времени. Сам же предмет человеческого сознания способен иметь отношение к любой сфере бытия. Современником (1838-1892) А.Я. Кожевникова был епископ Екатеринославский и Таганрогский Августин (Гуляницкий), выпускник Полтавской (1859) духовной семинарии и Киевской (1863) духовной академии (далее – КДА), ставший магистром богословия. Литературнопублицистическая работа занимала его с времен студенчества и выражалась в печатании в сборнике «Воскресное чтение» глубоких нравоучительных рассуждений. Профессорская публицистика в КДА выразилась в череде статей по апологетическому и догматическому богословию, опубликованных в научном сборнике Совета Академии «Труды КДА». Как профессор и церковнослужитель архимандрит Августин выделялся высокими личными свойствами в проявлениях благородства, правдивости, прямоты в обращении, полным отсутствием заискивания и лизоблюдства перед вышестоящими чиновниками государственных служб и архиереями. Вступив в должность архипастыря, он продолжил нетерпимое отношение к лицемерию и любым проявлениям низкопоклонства и раболепства, запрещая своему духовенству даже в официальной документации «припадать к его стопам». Епископ славился своей проницательностью, остроумием и оригинальностью, но более всего - живым проповедническим даром и в части образного, нередко резкого по форме изложения своих мыслей стиля обращения с паствой, и в отношении своеобычного ораторского произношения. В его богословско-философских трудах понятие личного имело многочисленные смысловые коннотации и рефлексии. Преосвященный Августин (Гуляницкий), как ректор Литовской духовной поддерживал семинарии, научноисторический подход в богословских изысканиях и стремился досконально прояснить своим церковным читателям исследуемость явлений [1] как целостную категорию мышления. Его «Руко-

водство к основному богословию» (1876, 1904) представляло собой содержательно-лаконичный методологически-выверенный курс, из компиляции многих богословских и православно-апологетических сочинений, — первый полный учебник по данной дисциплине. Личностная терминология была представлена в нем такими рассуждениями:

 «в атеистах, при всем их отрицании личного Бога, требования религиозной жизни настолько сильно заявляют себя, что и они вынуждаются удовлетворять их, хотя и не надлежащим образом» [2],

При этом атеист Д. Дидро в личной переписке с Ф. Вольтером признавал, что «Туман, который помрачает во мне сознание бытия Божия, возникает обыкновенно в ночное время, а восход солнца всегда разгоняет его». И даже первобытному человеку, нельзя отказать в разуме и способности ощущать присутствие внутри себя «невидимого начала, присутствие» которого невозможно видеть и осязать, доступное собственному внутреннему опыту и сознанию в формах мышления, желаний, ощущений, как внутреннего опыта.

- «это сознание себя, как отдельной личности, отличной от тела, правдоподобнее объясняет происхождение понятия о духе, чем сны, ложные видения и пр.».
- «для религиозного человека Божество, есть не отвлеченный идеал нравственности или постулат ее, а действительно существующая живая личность, бытие которой он признает ради истины и ради самой несказанно высокой личности, а не ради подкрепления человеческой нравственности» [2].

Владыка Августин в данных текстовых фрагментах открыто именует единосущного Бога Пресвятой Троицы, абсолютно реально существующей для верующего человека живой Личностью. Тем самым он ставил себя в ряды сторонников христианского теизма, — религиозно-философского учения о существовании личного монотеистического Божества, создавшего мир и продол-

жающего в нем Свою божественную духовную активность. Как учил И.Г. Фихте-мл: «единственное соответствующее мировому порядку понятие есть внутренняя целесообразность. итог эмпирического миропонимания заставляет философское мышление составить понятие безусловной основы, полагающей цели, для характеристики которой у человека нет иных слов кроме совершенного мышления и воли, определяемой благом». Философский христианский теизм допускает возможность действительного познания Бога, считая его источником чувство. Способы познания при этом расходятся на мистический, непосредственно созерцаемого сверхчувственного и рациональный, изложенный в идеях русского философа В.Д. Кудрявцева-Платонова. Владыка Августин был убежден, что чем выше народ по образованию, тем совершеннее у него религия. Не говоря «уже об отдельных, личностях, и притом именно изучавших и более других знавших силы и законы природы, которые, чем больше узнавали природу, тем больше проникались благоговением к Творцу» [2]. Он критиковал идеи Л. Фейербаха о том, что все, что делается человеком, является эгоизмом, потому что, якобы, в поступках и желаниях, от физиологических и до нравственных, он всегда исходит из самого себя и никогда не сможет отойти от своего «Я», от своей личности. Но коли здравый смысл не дает все человеческие побуждения и акты видеть следствием его эгоистической природы и осуждаемой святоотеческим преданием «самости», то будет очевидно неверно считать плодом эгоизма и личностное стремление человека к небесному блаженству, равно как и все действия, безусловно направленные к достижению духовно-телесного состояния этого блаженства. «Если человек стремится к цели, для которой воззван к бытию, если он старается развить и усовершенствовать себя сообразно высшему призванию и назначению, то это еще не значит, что он эгоист». На основании этого, личностное свойство самоотвержения,

принимается как побуждение к действию человеком для обретения вечного блаженства, никоим образом не является эгоизмом.

- «если дух человека может находится в общении и взаимодействии с природою, несмотря на то, что она не однородна с ним, то тем более дух Божий может находиться в общении и взаимодействии с низшим, духом человеческим. Бог, как существо духовное и личное, может сообщить истины, а человек, может принять и усвоить сообщаемые ему истины» [2].
- «такую роль никогда не сможет выполнить внешняя природа. Она механична и безлична, потому не заключает в себе способности содействовать пробуждению и развитию личной, религиозно нравственной жизни в другом».

Данной системой логических рассуждений владыка манифестировал тот вывод, что Бог и человек как личные высшие существа (один в мире, другой в природе), находятся в постоянном боговдохновенном диалоге между собой, в процессе передачи и восприятия истин духовного бытия, ведущего человека к личностно-духовному спасению и обретению бессмертия. Заключительный вывод данного исследования подтверждается словами владыки о том, что «Бог даровал роду человеческому свое откровение чрез особых избранников, с ними Он входил в общение и живое, личное собеседование, а чрез них уже открывал Себя и Свою волю и прочим людям» [2].

Литература

- 1. Августин (Гуляницкий), архим, Сборник слов, поучений, бесед, речей и кратких благочестивых размышлений. Вильно: Типография И. Блюмовича,1893. 294 с.
- Августин (Гуляницкий), архим, Руководство к основному богословию. // О религии и Откровении вообще. – М: Университетская типография, 1904. – 348 с.
- 3. Ждан А.Н. История психологии: от Античности до наших дней. –

- М: Академический проект, 2018. 587 с.
- 4. Кожевников А.Я. Руководство к нервным болезням и психиатрия. М: Типография И.П. Малышева, 1883. 388 с.
- Кожевников А.Я. Курс нервных болезней. – М: Издание студенческой медицинской издательской комиссии, 1910. – 334 с.
- Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. – М: Русский путь, Викмо – М, 2008. – 398 с.
- 7. Рот В.К. Алексей Яковлевич Кожевников. Некролог. М: Типолитография И.Н. Кушнерев. 1902. 32 с.
- Лаут Э. прот. Современные православные мыслители: от «Добротолюбия» до нашего времени. – М: Паломник. 2020. – 620 с.
- Психология религии в России XIX начала XX века: коллективная монография. – М: ПСТГУ, 2019. – 536 с.
- Рябов П.В. Экзистенциализм. Возраст зрелости. М: Панглосс, 2019. – 368 с.
- 11. Рябов П.В. Экзистенциализм. Период становления. М: Панглосс, 2019. 463 с.
- 12. Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. СПб: Алетейя, 2020. 544 с.

TITLE OF THE ARTICLE: IDEAS ABOUT THE INDIVIDUAL IN THE WORK OF THE RUSSIAN THINKERS A.Y. KOZHEVNIKOV AND BISHOP AUGUSTINE (GULYANITSKY)

Sizintsev P.V.

Graduate of the graduate school of MPDA

The article is devoted to the analysis of the ideas about the personality in the works of the Russian thinkers A.Y. Kozhevnikov and Bishop Augustine (Gulyanitsky) with a psychological and personality understanding of all the elements of his works. (taking into account the sources involved, the considered tendencies of thinking, the evaluation of the criteria used by him, the critical analysis of his ideas of morality). Studies of the relationship between psychology and pedagogy, the task of personal and psychological analysis of the behavior of school students,

Социология №4 2021

methods of mental load on students, reasonable organization of study were the objects of serious reflection. Analyzing the impact on students from the teacher, it was concluded that the indirect impact of the teacher on the student is most effective, and more contributes to his learning and academic performance. This caused attention and a huge response, for numerous studies of the psychological direction. The phenomenon of the unconscious mental life of a person was particularly studied. As well as ideas and feelings, aspirations and actions, sensations and perceptions, attention and conclusions. Separate aspects of his research were the elements of the human personality-aesthetics, morality, and free will. This approach was also characteristic of other philosophers-psychologists -I.A. Sikorsky, P.F. Kapterev, thanks to which the concept of the ideal of a developed, harmonious personality was recognized in psychological sci-

Keywords: Personality, society, morality, philosophical and critical approach, person, dignity, psychology, analysis, behavior, students, teacher, academic performance.

References

 Augustine (Gulyanitsky), archim, Collection of words, teachings, conversations, speeches and short pious reflections. – Vilno: Printing house of I. Blumovich, 1893. – 294 p.

- Augustine (Gulyanitsky), Archimandrite, Guide to Basic Theology. // About religion and Revelation in general. – M: University Printing House, 1904. – 348 p.
- Zhdan A.N. History of Psychology: from Antiquity to the Present. M: Academic project, 2018. 587 p.
- Kozhevnikov A. Ya. Guide to Nervous Diseases and Psychiatry. M: Printing house I.P. Malysheva, 1883. – 388 p.
- Kozhevnikov A. Ya. The course of nervous diseases. – M: Publication of the student medical publishing commission, 1910. – 334 p.
- Lossky N.O. Memories. Life and the philosophical path. M: Russian way, Vikmo M, 2008. 398 p.
- Mouth V.K. Alexey Yakovlevich Kozhevnikov. Obituary. – M: Typolithography I.N. Kushnerev, 1902. – 32 p.
- Louth E. prot. Contemporary Orthodox thinkers: from "Philanthropy" to our time. – M: Pilgrim, 2020. – 620 p.
- Psychology of religion in Russia XIX early XX century: a collective monograph. M: PSTGU, 2019. 536 p.
- 10. Ryabov P.V. Existentialism. Age of maturity. M: Pangloss, 2019. 368 p.
- Ryabov P.V. Existentialism. Formation period. M: Pangloss, 2019. 463 p.
- 12. Philosophical projective dictionary. New terms and concepts. SPb: Aleteya, 2020. 544 p.

Философия избрания: онтологический аспект

Ионов Игорь Сергеевич,

аспирант, кафедра социально-культурной деятельности, культурологии и социологии, Тюменский государственный институт культуры E-mail: lonov.tmn@gmail.com

В статье анализируется философия избрания как новая философская концепция. Исследуются понятия составляющие определяющие сущность философии избрания. В результате работы показано, что на основе доктрин избрания и предопределения, разработанных христианскими теологами и философами, в первую очередь Аврелием Августином, Фомой Аквинским и Жаном Кальвином, в западной теологии и философии возникло особое мировоззрение избрания. В результате анализа их идей были выявлены виды и принципы избрания. В статье представлены ключевые онтологические аспекты философии избрания: каузальность и телеология. Рассмотрены супралапсарианские и инфралапсарианские взгляды на логический порядок Божественных постановлений (указов) об избрании и отвержении. Описаны позиции Карла Барта и Геррита Корнелиса Беркувера по вопросу лапсарианских споров. В заключении работы показано, что существует онтологическое единство причин и целей заключенное в Божественном избрании.

Ключевые слова: философия избрания, предопределение, избрание, августинизм, томизм, кальвинизм, онтология, каузальность, телеология, супралапсарианство и инфралапсарианство.

С целью исследования онтологического аспекта философии избрания, необходимо ответить на ряд важных предварительных вопросов «что есть философия избрания?» и «имеет ли вообще место философская концепция избрания?» Так как, «философия – это особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия...» [1, с. 1127] в этой работе сделан акцент на антропологической стороне избрания, что отличается от общепринятого теологического подхода, где акцент сделан на действии Бога. Выводя избрание из теологии и вводя его в философский дискурс, мы меняем фокус восприятия. Можно утверждать, что, философия избрания это особая форма познания мира через призму своей особой роли (избранность) и особая картина мира со своим взглядом на принципы и основы человеческого бытия.

Филсофия избрания – это взаимосвязанная система взглядов (концепция), выражающая определённый способ видения, понимания, трактовки явлений, процессов и концентрирующая внимание на идее избрания и предопределении как конструктивном принципе, реализующем определенный Божественный замысел (провидение) в человеческом бытии.

Идея «избрания» подразумевает дифференциацию людей, средств, целей и объектов, предусматривающую выделение одного из них по сравнению с остальными, хотя при этом не обязательна негативная оценка этих остальных. При «избрании» задействована также воля, помогающая принять решение, и выражается предпочтение, — тем самым человек пытается достичь желаемого. [2, с. 484]

«Избрание» (англ. «election» от лат. ēlēctio «выбор» и eligere «выбирать»), о котором здесь идет речь — это свободный акт божественного избрания, выбора и предопределения, и это устояв-

шееся понятие в западной философии и теологии, причиной появления которого является активное развитие доктрины божественного предопределения на Западе.

В основе идеи избрания лежат Библейские тексты, особенно Новозаветные послания апостола Павла, на основании которых и строилась идея избрания. Одним из таких текстов является отрывок из «Послания апостола Павла к Римлянам»: «Бог сказал это ещё до их рождения, потому что мальчик, которого Он избрал, был избран на основании того, что Бог решил избрать его во исполнение Своего намерения призвать именно его, а не на основании их поступков.» [3, с. 1130]

Выделяют пять видов избрания (которые отражены в Библии): избрание духовных созданий, избрание правителей, избрание народов, избрание Мессии (Иисус Христос), избрание людей – Бог предвечно избрал определенных людей к спасению. Идея избрания прослеживается во всех христианских конфессиях, но особое внимание этой доктрине уделяет реформатская традиция (кальвинизм). Избрание – это часть вечного Божественного произволения, и оно имеет центральное значение в сотериологии (учение о спасении): Избрание – неизменная цель Бога, когда до сотворения мира Он, из милосердия, в соответствии с добрыми намерениями воли Своей, избрал из всего человеческого рода (впавшего по собственной вине в грех) определенное число людей к искуплению во Христе. «Идея двойного предопределения – так же, отличительная черта реформатской теологии. Различается избрание и предопределение к гибели, так как не все люди избраны, некоторых Бог не почтил своим вечным избранием.» [2]

Кроме этого выделяется, шесть принципов избрания: 1) Избрание – это верховный предвечный Божественный промысел; 2) Избрание предопределено и входит в Божий замысел спасения, оно обусловлено падшей природой человека; 3) Избрание – это избрание «во Христе», Он есть основание из-

брания и спасения, оно предполагает спасение от греха; 4) Избрание предполагает спасение избранных и средства для этого (проповедь Евангелия); 5) Избрание (как и отвержение) индивидуально, личностно но при этом личное избрание к спасению совершалось вместе с избранием Израиля. 6) Заключительная цель избрания – прославление Бога. [2]

Бертран Рассел так описывает основную идею «философии избрания» в своей Истории западной философии: «благодаря свободной благодати Бога отдельные люди из числа тех, кто были крещены, избраны попасть на небо: они – избранники. Они попадают на небо не потому, что они добры – все мы совершенно погрязли в пороке и можем быть праведными лишь в той мере, в какой это позволяет нам Божья благодать, которой одаряются лишь избранники. Объяснить, почему одни спасены, а остальные прокляты - невозможно; этим человечество обязано немотивированному решению Бога» [6, с. 443–444] Рассел описывая развитие этой идеи упоминает в первую очередь Аврелия Августина, Фому Аквинского и отцов Реформации: Мартина Лютера и Жана Кальвина [6]. По этой причине можно говорить о философии избрания, как продолжении идей «августинизма», «томизма» и «кальвинизма» [7, с.88]. Эти идеи найдут свое развитие и в протестантской теологии, и в европейской философии, и повлияют на возникновение «протестантской этики», но особое влияние они окажут на англо-американскую философию [8]

Если подвести под вышесказанным промежуточные итоги, то можно сформулировать следующее определение: философия избрания (англ. philosophy of election) — комплекс философских идей и представлений (включая особую онтологическую модель); философское осмысление религиозных, политических, этических, социальных взглядов и др., сложившихся в западноевропейской христианской теологии, на основании доктрин избрания и предопределения ко спасению, сформулированных

Аврелием Августином, Фомой Аквинским, и Жаном Кальвином и получивших свое развитие в реформатском богословии и западной философии.

Исходя из рассмотренных понятий, можно говорить о разработке достаточно новой для российской философии концепции, «философии избрания», которая затрагивает основные онтологические основы и пытается дать на них свои ответы. По мнению Пивоварова, «Онтология (от греч. ontos - сущее, logos – учение) это учение о бытии, и является фундаментом любой классической философской системы», синоним метафизики «предметом которой является безусловное единое, мир как целое, вечность, бесконечность, свобода воли и т.п.». [9, с. 8] По мнению Юргена Хабермаса, всякая религия уже есть изначально «всеобъемлющая доктрина», она формирует картину мира в целом.

Онтологические аспекты философии избрания

Из всего спектра онтологических аспектов философии избрания, в представленном исследовании будут рассмотрены два основных аспекта:

Каузальный аспект (от лат. causa -«причина») - состоит в том, что Бог есть конечная причина («первопричина») происходящего, следовательно, Он есть конечная причина («первопричина») избрания. «Ибо все из Него, Им и к Нему» (Римлянам 11:36) написано в Послании апостола Павла к Римлянам, этому принципу следует христианская философия и по сей день. Бог есть Абсолютная Личность и как совершенно отделенное (трансцендентное) от творимого Им «из ничего» (ex nihilo) мира, бесконечное бытие. Но как мы говорили ранее, философия избрания делает акцент на антропологической стороне избрания, и его первопричинах. [9]

Для этого необходимо обратиться к Посланию апостола Павла к Ефесянам: «так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира» (Ефесянам 1:4) в этом отрывке мы видим, что решение об избрании было принято Богом «до создания мира», соответственно

до появления времени и пространства (Августин) и причина этого могла быть только в Нем самом. Эту идею выразил теолог XVI века, Жан Кальвин «Бог избрал нас до того, как мир начал свой путь, и мы должны приписать причину нашего спасения Его свободной добродетели; мы должны признаться, что Он не считал нас Своими детьми ни по каким заслугам; ибо нам нечего было рекомендовать в Его пользу. Следовательно, мы должны видеть причину и источник нашего спасения только в Нём и опираться на Него». [10, с.11] Богословы называют этот вечный совет заветом искупления. Бог-Отец возложил на Бога-Сына обвинение за свой избранный народ. Сын добровольно принял это обвинение, а именно, что он возьмется за их дело и умрет за них на кресте. Взамен Отец пообещал ему спасение всех избранных, избранных в вечности для вечной жизни в качестве его народа и невесты. «Доктрина избрания ссылается на эту установленную цель Бога во Христе как на причину нашего личного спасения.» [11, с.8]

И здесь следует обратить внимание на, так называемые «лапсарианские споры» или «споры о логическом порядке Божественных постановлений (указов)» которые происходили в реформатском богословии начиная с XVI века и ведутся до сих пор. Было предложено несколько противоположных позиций, все из которых имеют названия с латинским корнем «lapsus», означающим «падение».

Определим суть спора. Из терминов выше и ниже уже видно, что речь идет об отношении между предопределением и падением (лат. lapsus). Латинские слова, от которых произошло название спора, могут придавать ей довольно умозрительный вид; но они не могут помешать нам интересоваться глубочайшими мотивами этого противоречия. История этого спора ясно показывает, что речь идет о гораздо большем, чем простой вопрос о «логическом порядке».

Первоначально речь шла о разных интерпретациях отношения между пре-

допределением и грехопадением. Возник вопрос: «как согласно воле Божией могло иметь место грехопадение человека?» Были даны два разных ответа: Лютера, Цвингли и Кальвина, которые учили, что грехопадение заключалось в воле Бога, и Буллингера, который говорил только о предведении (лат. praescientia).

«В связи с этим возникли также различия в интерпретации отвержения. Согласно первому мнению, отвержение в конечном счете производится на основе благоволения Божия, а со второй точки зрения оно в основном связано с грехом (предведение греха, лат. praevisio peccati)» [5, с. 258-260] «Это, есть фундаментальное различие между «супра» и «инфра»... Буллингер, как представитель исходного взгляда инфралапсариев, рассматривал отвержение как акт Божией справедливости в отношении греха, так что последний предшествовал справедливости (justitia), явившейся на него ответом. Это показывает, что «на карту поставлено» именно соотношение между предопределением и падением. Но в то же время становится понятно, как в дальнейшем из этой несколько изменившейся изначальной постановки вопроса вырос весь спор. Ибо, когда он существовал в более общем понимании, концепция praescientia (предведения) не предполагала разрешения соотношений между Божественным советом и возникновением греха, при котором падение рассматривалось как часть воли Божией. Но в то же время логически встал вопрос о том, как это следует понимать, ибо сказанному априорно предшествовала предпосылка в виде доктрины, что Бог не был автором зла и что недопустимо даже думать о каком-либо предопределении ко злу. Как же следует интерпретировать то, что падение явилось частью Божия замысла? И было ли отвержение частью воли Божией как реакции на грех, или же оно априори не связано с грехом? Именно в связи с этими вопросами разница между «супра» и «инфра» получила аспект проблемы последовательности Божиих указов.» [5, с. 258–260]

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы:

Супралапсарианство (англ. Supralapsarianism) — это точка зрения, согласно которой Божьи указы об избрании и осуждении логически предшествовали указу грехопадения. Проблемой для супралапсарианства, в силу своей веры в то, что Бог создает избранных и нечестивых, является предположение или вывод о том, что на определенном уровне виновником греха является Бог (потому что Он создает грешников для осуждения).

Инфралапсарианство (англ. Infralapsarianism) - утверждает, что Божьи указы об избрании и осуждении логически следовали указу грнхопадения и учит, что все люди грешны по своей природе (из-за грехопадения), поэтому осуждены из-за своего собственного греха и что Бог предвидел, кого Он спасет от осуждения (по доброй воле). Инфралапсариане рассматривали грехопадение как повод для избрания и осуждения, выбирая одних из павших и проходя мимо других. В этой точке зрения есть намек на нарушение первоначального Божьего замысла или о частичной его реализации (см. рис. № 1).

На проблемы у каждой из точек зрения указывал и Карл Барт, его позицию Беркувер описал так: «признавая супралапсарианство, он указывает на опасность дуализма, а относительно инфралапсарианства – на опасность монизма» [5, с.258-260] но при этом Барт не держался в этом вопросе нейтралитета и разработал собственную концепцию избрания, которая во многом склоняется к супралапсарианству. По мнению Барта, сложность обеих позиций связана с их общей предпосылкой, акцентом на индивидуальном избрании и отвержении. Барт отделяет супралапсарианство от этой предпосылки, и учение об избрании понимается им в крайней степени христологически. в связи с первым указом Бога в Иисусе Христе, где Он становится фактическим Объектом предопределения. Евангелие для Барта – это предвечное избрание и «отвержение» Христа. [5]

Лапсарианские взгляды		
	Супралапсарианство	Инфралапсарианство
указ	Спасти одних и осудить других	
указ	Создать избранных и отверженных	Создать людей
указ	Допустить грехопадение (которым все заслуживают осуждения)	
указ		Спасти одних от осуждения и оставить осужден- ными других
указ	Спасение только избранным	

Рис. 1

Первыми, кто сформулировал супралапсарианскую точку зрения, были Теодор Беза и Джироламо Занчи, несколько более поздних кальвинистов. в частности те, на кого повлияла теология Безы, приняли супралапсарианство. В Англии влияние Безы ощущалось в Кембридже, где его придерживались Уильям Перкинс и Уильям Эймс, а также Франциск Гомарус в Нидерландах. В XX веке сторонники супралапсарианства включали Абрахама Кайпера, Германа Хуксема, Артура Пинка, Гордона Кларка, но исторически считается, что менее пяти процентов всех кальвинистов поддерживают супралапсарианство. Точка зрения инфралапсарианства, по-видимому, была поддержана на Дортском Синоде в 1618 году, в канонах говорится: «Прежде основания мира Бог милостиво избрал из падшего человечества определенное количество людей к покаянию во Христе, который является и Посредником и Главой всех избранных и основанием их спасения. Избранные заслуживают того по своей природе не больше чем другие, но Бог предназначил отдать их Христу. Бог призывает и приводит их Своим Словом и Духом. Бог дает им истинную веру, оправдание и освящение, Он удерживает их в общении со Своим Сыном и, наконец, прославляет их» [4] Но несмотря на это супралапсарианство никогда, официально, не было осуждено или признанно ложной позицией в реформатской (кальвинистской) среде, о чем говорят и Утрехтские решения 1908 года, запрещающие порицать тех кто придерживается супралапсарианской позиции.

Переходя ко второму аспекту онтологии избрания, проведем между ними определенную связь. Философия избрания утверждает, что «Бог не только сотворил вселенную, и является «первопричиной» всего сущего, но и управляет, и руководит всеми её элементами, включая плохие события и действия. «Бог управляет миром телеологически, то есть стремясь достичь определенной цели или целей.» [12, c. 125] Телеология (греч. telos – завершение, цель; греч. logos - учение) - учение о целесообразности как характеристике отдельных объектов или процессов и бытия в целом. Исходя из этого можно сказать что в философии избрания, «causa» избрания – это альфа, а «telos» избрания - это омега.

Телеологический аспект (от греч. тέλειος,- «заключительный») - состоит в том, что любое события имеют цель в реализации Божественного замысла, следовательно, заключительной («финальной») целью Его замысла является избрание. В метафизике Аристотеля идея целевой причины: телос виксируется как предназначение, а принцип конечных причин «causa finalis» играет значительную роль в философии Шоненгауера, Лотце, Гартмана, Бергсона. Телос, основополагающий принцип и в современном неотомизме, он конституирует провиденциалистскую модель исторического процесса. [1]

Телеология избрания — это учение о целесообразности, и в нашем случае телеология избрания не исключает теологический детерминизм, к которому приводит казуальность избрания, а дополняет его. Она утверждает, что воз-

никновение, существование, исчезновение вещей и свойств определяются не только причинами избрания, но и целями избрания, и наличие этих целей подтверждает внешнее целеполагание, а именно Божественную целеполагающую силу или Божий промысел. И отвечая на основной вопрос телеологии — для чего, ради какой цели совершается тот или иной процесс во вселенной, философия избрания отвечает — ради цели избрания.

Итак, подведем итоги под анализом онтологических аспектов философии избрания, а именно казуальностью и телеологией: если, по определению, всё, имеет причину, то должна быть конечная причина, причина всего, в том числе самой себя. Такая причина должна быть разумной, чтобы ставить цели, и это — есть Бог, который руководствуется в своих действиях Божественным замыслом избрания.

Эта мысль описана Фомой Аквинским в Сумме теологии: «Нам же должно утверждать, что божественному проведению подчинено все, не только в том, что является общим, но также и в своей индивидуальной «самости». В самом деле, коль скоро каждый действователь действует ради достижения цели, упорядочение следствий к цели простирается обуславливающая сила первого действователя. И если случается так, что в следствиях действователя происходит нечто, не имеющего никакого отношения к цели, то это только потому, что следствие обуславливается какой-то другой причиной и выходит за рамки намерений действователя. Но обуславливающая сила Бога, Который суть наипервейший действователь, простирается на все сущее, причем не только на видообразующие начала, но также и на начала индивидуализации; не только на вечное, но так же и на тленное. Следовательно, все, каким бы образом оно не имело свое бытие, непременно упорядочено Богом к некоторой цели; ведь сказал же апостол, что «существующие власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1).» [13, c.296-297]

Онтологическое единство причины и цели в данном исследовании обусловлено особым взглядом на идею избрания. Супралапсарианский взгляд на логический порядок Божественных постановлений доводит до логического конца поиск причины создания вселенной и цели истории, этой причиной и целью является спасение избранных.

Литература

- 1. Всемирная энциклопедия: Философия, глав науч ред Грицанов А.А. [Текст] / М.: АСТ, 2001–1312 с.
- 2. Теологический энциклопедический словарь, под редакцией Уолтера Элвелла [Текст] / Ассоциация «Духовное возрождение» ЕХБ М.: 2003. 1488 с.
- Библия: современный перевод (РСП) [Текст] / Можайск: «Библейская лига» – 2015
- Каноны Дортского Синода https:// www.reformed.org.ua/2/137/
- Berkouwer, G.C. Divine Election [Tekct]: / G.C. Berkouwer, – Grand Rapids, MI: Eerdmans. – 1960.
- 6. Рассел Б., История западной философии [Текст] Б. Рассел /Москва: Академический проект, 2009. 1008 с.
- 7. Мюррей Майкл, Рэй Майкл. Введение в философию религии [Текст]: / Москва: ББИ, 2010. 410 с.
- 8. Американская философия. Введение [Текст]: /Москва: Идея-Пресс, 2008. 576 с.
- 9. Пивоваров, Д.В. Онтология религии [Текст]: / Д.В. Пивоваров Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2009. 505 с.
- 10. Calvin John, The Mystery of Godliness [Текст]: / John Calvin – Morgan, PA: Soli Deo Gloria,– 1999
- 11. Phillips, R.D. What Are Election and Predestination? [Tekct]: / R.D. Phillips, Phillipsburg, NJ: P&R Publishing. 2006.
- Хелм П. Богословие Жана Кальвина для начинающих [Текст]: / П. Хелм – Минск: «Позитив – центр», 2016. – 224 с.

 Аквинский Фома, Сумма Теологии, часть 1 [Текст]: / Аквинский Фома – Санкт-Петербург: «Наука» РАН, 2002. – 560 с.

PHILOSOPHY OF ELECTION: ONTOLOGICAL ASPECT

Ionov I.S.

Tyumen State Institute of Culture

The article analyzes the philosophy of election as a new philosophical concept. The article examines the concepts that make up the essence of the philosophy of election. As a result of the work, it is shown that on the basis of the doctrines of election and predestination developed by Christian theologians and philosophers, primarily Aurelius Augustine, Thomas Aguinas and John Calvin, a special worldview of election arose in Western theology and philosophy. As a result of the analysis of their ideas, the types and principles of election were identified. The article presents the key ontological aspects of the philosophy of election: causality and teleology. The supralapsarian and infralapsarian views on the logical order of Divine decrees (decrees) on election and rejection are considered. The positions of Karl Barth and Gerrit Cornelis Berkouver on the issue of the Lapsarian disputes are described. In the conclusion of the work, it is shown that there is an ontological unity of causes and goals, which is contained in the Divine election.

Keywords: philosophy of election, predestination, election, Augustinianism, Thomism, Calvinism, ontology, causation, teleology, supralapsarianism and infraralapsarianism.

References

- World Encyclopedia: Philosophy, chapters of scientific ed. Gritsanov A.A. [Text] / M.: AST, 2001–1312 p.
- Evangelical Dictionary of Theology, edited by Walter A. Elwell [Text] / Association "Spiritual Revival" – M.: 2003. – 1488 p.
- The Bible: modern translation (RSP) [Text] / Mozhaisk: "Bible League" – 2015
- Canons of the Dort Synod, https://www.reformed.org.ua/2/137/
- Berkouwer, G.C. Divine Election [Text]: / G.C. Berkouwer, – Grand Rapids, MI: Eerdmans. – 1960.
- Russell B., History of Western Philosophy [Text] B. Russell / Moscow: Academic Project, 2009. – 1008 p.
- Murray Michael, Ray Michael. An Introduction to the Philosophy of Religion [Text]: / Moscow: BBI, 2010. – 410 p.
- American philosophy. Introduction [Text]: / Moscow: Idea-Press, 2008. – 576 p.
- Pivovarov, D.V. Ontology of religion [Text]: / D.V. Pivovarov – St. Petersburg: Vladimir Dal, 2009. – 505 p.
- Calvin John, The Mystery of Godliness [Text]: / John Calvin – Morgan, PA: Soli Deo Gloria, – 1999. – 212 p.
- Phillips, R.D. What Are Election and Predestination? [Text]: / R.D. Phillips, Phillipsburg, NJ: P&R Publishing. 2006. 32 p.
- Helm P. Calvin: A Guide for the Perplexed [Text]: / Paul Helm – Minsk: "Positive – Center", 2016. – 224 p.
- Aquinas Thomas, Summa Theology, part 1 [Text]: / Aquinas Thomas – St. Petersburg: "Science", 2002. – 560 p.

Концептуализация перфекционизма личности как социального феномена в период общественных трансформаций (на материале англоязычных научных исследований)

Филясова Юлия Анатольевна.

кандидат филологических наук, кафедра теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет E-mail: phill.yield@gmail.com

Перфекционизм личности - это стремление к достижению высоких целей, планирование и осуществление собственной жизнедеятельности по соответствующему сценарию. Положительный перфекционизм предполагает достижение поставленных целей; субъекты характеризуются как социально успешные личности и являются объектами социального подражания. Отрицательный перфекционизм представляет собой обратное явление - недостижение целей, сопровождающееся образованием ригидных когнитивных паттернов: субъекты попадают в исследовательское поле психологов, медицинских работников и социологов. Социальной причиной отрицательного перфекционизма личности являются сложсоциально-экономические в которых даже простые, обусловленные естественной социальной природой человека задачи становятся затруднительными для реализации, например, получение высшего образования или приобретение жилья. Социально-экономические барьеры создают условия для развития перфекционизма по непродуктивному сценарию. Чаще всего объектами изучения проблемных форм перфекционизма становятся слабые социальные группы – подростки, молодые взрослые, девушки, студенты и спортсмены. Однако перфекционизм все чаще изучают в организационной среде, которая предъявляет завышенные требования к работникам в ответ на сложные социально-экономические условия рынка. Отрицательный перфекционизм замедляет или вовсе консервирует удовлетворение базовых потребностей и приводит к изменению социальной структуры населе-

Ключевые слова: перфекционизм; молодежь; студенты; самоорганизация; мотивация; локус контроля; целеполагание; результативность; самореализация.

Актуальность социальных исследований перфекционизма личности обусловлена значительным влиянием личностных установок и порождаемых ими психологических состояний человека на социальное поведение личности и возникающие социальноэкономические процессы, происходящие под влиянием диссеминации перфекционизма, такие как тип семейных отношений, продолжительность и качество образования и трудовой деятельности, общественное распределение ресурсов, состав и социальное благополучие населения. Цель данной работы – выявить социальные аспекты концепта «перфекционизм» на основе анализа зарубежных исследований.

Общественные трансформации, происходившие на протяжении предыдущих тридцати лет в период интеграции нашей страны в мировое экономическое пространство, характеризуются следующими результирующими социальными параметрами: классовая стратификация, борьба за блага и ресурсы, борьба за самореализацию, отношения эксплуатации [6], низкий уророждаемости, маргинализация населения, неадекватность прозападных моделей рыночных реформ и заниженная роль государства в решении социально-экономических задач [4], в совокупности создающие социальную напряженность. В условиях снижения качества жизни, возможности населения в реализации намеченных жизненных целей и достижении субъективно воспринимаемого успеха существенно снижаются [9]. Эмоциональными императивами современного общества выступают перманентная подавленность, усталость, тревога, страх [15]. В информационном пространстве молодежи циркулируют идеи, создающие психо-

логические барьеры в отношении политики действующей власти, чувство тревожности, ощущение неспособности реализации собственных возможностей, деструктивный образ мышления, алармистские настроения [1].

Перфекционизм является важным вопросом общества, в котором центральную роль играет культ успеха и достижений [18]. Перфекционизм характеризует, в большей степени, молодое поколение из-за особенностей мотивации [17] и определяется как стремление к достижению высоких целей, положения в обществе, высокого уровня финансового дохода. В условиях трансформации общественных отношений большое значение приобретают профессиональная адаптация и формирование профессиональной идентичности молодежи. Особенностью социальных механизмов самореализации представителей молодого поколения являются саморегуляция и самоорганизация [8]. Поиск собственного места и социальной роли неизбежно приводит молодежь к необходимости собственного позиционирования в обществе, которое часто выполняется по принципу акцентирования определенной формы поведения, формирования соответствующего аттитюда и обретения личностной диспозиции, которые интерпретируются обществом как девиации социально принятых нормативных поведенческих паттернов [13]. Диссеминация семейных отношений также способствует развитию стремления к успеху у молодого поколения под влиянием родителей [14]. Перфекционизм с социальной позиции можно охарактеризовать как активную деятельность, инициируемую внутренними или внешними мотивационными факторами, направленную на удовлетворение потребностей высшего уровня - в самоактуализации и самореализации [16].

Образование, приобретающее ключевую ценность, и трудовая деятельность являются основными траекториями личностного роста, развития и формирования социально-классовой идентичности в условиях значительно-

го социального неравенства [10]. Неуспешная академическая деятельность [7] и незанятость [11] являются социальными маркерами неблагополучия молодежи. Одновременно, образование само по себе не является «социальным лифтом», поскольку оно интегрировано в многоуровневую социальную структуру: дополнительно необходимы высокая мотивация и проактивность для повышения собственного социального положения [12].

В обозначенных условиях труд, высокий заработок и самореализация приобретают основополагающую ценность [8]. Построение карьеры рассматривается как приоритетное направление развития личности молодежи - в отличие от создания семьи. Проблемной областью является акцент на развитии карьеры, который нарушает баланс времени и ресурсов человека между работой и личной жизнью [2]. Социально принятый традиционный патерналистский институт брака подвергается различным трансформациям, в результате которых развиваются вариативные паттерны брачного поведения, откладывается рождение детей [5]; это приводит к снижению демографических показателей, которые являются интегральными в отношении общественного развития и указывают на существующие проблемы социальноэкономического характера [3].

Материал и методика исследования

Изучение перфекционизма выполнялось в два этапа на материале данных англоязычной наукометрической реферативной базы [19].

На первом этапе материалом исследования послужили ключевые слова, составляющие высокоуровневое описание содержания концепта «перфекционизм», которые позволили выявить основные семантические области изучаемого явления на основе связей по значению. Общее число статей составило 4807, ключевых слов — 28157. Методами анализа были извлечение ключевых слов на основе принципа частотности и их классификация по смысловым категориям.

На втором этапе в качестве материала были изучены 500 названий научных статей, отобранных методом сплошной выборки по ключевому слову «перфекционизм» за период 2019-2021 гг. Методом исследования стал количественный и семантический контент-анализ смысловых компонентов названий статей, выполненный на основе синтаксических связей. Для целей исследования были выделены следующие группы словосочетаний: атрибутивные, предложные, сочинительные. В отдельную семантическую группу были отнесены практические методы изучения и способы преодоления перфекционизма.

Результаты

Анализ частотности ключевых слов на первом этапе исследования (см. числовые данные в скобках) подтвердил три основные области изучения перфекционизма: психологию, медицину и социологию. К психологическим аспектам относятся различные личностные характеристики (2742): Я-концепция, самооценка, личностные расстройства; деструктивные психологические состояния (4273), такие как депрессия, обсессивно-компульсивное расстройство, беспокойство, стресс, выгорание, аффект, импульсивность, страх, невроз, нарциссизм.

Медицинские случаи изучения перфекционизма включают расстройства пищеварения и отклонения индекса массы тела (2791), а также риски для здоровья, симптоматика и клиническое вмешательство (1853). Преодоление перфекционизма (1348) включает когнитивные методы коррекции личностных установок, аттитюда, формирования адаптационных и защитных психологических механизмов, разные формы поведенческой терапии. Значительная по численности категория ключевых слов посвящена методологии исследования перфекционизма (5906): количественным измерениям, статистическим отчетам, опросам, анализу кейсов.

Социальные характеристики перфекционизма представлены такими категориями как пол (3308), возраст

(3998), занятость (983) и другие (955): поведение, достижения, межличностные отношения, суицид, культура. Рассмотрим их более подробно.

Мужчины и женщины в равной степени подвержены перфекционизму, однако, согласно международным исследованиям, социальный статус и психология женщин в большей степени зависят от общественного мнения; женщины чаще полагаются на общественные правила и, следовательно, испытывают больше страха общественного осуждения, отчуждения и критики.

Подавляющее большинство населения, подверженного перфекционизму, составляют подростки. Причиной можно считать значительное влияние взрослых, в особенности, родителей. Перфекционизм подростков, согласно исследованиям, обусловлен чрезмерным вниманием родителей к ошибкам, которые допускают или потенциально могут совершить их дети, а не к фактическим достижениям. В некоторых случаях родительское влияние усугубляется демонстративным перфекционизмом самих родителей, которые стремятся доказать обществу свой высокий уровень выполнения воспитательных обязательств. Современная тенденция длительного проживания взрослых подростков с родителями после окончания средней школы часто объясняется экономическими причинами. Однако такая тенденция усиливает эффект перфекционизма, который вместе с другими семейными традициями становится семейной привычкой и правилом, определяясь в сознании молодежи как основной тренд их саморазвития.

Перфекционизм — это свойство, главным образом, характерное для студентов и спортсменов. Распространенность перфекционизма в академической среде объясняется стремлением молодежи качественно подготовиться к будущей профессиональной деятельности и занять высокое положение в обществе после получения диплома об образовании в условиях конкурентной рыночной среды. Другая причина перфекционизма — влияние негативно-

го прошлого учебного опыта на текущую учебную ситуацию. Ассоциативный трансфер в результате наложения прошлого и настоящего модусов времени вызывает беспокойство относительно прошлых неудачных шагов в обучении и порождает чрезмерное стремление к академическим усилиям для преодоления негативных эмоциональных переживаний и избегания повторения прошлого опыта.

Перфекционизм среди спортсменов, несомненно, объясняется конкуренцией за звание титула чемпиона, а также влиянием родителей и тренеров, которые могут усиливать или, наоборот, ослаблять перфекционизм спортсменов. Субъективными факторами перфекционизма являются внутренние когнитивные установки и психологические состояния, например, чувство страха недовыполнения программы, выгорание, отрицательные эмоции, непродуктивные отношения с окружающими, чрезмерные тренировки, приносящие вред здоровью, склонность к употреблению допинга. Социальное благополучие, физическое и умственное здоровье спортсменов имеет ключевое значение не только для текущей профессиональной деятельности, но и для будущей жизни после окончания спортивной карьеры.

Другие проявления перфекционизма возникают в результате социально предписанного типа и ориентации индивида на ценности и установки окружающих. Социальные формы перфекционизма характеризуются стремлением к достижению целей и, как правило, проявляются в социально-трудовых отношениях в организационной среде, предполагающей решение социально значимых задач. Перфекционизм проявляется в виде крайне выраженной лояльности организации, высокой результативности деятельности и значительных личностных усилиях по достижению поставленных целей. Перфекционизм формирует социальное поведение, ориентированное на достижение значимого результата. Достижение цели способствует развитию позитивного мышления, положительного эмоционального фона, чувства важности собственной личности по отношению к обществу. Перфекционизм позволяет преодолевать низкую самооценку, подавлять самокритику и осознавать собственную социальную значимость.

Негативные проявления перфекционизма, такие как социальная дезадаптация, социальные фобии, поведение избегания, неконструктивные межличностные отношения, склонность к суициду, объясняются чрезмерно высокими социальными ожиданиями ближнего и дальнего окружения, а также личными ожиданиями высокой социальной оценки деятельности и достижений индивида. Перфекционистский тип мышления создает риск развития суицидальных настроений из-за страха социального порицания и игнорирования.

Общая семантическая классификация ключевых слов была дополнительно рассмотрена на материале пятисот названий статей в ходе второго этапа *исследования*. Анализ атрибутивных словосочетаний показывает, что перфекционизм рассматривают в большей степени как отрицательное явление. Около половины ключевых слов можно отнести к категории перфекционизма, ориентированного на социальные нормы и межличностные взаимоотношения: позитивный, адаптивный, негативный, неадаптивный, деконструктивный, дисфункциональный, противоречивый, антитетический, нездоровый, клинический, больной, самокритичный, ориентированный на себя, ориентированный на других, социально предписанный, межличностный, диспозиционный, личностный, фактический, нормативный, моральный, прагматический, многомерный, многосторонний, смешанный, несовершенный, прогностический, суровый, умеренный, физический, телесный, предпубертатный, детский, ориентированный на родителей, родительский, ориентированный на детей, ориентированный на супруга, взрослый, интеллектуальный, когнитивный, ситуативный, академический, аспирантский, научный, учебный, преподавательский, метафизический, религиозный, конфу-

Социология №4 2021

цианский, государственный, политический, либеральный, аболиционистский, ориентированный на защиту прав человека, исполнительский, лидерский, клиентский, романтический, сексуальный, растущий, расширяющийся, немецкий, античный, анти-перфекционистский, неперфекционистский.

В ряде словосочетаний «перфекционизм» занимал атрибутивную позицию: перфекционистские классы, уровни, шкалы, измерения; идеи и когнитивные установки, свойства, усилия, противоречия и парадоксы, этика и мораль.

Предложные словосочетания можно разделить на такие подгруппы как модели и портреты, измерение и оценка, развитие, влияние и роль, внутренние ощущения и переживания перфекционизма, перфекционизм у студентов, спортсменов, подростков, взрослых, пациентов, женщин (Рис. 1).

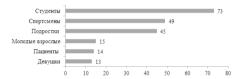

Рис. 1. Перфекционизм среди разных групп населения

Анализ англоязычных исследований показывает, что изучение перфекционизма выполняется в контексте сопоставления его с такими явлениями как стресс, депрессия, волнение, обсессивно-компульсивное расстройство, выгорание, аффект, привязанность, страх, копинг-стратегии, суицидальные настроения, различные социальные аспекты, родительское влияние, учебная деятельность, нарушения сна, интеллектуальные способности, мышление и когнитивные модели.

Достаточно многочисленны исследования перфекционизма, посвященные проблемам внешности и собственного тела, связанным с питанием — булимия, анорексия, избыточный вес, физические упражнения и поддержание нормального веса. Тело и физическая форма человека приобретают большое значение в контексте перфекционизма, поскольку в погоне за высокими целями базовые потребности остаются неудовлетворенными.

Около половины всех явлений (44%) относятся к категории психологических, 37% — к социальным, и 19% — к области медицины (Рис. 2).

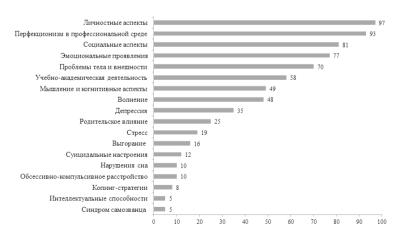

Рис. 2. Связь перфекционизма с социально-личностными явлениями

Методологическая база изучения перфекционизма включает разработку подходов (личностно-ориентированных,

динамических, реляционных) построение моделей (медиативных, социально разобщенных, аналитических, фак-

торных, моделирование структурными уравнениями), разработка шкал (лонгитюдных, инвариантных, измерительных, многомерных, основанных на самонаблюдении), проведение исследований (корреляционных, компаративных, лонгитюдных, международных, полевых, дневниковых, междисциплинарных), изучение терапевтических практик (когнитивно-поведенческих, терапии принятия и ответственности),

проведение анализа (мета-анализа, концептуальных, эмпирических, факторных, с задержкой во времени, психометрических, в социальных сетях, когортных, количественных, качественных, автоматизированных, групповых), выполнение измерений и оценок (кросс-культурных, групповых, ретроспективных, случайных, контролируемых, когнитивных) (Рис. 3).

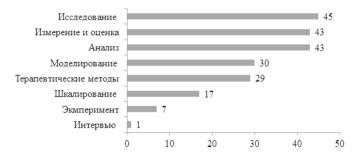

Рис. 3. Методы изучения перфекционизма

В отдельную группу можно выделить перфекционизм в организационной среде, который ассоциируется с внутренней профессиональной мотивацией, деловой этикой, моральнонравственным отношением к работе, достижением целей и профессиональным развитием, активной личной позицией в отношении карьерного роста и социальным благополучием. Однако благополучие не является самоцелью. На личностном уровне перфекционизм означает достижение тех целей, которые соответствуют гендерным, возрастным, социальным, экономическим, культурным потребностям индивида. На уровне организации перфекционизм предполагает справедливое отношение к работникам, реализацию целей, которые способствуют личностному развитию сотрудников, понимание возможностей индивидов и их способностей к решению задач, успешную социальную интеграцию и адаптацию работников к организационной среде, расширение социальных связей и профессиональный рост. Работникиперфекционисты с готовностью посвя-

щают себя выстраиванию карьерных траекторий, получают удовлетворение от успешной карьеры и отличаются высокой лояльностью организации, в которой они работают. Индивидуумам с низким уровнем социальной адаптивности подходят должности со значительной долей автономии и ответственности.

В условиях строгих ограничений и низкой социальной ответственности администрации организации, перфекционизм личности является стрессогенным фактором, поскольку не допускает незавершенности дел, нечеткости должностных функций, двойных стандартов, несправедливости, этому приводит к выгоранию и проблемам со здоровьем. В отношениях с коллегами перфекционисты проявляют жесткость, ориентируясь на необходимость выполнения организационных задач. Перфекционисты-лидеры склонны к повышенной критичности, импульсивности и проявлению агрессии по отношению к подчиненным, часто обусловленной высокой самооценкой. Следует отметить, что взаимодей-

ствие с перфекционистами в деловой среде благоприятно для индивидуумов с внутренним локусом контроля и внутренней мотивацией: они получают возможность профессионального развития, в отличие от коллег с внешней мотивацией, которые испытывают негативные психологические последствия.

Управление работниками-перфекционистами приводит к серьезным результатам, когда для них создают условия преодоления недостатков посредством решения организационно значимых задач. Эффективность управлеработниками-перфекционистами также зависит от типа перфекционизма: перфекционисты, ориентированные на себя, проявляют значительные усилия в решении социально значимых задач и достигают качественно более высокого уровня результативности. Перфекционизм, ориентированный на других, является психологически уязвимым типом и проявляется в виде прокрастинации, нерешительности, выгорания, депрессии, иррациональном поведении, нарушениях деловой этики, например, использование допинга в спорте, и низкой результативности деятельности. Негативные формы проявления перфекционизма требуют профессиональной помощи и коррекции для повышения трудоспособности.

Заключение

Перфекционизм - сосредоточение внимания личности на высоких целях и подчинение им сознательной деятельности главным образом, молодежи. В современных условиях затяжного экономического кризиса и прогрессирующих процессов социально-классовой дифференциации населения перфекционизм личности как социальное явление связан с затруднениями в достижении целей, связанных с реализацией потребностей высшего уровня - самоактуализации и самореализации - и замедлением витальной активности, удовлетворяющей биологические и социальные потребности. Молодежь под влиянием высоких ожиданий родителей и социального окружения затрачивает большое количество временных и человеческих ресурсов на формирование собственной профессиональной и социально-классовой идентичности. Негативным влиянием перфекционизма вызваны чрезмерное увеличение или, напротив, снижение массы тела, появление психических нарушений и суицидальных настроений у подростков и молодых взрослых, социальное дистанцирование и отчужденность, увеличение продолжительности обучения и откладывание планирования и создания семьи, девиации паттернов брачного поведения. социальные преобразования образа семьи, сокращение численности молодого населения.

Перфекционизм личности как многомерное когнитивное образование является предметом исследования не только психологов, но также социологов и врачей, поскольку перфекционистский образ мышления имеет результирующее влияние на социальное поведение и биологическое состояние человека. В психологии перфекционизм чаще всего рассматривается как отрицательная характеристика личности, требующая терапевтического вмешательства. В медицине исследователи сталкиваются с нарушениями пищеварения и ментальными расстройствами. Однако в социологии существуют разные понимания перфекционизма не только с отрицательной, но и с положительной стороны.

Перфекционизм как социально положительный феномен возможен при благоприятном социальноэкономическом климате, реально существующих социальных возможностях роста и развития личности, высоком морально-нравственном уровне общественного сознания. Положительный перфекционизм означает стремление к достижению целей под влиянием внутренней мотивации, понимание собственных способностей и сфер их практического применения. В условиях социальной неопределенности и постоянных перемен, включая смену ценностей и технологиче-

ские инновации, реализация положительного сценария перфекционизма возможна только для ограниченного круга лиц, имеющих достаточные ресурсы для удовлетворения базовых биологических и социальных потребностей.

Перфекционизм как социально негативное явление проявляется в условиях снижения экономической активности, быстрой инфляции, потери доходов и маргинализации населения. Стремление к достижению высоких целей сталкивается с социальными барьерами и осознанием невозможности реализации намеченных жизненных планов. Социально-экономические барьеры создают условия для появления негативных эмоциональных состояний. психосоматических нарушений. асоциального поведения личности. Деструктивные когнитивные паттерны порождают разнообразные асоциальные модели поведения, нацеленные на саморазрушение и социальное отчуждение индивидов, избегание деятельности и пассивное существование, сознательное нарушение моральноэтических норм и традиционных общественных правил. Положительный перфекционизм ассоциируется с внутренней мотивацией и внутренним локусом контроля; отрицательный перфекционизм - с внешней мотивацией и внешним локусом контроля. Наиболее уязвимыми считаются индивиды с социально предписанным типом перфекционизма, которые стремятся реализовать цели, формируемые внешними - политическими, социальными, экономическими, технологическими, профессиональными – условиями.

Литература

- Адамьянц Т.З. Смысловые барьеры в процессах социальной адаптации современной молодежи // Социологическая наука и социальная практика. 2020. № 2. С. 54–68. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7303
- 2. Бочаров В.Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий тру-

- дового поведения рабочей молодежи // Социально-трудовые исследования. 2020. Т. 39. № 2. С. 113–129. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129
- Волгин Н.А. Ключевой показатель состояния страны и его демографические факторы роста // Социально-трудовые исследования. 2020. Т. 40. № 3. С. 5–7.
- Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 232–242. DOI: 10.31857/S0869587320030068
- Гурко Т.А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021.
 № 5. С. 58–69. DOI: 10.31857/S013216250014117-1
- 6. Давыдов Д.А. Посткапитализм и классовая трансформация в современном обществе: от классаосвободителя к новому антагонизму? // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250014309–2
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Риски образовательной неуспешности учащейся молодежи // Социологический журнал. 2020.
 № 2. С. 60–81. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7265
- Зубок Ю.А., Чупров В.И., Сорокин О.В. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2021. Т. 0. № S. С. 38–59. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.3
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Реализация жизненных целей: субъективные оценки // Россия реформирующаяся. 2020. Т. 18. С. 179–201. DOI: 10.19181/ezheg.2020.8179
- 10. Мареева С.В. Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // Вестник Института социологии. 2020. № 3. С. 78–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664
- 11. Михайлов С.Г. Процесс воспитания молодежи в условиях современ-

- ных общественных трансформаций // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследования. 2021. № 2. С. 60–65. DOI: 10.51692/1994–3776 2021 2 60
- 12. Попова Е.С. О теоретикометодологических аспектах изучения влияния профессионального образования на социальную стратификацию // Вестник Института социологии. 2020. № 3. С. 14–27. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.660
- Потемкин В.К. Молодежь в системе современных общественных отношений // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 2. С. 270–276.
- 14. Потемкин В.К., Филясова Ю.А. Диссеминация внутрисемейных отношений как фактор развития перфекционизма личности // Социология. 2021. № 3. С. 141–147. DOI: 10.24412/1812-9226-2021-3-141-147
- 15. Симонова О.А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. 2021. № 2. С. 25–45. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8084
- Филясова Ю.А. Перфекционизм как тип социального поведения личности // Социология. 2021. № 1. С. 46– 55. DOI: 10.24411/1812-9226-2021-00001
- 17. Харченко В.С. Мотивация и мотивационные профили сотрудников современных организаций // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 1. С. 156–171. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7879
- 18. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Цацулин Т.О. Динамика показателей перфекционизма и симптомов эмоционального неблагополучия в российской студенческой популяции за последние десять лет: когортное исследование // Культурноисторическая психология. 2019. Т. 14. № 3. С. 41–50. DOI: 10.177759/ chp.2019150305
- 19. Scopus. URL: http://www.scopus.org (дата обращения: 16.07.2021)

CONCEPTUALIZATION OF PERSONAL PERFECTIONISM AS A SOCIAL PHENOMENON UNDER SOCIETAL TRANSFORMATIONS (EVIDENCE FROM RESEARCH PAPERS IN ENGLISH)

Filyasova Yu.A.

Saint-Petersburg State University of Economics

Personal perfectionism is an aspiration to achieve ambitious goals, planning and realization of personal life activities according to a certain scenario. Positive perfectionism implies reaching those goals: the subjects are characterized as socially successful personalities and become social role models. Negative perfectionism is an opposite phenomenon which means missing those goals and underachievement accompanied by developing rigid cognitive patterns; the subjects fall under the spotlight of research analysis in psychology, medicine, and sociological studies. Social causes of negative personal perfectionism include a difficult social and economic environment, under these circumstances achieving even fundamental socially driven goals becomes a challenge, for example, receiving higher education or house buying. Social and economic barriers generate conditions for developing unproductive perfectionism. Most frequently, weak social groups - adolescents, young adults, young women, students and athletes - become objects of studying problemplagued forms of perfectionism. However, perfectionism is becoming a more frequently occurring phenomenon in an organizational environment which sets high standards to employees in response to highly competitive social and economic market conditions. Negative perfectionism hampers or completely inactivates meeting fundamental personal needs and results in changes in social population structure.

Keywords: perfectionism; adolescents; students; self-management; motivation; locus of control; goal-setting; performance; self-actualization.

References

- Adamyants T.Z. Barriers of meaning in the processes of social adaptation of modern youth // Sociological Science and Social Practice. 2020. No. 2. P. 54–68. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7303 (In Russ.)
- Bocharov V.YU. The concept of work-life balance as the basis for a typology of strategies for labor behavior of working youth //

- Social and Labor Research. 2020. Vol. 39. No. 2. P. 113–129. DOI: 10.34022/2658–3712-2020-39-2-113-129 (In Russ.)
- Volgin N.A. Country key indicator and its demographic factors of growth. // Social and Labor Research. 2020. Vol. 40. No. 3. P. 5–7. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. Russian society in the sociological dimension // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 90. No. 3. P. 232–242. DOI: 10.31857/S0869587320030068 (In Russ.)
- Gurko T.A. Evolution and transformation of the institution of marriage: analysis of empirical indicators // Sociological Studies. 2021. No. 5. P. 58–69. DOI: 10.31857/ S013216250014117-1 (In Russ.)
- Davydov D.A. Pest-capitalism and class transformation in modern society: from a liberation class to a new antagonism. // Sociological Studies. 2021. No. 6. P. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250014309–2 (In Russ.)
- Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Risks of educational failure for studying youth // Sociological Journal. 2020. No. 2. P. 60–81. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7265 (In Russ.)
- Zubok YU.A., Chuprov V.I., Sorokin O.V. Meanings in self-regulation of young people's life: gender differences in the labor sphere // Woman in Russian society. 2021. Vol. 0. No. S. P. 38–59. DOI: 10.21064/ WinRS.2021.0.3 (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Fulfilling goals: subjective evaluation // Russia under Reform. 2020. Vol. 18. P. 179–201. DOI: 10.19181/ezheg.2020.8179 (In Russ.)
- Mareeva S.V. Monetary inequality in the sociological dimension // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. No. 3. P. 78–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664 (In Russ.)
- Mikhailov S.G. The process of upbringing young in the conditions of modern so-

- cial transformations // Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. 2021. No. 2. P. 60–65. DOI: 10.51692/1994-3776 2021 2 60 (In Russ.)
- Popova E.S. On the theoretical-methodological aspects of studying the influence of professional education on social stratification // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. No. 3. C. 14–27. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.660
- Potemkin V.K. The young people in the current system of social relations // Journal of Legal and Economic Studies. 2018. No. 2. P. 270–276.
- Potemkin V. K., Filyasova Yu.A. Intra-family relations dissemination as a factor of personal perfectionism development // Sociology. 2021. No. 3. P. 141–147. DOI: 10.24412/1812-9226-2021-3-141-147
- Simonova O.A. Emotional imperatives of late modern society and their possible social consequences // Sociological Journal. 2021. No. 2. P. 25–45. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8084
- Filyasova Yu.A. Perfectionism as a personal type of social behavior // Sociology. 2021.
 No. 1. P. 46–55. DOI: 10.24411/1812-9226-2021-00001
- Kharchenko V.S. Motivation and motivation profiles of the employees in a modern organization // Sociological Science and Social Practice. 2021. No. 1. P. 156–171. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7879
- Kholmogorova A.B., Garanyan N.G., Tsatsulin T.O. Dynamics of indication of perfectionism and symptoms of emotional distress in the Russian student population over the past ten years: cohort study // Cultural-Historical Psychology. 2019. Vol. 14. No. 3. C. 41–50. DOI: 10.177759/chp.2019150305
- Scopus. URL: http://www.scopus.org (accessed: 16.07.2021)

Социология №4 2021

TABLE OF CONTENTS

I TEURT AND WEITUDULUGT	Zapyantsev A.A. Analysis of the social	
Anosov S.S. Trust in the formation of social	situation and prospects for the development	475
consolidation of society5	of cities in the arctic zone of Russia	1/5
Ardashev R.G. Religiosity of virtual space in	Igumnov O.A. Russian organizations social capital management: sociological aspects	101
a pandemic society: features		101
of consciousness20	Kombaev A.V. Regional problems of internal	
Kravchenko A.I. M. Granovetter's theory for	and international migration (based on the	101
urban sociology27	materials of the Republic of Buryatia)	191
Latysheva N.A. Deconstruction of the nation	Romanova A.V. Informal resources of social	400
state: from symbolic to factual44	support family with many children	196
EMPIRICAL STUDIES	Chumak E.V. Tasks of migration management in the Russian Federation	206
Dekhanova N.G., Sushko V.A. Public spaces	Yakovleva O.I. Influence of the quality of	200
in the new capital infrastructure	training on the professional socialization of	
Zhuravleva I.A. Assessment of the	The Russian EMERCOM Academy of State	
development of state educational policy	Fire Service cadets	21/
(expert analysis)		۷۱٦
Zavarzina Yu.V. Image of the territory	SOCIOLOGY OF CULTURE	
through the prism of socio-cultural	Lagutin Yu.V. Consideration of research	
communications75	areas of orientation: analysis of aspects	
Ivanov R.V. Mobilizing solidarity during	of interaction of megalopolis residents	
a pandemic92	with the changed social environment and	
Mekhrishvili L.L. Tkacheva N.A. Socio-	determination of vectors of social changes	220
political attitudes of the family population in	Sheremet A.N. Social theater as a way to	
the regional space106	overcome social exclusion	227
Moskvitina N.V. Digital transformation of	THEORY AND HISTORY OF CULTURE.	
public administration	PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY.	
Polyushkevich O.A. Prosocial practices	PHILOSOPHY OF CULTURE	
in a provincial city: creativity and profane	Basmanov A.V. Features of the genesis of	
public space	the Latin American philosophy of liberation:	
Farakhutdinov Sh.F., Ustinova O.V. The	the formation of an original philosophical	
evolution of the institution of marriage and	consciousness	236
public opinion	Vasilieva O.I. The problems of	200
Potapova L.V. To the subject of truth in	interdisciplinary integration in project	
(prosecutorial) science and various formats	activity	2/1
of scientific communication as ways of	Sizintsev P.V. Title of the article: Ideas about	۱ ۳.
comprehending it146	the Individual in the Work of the Russian	
ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF	Thinkers A.Y. Kozhevnikov and Bishop	
MANAGEMENT	Augustine (Gulyanitsky)	252
Arefyeva A.D. Charitable organizations as		
a subject of social support151	SOCIAL PHILOSOPHY	
Wang Jiangang. Fighting poverty in China:	Ionov I.S. Philosophy of election: ontological	
experience and prospects156	aspect	259
Potemkin V.K., Velmisova D.V. Interrelations	Filyasova Yu.A. Conceptualization of	
of terminal and instrumental value-	personal perfectionism as a social	
motivational meanings in the activities of	phenomenon under societal transformations	
employees165	(evidence from research papers in English)	266

